

«Служба – дни и ночи» – это сборник, в который вошли повести, посвященные жизни и деятельности советской милиции, ее трудным и тревожным будням. Писатель очень хорошо понимает человека, его характер, разбирается в обстоятельствах, которые могли толкнуть его на определенные действия и привести к падению, ему интересна и не безразлична сложная судьба героев. Книги Н.И. Чергинца увлекательны и познавательны. Они помогут читателю лучше понять всю красоту честной, хорошо осмысленной жизни и привить ему нравственные принципы.

Выпуск книги посвящен 100-летию белорусской милиции.

ISBN 978-985-18-3929-8

9 789851 839298

Чергинец Н.И.
СЛУЖБА – ДНИ И НОЧИ

Чергинец Н.И. СЛУЖБА – ДНИ И НОЧИ

Чергинец Н.И.
**СЛУЖБА –
ДНИ И НОЧИ**

100 ЛЕТ
БЕЛОРУССКОЙ МИЛИЦИИ

Чергинец Н.И.

СЛУЖБА — ДНИ И НОЧИ

Повести

МИНСК
«Харвест»

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бен=Рус)-445.7
Ч-457

Серия основана в 2016 году

Ч-457 Чергинец, Н. И.

Служба — дни и ночи : [повести] / Николай Иванович Чергинец. — Минск : Харвест. 2016. — 496 с.

ISBN 978-985-18-3929-8.

«Служба — дни и ночи» — это сборник, в который вошли повести, посвященные жизни и деятельности советской милиции, ее трудным и тревожным будням. Писатель очень хорошо понимает человека, его характер, разбирается в обстоятельствах, которые могли толкнуть его на определенные действия и привести к падению, ему интересна и не безразлична сложная судьба героев. Книги Н.И. Чергинца увлекательны и познавательны. Они помогут читателю лучше понять всю красоту честной, хорошо осмысленной жизни и привить ему нравственные принципы.

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бен=Рус)-445.7

ISBN 978-985-18-3929-8

© Чергинец Н. И., 2016
© Подготовка, оформление.
«Харвест», 2016

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЕЗД

Старый часовой мастер с помощью лупы рассматривал какие-то детальки, рассыпью лежавшие на большом белом листе бумаги. За выражением его, казалось, каменного лица напряженно следили двое. Один из них – пожилой, с обильной сединой в волосах полковник милиции, второй – средних лет мужчина в гражданском. Мастер отложил в сторону лупу и протянул руку к золотистой горочке мелких деталей. Он взял пальцами одну из них. В руке заблестела головка от часов. Словно взвешивая, он подержал ее какое-то время, а затем положил на место, откинулся на спинку стула и только тогда неторопливым, спокойным голосом заговорил:

– Все детали от часов производства нашего часового завода. Это заводные головки. Они позолочены и полностью в сборе, а это, – рука мастера повисла над микроскопическими детальками, – аксы, или, как их называют иначе, оси балансов. Как головки, так и аксы – весьма дефицитные детали. Их с удовольствием может взять любой часовщик.

Полковник спросил:

– Сколько они стоят?

– Государственная цена одного акса – двадцать копеек, головки вместе с ключом вот в таком виде, как они сейчас, – десять копеек за штуку.

Полковник и мужчина в штатском молча переглянулись. Откуда было знать старому часовому мастеру, что в сейфе, стоявшем в углу кабинета следователя, лежат десятки тысяч таких деталей.

Полковник улыбнулся:

– Спасибо, Иван Григорьевич. Если возникнет необходимость проконсультировать нас, не откажите.

– Для вас, Георгий Антонович, всегда с удовольствием!

Часовой мастер оделся и, протянув каждому из собеседников руку, не спеша вышел из кабинета. Полковник повернулся к следователю:

– Ну что, Николай Васильевич, есть смысл начинать?

– Так точно, Георгий Антонович, есть!..

С детства жизнь у Казимира сложилась не так, как хотелось бы родителям. Парень уже в четырнадцать лет полностью вышел из-под их контроля. Несмотря на то, что родители ни в чем ему не отказывали, младший Мельников рос жадным, завистливым и драчливым. Со временем все это и привело его к преступлению. Сначала дома начали появляться трубки от телефонов-автоматов. Казик выслушивал расспросы родителей, нетерпеливо отмахивался руками и коротко отвечал:

– Отстаньте, я их нашел.

А однажды вечером Казик принес домой меховую шапку и спрятал под свой матрац. Но мать, ожидая сына, волновалась, не спала. Она все видела и утром достала злополучную шапку из-под матраца. Отец тут же разбудил Казика и с ремнем в руке начал допытываться, откуда появилась шапка. Казик, не торопясь, оделся. Проходя мимо отца, неожиданно выхватил из его рук шапку и убежал. Домой явился через неделю.

Родители все таились, пытались скрыть от соседей свое горе. Но на этот раз не выдержали: отец сообщил в милицию. Правда, о том, что сын приносил домой какую-то шапку, он не сказал, но о телефонных трубках рассказал.

Казик хорошо помнит первый привод в милицию. В детской комнате с ним долго разговаривал пожилой неторопливый капитан. Казимир запомнил, как капитан, порывшись в столе, достал фотографию женщины, лежавшей на тротуаре. Разговор шел о телефонных трубках. Капитан тогда сказал ему:

– Смотри, парень! Этой женщине стало плохо. Ей не смогли «скорую» вовремя вызвать из-за того, что кто-то сорвал с автомата трубку, и она умерла.

Казимир плакал и клялся, что больше срывать трубки не будет. Но стоило ему выйти из милиции, как он забыл о данном слове и, дождавшись вечера, с яр-

стью дикаря поломал все телефоны, расположенные вблизи дома.

И опять жизнь преподнесла ему урок. Случилось так, что его матери стало плохо – сердце, и самому Казиму пришлось бегать от одного испорченного телефона-автомата к другому. И только врачи «скорой помощи», случайно проезжавшей мимо, предотвратили несчастье. Но это тоже не остановило его. Через месяц он был направлен в колонию для несовершеннолетних за то, что сорвал шапку с головы прохожего.

Шли годы. Мельников успел после колонии снова отбыть срок наказания – три года. Со временем безволие стало основной чертой его характера. И вместе с тем в душе его росла жестокость. Научился скрывать свои истинные чувства, маскируясь под тихого, неразговорчивого человека. Вскоре он устроился на часовой завод и нашел там для себя золотую жилу.

С профессией часовщика он приобрел умение незаметно похищать и выносить дефицитные детали... Понял, что одному не под силу наладить «солидное дело», и потихоньку издалека начал изучать товарищей по работе.

Вскоре приглянулся ему молодой человек, Михаил Стельмах, который работал на покрытии аксов.

Как-то после полочки Казимир подошел к нему:

– Ну что, Михаил, замочим?

Стельмах был польщен тем, что к нему обратился Мельников, о котором среди ребят ходили похожие на легенды слухи по поводу его судимостей.

Михаил немного подумал и согласился. Они вошли в ресторан, расположенный недалеко от завода. Заказывал Мельников. Михаил опьянел быстро. Казимир, подливая Михаилу в фужер водку, как бы между прочим, спросил:

– Сколько ты сдаешь аксов за смену?

– Восемнадцать-двадцать тысяч.

– Ого! И что, приемщица все пересчитывает?

– Да нет, взвешивает она.

Казимир снова подлил Стельмаху водки:

– У меня есть к тебе просьба: понимаешь, мне надо штук тридцать аксов. Ты бы не смог меня выручить?

– О чем речь, считай, что сотня аксов у тебя уже в кармане. Завтра же дам их тебе. Будь здоров!

– Будь, – ответил, еле скрывая радость, Мельников.

Основной вопрос был решен удачно, и он подозвал официантку:

– Сколько с нас?

Михаил пытался достать деньги, но Мельников положил на его руку свою:

– Нет, нет, Михаил, угощаю я.

На следующий день в конце смены к Мельникову подошел Стельмах. Он протянул малюсенький бумажный пакетик:

– На, здесь штук сто пятьдесят. Хватит?

– Спасибо, пока хватит, с меня бутылка.

Вечером Мельников ждал Стельмаха у проходной.

– Время у тебя есть? – спросил он.

– Есть, а что?

– Пойдем раздавим бутылку.

– Я не против.

С того и началось. Стельмах и заметить не успел, как оказался втянутым в грязное дело.

Удалось Мельникову втянуть в задуманную авантюру и других.

Прошло полгода. «Бригада» Мельникова, как он ее сам называл, действовала, набирая темпы. Почти каждую субботу кто-то из них исчезал из дома и появлялся только к понедельнику. Жили на широкую ногу. У многих из этой компании в квартирах появилось все, что только пожелает человек, не знающий ограничений в потребностях и деньгах...

Следователь Зеленяев пришел в отдел милиции более года назад. До этого он работал в другом городе. Новый коллектив, новые товарищи и друзья. Как-то незаметно для себя Зеленяев подружился с невысоким, никогда не унывающим инспектором ОБХСС. Николай, в свою очередь, тоже полюбил этого уже не-

молодого, но по-юношески задорного следователя. Вместе они расследовали немало сложных дел.

Вот и сейчас им предстояло лицом к лицу столкнуться с группой преступников – хитрых, коварных, которых засосала в трясину подлости и стяжательства жажда легкой наживы...

Совещание у начальника отдела шло к концу. Слово взял начальник отделения ОБХСС Мирский. Это опытный и знающий дело работник. Его высокую, крепко сбитую фигуру часто можно было видеть в местах, где требовалось усиленное внимание сотрудников органов борьбы с хищениями социалистической собственности. Василию Владимировичу не раз приходилось распутывать сложные клубки замаскированных хищений. Он недавно перенес тяжелую форму гриппа и говорил тихим, еще не окрепшим голосом:

– Я внимательно ознакомился со всеми материалами и пришел к следующему выводу: те детали, которые мы изъяли у Мельникова и Стельмаха, являются лишь небольшой частью похищенных ценностей. Обратите внимание на следующее обстоятельство: проводница, сообщившая нам о подозрительных рейсах Мельникова и Стельмаха, утверждает, что только в ее вагоне они ехали дважды. Она, собственно, и обратила внимание на то, как они сорили деньгами. И если бы не этот нелепый случай с пассажиром, который во время отсутствия Мельникова и Стельмаха случайно опрокинул их саквояж, увидел рассыпавшиеся детали и настоял, чтобы проводница вызвала милицию, мы бы смогли выяснить, куда и к кому они ехали. То, что преступники не утруждали себя даже тем, чтобы подальше спрятать саквояж или хотя бы закрыть его на замок, свидетельствует об их самоуверенности, опирающейся на многократные безнаказанные поездки. Нам известны только два участника группы, а материалы подтверждают, что их значительно больше. Хищения и сбыт дефицитных деталей они поставили на широкую ногу. О том, что Мельников не один, а действует с соучастниками, говорит и следующий

факт: среди изъятых ценностей есть детали, изготовленные в других цехах, доступ в которые для Мельникова и Стельмаха закрыт. Поэтому для тщательного расследования этого дела, установления всех участников группы и их изобличения я предлагаю создать оперативную группу из числа инспекторского состава ОБХСС, следователей и внештатных сотрудников, хорошо знающих производство. Торопиться здесь нельзя, иначе оборвется ниточка, и ничем ее не сразишь. Мне кажется, что Стельмах говорит в основном правду и, если умело подойти к нему, он может нам оказать большую помощь.

– Тогда Стельмаха не нужно арестовывать, но где гарантия, что он не скроется или, даже не скрываясь, обрубит все концы, – проговорил задумчиво начальник следственного отделения Шаповалов.

Но Мирский возразил:

– Закон нам дает право: в случае, если человек раскался и не представляет для общества опасности, да еще к тому же добровольно оказывает помощь в раскрытии преступления, не арестовывать его. Ну а чтобы он не обрубил концы, мы позаботимся. Если Стельмах поведет себя неправильно, то арестовать его никогда не поздно.

Высокий, худой, как жердь, Мельников в камере был один. Он лежал и думал: «Попались нелепо. Если больше ничего не дознаются, то срок грозит небольшой. А если узнают – все».

Мурашки поползли по его спине.

«Да, тогда катушка. Статья предусматривает за хищение в особо крупных размерах даже расстрел. Нужно держаться. За Стельмаха волноваться не следует, он прекрасно понимает, что ждет нас, если все станет известно. – Казимир повернулся к стенке и успокоил себя: – Сейчас главное – продержаться первое время, потом будет легче».

Стельмах, так же как и Мельников, был в камере один. Он сидел на топчане, обхватив колени руками, и тоже думал.

Михаил в детстве мечтал стать юристом. Он понимал, что одного желания мало. Для этого нужно учиться, а Михаил никогда не отличался прилежанием и вскоре оказался в числе отстающих. Поведение тоже было далеко не примерным. И Стельмах, с трудом закончив восемь классов, бросил учебу, а с ней и мечты о поступлении на юридический. Работал на заводе, связался с Мельниковым, покатился по наклонной.

«Интересно, чем он купил меня? Что я, глупее его? А может, привел к нему интерес к незнакомой тюремной жизни, о которой с такой охотой в минуты откровения, находясь под хмельком, рассказывал Мельников? Хотел разбогатеть, — с горькой иронией над собой подумал Михаил. — Теперь буду богатым, лет пять не надо будет получать зарплату. Интересно, найдут ли в сарае зарытую в землю трехлитровую стеклянную банку с деньгами и деталями?»

От этой мысли еще отвратительней стало на душе. Думать о своем будущем не хотелось. Но мысли о суде снова и снова лезли в голову.

Ляхов работал. Скоро уже полночь, а он сидел в кабинете, внимательно перечитывая протоколы допросов, обысков, оперативные материалы. Изредка что-то чертил на листе бумаги. Если бы посторонний человек смог заглянуть в его чертеж, то увидел бы прямо в центре два небольших квадрата и в них фамилии Мельникова и Стельмаха. Оба квадрата были соединены между собой линией, а от нее шла еще линия, которая упиралась в квадратик с надписью «Харьков». Ляхов думал: «То, что Мельников и Стельмах ехали в Харьков, подсказывает нам о целесообразности искать нити там. Но попробуй найти их в громадном городе! Нужно иметь хотя бы какие-нибудь отправные сведения. Предполагать, что Мельников что-либо скажет, нет оснований. Вся надежда на то, что даст правдивые показания Стельмах. Парень попал под влияние Мельникова, но еще не успел полностью разложиться. Было бы неплохо завтра при обысках найти что-либо интересное. Хотя бы адреса».

Ляхов с досадой думал и о том, как нелепо сорвалась операция по выявлению связей Мельникова и Стельмаха. А ведь ничего опасного вроде бы и не было. Все шло хорошо.

По телефонному звонку дежурного он приехал в линейный отдел милиции. Там сидела молодая женщина — проводница поезда Минск-Харьков Сальникова. Она рассказала о том, что обратила внимание на двух молодых парней, дважды ехавших в ее вагоне до Харькова. Эти парни швырялись деньгами, а один из них, по имени Казимир, купив на одной из станций большую коробку конфет, пытался подарить ее Сальниковой. Та отказалась. Когда поезд приблизился к Харькову, Казимир, будучи пьяным, зашел к ней в купе и пытался назначить свидание по приезде в Минск. Сальникова, чтобы отвязаться от него, сделала вид, что согласна, и они договорились увидеться пятнадцатого в семь часов вечера у ресторана «Беларусь». Казимир, когда выходил из ее купе, сказал:

— Ох, и погуляем мы с тобой! Ты не будешь жалеть, что со мной познакомилась, — и он достал из кармана пиджака большую пачку двадцатипятирублевых купюр.

Сальникова думала, что Казимир забудет о разговоре, который вел с пьяных глаз. Но когда он выходил из вагона в Харькове, подошел к ней и еще раз напомнил о свидании.

Проводница сразу же по приезде в Минск пошла в милицию и рассказала об этом случае. Тогда-то и разыскал Ляхова, который обслуживал завод и часовые мастерские, дежурный линейного отдела милиции. Ляхову стоило больших усилий уговорить Сальникову пойти на свидание с целью выяснения, что же это за парни, а заодно дать возможность сотрудникам ОБХСС посмотреть со стороны на Казимира.

Сальникова пришла в назначенное время к ресторану. Казимир был уже там и сразу же предложил ей пойти поужинать в ресторан. Она отказалась, сославшись, что пришла предупредить: сегодня уезжает в

неочередной рейс, так как заболела сменщица. Казимир поинтересовался, когда она поедет в Харьков в следующий раз. А узнав, что девятнадцатого, с радостью сообщил ей, что он с другом тоже двинется этим поездом.

— А что вы так часто ездите туда? — спросила Сальникова.

Казимир рассмеялся и ответил:

— А мы работаем в такой фирме, дела которой начинаются в Минске, а завершаются в Харькове.

Работники милиции быстро установили, кто такие Казимир и его друг. Выяснилось: они занимаются хищением и сбытом дефицитных деталей часов. Решили не трогать их пока и сопровождать в Харьков, а там выяснить связи и каналы сбыта.

Мельников и Стельмах, приобретая билеты на поезд, просили у кассира места в шестом вагоне, в котором проводницей работала Сальникова.

Два оперативных работника взяли билеты в седьмой вагон. Все шло нормально. И они уже мечтали скоро пожинать плоды своей работы. Вдруг к ним в вагон прибежала Сальникова. Она сказала, что к ней подошел пассажир, ехавший в одном купе с Мельниковым и Стельмахом, и потребовал немедленного вызова милиции, так как его попутчики по купе везут подозрительные детали.

Оказалось, что в отсутствие Мельникова и Стельмаха принялся он стелить себе постель. Открыл сиденье, где лежали матрацы, а там стоял черный саквояж его попутчиков. Мужчина, видимо, действовал неуклюже и случайно опрокинул саквояж. Из него посыпались бумажные пакетики с какими-то деталями. Пассажир решил их положить обратно в саквояж и, открыв его, обнаружил, что он битком набит подобными пакетиками. Он тут же бросился к проводнице.

Работники милиции решили поговорить с гражданином, попросить его, чтобы он не волновался и молчал. Но они опоздали. Из купе доносился уже его гром-

кий голос. Он ругал возвратившихся из ресторана Мельникова и Стельмаха.

— Жулики! — кричал он. — Я уже вызвал милицию. Вы же воры!

Делать было нечего. Пришлось вмешиваться и задерживать Мельникова и Стельмаха. Ляхов вспомнил, как он, вымучивая из себя улыбку, благодарил пассажира за бдительность.

Стельмах лежал на жестком топчане и думал. Глаза были открыты, и через зарешеченное небольшое квадратное окошко он смотрел в темное небо, усыпанное звездами. «Неужели на все придется смотреть только через решетку?» — спрашивал он сам себя и раскаивался. Вспомнил мать-старушку. Она еще, видимо, не знает о том, что он задержан. Но завтра уже ей об этом сообщат. Представил себе расстроенное болезненное лицо старой матери, грустные глаза, в которых скрывалась тревога. «Жаль ее! Что она хорошего видела? Ничего! А может, рассказать всю правду, все, что знаю? Вдруг не арестуют, оставят на свободе?» И тут же другой внутренний голос протестовал: «Нельзя. Многих людей потянешь, а от них не жди снисхождения, еще и убить могут...»

Стельмах не спал...

На следующий день Стельмаха доставили из КПЗ в районный отдел. Ляхов и Зеленаев решили, прежде чем приступить к допросу, поговорить с ним.

Стельмах, проведя бессонную ночь, выглядел усталым, разбитым. Его лихорадочно блестящие глаза поочередно останавливались на каждом из работников милиции. Много передумал Михаил за прошедшую ночь, но как себя вести, так и не решил.

Зеленаев не торопился с разговором. Он видел, что творится с парнем, и хотел, чтобы он сам сделал выбор. Для разговора с ним тема была подготовлена. Дома у Мельникова обнаружили большое количество деталей от часов и большую сумму денег. Обыск в квартире Стельмаха тоже дал кое-что. Можно было, как говорится, брать быка за рога. Но работникам милиции

казалось, что в лице Стельмаха они встретили не матерого преступника, а человека, втянутого Мельниковым в это грязное дело. При встрече с людьми, подобными Стельмаху, у каждого оперативного работника, следователя возникает чувство неудовлетворенности собой, товарищами по работе, потому что недоглядели и позволили преступнику втянуть честного человека в грязь, заставить его пасть, потерять честь и достоинство. Да, это неприятный факт. Он-то и заставляет бороться за Стельмаха, пусть даже поступившего вопреки закону. Ведь на этом не кончилась его жизнь, и то, как сложится она в дальнейшем, во многом зависит и от них, сидящих сейчас в этом кабинете следователя и оперативного работника.

Тишину нарушил Зеленяев:

– Прежде чем приступить к записи ваших показаний, мы хотим еще раз ознакомить вас со статьей 37 Уголовного Кодекса Белорусской ССР. Эта статья называется «Обстоятельства, смягчающие ответственность». – И он протянул Уголовный Кодекс Стельмаху: – Прочтите, пожалуйста, и подумайте над этим. Впрочем, давайте почитаем вместе и подумаем, чем вы можете облегчить свою судьбу.

Он раскрыл кодекс и начал громко читать:

– Статья 37. При назначении наказания обстоятельствами, смягчающими ответственность, признаются: пункт первый: «Предотвращение виновным вредных последствий совершенного преступления, или добровольное возмещение нанесенного ущерба, или устранение причиненного вреда». Далее, пункт восьмой: «Чистосердечное раскаяние или явка с повинной». Я думаю, что это вам подходит. Правда, в ваших действиях нет явки с повинной, но остальное может быть. И, наконец, пункт девятый: «Активное содействие раскрытию преступления». Подходит это вам?

Стельмах опустил голову и молчал, глядя себе под ноги.

Зеленяев понимал, какая борьба идет сейчас в душе этого парня, и поэтому старался быть ненавязчивым.

Он хотел, чтобы в этой борьбе победил разум. Специально сделал паузу, чтобы дать Стельмаху еще раз поразмыслить. И вот уловил момент, когда обвиняемый на секунду оторвал глаза от пола и окинул взглядом кабинет. «Надо начинать», – подумал следователь и заговорил:

– Ну, а теперь давайте разберемся в ваших действиях. Начнем с вопроса, что толкнуло вас на преступление? Нужда? Сколько вы получали в месяц?

– Сто сорок – сто пятьдесят рублей.

– Какая пенсия у вашей мамы?

– Шестьдесят шесть.

– Сколько человек в вашей семье?

– Двое: я и мама.

– Хватало вам на двоих двухсот рублей?

– Вполне.

– Так, может, вы поясните, что заставило вас пойти на преступление?

Стельмах, опустив голову, глухо произнес:

– Я и сам думал над этим, но ответа пока не нашел.

– Ну что же, давайте вместе подумаем. При каких обстоятельствах вы познакомились с Мельниковым?

– Он предложил мне замочить получку, я согласился, и мы пошли в ресторан.

– А кто платил в ресторане?

– Он. Я хотел, но Казимир не разрешил.

– Просил он вас о каком-нибудь, пусть незначительном, одолжении?

У Стельмаха как-то неожиданно вырвалось:

– Да, просил, чтобы я ему несколько десятков аксов принес. – И он тут же густо покраснел. Сам того не ожидая, начал говорить правду. А следователь, словно не замечая его замешательства, как бы советуясь со Стельмахом, продолжал беседу:

– Ну и вы, чувствуя себя перед ним должником за угощение, конечно же, принесли эти аксы?

– Да.

– А он отблагодарил вас за это?

«Откуда он это знает? – мелькнула у Стельмаха мысль. – Может, Казимир рассказал?» И он ответил

утвердительно, рассказав при этом и как Казимир поставил за эту услугу бутылку, и как он незаметно оказался втянутым в преступление. Но потом неожиданно замолчал, терзая себя сомнениями – говорить или не говорить дальше.

А следователь продолжал:

– Значит, теперь уже мы с вами можем сделать вывод, что вы, в силу своей бесхарактерности, оказались под пятой мошенника. Мы подошли к главному. Ваша вина доказана как самим фактом задержания вас с похищенным, так и результатом обыска в вашей квартире. Взгляните сюда, – и Зеленияев, подойдя к углу кабинета, откинул темно-зеленую накидку. Стельмах увидел все, что он так тщательно прятал дома. Глядя на все это, он опять вспомнил свою мать: «Как она, бедная, перенесла этот обыск?»

Зеленияев продолжал:

– Не стану от вас утаивать, мы не хотим, чтобы вы, уже раз оступившись в жизни, продолжали и дальше губить себя. Конечно, для нас важны ваши правдивые показания, но они нужны и для вас самого. Только переборов страх и ложное чувство товарищества, вы сможете найти в себе силы встать на правильный путь. Мы понимаем, что вас угнетает мысль, как отнесется к вашим правдивым показаниям Мельников. И мне бы хотелось, чтобы вы сами поняли, как он относится к вам. Ведь он использовал вашу неопытность и мягкость вашего характера для того, чтобы втянуть вас в преступную деятельность? Использовал. Не попадись вы ему на глаза, жили бы спокойно. И вот вы теперь думаете, как будете выглядеть в глазах того, кто толкнул вас в грязь! Подумайте над этим, Стельмах. Только хорошенько подумайте, критически отнеситесь к своему поведению. И я уверен, что вы найдете правильный выход. – Зеленияев замолчал, взял ручку и стал что-то писать. Прошла минута, вторая. В кабинете было тихо.

Стельмах думал: «Что делать? Послушаешь следователя, как будто он прав, вспомнишь Мельникова, Данилина и других – их жалко. Как быть?..»

Зеленияев закончил писать и, положив исписанный лист бумаги в ящик, спросил:

– Ну что, Михаил, начнем? – Он положил палец на кнопку магнитофона и выжидающе посмотрел на Стельмаха.

Тот глянул прямо в спокойные голубые глаза Зеленияева и решился.

– Да, начнем. – Опустив голову, добавил: – Вы правы, я должен сказать правду ради своей совести... и ради матери.

Зеленияев включил магнитофон.

Прошло несколько минут после того, как Стельмах подписал свои показания в протоколе допроса и вышел в сопровождении конвоя, а Зеленияев и Ляхов все еще сидели молча в кабинете. Каждый думал о своем. Первым заговорил Ляхов:

– Да, если верить Стельмаху, то он действительно мелкая сошка по сравнению с Мельниковым и его друзьями.

Зеленияев согласился кивком головы.

– Итак, что мы имеем? – сказал он. – Во-первых, количество известных нам участников группы сразу возросло до шести...

Он начал писать, вслух называя преступников: Мельников, Стельмах, Данилин, Белявский, Гринкевич, Лепетюхин. Помолчал, а затем ниже написал города: Харьков, Донецк, Ростов, Чернигов, Бобруйск, Рига, Барановичи.

– Да, нити тянутся в разные концы, – задумчиво проговорил Ляхов. – За какую тянуть в первую очередь?

– Но не забудь, что нам еще нужно установить этого «старика», о котором сообщил Стельмах.

«Старик» действительно вызывал интерес. Он проживал где-то на юге или на Урале. Неожиданно появлялся в Минске, скупая большими партиями детали к часам, и так же внезапно исчезал. Как заявил Стельмах, никто и никогда не знал, когда приедет «старик», откуда он, как его фамилия, где он останавливает-

ся. О «старике» было известно немного: замкнутый, неразговорчивый. Вот, кажется, и все. О цене почти никогда не спорил, покупал детали оптом. И после сделки тут же исчезал в неизвестном направлении. Правда, к нему уже потянулась ниточка, и если умело идти за ней, то можно к «старiku» подступиться и на божий свет вывести. Стельмах, например, вспомнил, что в декабре прошлого года «старик», находясь в Минске, проживал в какой-то гостинице. Рассчитываясь со Стельмахом, с деньгами вытащил гостиничную квитанцию. К сожалению, Стельмах не увидел, в какой гостинице она была выписана. Но это уже кое-что...

— Ну что, начнем? — спросил Ляхов.

И они сели за составление плана мероприятий по столь необычному делу.

Ляхов выглядел моложе своих лет. Среднего роста, подвижный, почти всегда улыбающийся и никогда не унывающий, Николай любил шутки. Однажды он вместе с товарищами по работе был приглашен на день рождения к сослуживцу. Случилось так, что это было первого апреля. Когда гости в назначенное время стали приходить к имениннику, то, на удивление ему, вместе с подарками протягивали огромные эмалированные тазы и кастрюли. Долго не мог понять именинник, почему каждый гость принес кастрюлю или таз. А когда разобрались, хохот разразился неимоверный. Оказывается, Ляхов утром первого апреля обзвонил гостей и передал им «просьбу» именинника принести таз или кастрюлю.

Но шутить можно было изредка. Время в основном уходило на работу и учебу. Закончил Николай заочно институт народного хозяйства.

Николай любил свою работу за ее романтичность, за сложность, за то, что в ней нет шаблонности. Каждое дело имело свою специфику, каждый преступник — свой «почерк». К нему требовался особый подход. А чтобы выйти победителем из схватки, нужны были знания и знания. Он прекрасно это понимал.

Зеленяев, рано поседевший, средних лет, всегда спокоен и рассудителен. Его голубые глаза очень внимательно вглядывались из-под густых бровей в лицо собеседника. Так же, как и Ляхов, он был среднего роста, коренаст. В коллективе любили его за рассудительность и прямоту. На партийных собраниях выступал с дельными замечаниями в адрес любого работника. Несмотря на свой солидный возраст, он по-юношески загорался, когда предстояло интересное дело.

И вот этим разным по возрасту и характеру людям предстояло распутать сложный клубок преступления... Решили сделать так: Стельмах должен будет позвонить по телефону Данилину и сообщить, что приехал из Харькова покупатель. Дело в том, что у Данилина где-то в тайнике хранится большое количество дефицитных деталей. По словам Стельмаха, Данилин признаваться не будет и вряд ли согласится добровольно выдать похищенное. Нужно каким-то образом заставить Данилина вытащить на свет божий эти детали. Поэтому и появился план с легендой для Стельмаха о том, что за деталями приехал свой человек из Харькова.

Все это должно было выглядеть для Данилина достоверным, потому что, во-первых, он не знал, что Мельников и Стельмах задержаны, во-вторых, Данилин сам неоднократно выезжал со Стельмахом и Мельниковым в Харьков, и приезд из этого города человека не должен вызвать у него подозрений. Сложность состояла в другом: нужен был человек, который мог бы сыграть роль приезжего барышника, и чтобы его не знал Данилин. Кроме того, этот человек должен знать Харьков. Следовало ожидать, что Данилин вздумает проверить, действительно ли приезжий харьковчанин. Поэтому было решено на роль барышника взять Ляхова. Правда, возникали опасения — Данилин мог знать Ляхова, но успокоили себя тем, что Ляхов сравнительно недавно приехал в Минск, едва ли Данилин знает его. И второе — Ляхов хорошо знает Харьков и уже сносно разбирается в деталях к часам.

Стельмах позвонил Данилину вечером и сообщил о приезде человека. Тот назначил встречу на следующий день в парке имени Челюскинцев.

Данилин пребывал в хорошем настроении. Да и почему ему не радоваться? В последние годы он удачно делал бизнес. Если бы можно было, то Иван Степанович с удовольствием бросил бы работу, ведь его доход уже исчислялся в десятках тысяч рублей.

Давно прошло чувство страха, которое преследовало его в первые месяцы. Постепенно с каждой удачной кражей новой партии деталей и ее продажей росла уверенность. Данилин пришел к выводу, что «дела» можно совершать без опасения. Все хорошо замаскировано, друзья надежные, с такими не пропадешь. И вот появилась еще одна возможность продать кое-какие детальки. Вчера позвонил Стельмах и сообщил, что приехал человек из Харькова. Как раз вовремя. У него накопился уже большой запас деталей, которые он хранит в тайнике. Сегодня встреча с новым покупателем. С новым? Новые люди – новые и заботы. Надо все же быть поосторожней. Не верить Стельмаху оснований не было. А его, Данилина, не надо учить этому. На встречу он никаких деталей с собою брать не будет.

Утром Данилин принес к заводу большую сумку, в которой лежали детали на сумму более пяти тысяч рублей. Все сдал в камеру хранения у заводской проходной. Охрана никогда не проверяла даже тумбочки для инструментов, где часто пряталось похищенное. Тем более нечего бояться, что будут проверять камеру хранения.

В конце смены Данилин вышел с территории завода, спустился в подземный переход и через несколько минут был на месте встречи. Вскоре на противоположной стороне проспекта появился Стельмах. С ним шагала среднего роста молодой мужчина. Вот они скрылись в переходе и через несколько минут оказались рядом с ним. Стельмах, улынувшись, произнес:

– Здорово, Иван. Познакомься, хлопец из Харькова, к нам приехал.

Приезжий протянул руку Данилину и назвался Сергеем. В парке было многолюдно, и Данилин предложил:

– Давайте отойдем дальше.

Они повернулись и молча пошли в глубь парка. Присели на одиноко стоявшую скамейку. Наступило молчание. Прервал его Стельмах:

– Ну что, я пойду прогуляюсь, а вы поговорите. – Он поднялся и не спеша отошел от них.

Первым заговорил Иван Степанович:

– Давно приехал?

– Вчера самолетом прилетел.

– А как на работе отпросился?

– Начальник цеха свой человек, договорились. На тракторном, слесарю.

Если бы посторонний человек мог подслушать дальнейший разговор, то ему эта беседа показалась бы экзаменом по знанию Харькова. Данилин постепенно убеждался – перед ним житель Харькова, и доверие к этому молодому парню росло. Вскоре разговор зашел о цели встречи. Сергей спросил:

– Так что ты можешь предложить?

Данилин подумал, оглянулся и, понизив голос, спросил:

– Деньги у тебя с собой?

– Конечно, но у тебя я ничего не вижу.

– У меня здесь все рядом, ты посиди немного, я сейчас.

С этими словами он поднялся и быстро направился к выходу из парка.

Прошло не более десяти минут, и Данилин появился снова. В руках он держал ту же тяжелую сумку, которую сдавал в заводскую камеру хранения. Было видно, что ноша тяжелая. Подошел, сел на скамейку и, виновато улынувшись, сказал:

– Ты извини, Сергей, что сразу не взял товар с собой и устроил тебе проверку. Сам знаешь, обстановка такая. Можно погореть и на мелочи, а здесь ведь не мелочь.

«Сергей», убедившись, что Данилин принес детали, не торопясь, как бы поправляя прическу, снял шапку.

К скамейке направились трое. А еще через час количество изъятых у преступников деталей увеличилось на четвертую часть.

Стельмах дал согласие показать, где проживает один из харьковских покупателей, и перед работниками ОБХСС встали новые вопросы. Во-первых, из рассказа Стельмаха было видно, что если он и покажет, где проживает один из главных покупателей, – а в том, что он это сделает, уже никто не сомневался, – то как изъять у него похищенное? На добровольную выдачу деталей не приходится рассчитывать. Во-вторых, как найти других покупателей?

Начальник отдела милиции проводил совещание. Он не любил лишних разговоров, требовал конкретности и трезвого подхода к решению вопроса, поэтому выступление каждого было деловым, кратким. Ильин внимательно вслушивался в слова выступающих. И ему невольно подумалось, насколько изменился облик работника милиции. Сам он в милиции работает два десятка лет и помнит еще ту милицию, которой позарез нужны были грамотные, технически и юридически подготовленные кадры и очень нужна была техника. А сегодня? Взять хотя бы выступающего Ляхова. Парень окончил среднюю школу милиции и институт народного хозяйства, прекрасно знает экономику промышленности. Как рыба в воде чувствует себя в криминалистической технике. Дай ему автомашину или мотоцикл – поедет, дай прибор ночного видения – применит и, если надо, отремонтирует. И вот сейчас то, что он говорил, было интересным, заслуживало внимания.

– Я предлагаю, – продолжал Ляхов, – в Харьков направить оперативную группу, которая захватит с собой Стельмаха. Там он покажет, где проживает один из скупщиков. Кто-то из наших работников должен сыграть роль человека, приехавшего в Харьков с целью продажи деталей. Стельмах знакомит его с этим по-

купателем. Задача нашего сотрудника состоит в том, чтобы войти в доверие, выяснить фамилии или адреса всех покупателей, места хранения похищенного и только после этого приступить к реализации плана.

Кто-то из собравшихся с сомнением спросил:

– А если Стельмах поведет себя неправильно? Возьмет и шепнет, какой друг с ним приехал, что тогда?

Ляхов посмотрел в сторону Ильина и твердо сказал:

– Это исключено: Стельмаху можно верить!

Самолет после небольшой пробежки по бетонной полосе Минского аэропорта легко взмыл в воздух. Мысленно Ляхов, сидевший рядом со Стельмахом, был уже в Харькове. Что ждет их там? Через полтора часа ему нужно будет надеть маску другого человека. Но это потом, а пока можно спокойно сидеть в удобном, мягком кресле, расслабить мышцы. Ляхов откинулся на спинку кресла, закрыл глаза. О предстоящей операции думать не хотелось. Попытался вздремнуть, но не получилось. Ровный гул двигателей располагал к спокойному течению мыслей. «Нужно будет по окончании операции, – подумал он, – разобраться на заводе, помочь руководству предприятия навести порядок в хранении и учете ценностей, чтобы такое больше не повторилось».

Ляхов и Стельмах сели в автобус, следовавший к железнодорожному вокзалу. На заднем сиденье приютились сопровождающие их оперативные работники – Смирнов и Кустов. В Харькове и даже в самолете нельзя было держаться всем вместе. Не исключено, что их мог увидеть кто-либо из тех, с кем уже общался Стельмах. А по легенде Стельмах должен быть только со своим товарищем-продавцом.

Вот и вокзал. Еще в Минске Стельмах рассказал, что один из главных действующих лиц – Анатолий – проживает не в самом Харькове, а в пригороде и что доехать до него можно электричкой. Было решено, что Ляхов и Стельмах поедут к нему, а Смирнов и Кустов – в гостиницу, где местные товарищи уже должны были

позаботиться, чтобы для приезжих забронировали два расположенных рядом двухместных номера. Ляхов знал, что дальше сопровождать его и Стельмаха должны местные оперативные работники. Ему еще в Минске сообщили, что одним из них будет инспектор ОБХСС Шмурадко.

Ивана Шмурадко Ляхов знал давно. Они в одной части служили в армии. После демобилизации поступили в школу милиции, а дальше их пути разошлись. Ляхов остался работать в Минске, а Шмурадко был направлен в Харьков. И когда Николай узнал, что ему придется работать вместе со Шмурадко, очень обрадовался. С нетерпением отыскивал среди пассажиров его коренастую фигуру. Но – увь! – безрезультатно. Или он так умело маскируется и специально, желая поволновать старого друга, не показывается на глаза, или же еще не пришел.

Ляхов и Стельмах потолкались на вокзале, а затем подошли к пригородным кассам, приобрели два билета на электричку. Зашли в буфет, быстро перекусили и вышли на посадочную платформу. Вот и электричка. Ждать больше нельзя. Они сели в почти пустой вагон. Поезд тронулся. Знали, ехать не более двадцати минут. Ляхов попросил:

– Расскажи, Михаил, еще раз об этом Анатолии.

Но сведения у Стельмаха были скупы:

– Познакомил меня «старик», когда в прошлом году я вместе с ним, Данилиным и Мельниковым приехал в Харьков. Назвался Анатолием. Я уже говорил, что у него не было выхода, и только поэтому он показал, где работает, а позже и свой дом. Но вообще очень осторожен. Из его рассказа я сделал вывод, что он уже знаком с тюрьмой. Как-то под пьяную руку проговорился. Он с женой и пяти-шестилетней дочерью живут в своем доме. Жену я видел один раз. Что еще можно сказать? В Харькове среди ему подобных Анатолий – главная фигура. Наверное, каждый харьковский часовой мастер знает его. Поэтому он берет товар оптом и не боится, что залежится. Я знаю, он выезжал в Донецк,

Киев, Одессу и другие города, где у него есть источники сбыта.

– Пьет? – задумчиво спросил Ляхов.

– Пьет. Да еще как! Может литр вылакать. Только пьянеет очень быстро, становится болтливым.

Неожиданно мимо них по вагону прошли двое молодых мужчин. Ляхов в одном из них сразу же узнал Шмурадко. Тот почти не изменился. Та же неторопливая походка, тот же веселый взгляд карих глаз, которые как бы мельком скользнули по их лицам. Шмурадко и его товарищ, не торопясь, прошли в конец вагона и скрылись в тамбуре. На душе у Ляхова потеплело.

Николай вспомнил трудные, но интересные годы службы в армии. Ивану служба давалась легко. Он всегда был первым и по строевой, и по боевой подготовке. Никогда не унывающий, веселый и находчивый, он пользовался большим авторитетом и уважением у товарищей. В школе милиции Иван быстро сошелся и подружился с курсантами. Но не со всеми. Недолюбливал лентяев. У них во взводе был один такой и по существу и даже по фамилии – Ленчик. В коллективе, где люди днем и ночью находятся рядом, человеческие слабости и недостатки выявляются быстро. Ленчик ходил на занятия аккуратно, но старался подалеже забраться от кафедры и на лекции подремать. Больше всего не любил физподготовки. Всячески увиливал от занятий в спортивном зале. Ляхов невольно улыбнулся, вспомнив, как Иван отучивал Ленчика от нехороших привычек.

Все произошло зимой. Занятия были напряженными, и курсанты старались сразу же после отбоя лечь спать. Но им всегда мешал Ленчик. Дело в том, что он добился освобождения от занятий по физподготовке, заявив, что повредил руку. А для того, чтобы начальство верило, будто Ленчик старается изо всех сил быстрее вылечить руку, он, как только объявлялся отбой, приносил в комнату, где, кроме него, спали еще семь курсантов, чайник с горячей водой, выливал ее в таз, который ставил возле своей кровати. После это-

го выключал свет, ложился в постель и начинал рукой плескать воду, вроде бы парит руку. Придет дежурный преподаватель проверять, а Ленчик, пожалуйста, руку лечит, встать в строй быстрее желает.

Однажды, когда Ленчик пошел выключать свет, Шмурадко схватил специально приготовленный заранее пузырек с синими чернилами и вылил их в таз. Ленчик в темноте подошел к своей постели. Все было тихо. Шмурадко лежал как ни в чем не бывало на своем месте. Ленчик лег в постель и начал «парить» руку.

На следующее утро сразу же после подъема все услышали непонятный вопль, который издал Ленчик. Он стоял посреди комнаты в одних трусах и майке, был бледен и полными слез глазами смотрел на свою синюю руку. Прибежал дежурный преподаватель. Ленчик был на грани обморока. Теперь он уже сам поверил в то, что у него болит рука, а ее синий цвет навел на мысль о гангрене... После этого вся школа хохотала над Ленчиком, и тому невольно пришлось прекратить обманывать начальство и вместе со всеми ходить в спортивный зал.

Поезд начал снижать скорость, и Стельмах тихо сказал:

– Приехали.

Они вышли из вагона, а через минуту электричка умчалась дальше. Ляхов и Стельмах стояли одни на чуть освещенном перроне. Но вот Стельмах, очевидно, сориентировавшись, повернул налево:

– Нам сюда.

Они шагнули в темноту. Шли долго. Узкая тропинка то замысловато петляла между огромными валунами, то ныряла в темный и тревожно шумевший лес. Прошло минут сорок, и наконец между деревьями блеснули огоньки. Это был поселок. Через пять минут они уже шли по его полуосвещенной улочке. В одном месте Ляхов осторожно оглянулся. Два человеческих силуэта, еле заметные на фоне заборов, бесшумно двигались за ними.

Стельмах остановился у калитки. За забором виднелся небольшой кирпичный дом.

– Здесь, – тихо сказал он.

Ляхов медленно прошелся вдоль забора. В угловом окне был виден тусклый свет. «Наверное, настольная лампа», – подумал он.

Возвратился к Стельмаху, глянул вдоль улицы. Пусто, ни звука. На секунду показалось, что он слышит приглушенное дыхание затаившихся где-то недалеко Шмурадко и его товарища. За калиткой тихо. Николай просунул руку в овальное отверстие в калитке и нащупал щеколду. Калитка беззвучно открылась. Он секунду постоял и тихо сказал:

– Пошли, – и первый шагнул в темноту.

Стельмах, прерывисто дыша, шел следом. Вот и крыльцо.

Ляхов глянул за угол. Антрацитово-черная темень скрывала все. Он снова подошел к двери и прислушался. Тихо. Тогда он негромко постучал. Наконец послышались шаги, и женский голос спросил:

– Ты, Толя?

Ляхов толкнул локтем Стельмаха: «Отвечай!»

Стельмах быстро придвинулся вплотную к двери и спокойным голосом сказал:

– Нет, это не Толя. Мы из Минска. Помните, были у вас?

Женщина молча открыла дверь, посторонилась.

– Проходите, пожалуйста. А я Толю жду. Вот-вот должен прийти.

Стельмах первым вошел в сени, а затем в комнату, за ним – Ляхов и хозяйка. Она щелкнула выключателем и пригласила:

– Снимайте пальто и проходите.

Николай, снимая пальто, разглядывал хозяйку. На вид ей лет тридцать-тридцать пять. Вообще-то, трудно ему дается эта наука – определять на глаз возраст женщины. Хозяйка была среднего роста. Одета в темную юбку, толстый вязаный свитер. На ногах – домашние тапочки. Она казалась симпатичной.

Они прошли в большую, ярко освещенную комнату. Хозяйка узнала Стельмаха и с улыбкой предложила:

– Располагайтесь как дома. Если хотите, включите телевизор, а я пойду ужин приготовлю. Вы прямо с дороги, устали. К Толиному приходу я все сделаю.

Она вышла из комнаты, а Стельмах подошел к телевизору и включил его. Передавали какой-то спектакль. Ляхову было не до него. Он рассматривал комнату. Здесь все свидетельствовало о достатке. Пианино, телевизор, новая современная мебель, на полу большой ковер. «Даже люстра хрустальная», – подумал он. Ляхов видел такие люстры в магазине и попытался вспомнить, сколько же она стоит. То ли две, то ли три тысячи.

Дверь из комнаты была открыта, за ней просматривалось еще одно помещение. Там темно и, кроме угла ковра, висевшего на противоположной от двери стене, ничего не было видно.

Из кухни доносился шум лившейся из крана воды, звон тарелок. Нождаданно все стихло, и мимо открытой двери по коридору быстро прошла хозяйка. Послышался лязг открывавшихся запоров, а за ним голоса. Кто-то вошел в сени. На секунду все затихло. Очевидно, хозяйка сообщила о пришедших. Но вот шум голов и шагов возобновился, и в коридор, а затем в комнату вошли четверо мужчин. Одного взгляда было достаточно, чтобы определить: все четверо пьяны. Первый из них уставился на Ляхова. Он долго и молча смотрел, пытаясь узнать Николая.

Ляхов сразу же догадался – это и есть Анатолий. Хозяин перевел взгляд на Стельмаха, и только после этого его глаза приняли осмысленное выражение:

– А, это ты, кореш, – громко сказал он.

«Узнал», – с облегчением подумал Ляхов.

– С кем это ты ко мне в гости приехал?

Стельмах поднялся со стула, подошел к Анатолию и, протянув руку, сказал:

– Свой кадр, не беспокойся, – и тут же в свою очередь спросил, показывая на стоявших у двери троих: – А эти кто?

– И ты не бойся, с посторонними я не хожу, – ответил Анатолий и поздоровался за руку с Ляховым. Затем он пригласил своих друзей раздеваться и проходить в комнату: – Заодно приезд отметим.

С этими словами он вытащил из кармана пальто две бутылки водки и поставил их на стол. Один из его друзей проделал ту же операцию – и на столе появились еще две бутылки.

Пить спиртное не входило в расчеты Ляхова, и его невольно передернуло. Это не ускользнуло от внимания Стельмаха. Он улыбнулся и, потирая руки, сказал:

– Вот вовремя. А то мой друг всю дорогу дергал меня за рукав: давай раздавим бутылочку, давай раздавим!

Хозяин и его друзья пьянели быстро. К счастью, они не обращали внимания на то, что друг Стельмаха почти не пьет. Зато Стельмах не отставал от других. Николай выбрал момент и дернул его за рукав:

– Ты, Михаил, поменьше глотай, а то и не заметишь, как с копыт полетишь!

Но Михаил только улыбнулся:

– Не беспокойся, я могу пол-литра выпить, а голову не потеряю.

Михаил действительно держался неплохо. Вел себя непринужденно. Правда, был момент, когда Ляхову пришлось поволноваться. Хозяин дома вышел в коридор и оттуда громко позвал Стельмаха. Михаил встал и вышел.

Ляхов сидел напряженный, думая, чем это может кончиться. Ведь Стельмаху ничего не стоит под пьяную руку ляпнуть Анатолию, что за поставщик этот Ляхов. Тогда держись...

В комнату заглянул Анатолий. Он молча махнул Ляхову, чтобы тот вышел в коридор. Николай встал и, пьяно пошатываясь, пошел к выходу. Левая рука невольно прижалась к пистолету, висевшему под мышкой. Анатолий несколько секунд молча смотрел на него, а затем произнес:

– Пойдем поговорим, – и, не дожидаясь ответа, направился в сени. Ляхов двинулся следом, а Стельмах остался на месте. Анатолий включил фонарь и осветил в полу сеней квадратную крышку. Нагнулся, громко сопя, открыл ее. Показался глубокий темный лаз. Мелькнула мысль: «Если скажет спуститься мне первым... А там что?..»

Но Анатолий, ни слова не говоря, спустился в подвал сам. По неяркому свету фонаря Ляхов определил – тот прошел вглубь. Послышался щелчок выключателя, и погреб озарился ярким светом.

Только после этого он позвал:

– Спускайся сюда и крышку прикрой.

Ляхов ступил на лестницу, шагнул на две ступеньки вниз и, прикрыв за собой крышку люка, спустился.

Подвал был громадный, пожалуй, на весь дом. Слева в углу насыпаны древесные опилки, справа стоял небольшой верстак, на нем – тиски и различные слесарные инструменты. Николай сделал несколько шагов вдоль стены и увидел еще одно помещение, где стояла новая блестящая «Волга». В углу обозначилась двухстворчатая дверь.

«Ишь ты, подвал под гараж оборудовал», – подумал Ляхов.

Чтобы лучше рассмотреть помещение, сделал вид, что заинтересовался автомашиной. Обошел вокруг, потрогал ручки, пнул ногой колесо.

– Хорошая лошадка! Твоя?

– А чья же? Я чужих предметов у себя дома не держу.

Низкий и коренастый, с гладко причесанными волосами, аккуратно и модно одетый, Анатолий стоял с другой стороны у машины. Осоловевшие от спиртного голубые глаза его недобро поблескивали. Несмотря на опьянение, Анатолий внимательно смотрел на Ляхова. Николай убедился – они в подвале одни, и это его несколько успокоило: «Значит, Стельмах ничего не сболтнул».

Анатолий сел на скамью из грубо сколоченных досок, пригласил Николая:

– Садись, поговорим.

Он выждал, пока Николай уселся рядом, спросил:

– Ты кем работаешь на заводе?

Николай понял, что щеголять своими познаниями в часовом ремесле не стоит, и поэтому после небольшой паузы, во время которой для видимости изучающе посмотрел на Анатолия – говорить или не говорить, – ответил:

– Я считаю, что для делового разговора не важно, кем я работаю. Или ты думаешь иначе?

– Нет, отчего же, может, ты и прав, но меня просто интересует, с кем я имею дело. Ты у меня вызываешь доверие. Я чувствую, что человек ты деловой, да и Михаил мне так о тебе сказал. Видишь ли, размениваться на мелочи не хочу. Я оптовик, а оптовику нужны солидные партнеры. Вот в прошлый раз от вас приезжал один, так я не рад был, что встретился с ним. За каждую мелочишку цепляется, за рубль глотку готов перегрызть. Сделку на двенадцать тысяч рублей обтяпали, а он с меня еще хоть десятку вытянуть хотел. Дело-то ведь не в десятке. Я эту бумажку, будучи в хорошем настроении, за пачку сигарет брошу. Главное в нашем деле – доверие и уважение друг к другу. Разве не так говорю? Мы же ведь не паршивые карманники, которые за рубль в тюрьму садятся. Мы народ солидный. Если и попадемся, то и срок солидный получим, может, даже и вышку. Так что я за солидность. Верно я говорю?

Ляхов, сцепив руки на колене, согласно кивнул головой. Он опасался, что Анатолий может перейти к расспросам о его минских знакомых, сведениями о которых Ляхов не располагал. И поэтому спросил сам:

– Что это у тебя за кореш?

– А, свои люди. Часовщики. Я как раз им должен сегодня кое-что из прошлой вашей партии дать.

– А помногу даешь?

– Этим нет, по двадцать тысяч аксов и по пять тысяч головок. Сейчас трудно найти крупного покупате-

ля, вот и приходится довольствоваться мелкими. Но зато люди надежные.

Ляхов, скрывая свои мысли за маской безразличия, подумал: «Ничего себе мелкие покупатели, каждый по целому состоянию должен выложить ему за эти головки и аксы. Ты, голубчик, наверное, не беднее подпольного миллионера Корейко. Только тому деньги были неважно, а ты не стесняешься. Дом, как дворец, отгрохал, машина, десятку за сигареты... Сволочь! Как ты украденные народные деньги готов швырять! Но сейчас очень важно установить, кто эти покупатели и с какой целью ты меня сюда пригласил».

Анатолий словно угадал эту мысль Ляхова, потому что неожиданно изменил ход беседы. Он подсел ближе и, дыша прямо в лицо перегаром, спросил:

– Ну, а чем ты порадуешь?

Ляхов усмехнулся:

– А что тебе требуется?

– Мне все требуется, если по сходной цене. Сам понимаешь, что мне ведь бизнес делать надо. А как его сделаешь, если навару никакого нет? Вот «старик» прошлый раз приезжал от вас, я доволен остался, быстро мы с ним сошлись, не так как с Казимиром, который, как последний крохобор, за копейку цепляется. «Старик» – человек что надо! Умеет дело поставить и партнеров уважает.

Ляхов напрягся: «Может, назовет имя «старика»?» Но Анатолий неожиданно замолчал.

Ляхов вроде бы в раздумье сказал:

– Да, «старик» солидный партнер. Мне говорили, что он недавно приезжал в Минск, но, к сожалению, не удалось с ним встретиться. Обычно он сам нас находит. А в этот раз, наверное, не получилось.

– Да, он всегда осторожен. В Харьков когда приезжает, то никогда не узнаешь, где он остановился. Как правило, только на частных квартирах обитает.

– А чего же он тогда у нас в Минске в гостиницу поперся, может быть, больше нигде было?

Анатолий засмеялся:

– Да у него в Харькове и в Минске своих людей больше, чем у нас с тобой вместе взятых. Просто, наверное, решил шикануть. Его понять можно. Всю жизнь на колесах. Человек уже миллионер, а пожить как следует не может. Более трех дней в одном городе не задерживается. Я-то уж знаю хорошо... Ну, а где вы остановились? – неожиданно сменил тему Анатолий.

– Устроились нормально – в гостинице.

– Ну, а товар где? В гостинице же держать нельзя.

– Знаю. Оставили в автоматической камере. К тебе не хотели сразу тащить, да и тяжело. Везли же солидному партнеру, – и Ляхов с улыбкой похлопал Анатолия по плечу. Лицо Анатолия расплылось в улыбке.

– Да, я не подведу. Я всегда в открытую играю. Люблю честность в наших делах. У меня к тебе просьба: подсажи, что можно придумать.

Анатолий встал и направился к лежащим в углу опилкам. Он почти по локоть запустил туда руку и вытащил небольшой сверток. Развернул тряпку, поставил на верстак стеклянную банку, затем открыл полиэтиленовую крышку и осторожно, стараясь не уронить, высыпал на ладонь несколько аксов:

– Понимаешь, положил я эту банку в опилки, а аксы покрылись ржавчиной. Как думаешь, можно что-либо сделать?

Ляхов взял несколько аксов. Они лежали на его ладони, тускло поблескивая зеленовато-перламутровым цветом. Его острый глаз с трудом различил небольшие точки:

– Да, действительно, это ржавчина.

«Сотни тысяч аксов угробил, сукин сын! – подумал он со злобой. – Нужно, чтобы сохранился у него этот сверток, пока выяснится вся сеть харьковских покупателей». Он высыпал аксы в банку и сокрушенно сказал:

– Ты знаешь, здесь уже ничего не сделаешь. Единственный выход: постараться поменять их на заводе. Я, пожалуй, помогу тебе.

Николай сделал вид, что колеблется, а потом добавил:

– Сам понимаешь, это будет кое-что стоить...

Анатолий обрадованно перебил его:

– Вопросы нет, сколько будет стоить – заплачу. Аксы вы привезли сейчас?

– А как же. Завтра увидишь.

Он выждал, пока Анатолий спрячет банку с аксами обратно в опилки, предложил:

– Ну что, пошли?

Они поднялись наверх и вошли в комнату. Там было все по-прежнему.

Вскоре Ляхов и Стельмах, сославшись на усталость, ушли. Перед уходом Михаил и Анатолий договорились встретиться на следующий день в гостинице.

У дома Анатолия остались Шмурадко и его товарищ.

Ночью в гостинице собрались на совет. Задерживать Анатолия пока нет смысла. Необходимо выяснить всех покупателей похищенной фурнитуры, и только после этого можно будет одновременно сделать обыск и задержать.

Утром следующего дня Ляхов и Стельмах сидели у себя в номере и ждали появления Анатолия, фамилию которого уже установили харьковские товарищи. Им оказался ранее дважды судимый Диковец. Он неоднократно замечался в различных махинациях, связанных с часовыми деталями. Связи у него были обширные, и в основном среди часовых мастеров.

Ляхов думал: «Диковец, конечно, начнет рассказывать о своих друзьях, называть фамилии, которые необходимо запомнить». Николай имел с собой небольшой портативный магнитофон. Если бы удалось записать разговор, то можно было бы получить наибольшую информацию. Но как его использовать? Ведь Диковец может заметить магнитофон, тем более что на нем установлена кнопка дистанционного управления, которой необходимо пользоваться во время разговора, так как не все нужно записывать, ведь одна кассета рассчитана только на 20 минут,

а разговор будет наверняка длиться дольше. И Ляхов решился на дерзкий шаг. Магнитофон запрятал в ящик стола, а микрофон положил прямо на стол и прикрыл его полотенцем, якобы небрежно брошенным на столе.

Диковец пришел вовремя. Несмотря на довольно ранний час, он был уже под хмельком. Поздоровался с каждым за руку и плюхнулся в кресло, стоявшее рядом со столом. Николай сел напротив на стул. Его рука как бы невзначай оказалась на полотенце.

– Ну, как ночью доехали? – спросил гость.

– Нормально.

– Я смотрю, устроились бедновато, – сказал Диковец, окидывая взглядом комнату.

Ляхов махнул рукой огорченно:

– Еле-еле этот выпросили.

Диковцу, подогретому спиртным, не терпелось начать деловой разговор. И он его начал. Даже опытный глаз вряд ли обратил бы внимание на пальцы левой руки Ляхова. Она спокойно лежала на полотенце. Изредка пальцы делали едва заметное движение – это включался и выключался магнитофон.

Диковец говорил много. Он не стеснялся называть фамилии и зачастую места работы покупателей. Но Ляхов хотел, чтобы он назвал фамилию и имя «старика». А в том, что он ее знает, Николай уже не сомневался. Решил действовать смелее:

– Кстати, ты ожидаешь приезда «старика»?

– Нет, он мне не сообщал о приезде.

– А что, он тебя предупреждает о своем появлении?

– Как когда. Иногда приедет уже в город и мне на работу звонит. А зачем он тебе?

– Он просил меня поинтересоваться, можно ли сделать ему партию часов в сборе. Я организовал двести штук, а его все нет и нет. Вот если бы ты мог ему сообщить, то я бы не остался перед тобой в долгу. Например, могу бесплатно поменять твои ржавые аксы.

От этого предложения глаза у Диковца разгорелись:

— Это можно сделать. Он сказал мне, что если понадобится, то нужно сообщить ему «до востребования» на почтамт в Куйбышев.

— А ты фамилию хоть помнишь его или, когда поддашь, память пропадает?

— Фамилия его Саидов, звать Ахмед, а вот отчество забыл. Ну ничего, у меня дома на обложке книги записано.

— Толя, а ты не боишься хранить все это у себя дома?

— Нет, я не дурак. Дома у меня хранится только то, что подлежит продаже, да вот та банка с испорченными аксами. Меня здорово братуха выручает — живет один и не здесь. Так что все надежно.

Ляхов понял: все, что можно, он узнал у Диковца, продолжать игру в том же духе время не позволяло. Ляхов встал и, подойдя к дверям, выглянул в коридор. В комнату тут же вошли трое молодых мужчин. Диковец с недоумением смотрел то на них, то на Ляхова. А Ляхов, улыбаясь, протянул к его носу удостоверение:

— Спокойно, Диковец, ваш правдивый рассказ, конечно, нам очень поможет, и, по-моему, чтобы не усугублять своего положения, вам необходимо и дальше продолжать в том же духе.

Диковец не мог даже слова вымолвить, он только ошалело водил глазами по присутствующим.

Вскоре у гостиницы остановилась автомашина. В нее сели Ляхов, Кустов, Смирнов, Шмурадко, а также Диковец. Они ехали к Диковцу домой. На дорогу ушло минут сорок. Диковец постепенно начал приходить в себя и, когда машина остановилась у его дома, с недоумением спросил у шофера:

— А вы откуда знаете, где я живу?

— Это, дорогой мой, мы уже давно знаем, — с улыбкой ответил водитель, открывая дверцу.

Дверь в дом была на замке, и Диковец, явно желая затянуть время, заявил:

— Жены дома нет, а ключ от дверей я с собой не взял.

Работники милиции оставили его слова без ответа. А когда Шмурадко привел во двор понятых — пожилого мужчину и молодую женщину, — Ляхов, повернувшись к Диковцу, сказал:

— Диковец, если вы не откроете дверь добровольно, мы вынуждены будем взломать ее. Поэтому послушайте доброго совета и открывайте.

Диковец, чертыхаясь, подошел к крыльцу и, чуть приподняв лежавшую на земле квадратную бетонную плиту, взял из-под нее ключ, открыл дверь. Обыск протекал довольно быстро. Было обнаружено большое количество деталей. В опилках, кроме банки, которую вчера Диковец показывал Ляхову, нашли еще одну. В ней оказалось 17 золотых пластинок. Гора ценностей и деталей, подлежащих изъятию, росла. В диване Шмурадко разыскал металлическую банку. Открыли ее, а в ней полно позолоченных заводных головок.

Ляхова интересовала книга, где записаны данные Саидова. Он ее и нашел. На внутренней стороне обложки прочитал: «Саидов Ахмед Ахмедович. Город Куйбышев, почтамт, до востребования».

Ляхов вместе с другими работниками продолжал обыск, а сам краем глаза следил за Диковцом. Заметил, какими беспокойными были его глаза, когда Кустов заглянул под стол, стоявший в углу комнаты. Ляхов подошел к столу и отодвинул его от стены. Под столом стоял пылесос. Николай его тоже отодвинул в сторону. Долго рассматривал и простукивал доски пола и стены. Затем самым тщательным образом осмотрел стол. Ничего нет. Поставил стол и пылесос на место и начал перелистывать лежащие на подоконнике книги. Но что-то его продолжало беспокоить. Что же? И вдруг понял. Подошел к столу, вытащил на середину комнаты пылесос, открыл его и стал доставать пачки денег в крупных купюрах...

Диковец сидел подавленный и расстроенный. С ненавистью смотрел он на небольшой магнитофон, стоящий на столе перед Ляховым. Когда тот на минуту включил этот противный ящик, Диковец услышал

себя, свой недавний глупый рассказ о похождениях и связях, о том, где, когда и кому продавал большие партии деталей. Словно из какой-то туманной дали донеслись до него слова оперативного работника:

– У вас есть только одна возможность облегчить свою судьбу – это оказать нам помощь в изъятии по возможности большего количества деталей, которые вы продали, с тем, чтобы, во-первых, уменьшить сумму иска, который, несомненно, будет вам предъявлен, а во-вторых, это покажет, насколько искренне вы вели себя на следствии, что тоже имеет значение для суда при определении меры наказания. Скажу еще одно: не захотите быть откровенным, обойдемся без вас. Так что решайте.

– Скажите, а у меня не изымут «Волгу»?

– Это дело суда. Так как, решили?

– Да что здесь решать. То, что знаю, все скажу и покажу...

Первым, к кому поехали, был Аракелян – часовой мастер Дома быта. Диковец сказал, что Аракелян сравнительно недавно приобрел у него детали на шесть тысяч пятьсот рублей, которые он продавал по завышенной цене приезжим барышникам. Но где хранятся эти детали, пока неизвестно. Искать их сложно, потому что Аракелян недавно разошелся с женой, ушел из квартиры и проживает в различных местах.

Диковец был заинтересован в том, чтобы изъять детали. Но он был уверен, что на добровольную выдачу деталей надеяться нельзя. Он предложил свой план.

Смирнов остался готовить запросы по телетайпу в отношении брата Диковца, который, оказывается, проживает не в Харькове, а в Днепропетровске. Ляхов, Кустов и Шмурадко вместе с Диковцом поехали к Аракеляну на работу. Рабочий день уже заканчивался, и Николай, боясь опоздать, торопил шофера. Но как тот ни старался, они опоздали на пять минут. Решили, что пойдут на пятый этаж, где размещалась мастерская Аракеляна, Диковец и Ляхов. Остальные останутся в машине. Ляхову повезло. Когда они в лифте подня-

лись на пятый этаж, то столкнулись с Аракеляном, который уже уходил. Его окликнул Диковец:

– Ашот, иди сюда.

Тот, увидев Диковца, с улыбкой подошел к ним:

– Что это ты к концу работы? Словно хочешь бедного Ашота, которому сегодня исполнилось тридцать пять, пригласить в ресторан.

– О, поздравляю, Ашот, познакомься, этот товарищ приехал ко мне за товаром. Я все, что было, отдал, а ему этого мало. Говорит: «Давай еще!» Вот я и решил о тебе позаботиться.

Лицо Аракеляна расплылось в еще большей улыбке:

– Это ты, дорогой, хорошо сделал, – и, протягивая руку Ляхову, представился: – Ашот.

Ляхов не стал скрывать своего имени и, пожав его руку, так же коротко ответил:

– Николай.

Аракелян, оглянувшись вокруг, тихо спросил:

– Николай, что тебя интересует?

– Все. Я оптовик, и мне может все пригодиться.

– Хорошо. Тогда сделаем так: едем оформлять дело, а затем я вас обоих приглашаю в ресторан – мой день рождения. Я уже заказал банкетный зал, где будет человек тридцать моих самых лучших друзей.

Они сели в лифт и через несколько минут уже выезжали на сером «Москвиче» со двора Дома быта.

Ляхов, сидевший на заднем сиденье, беспокоился, заметят ли их его товарищи, и, улучив момент, оглянулся, затем облегченно вздохнул. Милицейская «Волга», которая не имела никаких отличительных знаков, шла невдалеке следом. Они подъехали к массивному серому пятиэтажному зданию, покинули машину и вслед за Аракеляном вошли во второй подъезд. Здесь на втором этаже напротив двери с надписью «Левин М. А.» Аракелян остановился, достал из кармана пиджака ключ и, открыв дверь, пригласил:

– Входите, – и сам первым вошел в квартиру. Ляхов, сделав вид, что завязывает шнурок на туфле, несколь-

ко замешкался на лестничной площадке. Этого было достаточно, чтобы Кустов, поднимавшийся следом за ними, заметил, в какую квартиру они вошли. Аракелян пригласил их в большую, обставленную изящной мебелью комнату.

Диковец спросил:

— Ты здесь живешь?

— Нет. Знакомый. Он на курсы уехал на два месяца, а мне ключи оставил.

Аракелян подошел к дивану-кровати и из ящика, в котором обычно хранятся постельные принадлежности, достал две хозяйственные сумки и поставил их на стол:

— В этой сумке — аксы, а в этой — головки. Всего на восемь с половиной тысяч рубликов.

Ляхов догадался, что это и есть те детали, которые Диковец продал за шесть с половиной тысяч Аракеляну. Тот даже бровью не повел в присутствии бывшего продавца, пытаясь занять две тысячи. Ляхов открыл сначала одну, потом вторую сумку и, глядя на Диковца, спросил:

— Толя, здесь столько, сколько ты говорил?

Ему ответил Аракелян:

— Да, да, я ни одной штучки отсюда не брал. У меня еще немножко есть из прежних запасов.

Ляхов постоял немного, делая вид, что прикидывает, брать или не брать, а затем, вроде решившись, сказал:

— Хорошо, забираю! А еще что у тебя есть?

Аракелян с готовностью подошел к серванту, открыл нижнюю дверку и достал фанерный ящик, в которых обычно отправляют посылки:

— Вот, здесь последние — тридцать шесть тысяч головок и сорок тысяч аксов.

Ляхов спросил о цене. Аракелян, довольный, что попался солидный оптовик, решил несколько сбросить в цене и за каждую тысячу аксов и головок запросил на десятку меньше.

— Хорошо, забираю и это. А еще что-нибудь есть?

Аракелян вошел в раж:

— А кроме этого товара, тебя что-либо интересует?

— А что именно?

— Ну, например, это, — он подошел к шкафу, открыл его и из кармана висевшего там пиджака достал небольшую синего цвета коробочку из-под часов и протянул ее Ляхову.

Там были три крупных бриллианта. Ляхов долго рассматривал их, а сам думал: «Ну, теперь, кажется, все. Нужно звать своих». Он, положив коробочку на стол, сказал:

— Ну что же, можно и об этих предметах поговорить. Но сначала давайте рассчитаемся за детали. Вы считайте сумму, а я в туалет схожу.

Он вышел из комнаты, прошел в конец коридора и открыл дверь. Кустов и Шмурадко тут же вошли в квартиру, а Ляхов быстро направился в комнату. Аракелян, сидя за столом, на обрывке оберточной бумаги подсчитывал, сколько ему предстоит получить. Увидев вошедших, он прекратил свои бухгалтерские подсчеты и удивленно спросил:

— А вам что нужно?

Ляхов улыбнулся:

— Ничего, ничего, Аракелян, можете не обращать внимания. Это свои, — и тут же предъявил удостоверение. Аракелян все понял. Его лицо покрылось красными пятнами. Видимо, он вспомнил о Диковце и тотчас же вопросительно посмотрел на него. А Диковец сделал вид, что тоже ошарашен и ничего не понимает.

Через час в этой квартире все было закончено. Впереди — встреча с Лемешко, который тоже купил у Диковца за три тысячи двести рублей партию деталей.

Машина остановилась за квартал от дома, где проживал Лемешко, и Ляхов с Диковцом пошли дальше пешком. По дороге Диковец сообщил, что жена у Лемешко очень злая женщина и поэтому с ним нужно говорить без нее.

Им не повезло. Дверь открыла жена и сказала, что Петра дома нет, а когда придет, не знает. Ляхов при-

нял решение ждать Лемешко здесь, у его дома, и предупредил об этом своих.

Ждать пришлось около трех часов. Лемешко появился неожиданно и с другой стороны.

Диковец подозвал его:

– Познакомься, Петя, человек приехал с юга. Я ему все, что было, отдал, но ему этого мало, так что если хочешь, то можешь и свои детали сплавить.

Но Лемешко рассмеялся:

– Поздно вы, хлопцы, приехали. Я недавно уже все продал одному приезжему, – и он похлопал рукой по хозяйственной сумке. – Все загнал.

Ляхов понял – деталей у него нет. Но можно изъять деньги, полученные за продажу ценностей. «По всей вероятности, деньги при нем». И он подал условный знак своим. Кустов и Шмурадко быстро приблизились к ним. Через минуту они уже мчались в отдел милиции. Быстро пригласили понятых и произвели у Лемешко личный обыск. Но у него, кроме пятнадцати рублей в кармане пиджака и трех больших вяленых лещей в сумке, ничего не оказалось.

– Где деньги, которые вы получили за продажу деталей? – спросил Ляхов.

– А он мне денег не давал, сказал, что пришлет по почте.

Было видно, что Лемешко пришел в себя, а отсутствие при нем вещественных доказательств добавило ему нахальства.

– И вообще, на каком основании вы меня хватаете на улице, тащите в милицию, обыскиваете?

– Кому вы продали детали? – спросил Шмурадко.

– Какие детали? Впервые слышу...

– Детали, которые вам продал Диковец.

– Диковца я знаю, мы иногда видимся, но никаких деталей я у него не покупал.

Ляхов не выдержал:

– Бросьте молоть чепуху, Лемешко, вы же двадцать минут назад сами говорили, что уже продали эти детали.

– Я так говорил потому, что вас испугался. Смотрю, незнакомый человек...

– Ну, а Диковец же знакомый.

– Все равно хоть и Диковец, а вы незнакомый, лезете ко мне с какими-то деталями, и я, чтобы отвязаться, действительно сказал, что продал. А у меня не было и нет никаких деталей. Я человек непричастный. Можете обыск сделать дома...

– Ну, обыск мы и без вашего приглашения сделаем, – перебил его Шмурадко.

«Все лопается, как мыльный пузырь, – подумал Ляхов, слушая Лемешко. – Но он же мог врать». Ляхов помнит, как Лемешко похлопал рукой по своей сумке, когда говорил, что они опоздали. «А может, в сумке второе дно? Или под подкладкой?» – мелькнула мысль. И он снова взял в руки сумку.

Лемешко на полуслове оборвал свою обвинительную речь. Он молча следил за неторопливыми движениями Ляхова, который выложил рыбу на стол и стал по сантиметрам исследовать сумку. Шмурадко тоже наблюдал, затем быстро подошел к столу и, взяв в руки огромного леща, словно волшебник, достал из его брюха целлофановый пакетик. Воцарилось гробовое молчание. А он проделал ту же операцию с двумя другими большими рыбинами. В трех пакетах оказалось пять с половиной тысяч рублей. Ляхов повернулся к Лемешко и как можно спокойнее сказал:

– Ну, вот что, гражданин Лемешко, выбирайте одно из двух: или садитесь за составление жалобы на работников милиции, или же, пока не поздно, говорите, где сейчас находится ваш покупатель. Я предупреждаю вас сразу: если дадите возможность уйти ему, то пеняйте на себя!

Лемешко был подавлен и, еле выговаривая слова, произнес:

– Он уехал в Ростов... Я его проводил... вагон восьмой.

Ляхов взглянул на Шмурадко, и тот тут же вышел из кабинета. Пока составлялись необходимые доку-

менты, он успел выяснить, каким самолетом можно быстрее вылететь в Ростов. Оказалось, что последний уходит через час, и Шмурадко, попросив оставить три билета, вызвал из кабинета Ляхова. После короткого совещания решили так: Кустов и Смирнов берут с собой Лемешко и летят в Ростов, где с местными товарищами организуют задержание покупателя и изъятие деталей, а Ляхов остается в Харькове для продолжения работы...

В Минске события развивались тоже не менее стремительно. Сотрудниками ОБХСС были установлены все те, кто попался в сеть Мельникова. Показания Стельмаха подтвердились полностью. Но трогать преступников было еще рано. Пока Ляхов не установит в Харькове лиц, приобретавших детали, не изымет их, не получит других доказательств вины каждого из воров, трогать их было бессмысленно.

Начальник ОБХСС города Карасев пригласил к себе в кабинет всех сотрудников, принимавших участие в операции. Он был немногословен:

— Ляхов не позже чем завтра закончит выполнение поставленной перед ним задачи. Нам же с вами необходимо подготовиться и сделать всё, чтобы по его прибытии задержек не было. Я прошу вас, товарищ Мирский, подготовить постановления на производство обысков у всех участников группы. Договоритесь с комсомольским оперативным отрядом о помощи. Необходимо также подобрать специалистов, которые окажутся полезными во время производства обысков. А пока ни одного расхитителя из поля зрения не выпускать.

После этого Карасев отпустил сотрудников, оставив только Мирского и Гласова, молодого, очень старательного и смекалистого работника.

— Вам, Михаил Игнатьевич, необходимо проверить, не останавливался ли в гостиницах города в этом и в прошлом годах вот этот человек. — И он протянул Глазову листок бумаги.

Гласов вслух прочитал:

— Саидов. Уж не «старик» ли это, Юрий Михайлович?

— Он. Ляхов вместе с харьковскими товарищами установил его. А теперь вспомните, Стельмах в своих показаниях пояснял, что видел однажды у «старика» квитанцию какой-то гостиницы. Вот вы и попытайтесь отыскать эту гостиницу.

Гласов ушел. Он еще не знал тогда, что очень скоро встретится со «стариком».

Карасев внимательно посмотрел на Мирского и неожиданно сказал:

— Вам, Василий Владимирович, завтра придется вылететь в Куйбышев и попытаться там разыскать Саидова. Ляхову удалось выудить у Диковца, что в случае необходимости Саидова можно найти, послав ему в Куйбышев на почтамт до востребования письмо. С помощью местных товарищей воспользуйтесь этой возможностью. Действовать будете, исходя из обстановки...

Дул сильный, порывистый, перемешанный с холодным дождем ветер. Он завывал, барабанил по стеклу окна каплями воды. В кабинете было сумрачно и неуютно. Мирский, ожидая, когда возвратится его куйбышевский коллега, которого вызвал начальник управления, молча вертел справку адресного бюро на Саидова.

В кабинет вошел начальник отделения. Высокого роста, в гражданском костюме, он был очень похож на киноартиста Меркурьева. Иван Иванович, так его звали, только что подымался по лестнице и тяжело дышал, его, наверное, мучила одышка. Увидев в руках Мирского справку адресного бюро, спросил:

— Что, уже принесли сведения?

— Да, но толку мало, — грустно вздохнул Мирский, — Саидов Ахмед Ахмедович в городе не прописан.

— Но должен же он здесь жить, раз просил писать сюда.

— По идее, конечно, это так, но он мог просто сюда чаще, чем в другой город, приезжать. Иван Иванович,

могли бы вы проверить, нет ли у оперативных сотрудников сигналов о скупщиках часов или частей к ним?

— Это мы завтра же во время селекторного совещания поинтересуемся.

Иван Иванович на мгновение задумался, а затем предложил:

— А что, если нам письмо Саидову написать?

— Как написать? — переспросил Мирский и вдруг понял, о чем толкует коллега. — Вы имеете в виду почтайт?

— Конечно. Черкнем ему пару слов и будем ждать, пока он придет.

— Пожалуй, это единственная возможность, — согласился Мирский.

Они тут же подготовили письмо и, несмотря на дождь, поехали на почтайт.

Начальник почтайта был на месте, и ему долго не пришлось объяснять. Договорились, что, как только Саидов обратится за письмом, его тут же с помощью работников охраны почтайта задержат и вызовут милицию.

Работники ОБХСС вышли из здания почтайта. День клонился к вечеру. Иван Иванович проводил Мирского до гостиницы, где был заказан номер, и они попрощались.

Мирский быстро умылся, спустился в ресторан, расположенный на первом этаже, поужинал и, возвратившись в номер, сразу же завалился спать. Усталость давала о себе знать, и он решил хорошенько отдохнуть.

Утром он проснулся, как обычно, в шесть часов, но вставать не торопился и, подложив руки под голову, задумчиво смотрел в потолок. Перспектива сидеть в Куйбышеве и ждать появления Саидова на почтайте ему не улыбалась. «Надо предпринять еще что-то, — думал он, — сегодня же после селекторного совещания встречусь с начальником управления, попрошу его принять необходимые меры к розыску «старика». Если он здесь, в городе, то шансы поймать его есть».

Постепенно в его голове рождалась схема действий. И когда Мирский пришел в управление, то смог предложить местным товарищам почти готовый план.

Во время селекторного совещания после обмена информацией между начальником ОБХСС и райотделами милиции Иван Иванович завел разговор о Саидове. Оказалось, что о нем ни у кого никаких сведений не было. Тогда Иван Иванович поручил подчиненным побеседовать со всеми часовыми мастерами, проверить места, где мог скрываться Саидов. Все остальное время у Мирского ушло на объезд районных отделов милиции, беседы с сотрудниками, знакомство с оперативными материалами. Никаких зацепок, которые могли вывести на след Саидова, не было.

Рабочий день заканчивался, когда Мирский вошел в кабинет Ивана Ивановича и устало опустился на стул:

— Тяжелое это дело — искать иголку в сене. У вас никаких новостей?

Иван Иванович молчал, уныло глядя в окно. Только сейчас Мирский обратил внимание на то, что тот чем-то расстроен.

— Случилось что-нибудь?

— Не говорите, — Иван Иванович безнадежно махнул рукой, — накладку на почтайте получила. Час назад туда обратился молодой мужчина с паспортом на имя Саидова. Работница отдела «до востребования» тут же условным сигналом сообщила начальнику охраны. Ну, а тот решил в детективы поиграть и, вместо того чтобы прямо в здании почтайта задержать этого мужчину, вместе с одним из своих сотрудников пошел за ним на улицу. К мужчине подошел какой-то старик, они о чем-то поговорили между собой, пожали друг другу руки и разошлись. И только после этого его задержали и позвонили нам. Оказалось, что этот человек не только не Саидов, но и, если ему верить, знать не знает его. Говорит, что когда он шел мимо почтайта, то его остановил неизвестный гражданин и, протянув паспорт, попросил проверить, нет ли ему корреспонденции. И

тут же добавил, что сам не может это сделать, так как в зале почтамта стоит его знакомый, с которым он не хочет встречаться. Задержи начальник охраны мужчину в зале, то тот бы, естественно, разъяснил, что к чему, и Саидов был бы задержан. Черт бы побрал этого детективщика! Я попытался с ним поговорить, так он на дыбы встает: «Что меня учите, я сам когда-то в милиции работал и знаю, как действовать надо, хотел же как лучше сделать!» Ну что с него возьмешь? Темный, как два подвала, такому не объяснишь.

– А он в милиции действительно работал?

– Да, во вневедомственной охране бригадиром сторожей около года проработал, лет шесть назад уволился.

– А где задержанный мужчина?

– Здесь. Я позвонил в райотдел, где вы были, и, узнав, что вы уже направились сюда, не стал с ним беседовать, решил вас дожидаться.

– Дайте команду, пусть приведут.

Иван Иванович поднял трубку внутреннего телефона и приказал дежурному привести задержанного. Через несколько минут в сопровождении дежурного офицера в кабинет вошел высокий, одетый в синий болоньевый плащ мужчина. Он молча остановился у дверей, Иван Иванович предложил ему стул и взглянул на Мирского, предлагая тому начать разговор. Мирский спросил:

– Как вас зовут?

– Нестеренко Михаил Адамович.

– Михаил Адамович, расскажите, пожалуйста, как вы познакомились с гражданином, который попросил вас проверить, нет ли ему корреспонденции?

– Да я с ним и не знакомился, иду себе на работу мимо почтамта, останавливает меня какой-то старик и говорит: «Слушай, товарищ, проверь по моему паспорту, нет ли мне письма, а то в зале стоит человек один, который противен мне, и я не хочу его видеть». Я взял паспорт, вошел в здание почтамта, получил по его паспорту письмо, а затем вышел обратно, от-

дал письмо и паспорт, он пожал мне руку, и мы разошлись, но тут подскочили ко мне какие-то двое, один кричит: «Руки вверх!», другой – «Ни с места!». Я сразу их даже за сумасшедших принял, но смотрю, уж больно они со мной познакомиться хотят и пошел с ними в почтамт, смотрю, а один из них в милицию звонит, в трубку кричит: поймали, дескать. Приехали ваши товарищи и привезли меня сюда. Сижу, голову ломаю – за что?

– Михаил Адамович, как вы считаете, видел ли тот старик, когда к вам подошли работники почтамта?

– Нет, он же сразу, как только пожал мне руку, повернулся и ушел в противоположную сторону.

Мирский видел, что Нестеренко говорит правду, и, быстро записав его показания, отпустил. Нестеренко вышел из кабинета, а Мирский задумчиво проговорил:

– Да, дела. Хорошо, что мы сообразили письмо от имени Диковца из Харькова написать, а то вообще завал был бы.

– Что предпринимать будем? – спросил Иван Иванович.

– Я думаю, что раз в письме мы от имени Диковца предложили Саидову встретиться в Минске, то мне надо уезжать домой. К вам будет только просьба, на всякий случай договориться на почтамте, если появится Саидов, чтобы действовали умело.

Вскоре они решили вопрос о билете, и Мирский возвратился в гостиницу, переночевал и рано утром был уже в аэропорту...

Прошло несколько дней. Ляхов сидел в кабинете начальника отдела и докладывал об итогах командировки. Напротив него сидели Ильин и Карасев. Результаты командировки были успешными. В Харькове, Днепропетровске и Ростове удалось изъять более чем на сорок тысяч рублей похищенных у государства дефицитных деталей. Собраны неопровержимые доказательства вины всех участников преступной группы. Ляхов не скрывал своей радости и, жестикулируя

руками, рассказывал о своих похождениях. Ильин спросил:

— Как Стельмах вел себя?

— Превосходно, Георгий Антонович. Держался естественно, помогал, как мог. Считаю, что его арестовывать не надо. Кстати, он вспомнил, что «старик» поддерживал связь с заведующим складом одной из баз. Если верить Стельмаху, а я ему верю, то «старик» очень дорожил этой связью и, вполне вероятно, имел с ним большое дело.

— А как установить этого заведующего складом? — спросил Карасев.

— Только с помощью Стельмаха. Он видел его однажды.

— Где сейчас Стельмах?

— Здесь, в отделе.

— А что, если поговорить с ним? — спросил Ильин у Карасева.

— Я тоже так считаю, а затем и решим, что будем делать дальше.

Ляхов молча вышел и вскоре привел в кабинет Стельмаха.

Ильин пригласил его сесть и спросил:

— Михаил, как вы думаете, «старик» может появиться в Минске?

— Если он не знает о нашем задержании, то наверняка придет.

— А у кого он может остановиться?

— Не знаю. Ему известны адреса всех наших, но никто из нас не знал ни его фамилии, ни адреса, где он остановился.

— Скажите, что вам известно о знакомом «старика», который работает на базе?

Стельмах на мгновение задумался, а затем ответил:

— Однажды, во время нашего разговора, у входа в парк имени Челюскинцев, «старик» прервал меня, попросил подождать немного, пока он переговорит по телефону. Телефон-автомат был рядом, он вошел в будку

и куда-то позвонил. Очевидно, слышимость была плохой, и «старик» вынужден был кричать громко в трубку. Я стоял недалеко и расслышал, как он спрашивал, попал ли он на какую-то базу, затем он просил кого-то позвать к телефону, но кого именно, я не разобрал, потому что в этот момент от остановки с шумом отходил троллейбус. Позже я услышал, что «старик» называл своего собеседника Ароном. Затем он вышел из кабины, и мы продолжили разговор, а когда закончили и стали прощаться, то он спросил у меня, как ему проехать на улицу Козлова. Я ему посоветовал ехать троллейбусом, но он уточнил, что ему надо на угол улиц Козлова и Ботанической, где его будет ждать знакомый. Я сказал, что в таком случае ему лучше ехать трамваем или автобусом, вторым номером, и он уехал.

— Какие у них могут быть дела?

Стельмах опять задумался, а потом уверенно ответил:

— Я считаю, что дела у них солидные. После той поездки к Арону, вечером, я увидел у «старика» большую партию часов. — Стельмах помолчал немного, а затем продолжил: — Был у меня еще один случай. Однажды я проходил по улице Ботанической и неожиданно увидел «старика». Он разговаривал с каким-то пиджачиком, разодетым, как петух, во все иностранное: рубашка красного цвета, джинсы синего, на шее синий платок. Я не стал к ним подходить и решил просто так наблюдать за ними со стороны. Вдруг смотрю: мимо них проходит один мой знакомый. Он поздоровался за руку с тем пиджачиком и, переговорив о чем-то, отошел. Увидев, что он направляется в мою сторону, я дождался его и поздоровался. Поговорив о том о сем, я спросил, кто этот петух расфуфыренный. Парень ответил, что это заведующий складом.

— А как фамилия вашего знакомого? — спросил Карасев.

Стельмах улыбнулся:

— Вы знаете, я хорошо его знаю в лицо, мы вместе с пятого по седьмой класс в одной школе учились, а вот

фамилию и имя его, хоть убейте, не помню. Но мне кажется, что его можно легко найти. Дело в том, что я тогда спросил у него, где он живет, а он мне показал рукой на дом, так что если мне подойти к этому дому, то найти парня будет совсем нетрудно.

Ильин переглянулся с Карасевым и повернулся к Ляхову:

– Николай Егорович, попытайтесь вместе со Стельмахом установить этого человека, а через него выйти на завскладом.

– Если найдем завскладом, приглашать его сюда?

– Нет, пока не надо...

Человек вел себя странно. Сутулясь, чуть втянув голову в плечи, как будто что-то давило на него, он пересек один двор, другой, вошел в арку и остановился. Посмотрел по сторонам. Торопливо достал из кармана намоченного плаща письмо и жадно стал его читать.

Маленький, сутулый, седой, он внимательно, слегка шевеля губами, читал. Узкие, спрятавшиеся в щелки века глаза быстро пролетали по строчкам. Зубы были плохие, а бледная кожа придавала лицу нездоровый вид.

Да, это был «старик», он же Саидов. Мало кто знал, что он и не Саидов. На самом деле его настоящая фамилия – Абдураимов. Эта фамилия работникам милиции говорила о многом: четырежды судимого, его разыскивали за попытку совершить очередное тяжкое преступление, но он смог достать чужие документы и теперь скрывался под другим именем. Абдураимов порвал на мелкие кусочки письмо и выбросил их за арку, где гулял ветер и дождь. Затем он отжал двумя руками небольшую бородку и, втянув голову в плечи, шагнул в дождь. Передвигался он быстро, сменяя ногами, казалось, что он не идет, а бежит трусцой. Письмо вызвало у Абдураимова интерес, и сейчас на ходу он обдумывал, что ему предпринять.

Он взглянул вверх: темно-серые тучи нависали над городом. «Кажется, этому проклятому дождю конца и края не будет!» – мысленно чертыхнулся Абдураимов

и вошел в один из подъездов большого дома. Тяжело стуча ногами по ступенькам лестницы, поднялся на третий этаж. У двери тридцать второй квартиры он остановился, расстегнул плащ и начал шарить руками по карманам. Достал ключ, открыл дверь. В квартире было сумрачно, тяжелый спертый воздух свидетельствовал, что квартира давно не проветривалась.

Абдураимов повесил на вешалку в прихожей плащ и вошел в большую комнату. Здесь все было в беспорядке: диван с небраным, давно не стиранным бельем, стул, на котором почему-то лежали старые шлепанцы. На столе стояли две бутылки водки, валялись остатки пищи. Абдураимов постоял немного у стола, думая о чем-то своем, потом налил из бутылки полстакана водки, выпил, не закусывая, и вслух подумал:

– Старее, а жизнь себе так и не могу устроить. – Помолчал немного и добавил: – Денег куча, а жизни нет.

На дворе уже темнело, когда в дверях послышался щелчок и в квартиру вошел мужчина в темных очках. Не снимая мокрого от дождя плаща, он прошел на кухню:

– Привет, давно ждешь?

– Давно. Дождь льет, идти некуда, а ты где запропастился?

– Знакомую встретил, – хищно блеснул зубами прищелец.

Он был высокого роста и, когда прохаживался по комнате, то все время пригибал голову и с опаской поглядывал на лампочку, боясь задеть ее головой. На вид ему можно было дать лет тридцать пять–сорок.

На продолговатом лице, глубоко под густыми бровями, спрятались темно-карие глаза. Высокий и стройный, внешне он был неприятен. Это Мхитарян.

Мхитарян снял плащ, небрежно бросил его на спинку стула. Сейчас можно было видеть на нем великолепно сшитый темно-серый костюм, белоснежную рубашку и красный галстук. Он, тщательно причесывая свои густые, черные, тронутые сединой волосы, поправил пышные бакенбарды и, не обращая внимания на

падающие с плаща на сиденье стула капли воды, сел. Держался довольно развязно:

– Был на почтамте?

– Да, еще днем.

– Ничего нет?

– Есть. Диковец из Харькова письмишко прислал.

– Что хочет?

– Предлагает встретиться в Минске, есть солидное предложение.

– Ну, а как ты решил?

«Старик» задумчиво посмотрел в окно и проворчал:

– Надоело сидеть и ждать.

– Чего ждать? – не понял Мхитарян.

– Всего. Конторы, лучшей жизни, смерти, если хочешь. Я всю жизнь то бегу, то жду, – и он невесело улыбнулся.

– Чему улыбаешься? Почему от ответа увиливаешь, – вспыхнул Мхитарян, – может, сам решил ехать? Что-то ты, друг, в последнее время, как я погляжу, начал воду мутить, на мозги мне капать. «Смерти жду» – тебя же оглоблей не прибьешь. Говори, задумал что-то? И не крути мне здесь хвостом!

Абдураимов был намного старше и слабее Мхитаряна, но это его не остановило. Он неожиданно вскочил со своего места и влепил Мхитаряну такую оплеуху, что тот чудом удержался на стуле.

– Это я хвостом кручу, собачий ты сын? Я всю жизнь бьюсь, чтобы эту самую жизнь, в конце концов, увидеть, а она от меня морду воротит, зад подставляет – это так! Но скажи мне, назови хоть один случай, когда я друзей бросил?

Неизвестно почему, но на горячего и резкого Мхитаряна оплеуха подействовала успокаивающе, и он, держась левой рукой за ухо, примиряюще сказал:

– Чего ты кипятишься? Зачем руками, как мельница крыльями, машешь? Я ведь по-человечески, по-дружески спросил, что делать будем. Лично я уже давно в Минске не был и с удовольствием бы прокатился

туда, а ты в ухо, да еще кулаком, ведь так можно из меня и глухого сделать, как же я тогда работать буду? Как я буду с девочками знакомиться? Нет, ты, друг, не прав.

Он подошел к раковине, открыл холодную воду и, смочив руку, поднес ее к уху и неожиданно улыбнулся:

– Слушай, дед, а рука у тебя каменная, хорошо бьешь, даже завидно стало.

– Это я умею, – согласился Абдураимов и добавил: – Отец научил, да и сам солидную школу прошел.

И неожиданно переменял тему разговора:

– Я думаю, что в Минск надо съездить, товар там найдем, сбудем залежавшуюся партию.

– Через кого мы сбудем?

– Есть там у меня друг, на базе работает, связи у него огромные...

Ляхов и Стельмах искали заведующего складом сравнительно недолго. Начали они с того, что разыскали бывшего одноклассника Стельмаха. Это оказалось несложно. Они пришли во двор дома, на который тот указал Стельмаху. А в каждом дворе найдется пара старушек-всезнаек. Они-то и подсказали фамилию нужного им человека. Оказалось, что это был Кальман Исидор. Стельмах встретился с ним, и к вечеру Ляхов доложил начальнику райотдела, что фамилия заведующего складом – Каганович, Арон Яковлевич, тридцати лет.

Ильин поручил Ляхову выяснить, что из себя представляет Каганович. И Ляхов утром на следующий день направился на базу. Директор базы, высокий, худощавый, с редкими светлыми волосами мужчина, куда-то торопился, и было видно, что приход оперативника для него некстати. Нетерпеливо поглядывая на часы, он коротко охарактеризовал своего подчиненного:

– Каганович работник неплохой, знающий и пред-
приимчивый, я вполне им удовлетворен.

– Какие товары хранятся у него на складе?

– Разные, – уклончиво ответил директор.

– Он женат?

– Не знаю. Я в личную жизнь своих сотрудников стараюсь не вмешиваться.

– К нему на склад посторонние лица не приходят?

– Это исключено. У меня на базе заведен железный порядок. Мухи и те себя чувствуют беспокойно, не то что посторонний человек.

Директор базы еще раз выразительно взглянул на часы и сказал:

– Я вынужден извиниться, тороплюсь в министерство.

Ляхову надо было спросить о многом, и он решил еще раз встретиться с директором:

– Вы не будете возражать, если я сегодня к вечеру еще разок подойду к вам и мы закончим беседу?

– Вы знаете, ничего не получится: ровно в пять у меня назначено совещание.

Ляхову ничего не оставалось, как попрощаться и уйти.

Он решил, не теряя времени, побывать в доме, где живет Каганович. Надо было выяснить, кто проживает вместе с ним, не исключено, что «старик» мог по приезду в город остановиться у него.

Ляхов не знал, что директор базы после его ухода позвонил Кагановичу и вызвал его к себе.

Через несколько минут Каганович был в кабинете. Директор закрыл дверь на ключ и повернулся к зав-складом:

– Слушай, Арон, что ты натворил, почему ОБХСС тобой интересуется?

– Я? – Каганович побледнел. – Я ничего не натворил, Михаил Алексеевич!

– Куда ты отправил ту партию?

– Как вы приказали, я так и сделал. А они не говорили, в чем дело?

– Один был, салага, видать, все набивался ко мне на продолжение беседы. Я сказал, что занят.

Не слышал Ляхов этого разговора, но в этот день все-таки пришлось ему усомниться в искренности директора. Он побывал в доме, в котором проживал Каганович, побеседовал с соседями, опросил женщин, сидящих во дворе. Одна из них, высокая, худощавая, с впалыми щеками и недоверчивыми глазами старушка, долго рассматривала Ляхова, внимательно и, очевидно, по слогам, так решил Николай, глядя, как она молча шевелила губами, читала удостоверение, а потом пригласила его в квартиру.

Очевидно, старушка жила одна. Ляхов сел на предложенный стул и приготовился к долгой и нудной беседе. Хозяйка села напротив и, к немалому удивлению гостя, сразу же перешла к делу:

– Что я тебе, сынок, могу сказать о Кагановиче. Раньше он был еще терпимым, но с годами его душа и вылезла наружу. Гадкий он человек. Вот тебе, я слышала, соседки говорили, что гулянки пьяные он у себя в квартире устраивает, а меня не это беспокоит, меня его бандитская душа удивляет. Откуда у человека столько злобы накопилось? Понимаешь, у него есть две собаки, так он же из них зверей хочет сделать. Иду я как-то вечером по двору, а он своих собак вывел на прогулку. Одна псина большая, другая – поменьше, молодая еще. И надо же было так случиться, что, на свою беду, котенок во двор выскочил. Собаки его не увидели, а Каганович заметил эту крошку и давай на него собак науськивать. А те увидели котенка и – за ним. А тому, бедному, деваться некуда, вскочил на контейнер для вывозки мусора и глядит оттуда затравленно. Собаки лают, прыгают вокруг контейнера. Арон подошел, котенок думал, что это спасение, и сам ему в руки подался, а этот изверг взял и бросил его собакам. Они тут же разорвали котенка, а Каганович поднял его, окровавленного, и давай молодую собаку дразнить, а та от вида крови совсем осатанела: рычит, прыгает вокруг, а хозяин смеется. Знаете,

и собака и он в ту минуту друг на друга как две капли были похожи.

– Может, Каганович пьян был?

– Нет. Пьяным мне его не доводилось видеть, а вот в образе зверя – не раз. Помню, как однажды Каганович вывел собак на прогулку без намордников. И на прохожего, который сделал ему замечание, стал науськивать собак. Но прохожий, – старушка улыбнулась, – молодец, не тюхтяй какой-нибудь попался, схватил палку и так огрел большую собаку, что псы, как мыши, разбежались, а он тогда с палкой на Кагановича. Вы бы посмотрели, как наш Арончик от него вприпрыжку удирал! Любо-дорого смотреть было.

Вскоре Ляхов простился со старушкой и решил, что пора возвращаться в отдел. И надо же было так случиться, что, когда он проходил мимо гастронома, из него неожиданно вышел директор базы. Он не обратил внимания на Ляхова, прошел мимо. В руках он нес большую сетку-авоську, в которой лежали различные свертки и несколько бутылок коньяка. Директор сел в стоявшую у обочины «Волгу», и машина, в которой сидело несколько человек, уехала.

Ляхов взглянул на часы: семнадцать часов десять минут. «Ничего себе совещание у директора. Наверное, в магазине нет в продаже минеральной воды, так он коньяком решил заменить», – шутя подумал оперативник и решил, что с этим человеком ухо надо держать востро.

Вскоре Ляхов был в отделе и сразу направился к начальнику. Ильин был не один. Напротив него с папкой бумаг сидел Мирский.

– Разрешите? – спросил Ляхов.

– Входи, входи, Николай Егорович, присаживайся и рассказывай.

Ляхов присел к столу, коротко рассказал о директоре базы, а затем сообщил, что ему удалось добыть о Кагановиче:

– Живет в двухкомнатной квартире один. Был женат, имеет ребенка. По словам соседей, жена вместе с

сыном год назад ушла от него. Сейчас Каганович платит алименты.

– Они разошлись официально?

– Да, два месяца назад суд оформил их развод.

– А причина развода?

– Неверность супруга, он часто дома не ночевал, ссылаясь на командировки, пока жене кто-то не позвонил по телефону и не сообщил, где он находится. Жена пошла по указанному адресу и, после выяснения некоторых обстоятельств, «отозвала» его из этой «командировки». Он, по-моему, не очень опечален, что семья распалась, часто дома устраивает вечеринки, но это мелочь по сравнению с тем, что я узнал. Трое соседей: две старушки и бывший работник милиции, ныне пенсионер, из дома, где живет Каганович, утверждают, что несколько раз видели Саидова. Видели, как он входил в квартиру Кагановича. Кстати, наш бывший работник Ермаков рассказал, что в прошлом году, в начале зимы, он был свидетелем, как Каганович ехал за рулем своей автомашины и столкнулся на перекрестке с другой машиной. Ермаков удивился, когда увидел, что ехавшие с Кагановичем уже наглядно знакомый ему старик – а это наверняка был Саидов – и высокий, сравнительно молодой мужчина кавказской национальности вышли из машины и чуть ли не бегом направились во двор ближайшего большого дома. Ермаков ранее много лет работал в уголовном розыске, и глаз у него наметанный. Такое поведение друзей Кагановича его очень удивило. Но так случилось, что Ермаков в этот вечер тяжело заболел и «скорая» доставила его в госпиталь, и вскоре об этом происшествии он забыл.

– А сейчас Ермаков не видел у Кагановича Саидова?

– Говорит, что нет.

Ляхов, который до этого случая не видел Мирского, спросил:

– Василий Владимирович, а что в Куйбышеве?

– Мало утешительного. Саидов получил письмо, но задержать его не удалось. Но это неважно, – Мирский с

улыбкой переглянулся с Ильиным, – дело в том, что в настоящее время Саидов уже находится в Минске.

Ляхов подпрыгнул:

– Что вы говорите? Где же он?

– В Минске, но, где точно, пока не знаем. Гласов установил, что он осенью прошлого года останавливался в гостинице «Юность». Стал он сегодня беседовать с работниками гостиницы, оказалось, администратор Ключко помнит Саидова, потому что в момент поселения он просил одиночный номер, а гостиница была переполнена и свободных люксов не оказалось. Ключко так и сказала Саидову, а он ей четвертную предлагает: организуй, мол. Устроила она его в обыкновенный четырехместный номер, так он на следующий же день ушел из гостиницы, но перед этим матюгнул администратора. Она поэтому и запомнила его в лицо. Так вот Ключко добавила, что Саидова она вчера совершенно случайно встретила в подземном переходе на площади Якуба Коласа. Он шел вместе с каким-то мужчиной. Они несли в руках по два чемодана. Если Ключко не ошиблась, то можно сделать вывод, что он вчера приехал в Минск.

Мирский обратился к Ильину:

– Мы составили словесный портрет Саидова и вручили его всем работникам милиции. Утром сделали запрос в Ташкент. Паспорт он там получил, да и прописка ташкентская. Ждем ответ и фото.

Полковник посмотрел на Ляхова:

– Ты не очень устал?

– Нет, что вы...

– Ну, тогда слушай. Дело в том, что все участники группы находятся под контролем, и если к кому-либо придет Саидов, то он – наш. Стельмаха отправили домой. Мы его тоже возьмем под контроль. Возникли у нас сложности с квартирой Мельникова. Семья там большая. Доверять никому из них мы не можем. Поэтому придется тебе взять на себя контроль за этим домом. В помощь дадим двух милиционеров. Условия наблюдения за домом уже созданы: на улице, где стоит

его дом, идет прокладка газовых труб, недалеко стоит строительная бытовка. Со строителями уже договорились, и они специально для нас поставили напротив дома еще одну бытовку. Так что бери милиционеров, переодевайтесь и туда. Связь будем поддерживать по радиостанции. Если тебе придется отвлекаться и уходить оттуда, то хорошенько инструктируй милиционеров, чтобы действовали умело в случае появления Саидова.

Ляхов ушел.

Абдураимов, он же Саидов, был не в духе. С хмурым лицом, молча, застыл на заднем сиденье и, казалось, не обращал никакого внимания ни на Мхитаряна, спина которого торчала впереди, ни на разговорчивого и веселого водителя, ни на проносящиеся мимо дома и улицы, улыбающихся на тротуарах людей.

Ох, как ненавидел все это Абдураимов. И эту, как назло, солнечную погоду, и этих смеющихся людей. С каким удовольствием набросился бы он на этого без умолку болтавшего водителя.

Абдураимов, кряхтя, обернулся и посмотрел в заднее стекло, а затем скомандовал водителю:

– Поверни налево, видишь, в тот переулок.

Машина свернула в небольшую тихую улочку и остановилась. Абдураимов рассчитался строго по счетчику, терпеливо ожидая, пока сразу же загрустивший шофер отыщет в своих бездонных карманах сорок копеек сдачи. Затем они достали из багажника четыре чемодана, и машина, обдав их дымом, уехала. Мхитарян, оглянувшись, недовольно проворчал:

– И что ты за копейку каждую дрожишь, наоборот, дал бы лишний рубль таксисту, тот бы, если понадобилось, язык за зубами придержал. Не пойму я тебя, почему ты жадный такой. Денег кучу имеешь, не знаешь сам, сколько их у тебя, а за каждый рубль дрожишь.

«Старик» улыбнулся:

– А может, я поэтому и дрожу за каждый рублик, потому что не знаю, сколько их у меня. А вдруг последний отдаю! – И неожиданно со злобой прикрикнул на

дружка: – Послушай, ты, молокосос! Не суй нос не в свои дела и не напрашивайся, а то может так случиться, что пожалеешь!

И опять более сильный и молодой Мхитарян спасовал перед стариком:

– Да ты не обижайся, я просто так... хотел, чтобы лучше было, таксист же обозленный от нас уехал, запомнил.

– Не знаешь ты таксистов, они же, наоборот, лучше запоминают тех, кто в лапу дает. Ну ладно, пошли.

Они прошли два квартала и вышли на площадь Якуба Коласа, спустились в подземный переход и вскоре были на другой стороне проспекта. Затем сели в трамвай и минут через двадцать были у дома, куда стремился Абдураимов. Он приказал напарнику подождать, а сам налегке, без чемоданов, вошел в подъезд. Каганович был дома. Увидев «старика», обрадовался:

– Как хорошо, что ты приехал, входи. Я сейчас в магазин сбегаю.

– Ты один дома?

– Конечно. Правда, думал кое-кого для души пригласить, но раз ты приехал, отложу на другой день. Ну что ты стоишь у порога? Проходи.

Абдураимов испытывающим взглядом окинул комнату, заглянул в другую и сказал:

– Я не один приехал, пойду друга позову.

Он вышел из квартиры и вскоре возвратился в сопровождении Мхитаряна.

– Зови его Аликом, – сказал «старик» Кагановичу.

Хозяин обратил внимание, что гости не оставили в прихожей чемоданы, а прошли с ними прямо в комнату. Каганович снова засуетился.

Он снял с дверной ручки висевшую хозяйственную сумку и вышел из квартиры.

– У него остановимся? – спросил Мхитарян.

– Посмотрим, – неопределенно буркнул Абдураимов и, поднявшись со своего места, переставил чемоданы за диван.

Вскоре вернулся Каганович. Он быстро накрыл стол, поставил три бутылки водки, закуски.

«Старик» пил много и жадно, не обращая ни на кого внимания, закусывал. Он руками разрывал курицу, откусывая большие куски, и, казалось, не пережевывал. Мхитарян не отставал от Абдураимова, он выпил водку залпом и сразу же набросился на еду. Каганович уже после второго тоста закурил. Мхитарян, не отрываясь от еды, блеснул черными глазами.

– «Мальборо» тянешь?

– Другие не курю, – небрежно ответил Каганович и самодовольно откинулся на спинку стула. – Люблю красивую жизнь, ведь она у меня одна, и прожить ее нужно так, как мне хочется.

После пятой или шестой рюмки Каганович неожиданно возвратился к своим мыслям о «красивой» жизни.

– Ну скажи, «старик», – обратился он к Абдураимову, – что это за жизнь – деньги есть, а тратить нельзя?

Абдураимов смачно облизал жирные пальцы, налил стакан лимонада, выпил его и только после этого ответил:

– Ты молодой и, если будешь жить с головой, то многое получишь. Не надо только горячку пороть. Вот, смотрю, американские сигареты куришь, хвастаешь ими, а ты их, эти сигареты, из пачки вытащи да положи в другую – в «Приму» или в «Стюардессу». Зачем внимание к себе привлекать? Кого удивить хочешь?

– Так я же просто так, – смутился Каганович, – ради вашего приезда. На работу только «БТ» ношу.

– И баб «БТ» угощаешь?

– Ну, нет, женщин я не могу не угостить красиво, – возразил с улыбкой Каганович, – они ведь такие создания, не покажешь блестящую вещь – не клюнут.

– Ну ладно, к черту это, – прервал его Абдураимов, – лучше скажи, как дела в Минске, милиция не интересуется тобой?

– Нет, по-моему, им не до меня, да и я не лыком шит, понимаю, что к чему.

- Дай бог. А кого сегодня ждешь?
- Сегодня? Считайте, что никого, а в чем дело?
- Устали с дороги, если не возражаешь, переночуем у тебя, а завтра о делах поговорим.

Каганович не возражал, и гости остались у него.

На следующий день утром, после завтрака, Каганович пошел на работу, пообещав, что он отпросится и к обеду будет дома. Мхитарян направился к магазину по продаже автомобилей. Он не мог сидеть без дела и, уходя, спросил:

– Если найду клиента, поможешь?

– Помогу, только смотри, сам на удочку не попадись.

Мхитарян вышел и, не торопясь, пересек двор. На улице он спросил проходящего мимо мужчину, где расположена парикмахерская, и направился туда.

Через полчаса он вышел из небольшой парикмахерской подстриженным и гладко выбритым. Остановил такси и через двадцать минут уже входил в магазин, где продавались автомашины и различные части к ним.

Людей было великое множество. Одни толпились у прилавков, где продавались различные запасные части, другие атаковали дверь, где красовалась надпись «Директор», третьи внимательно рассматривали объявления, висевшие на доске у входа. Мхитарян окинул всю эту картину опытным взглядом и, повернувшись, вышел из помещения. Его не интересовали посетители, толпившиеся в магазине. А вот те, которые невдалеке окружили с десяток «Жигулей» и «Москвичей», привлекали внимание Мхитаряна. Но он не торопился подходить к ним. Стал в стороне и минут пятнадцать внимательно рассматривал людей.

«По-моему, никого», – подумал он о работниках милиции, не спеша приблизился к толпе и затерялся в ней.

Машины, которые окружила толпа, продавались, а люди толпились вокруг далеко не ради любопытства, они были покупателями. Каждый желал быть хозяи-

ном четырехколесного коня. Среди них Мхитарян искал того, кому деньги карман жгли, кто спать не мог от мысли, что у него нет автомобиля.

Вскоре он присмотрел двоих. Один – высокий, с бледным, худым лицом, в очках и шляпе, другой – низкий, лысый и с круглым животиком. Оба жадно прислушивались к разговорам окружающих, бессмысленно и лихорадочно рассматривали людей, стараясь первыми приблизиться к тому, кто хотя бы в какой-то степени наметнул бы о продаже автомашины.

Таких и выискивал Мхитарян. Он выбрал момент, когда те оказались с краю толпы, и, быстро приблизившись, одновременно тронул обоих за рукава:

– Товарищи, на минутку можно вас? – И, не дожидаясь ответа, направился в сторону. Через десяток шагов Мхитарян остановился и подумал: «Подойдут или не подойдут?» Подошли. Мхитарян спросил:

– Машины ищите?

– Конечно, чего же мы здесь отираемся, – нервно ответил высокий.

– Какие модели нужны?

– «Жигули» любой модели.

– Я могу вам помочь, но, сами понимаете, вам придется немного переплатить. Надо тому, кто разрешит магазину продать, да и я хотел бы за услугу что-то иметь...

– Сколько надо переплатить? – спросил низкий.

– По тысяче за машину и мне по двести. Сами понимаете, как рискует тот, кто сделает вам по машине. Он же занимает высокий пост, рискую и я. И, по-моему, вы не скажете, что шкуру деру.

– Нет, если машины новые, – согласился высокий, – то это еще по-божески. Но я хочу «Жигуль» за семь тысяч.

– И я, – заявил низкий.

– Ясно. Значит, с каждого из вас по восемь тысяч. Деньги при вас?

– У меня с собой, – хлопнул по боковому карману пиджака высокий.

– А у меня на аккредитиве, – сказал низкий и быстро, боясь, что может потерять надежду, добавил: – Но чтобы получить их, дело пятнадцати минут.

– Хорошо, – решил Мхитарян. – Я съезжу в министерство торговли, договорюсь, а вы приходите сюда с деньгами через полтора часа и поедем.

Кто-кто, а Мхитарян хорошо знал, что в таких делах горячку пороть не надо. Тем, что откладывал решение вопроса на полтора часа, он убивал сразу нескольких зайцев: во-первых, это вызовет у клиентов больше доверия к нему, во-вторых, эти полтора часа пройдут у них в тревожном волнении и ожидании. Еще бы, ведь может наконец сбыться их мечта, а значит, легче ему будет с ними работать, в-третьих, он дает время одному из них снять с аккредитива деньги, да и Мхитаряну эта отсрочка дает возможность подготовиться к дальнейшим шагам, позвать на помощь «старика», одному сразу с двумя клиентами не справиться.

На том и порешили. Договорились встретиться на этом месте через полтора часа и разошлись.

Мхитарян сразу же направился к напарнику. Абдураимов встретил его настороженно:

– Во дворе чего-либо подозрительного не заметил?

– Нет, все спокойно. Собирайся, я клиентов нашел.

– Кто они?

– Пока не спрашивал, но точно знаю – лопухи! Спят и видят вместо жены рядом с собой в кровати красавицу с баранкой.

– Сколько их?

– Двое, но между собой они не знакомы, вскоре станут просто друзьями по несчастью, – улыбнулся Мхитарян и начал придирчиво осматривать себя в зеркало.

Абдураимов, кряхтя, начал собираться:

– Чемодан поставь подальше, за диван.

– Что, боишься, что твой друг Каганович ревизию устроит? – ехидно улыбнулся Мхитарян и, увидев, как зло взглянул на него Абдураимов, поспешно добавил: – Ну что, пошли? Нельзя же ходячих сейфов за-

ставлять мучиться мыслью, что мы с тобой за деньгами не придем.

Они вышли на улицу и автобусом поехали к месту встречи.

Еще издали Мхитарян заметил две человеческие фигуры, стоявшие в стороне от толпы:

– Вот они, голубчики, смотри, как головами вертят. Это они нас выискивают, ждут с нетерпением. Ничего, голубчики, подождете, скоро у вас легко станет в карманах, ну а что касается сердец, то я не кардиолог.

– Ладно, хватит балагурить! – прервал Мхитаряна Абдураимов. – Скажи мне лучше, куда повезем их?

– Это мелочь, – махнул рукой Мхитарян, – ты мне только подыгрывай, а остальное я сам обтяпаю.

Абдураимов, при виде жертв, сразу же преобразился. Его сонливость и безразличное выражение лица как рукой сняло. Он подтянулся и от этого, казалось, стал стройнее и выше. Хищно поглядывая на двоих мужчин, которые опознали Мхитаряна и уже быстрым шагом приближались к нему, еле заметно улыбнулся:

– Сами идут, дурачки. Ты тесьму, бумагу взял?

– Все есть, старик, готовься, представление начинается.

Через минуту встреча состоялась. Мхитарян учтиво указал на напарника:

– Товарищ из министерства. У вас готовы заявления?

– Какие заявления? – переспросил высокий.

– О том, чтобы вам продали автомашины без очереди.

– Нет, мы не писали. Давайте отойдем в сторону и напишем.

Они вошли во двор большого дома и, увидев в центре беседку, направились к ней. Разместились за дощатым столом.

Мхитарян достал из саквояжа, который притащил с собой, два листа бумаги и протянул их своим жертвам:

– Пишите.

– А что писать?

– Напишите, что у нас в городе вы находитесь временно и уезжаете в длительную заграничную командировку, в связи с чем и просите, в порядке исключения, продать каждому из вас по одной автомашине «Жигули». – Мхитарян повернулся к Абдураимову: – Такого содержания нужны заявления?

Абдураимов согласно кивнул головой и проговорил:

– Давайте, только побыстрее.

Покупатели склонились над листками бумаги. У того, который был пониже и потолще, дело не ладилось с грамматикой, и он, высунув от напряжения язык, низко склонившись над столом, с трудом выводил корявые, прыгающие буквы. Наконец заявления были готовы.

Мхитарян достал из саквояжа два куска плотной бумаги:

– Заверните в эти бумаги по восемь тысяч семьсот и перевяжите тесемками эти пакеты.

И он протянул каждому из них по тесемке. После того как покупатели завернули свои деньги в плотную бумагу и перевязали их тесемками, Мхитарян хмуро сказал:

– Не так перевязываете, нужно поплотнее. Дайте я сам, – он тут же, прямо на столе, перевязал пакеты снова и вручил их покупателям.

После этого все четверо вышли со двора. Мхитарян попробовал найти такси, но безуспешно. Они просто не проходили по этой улице. И тогда он подошел к «Волге», стоявшей недалеко от магазина. За рулем сидел скучающий водитель. Мхитаряну не надо было уговаривать его долго. За тридцатку тот готов был возить хоть до вечера, не то что часок.

В машину сели молча и минут через пятнадцать были у цели. Мхитарян и Абдураимов вышли из машины и, деловито разговаривая, держа в руках заявления, вошли в подъезд огромного здания.

Их клиентам пришлось волноваться около тридцати минут. Каждый из них мучился одной мыслью: разрешат или не разрешат?

Но вот наконец появились их благодетели. Они степенно подошли к машине. Мхитарян сел рядом с водителем, Абдураимов – сзади.

– Давай к автомобильному магазину, – тихо приказал водителю Мхитарян.

Когда машина, набирая скорость, понеслась по улицам города, Мхитарян достал из бокового кармана пиджака свернутые в трубочку заявления и молча протянул их сидящим сзади. Высокий развернул трубочку и вместе со своим «коллегой» прочитал написанные на каждом заявлении в левом верхнем углу красным фломастером резолюции: «Тов. Хижин А. П. В порядке исключения отпустить автомашину “Жигули” вне очереди».

Длинная неразборчивая подпись была впечатляющей.

Покупатели еле подавили в себе желание крикнуть «ура!».

Мхитарян незаметно правой рукой открыл стоявший у ног саквояж и обратился к покупателям:

– Дайте ваши пакеты, я на них отметки сделаю.

Покупатели с готовностью протянули ему завернутые в бумагу деньги. Они не видели, как Мхитарян заменил эти пакеты на точно такие же, перевязанные такой же тесемкой, расписался на них и передал покупателям:

– Когда войдете в магазин, заходите прямо к директору, он уже предупрежден и ожидает вас, покажите заявления, а затем в кассу отдадите пакеты и получите машины.

– Да, но здесь же и ваши, – тихо проговорил обалдевший от счастья высокий, хлопая рукой по пакетам.

– Все в порядке. Кассир знает, что делать.

Вскоре машина остановилась у магазина.

– Идите, – сказал Мхитарян, – мы чуть позже присоединимся к вам.

Покупатели вышли из машины и скрылись в магазине.

Мхитарян взглянул на часы и деловито сказал водителю:

– Давай съездим на вокзал, пока они будут решать свои вопросы.

Водитель молча включил скорость. На вокзале Мхитарян и Абдураимов сунули счастливому водителю тридцать рублей и отпустили его.

Затем они взяли такси и поехали домой к Кагановичу.

А в магазине события развивались так, как и должны были развиваться. Покупатели долго ждали приход директора, которого, несмотря на то, что должен был ждать их, в кабинете не оказалось. Когда он пришел, то, прочитав заявления и резолюции на них, недоуменно пожал плечами:

– Не понимаю, при чем здесь я?

– Как при чем? – в один голос переспросили покупатели. – Вы же товарищ Хижин?

– Нет, и в нашей системе такого работника нет. А кто вам резолюции на заявления накладывал?

Покупатели замаялись. Высокий пролепетал что-то нечленораздельное, и они покинули кабинет директора. Когда вышли на улицу, их недоумение стало еще большим – их добродетелей и автомашины уже не было.

Прошло еще полчаса, пока они поняли, что разыскать тех, кто им помогал, не удастся. Только после этого они догадались взглянуть в пакеты, а там вместо денег ровно нарезанные стопки бумаги...

Абдураимов и Мхитарян, осушив бутылку коньяка и разделив семнадцать тысяч четыреста рублей, добытые за каких-то час-полтора, поровну, смеясь, вспоминали, как им удалось околпачить тех двоих:

– Представляю их рожи, когда увидят, что деньги превратились в простые бумажки.

– Не говори, – Абдураимов откинулся на спинку дивана и, поглаживая обеими руками свой живот, доба-

вил: – Интересно, что о них подумал директор магазина, когда они сунулись к нему с заявлениями?

– Наверное, посчитал их за сумасшедших, а может, сразу же в контору позвонил. Правда, плохо, что у них образец моего почерка на заявлениях остался.

– Брось хреновину пороть, – махнул рукой Абдураимов, – почерк – не отпечаток следов пальцев. А если посчитать, сколько у тебя таких резолюций было и все это перевести в деньги, которые ты получил, то из-за них и тебя невозможно было бы увидеть.

– Ладно тебе мои доходы подсчитывать, кстати, если вдуматься, то я, может быть, какую-то пользу обществу приношу: наказываю тех, кто хочет закон обойти. Я уверен, если человек так легко расстается со своими деньгами, так легко соглашается переплатить, то наверняка деньги он добыл нечестным путем. Спрашивается, разве плохо, что у нас встречаются люди, которые, как те ассенизаторы, очищают общество от хапуг, взяточников...

– Ну ты уж хватил, – перебил его Абдураимов, – послушаешь тебя, так диву даешься, почему тебе зарплату не дают. Ханыги мы с тобой, паря, жулики, только разница одна: ты большой жулик, а я – меньший.

Мхитарян вскочил со стула:

– Брось, старик, сам хреновину пороть. Если уже и считать чьи-то деньги, так это твои. Ты уже ведь сам не знаешь, сколько их у тебя. Я даже не представляю, где ты их хранишь, ты даже не поднимешь их, если их в мешок сложить, а жадничаешь, за десять копеек горло можешь перегрызть. Скажи, зачем тебе столько денег? Родных у тебя нет, а в могиле, если ее даже облепить купюрами, все равно сгниешь. Поделится бы ты со мной, например, гляди, я тебе человеческие похороны справил бы, поставил бы шикарный памятник, а на нем написал: «Здесь похоронен бескорыстной души человек». Если хочешь, то напишу, что ты был профессором, доктором или испытателем?

Абдураимов молча поднялся и неожиданно вцепился обеими руками в горло собутельника:

– Моей смерти, гад, захотел?! Да я же сначала твою увижу, падаль ты вонючая!

Лицо Мхитаряна посинело, и он судорожно пытался оторвать руки «старика» от своего горла. А тот, несмотря на возраст, обладал мертвой хваткой.

В глазах Мхитаряна все поплыло, потемнело, и он потерял сознание. Его тело сразу стало вялым, и Абдураимов вместе с ним, ударившись о стул, упал на пол. Он с трудом заставил себя разжать руки. Ярость застлала глаза, и ему хотелось зубами вцепиться в горло Мхитаряна. Но постепенно разум взял свое. Абдураимов пошел на кухню, принес кружку холодной воды и выплеснул ее на лицо компаньона. Прошло еще несколько минут, пока тот начал приходить в себя, застонал и открыл глаза. Он долго смотрел на Абдураимова. «Старик» не выдержал этого бессмысленного взгляда и, тяжело ступая, прошел к окну и начал смотреть во двор. Он слышал, как тяжело дышал Мхитарян, поднимаясь с пола, медленно дошел до дивана и молча лег. Только после этого Абдураимов повернулся, подошел к лежавшему Мхитаряну и, с трудом подавляя еще клокотавшую в душе злобу, проговорил:

– Ты, молокосос, меня лучше не трожь. Знаешь, сколько я таких, как ты, видел? Сотни. И никому не позволил со мной, как ты, разговаривать. А если кто не хотел прислушаться к моему предупреждению, то я быстро находил на таких управу!

Мхитарян чуть слышно сказал:

– Ты же меня чуть не задушил.

– Что ж поделаешь, не ты первый, не ты последний. Но если не хочешь раньше времени встретиться со своими предками, то води себя правильно и язык крепче держи за зубами.

Сказав это, Абдураимов взял стул, уселся у окна и начал смотреть во двор...

Прошел час. В комнате стояла тишина. Абдураимов продолжал сидеть у окна, пришедший в себя Мхитарян смотрел ему в спину и думал: «Гад, он же меня чуть не задушил! И чего я терплю?! Вот сейчас встану,

возьму нож, что на столе, и по самую рукоятку в эту спину». Но Мхитарян продолжал лежать. Неожиданно Абдураимов оторвался от окна и приказал:

– Встань с дивана, хозяин идет, и держи язык за зубами.

В квартиру вошел Каганович. Он был растерян.

– Знаете, – он попеременно лихорадочным взглядом окинул своих гостей, – сегодня ко мне на работу приходил работник милиции и интересовался мною.

– О чем он тебя расспрашивал? – тревожно спросил Абдураимов.

– В том-то и дело, что со мной он не разговаривал. Он беседовал с директором, а тот мне сообщил, он свой мужик.

И Каганович слово в слово передал все, что сказал ему директор.

– Что же он хотел? – задумался Абдураимов и, повернувшись к Мхитаряну, приказал:

– Быстро собирайся, надо сматываться отсюда!

– А может, вы зря беспокоитесь? Может, ничего страшного в этом нет.

Абдураимов усмехнулся:

– Нет, дорогой Арон, в таких случаях надеяться на авось нельзя. По крайней мере, это не мой принцип. Тебе советую подумать, с какой целью приходил легавый, сделай хороший шмон в квартире, чтобы ничего, что может заинтересовать контору, в ней не оказалось.

– А как наше дело?

– Решим. Когда понадобится, я тебя найду.

– А как?

– Встречу на улице, может. Позвоню или брошу в почтовый ящик газету «Комсомольская правда» – это будет для тебя сигналом прийти ко мне на встречу, скажем, в девять вечера к филармонии. Понял?

– Да, а куда ты сейчас?

«Старик» опять ухмыльнулся:

– Это уж наше дело. Не волнуйся, на улице ночевать не будем.

И он повернулся к Мхитаряну:

— Ну что, готов?

— Да, готов, — хрипло ответил тот и с трудом поднял чемоданы. Было видно, что он еще не отошел после шока.

«Старик», взяв в руки свои чемоданы, пропустил его впереди себя, и они, не прощаясь с хозяином, вышли из квартиры.

Резкий телефонный звонок вывел Ляхова из раздумий. Он поднял трубку и услышал взволнованный мужской голос:

— Товарищ Ляхов?

— Да, слушаю вас.

— Это говорит Ермаков — сосед Кагановича.

— Здравствуйте, товарищ Ермаков.

— Только что из подъезда, где проживает Каганович, вышли двое с чемоданами. Один из них — тот человек, о котором мы с вами говорили.

Ляхов вскочил на ноги:

— Где они сейчас?

— Не знаю, пошли на улицу.

— Ждите меня во дворе, я еду к вам! — крикнул в трубку оперативник и стремглав бросился в дежурную часть.

Через минуту милицейская машина быстро неслась по улицам к дому Кагановича.

Ермаков был во дворе. Ляхов посадил его в машину, и они пустились в поиск Саидова и его напарника. Но те словно сквозь землю провалились. Прошел час, затем второй, поиски оказались безрезультатными, и Ляхову ничего не оставалось, как подвезти Ермакова к дому, поблагодарить его. Ляхов попросил старика, если эти люди появятся снова, позвонить в райотдел милиции. Николай рассудил, что идти в квартиру Кагановича смысла нет. «Наверняка таким посещением только испортишь дело», — думал он, сидя рядом с водителем и грустно глядя на улицу.

В отделе Ляхов сразу же направился в кабинет начальника. Ильин был у себя. Он спокойно выслушал

Ляхова, закурил, молча прошелся по кабинету и неожиданно улыбнулся:

— Ну что ж, будем считать, что рыба плывет в сеть.

Полковник поднял трубку и пригласил к себе начальника ОБХСС и еще четырех сотрудников.

Вскоре все расположились на стульях и слушали начальника отдела. Тот, сидя за столом, сообщил о появлении Саидова и предложил обменяться мнениями. Сотрудники по очереди высказывались, вносили предложения. Смирнов, который ранее сопровождал Ляхова в Харьков, горячился больше других и предлагал допросить Кагановича.

— Мы сразу же узнаем, где Саидов и чем занимается сам Каганович, — доказывал он.

— А если он не скажет? — спросил Мирский.

— Его надо прижать как следует, и скажет.

— Чем прижать? Какие у нас конкретные факты есть?

— Фактов-то у нас, кроме того, что у него побывал Саидов, нет, но, товарищи, я уже нутром чувую, что он ворует, вот только что именно, не знаю.

Ильин прервал его:

— Давайте сначала узнаем, что он ворует, а потом будем беседовать с ним. Ну а то, что вы, — Ильин обратился к Смирнову, — нутром чувствуете, то это нам ничего не дает.

Полковник неожиданно улыбнулся:

— По этому поводу есть анекдот. Приходит один рабочий к начальнику заводской охраны и просит: «Начальник, разреши тачку мусора с территории завода вывезти». Начальник проверил тачку, видит — мусор — и разрешил. Через два часа рабочий снова приходит к начальнику и опять просит разрешить вывезти тачку мусора. Начальник проверил, видит, действительно, мусор в тачке, и разрешил. Через час картина снова повторилась, потом еще несколько раз рабочий являлся к нему. Начальник самым тщательным образом ковырялся в мусоре и выпускал рабочего с территории завода. К вечеру, когда рабочий в очередной раз явился к начальнику, тот взмолился:

– Слушай, нутром чую, что ты что-то воруеть, но что, никак не пойму. Скажи честно – что?

Рабочий улыбнулся и ответил: «Тачки».

Выждав, пока смех утих, Ильин сказал:

– Короче говоря, давайте выясним, что ворует Каганович, а затем с ним побеседуем. А пока будем работать.

Вам, товарищ Мирский, поручаю заняться Кагановичем. Надо выяснить, чем он занимается, изучить его образ жизни, узнать, что связывает его и Саидова. Вам, товарищ Ляхов, совместно с Кустовым, необходимо активизировать работу по установлению местонахождения Саидова. Надо выяснить, с кем он появился у нас в городе. И продумать наши действия таким образом, чтобы заставить Саидова возвратить похищенные у государства деньги и ценности, а на его добрую волю рассчитывать не следует.

– Значит, если мы выйдем на Саидова, то задерживать его не стоит? – спросил Ляхов.

– Да, пока не будем. Нам нужны его связи, места возможного хранения похищенного, короче говоря, сначала познакомимся со стороны, а затем лично. Кроме этого, нам обязательно надо выяснить, что у него общего с Кагановичем. Товарищ Кустов, вы разыскивали его бывшую жену?

Кустов поднялся со своего места:

– Так точно, товарищ полковник. Сегодня я беседовал с ней. На меня она произвела впечатление серьезного человека. Причиной развода назвала неверность супруга, но, к сожалению, о его связях она ничего не знает, говорит, что он с ней всегда был неоткровенным. Одним словом, Георгий Антонович, ничем помочь она нам не может.

– А как у вас дела? – спросил полковник у Смирнова.

Смирнов плохо выговаривал букву «р», особенно, когда волновался. Он был еще молодым работником и немного робел, когда разговаривал с начальником. Вот и сейчас на вопрос полковника он ответил, картавя слово «нормально», и у него прозвучало «ногмаль-

но», но улыбки с лиц присутствующих скоро исчезли, когда они услышали слова Смирнова. А тот, опершись руками о спинку стоявшего впереди стула, постепенно успокаиваясь, докладывал:

– Когда я установил фамилию этой девушки, ее адрес, сразу же поехал к ней домой. Живет она с родителями, в трехкомнатной квартире. Отец работает главным инженером на заводе, мать – заведующей сберкассой. Они считают, что их дочь днем работает, а вечером учится на втором курсе в институте. На самом деле, как мне удалось выяснить, она уже более года нигде не работает и не учится. Я побывал на заводе, где она числится. Оказалось, что она самовольно бросила работу и до сего времени не забрала оттуда даже трудовую книжку. Такая же картина и в институте. Ирина была переведена на второй курс и учебу забросила.

– И что, родители ничего не знают об этом? – недоверчиво спросил Мирский. – А зарплата, зачетка, ведь они же этим должны интересоваться?

– Они интересовались, – усмехнулся Смирнов, – но дело в том, что она регулярно приносит домой зарплату и в зачетке у нее стоят по всем предметам оценки и зачеты. Как это ей удается, я уже выяснил. Нашел ее подругу Эланину Светлану. Раньше они дружили, но потом поссорились из-за этого Кагановича. Так вот, если верить Эланиной, то отметки в зачетке Ведровой проставляет Каганович, он же дает ей деньги, которые Ирина отдает под видом зарплаты родителям.

– Да, ничего не скажешь, – задумчиво проговорил Мирский, – скромный заведующий складом, с окладом, на который не очень-то разгуляешься, регулярно выплачивает зарплату девушке. По-моему, нам не следует думать, что дает он это только за красивые глаза и послушание в любви. Очевидно, здесь надо искать и другую, пожалуй, главную причину.

– Конечно, Василий Владимирович, – поддержал его Смирнов, – тем более, как удалось выяснить, Ведрова регулярно, раз, иногда два раза в месяц, выезжа-

ет в командировки. Ну, а раз она, как мы уже знаем, на заводе не работает, значит, скорее всего, ее в командировки направляет только Каганович, который сам отлучаться с работы на длительное время не может.

Когда Смирнов закончил свой доклад и сел на место, Ильин спросил у Мирского:

– Теперь ясно, почему я именно вам поручил заняться Кагановичем?

Мирский молча кивнул головой.

– Вам в помощь выделяю Смирнова. Было бы неплохо, если бы удалось вместе с Ведровой съездить хоть в одну «командировку».

Абдураимов, обеспокоенный тем, что Кагановичем заинтересовалась милиция, решил искать пристанище там, где он останавливался раньше. Он об этом прямо и сказал Мхитаряну. Тот, помня урок, преподнесенный «стариком» в квартире Кагановича, перечить не стал и сразу же согласился. Прошел час, затем второй, третий... Найти подходящую квартиру не удавалось. Делать было нечего, и Абдураимов решил. В Минске была у него одна квартира, где проживала одинокая старуха. Но эту старуху и, главное, ее небольшой домик Абдураимов держал в запасе только на крайний случай и только для себя. Он искоса взглянул на молчавшего Мхитаряна, подумал: «А может, кокнуть этого ублюдка и айда к Нюрке? – Но тут же сам себе возразил: – Нет, рано. Он пока нужен». Перспектива остаться одному не улыбалась Абдураимову.

Он, конечно, не доверял этому здоровому армянину, понимая, что тот наверняка выжидает момент, намеривается выяснить, где «старик» хранит деньги, стремится убрать его и захватить все богатство.

– ...тебе под хвост, – прошипел «старик», и его душу опять всколыхнула злоба. – Я тебя, красавчик, сам отправлю к праотцам, но только сделаю это раньше, чем ты думаешь меня пришить, пока потаскай мои чемоданы, послужи у меня носильщиком.

Абдураимов понимал, что Мхитаряну нужны были не только его, Абдураимова, тысячи. Он, Мхитарян, не-

смотря на свою молодость, силу и умение входить в доверие к людям, боялся их, его страшило одиночество. И действительно это было так. Мхитарян, молча тащивший чемоданы, думал почти о том же, что и «старик». «Черт бы побрал эту старую ворону! Каждого куста боится. Трахнуть бы сейчас чемоданом по его чердаку и айда гулять. Денежки у меня есть, да и от него можно прилично пожить. Но куда я один? Знакомых нет, в каждом отделении милиции мои портреты висят, да и главного я еще не достиг. Нет, пока я не узнаю, где эта кривоногая горбатая развалина хранит свои тысячи, буду терпеть». На том и порешил Мхитарян, а вслух спросил:

– Что делать будем?

Абдураимов испытующе посмотрел на напарника и решил:

– Давай я постою здесь с чемоданами, а ты вон по тому переулку выйдешь на большую улицу, возьмешь такси и подъедешь сюда.

Дождавшись, когда Мхитарян уйдет, Абдураимов присел на чемодан и задумался: «Поедем к Нюрке; предупреджу, чтобы язык не распускала».

Мхитаряна не было долго, и Абдураимов перебрал в памяти все, что связано с Нюркой. В более молодые годы она поддерживала связь со всякой шпаной. Жила одна в небольшом старом собственном домишке, который достался ей от давно умерших родителей. Нюрка никогда не была замужем, не имела детей и не работала. Жила за счет небольшого сада да за предоставление своего дома разной швали. У нее часто останавливались заезжие карманные воры, удобно чувствовали себя у нее и другие уркаганы, один из которых и привел однажды к ней Абдураимова.

Он сразу оценил старуху, но беда была в том, что ее хату часто навещали работники милиции. Ох, сколько трудов стоило тогда Абдураимову убедить старуху не предоставлять всей этой шусере свой дом. Она согласилась на это только тогда, когда Абдураимов предложил ей возместить все убытки от такого шага. Прошли годы, но хозяйка свое слово держала крепко.

«Еще бы, — усмехнулся Абдураимов, — я плачу ей в десять раз больше, чем она имела от всяких забулдыжек и воровской мелюзги».

«Старик» понимал, что и он остался в выигрыше. Во-первых, он получил в Минске отличное пристанище и, что самое главное, смог оборудовать в подвале ее сарая тайник. Ему тогда здорово повезло. Хозяйка дома неожиданно заболела, и ее пришлось отвезти в больницу. За те две недели, которые она отсутствовала, Абдураимов вместе с двумя рабочими сделал в сарае погреб, а когда рабочие ушли, решил оборудовать в стене за толстым бревном тайник. В этот тайник Абдураимов прятал только драгоценности. Его давно беспокоила мысль, что будет с тайником, если умрет хозяйка, как он тогда попадет в сарай?

«Надо будет поговорить с Нюркой, — подумал Абдураимов, — пусть напишет на меня завещание, предложу ей тысяч двадцать — руки полезет целовать, жадюга. Вот только, может, Мхитаряна не брать, все-таки лишний свидетель».

Абдураимов, щурясь, посмотрел в сторону переулка, в котором скрылся его напарник:

«Где же его черти носят, почти час такси ищет! Нет, взять-то его с собой я возьму, когда-нибудь может пригодиться, а когда потеряю в нем нужду, отправлю к богу на свидание».

Наконец подъехал Мхитарян. Они загрузили чемоданы, и Абдураимов, сидя рядом с водителем, не называя адреса, показывал, куда ехать. Когда к дому Нюрки оставалось ехать еще целый квартал, он приказал таксисту остановить машину.

Мхитарян, чтобы не видеть, как старик будет отсчитывать водителю копейки, вышел из машины первым и начал из багажника доставать чемоданы.

Им повезло. Хозяйка была дома одна. Очевидно, она твердо держала слово, данное Абдураимову. Было видно, что приезду гостей она была рада. Абдураимов не стал их знакомить, достал двадцатипятку и протянул Нюрке:

— Сбегай в магазин, возьми чего-нибудь пожрать и бутылку коньяка, да не забудь минеральной, а то изжога мучает. — И он тяжело опустился на диван.

Старуха ушла.

Абдураимов поднялся с дивана:

— Ты посиди, я сейчас приду. Он вышел во двор, оглянулся: кругом спокойно. Подошел к сараю, пощупал над дверью ключ, открыл дверь. В лицо пахло сыростью и чем-то затхлым. Нашел лаз, ведущий в подвал, спустился и чиркнул спичкой. «Вот оно — то бревно!» Запустил за него руку, нащупал небольшой ящик. «Порядок», — вполголоса проговорил он и вылез обратно. Закрыв сарай и, спрятав на прежнее место ключ, возвратился в дом.

Мхитарян спросил:

— Ты хорошо знаешь эту старуху?

— Не дрейфь, давно и хорошо знаю, на деле проверил, железная баба, жаль только, что старуха, ей бы лет сорок скинуть, можно было бы чувствовать себя здесь как в раю.

— Тогда и тебе надо было бы хотя бы лет тридцать сбросить, — пошутил Мхитарян и задал новый вопрос: — А почему ты сразу не захотел к ней поехать?

— Думал, что у Арона лучше будет, да и боялся, что старуха уже копыта откинула.

В этот момент в дом вошла хозяйка, и Мхитарян, который был настроен узнать у Абдураимова о ней побольше, недовольно пробурчал!

— Легка на помине.

Нюрка, поминутно поглядывая на Абдураимова, которого про себя называла хозяином, быстро накрывала на стол.

Вскоре все жадно ели. Мхитарян воровато разглядывал старуху. Высокая и костлявая, с растрепанными волосами, длинным крючковатым носом, глубоко посаженными бесцветными глазами и резким властным голосом, она была неприятна. «Наверное, потому и замуж не вышла, — подумал Мхитарян, выпивая очередную рюмку коньяка, и с горечью заметил: — Вот такие к нашему берегу и пристают».

Вскоре трапеза окончилась. Хозяйка убрала со стола и предложила:

– Может, отдохнете с дороги? Я вам постели приготовлю.

Мхитарян, который днем перенес потрясение и чувствовал себя явно не в форме, согласился с удовольствием. Ему было немного страшно при «старике» спать, кто знает, что у него на уме. Но Мхитарян был уверен, что в доме Нюрки этот бешеный черт его не тронет. Не прошло и пятнадцати минут, как из небольшой комнаты, в которой хозяйка приготовила гостю помоложе постель, раздался храп. Казалось, Абдураимов того и ждал. Он спросил:

– Ну, как ты живешь, Нюра?

– Слава богу, хорошо.

– Контора не появляется?

– Нет, что ты! Как прекратила, послушав твоего совета, пускать сюда этих молокососов, так и милиция успокоилась.

– Слушай, Нюра, – начал Абдураимов медленно, – ты меня знаешь не один год. Стареем мы с тобой, да и дело у меня нелегкое, наверное, сама чувствуешь, могу загреметь в любую минуту, а жизнь, как говорится, есть жизнь. Давай с тобой договоримся вот о чем: тыпишешь на мое имя завещание на дом, а я тебе выплачиваю сейчас сумму, за которую мы сторгуемся.

– А зачем это тебе, Ахмед? – подозрительно спросила хозяйка. – Ты что, может, решил меня кокнуть, а сам домом завладеть?

– Брось ты чепуху молоть. Ты же для меня клад бесценный. Что бы я делал без тебя в этом городе, где нет ни одного человека, на которого я мог бы положиться? Помни, для меня очень удобно, что ты жива-здорова. Но я же могу оказаться за решеткой, а когда освобожусь, ты можешь к тому времени умереть, а мне позарез нужна надежная хата.

– А если ты раньше померешь, – блеснула глазами Нюрка, – что тогда?

– Ну, что ж, на то и воля аллаха! Не буду я тебя с того света тревожить и долг требовать. Да ты и сама видишь, что я щедро тебе плачу, а потом, сама посуди, разве выгодно мне, чтобы следствие велось на случай, если, как ты говоришь, я тебя кокну. Нет, мне очень надо, чтобы ты долго жила.

Старуха смотрела на Ахмеда и думала: «Действительно, убивать ему меня нет никакого резона, встреча с милицией не входит в его планы. Он, наверное, действительно боится потерять это пристанище. Может, рискнуть? Денег у него навалом, загну за эту развалюху тыщенок с десятков, если начнет торговаться, спущу до восьми, ну минимум до семи тыщенок. Даст, никуда не денется».

– А сколько даешь?

– Сколько? – переспросил Абдураимов. – Ты же меня знаешь. Я в таких случаях не торгуюсь, я люблю, чтобы между партнерами было согласие и доверие. Называй свою сумму, и начнем разговор конкретный.

– Понимаешь, Ахмед, дорогой, ты меня, одинокую, незащищенную, – Нюрка подумала, что еще можно почувствительней сказать, и добавила: – Больную, несчастную женщину, толкаешь на такой ответственный шаг. У меня же, кроме этого дома, ничего нет. – И неожиданно скороговоркой спросила: – Слушай, а ты видел, какой у меня отличный сад? Почти все деревья в нем молодые, плодоносные, а дом без них я продать не могу. Ну сам представь, ты будешь жить в хате, а я должна буду приходить, чтобы следить за садом...

– Да не мели ты языком, старая, если я и буду когда-нибудь в твоей развалюхе, то тебя уже в живых не будет, а с того света на побывку домой не пускают. Наверное, для нас, грешных, работы там по горло припасено, а что касается деревьев в саду, которые по возрасту старше нас с тобой, то я плачу и за них, так что говори, сколько за все это ты хочешь?

Нюрка почуяла: пахнет наваром, да еще каким, страсть боялась продешевить, все голову ломала, какую сумму назвать?

Видел ее мучения и Абдураимов. Чтобы ускорить дело, предложил:

– Я даю тебе двадцать тысяч, идет?

У Нюрки дыхание перехватило, речь отняло: еще бы! Во-первых, Ахмед такую сумму отвалил, а во-вторых, подумать страшно, ведь она только что хотела свою сумму в два раза меньше назвать.

Абдураимов ее молчание понял по-своему и зло бросил:

– Что, мало? Ладно, двадцать две и ни копейки больше!

– Я согласна, – еле выдохнула Нюрка, и у нее сладко закружилась голова.

– Ну вот и хорошо, – удовлетворенно проговорил Абдураимов, – завтра утром я схожу по своим делам, а потом мы с тобой пойдем в нотариальную контору завещание оформлять. А сейчас спать будем, устал я сегодня что-то.

Он пошел в комнату, где храпел Мхитарян, и, не раздеваясь, бухнулся на кровать. Уснул он сразу...

Ирине не хотелось вставать. Теплые, чуть влажные мамины губы нежно коснулись щеки:

– Вставай, доченька, на работу пора.

Ира недовольно нахмурила брови и еще больше натянула на себя теплое одеяло. Ох, как ей не хотелось вставать с этой мягкой постели. Но делать нечего, не скажешь же маме, что ни на какую работу тебе не надо, что можно спать весь день. И Ира недовольно проворчала:

– Встаю, встаю, отстань.

Мать, уже привыкшая к таким ответам, отошла, и Ира услышала доносившийся из кухни звон посуды. Она представила себе, как мать в эту минуту готовит дочери завтрак, и ей стало на мгновение жалко ее. Но тут же Ирина начала думать о другом: «Черт побери этого Арона!..» Вчера в ресторане они прилично налимонились, а затем пошли к нему домой. Ира помнила, что и там они пили коньяк, а потом все было как в кошмарном сне...

Домой пришла только под утро. Родители, конечно, не слышали, как она ключом открыла дверь и прошмыгнула в свою комнату.

Страшно болела голова, чертовски хотелось спать, а голос матери, доносившийся из кухни, требует встать. Мать беспокоится, как бы ее дочь, торопясь на работу, не осталась без завтрака. Наконец девушка заставила себя оторвать голову от подушки. Села, нащупала ногами стоявшие у кровати тапочки и, шаркая по полу, направилась в ванную. Закрывает дверь и взглянула на себя в зеркало. Большие голубые глаза, светлые длинные пышные волосы, разбросанные по ночной рубашке. Вот только лицо несколько одутловатое после бурно проведенной ночи, остатки туши, которую ночью Ира не стала смывать, портили вид. Ирина открыла кран с теплой водой и, чуть касаясь руками лица, начала умываться. Неожиданно она встрепенулась: «Господи, меня же Арон предупредил, что сегодня нужно ехать куда-то. Нужно маме сказать». Она аккуратно причесалась, подкрасила ресницы, брови, немного припудрила лицо и вышла из ванной. Мать, увидев дочь, сказала:

– Ириша, завтрак готов, кушай, а я побежала.

– Мам, я сегодня, наверное, поеду в командировку, так что если не приду домой, то не волнуйся.

– Куда ты поедешь?

– Еще не знаю. Едут несколько человек и все в разные места, куда меня пошлют, буду знать только сегодня.

– Что-то они часто тебя гоняют в эти командировки. Ты бы им объяснила, что у тебя все-таки институт, – недовольно проворчала мать, надевая плащ.

– Так я же поэтому и получаю двести, – отпаривала дочь и, закрыв дверь за матерью, пошла одеваться. Ирина была хорошо сложена. Она еще несколько раз повернулась у зеркала и принялась за завтрак. Поев, начала звонить Арону. Тот еще спал, и когда Ирина наконец услышала в телефонной трубке его голос, шутя сказала:

– Хорошо тебе, Арон, на работу надо к девяти, а мне, бедной, к восьми. Вот и подымает меня с постели мать, чтобы, не дай бог, не опоздала.

Арон, очевидно, забыл, что вчера предупредил Ирину о предстоящей поездке, и недовольно проворчал:

– Чего ты так рано звонишь? Не могла до вечера подождать?

– Смотрите на него! – возмутилась Ирина. – Сам вчера предупреждал, что поеду в «командировку», а сегодня ворчит. Было бы из-за чего! Я же, как солдат, выполняю все твои приказания.

– Ах, да, я и забыл, – извиняющимся тоном проговорил Арон и предложил: – Ира, давай встретимся на вокзале ровно в пять. Там я и вручу тебе билет и груз.

– Что предкам сказать? Сколько я дней отсутствовать буду?

– Скажи – дня два-три.

– Поняла. Чао!

И Ира положила на аппарат трубку. До обеда было еще далеко. Родители к этому времени домой не придут. Отец работал на заводе в конце города и на обед домой не приезжал, а мать прибегала с часу до двух. «Посплю-ка я еще пару часиков, – решила Ирина, – потом пойду в кино, затем – на вокзал».

Она забралась с ногами на диван, укрылась теплым пледом и уснула.

Мирский и Смирнов подождали, когда Каганович вышел из своей квартиры, и незаметно пошли за ним. По времени и маршруту движения можно было сделать вывод, что Каганович идет на работу. Когда до проходной оставалось не более ста метров, его окликнул пожилой мужчина. Мирский внимательно пригляделся и ахнул: «Так это же Саидов! Точно, он, приметы совпадают полностью». Василий Владимирович кивнул напарнику на подъезд жилого дома:

– Зайдем вон в тот подъезд и оттуда посмотрим за ними.

Каганович и Саидов поговорили минут десять и разошлись. Каганович направился на базу, а Саидов –

по улице в сторону трамвайной остановки. Мирский принял решение: Смирнов подождет, когда Каганович выйдет с базы, а сам двинулся за Саидовым.

Приходилось соблюдать величайшую осторожность. Саидов поминутно оглядывался и легко мог заметить оперативника. К счастью, трамвай состоял из двух вагонов. Саидов сел во второй, а Мирский – в первый. Людей было немного, и начальнику отделения не составляло особого труда держать преступника в поле зрения. Саидов вышел из трамвая, прошел несколько кварталов и вошел в ювелирный магазин. Мирский – за ним. Саидов склонился над витриной с ювелирными изделиями, и Мирский мог спокойно рассмотреть его: «Точно, Саидов! Вон и шрам на носу, о котором упоминал Стельмах. Надо позвонить своим, пока он здесь будет возиться», – и Мирский вышел из магазина. Телефон-автомат находился рядом с ювелирным магазином. Ему повезло. Ильин находился на месте. Выслушав Мирского, сказал:

– Направляю к вам Ляхова и Кустова. Они будут на машине с радиостанцией, если не застанут вас в магазине, подъедут к трамвайной остановке, короче говоря, постарайтесь позвонить по ноль-два, мы их наведем на вас.

Мирский повесил трубку и возвратился в магазин. Он видел, как была ошарашена покупателем молоденькая продавщица. Саидов отобрал не менее двух десятков изделий и попросил выписать чек. Продавщице он сказал:

– Не удивляйся, дочка, у меня двенадцать детей и семнадцать внуков, а я каждому хочу подарок привезти.

Пока продавщица выписывала чек на головкружительную сумму, пока Саидов платил деньги в кассу, появился Ляхов. Мирский вышел с ним из магазина и коротко ввел в курс дела. Решили, что Ляхов и Кустов на машине продолжают наблюдать за Саидовым, а Мирский возвратится к Смирнову, который остался возле базы, где работает Каганович.

Мирский тут же ушел, а Ляхов вошел в магазин, чтобы рассмотреть «старика». Саидов в этот момент получал свою покупку. Затем направился на улицу. Там остановил такси. Ляхов и Кустов бегом бросились к своей автомашине, стоявшей за углом.

— Гони на Горького! — приказал Ляхов водителю и, повернувшись к Кустову, сказал: — Мирский предупредил, что «старик» все время настороже. Нам надо будет действовать осмотрительнее.

Вскоре они оказались в центре города. Саидов вышел из такси и направился к ювелирному магазину. Там повторилась та же картина, что и в первом магазине. Он отобрал несколько десятков ювелирных изделий, на удивленный взгляд продавщицы ответил, что подарки эти для его двенадцати детей и семнадцати внуков. Вскоре он вышел из магазина и направился к следующему ювелирному магазину, после него к следующему.

«Что, он хочет скупить все драгоценности в Минске?» — недоумевали работники милиции.

А Саидов, великолепно ориентируясь в городе, действительно посетил все ювелирные магазины. Свои покупки он складывал в небольшую дерматиновую черную сумку. Было уже обеденное время, когда Саидов приехал на такси на тихую безлюдную улицу. Машину отпустил, но сам не торопился идти дальше и долго топтался на месте, подозрительно осматривая окна домов. Наконец он прошел к маленькому домику и скрылся во дворе. Ляхов и Кустов остались за углом.

А тот, кого они считали Саидовым, по-хозяйски вошел в дом. Мхитарян, которому уже надоело сидеть в обществе молчаливой старухи, обрадовался его приходу:

— Наконец-то, а я уже начал думать, не забыл ли ты, где мы остановились.

— Не забыл, не забыл, — ворчливо проговорил Абдураимов, — это ты скорее от безделья можешь все забыть. — И, повернувшись к хозяйке, предложил: — Нюра, собирайся, пойдем твои дела решать. — Абдураимов

выждал, пока она выйдет из комнаты, тихо обратился к Мхитаряну: — В самом большом чемодане лежит маленький. Достань его и поезжай с ним на вокзал. Жди меня у входа в зал ожидания.

— А как насчет обеда?

— Зайди в ресторан на вокзале и пообедай, только чемодан не сдавай в гардероб, он очень тяжелый и может вызвать подозрение.

Затем Абдураимов взял сумку и направился в сарай. Спустился в погреб, отодвинул небольшой металлический ящик, закрытый на внутренний замок. Открыл его, ящик был уже почти полон, и Абдураимов с загадочной улыбкой прижался щекой к лежащим в ящике драгоценностям. Их было много, и пальцы нежно ласкали этот клад. Затем он быстро переложил содержимое сумки в ящик, закрыл его на ключ и поставил в тайник.

В дом он возвратился с пустой сумкой, в которую затем переложил большое количество деталей часов из чемодана. В комнату вошла хозяйка, и вскоре они вместе вышли из калитки, а когда оказались на большой шумной улице, разошлись. Мхитарян остановил такси, а Абдураимов со своей спутницей пошли пешком.

Работники милиции тоже разделились. Кустов на машине поехал за тем, который был в такси. Ляхов двигался вслед за парой. Вскоре они подошли к нотариальной конторе и скрылись внутри. Ох как хотелось Николаю войти вслед за ними и выяснить, чего их занесло в эту контору! Но делать было нечего, он остался один, и если его заметят, то в дальнейшем его дела будут плохи! Минут через тридцать старики появились на улице и тут же расстались.

Саидов, держа в руке тяжелую сумку, долго шел пешком, а потом неожиданно для Ляхова сел в троллейбус. Николай еле успел вскочить следом. Ехали долго, и Ляхов, находясь в нескольких метрах от преступника, смог еще раз хорошенько рассмотреть его. Теперь оперативник был уверен, что этого человека он узнает в любом месте, в любое время.

Когда троллейбус стал приближаться к железнодорожному вокзалу, Саидов начал пробираться к передней двери. Ляхов остался на задней площадке. Ляхов вышел из троллейбуса и, стараясь не упустить из виду Саидова, который направлялся к вокзалу, лихорадочно искал ответ на мучающий его вопрос, что делать, если Саидов вздумает уехать. Но через несколько минут на душе стало спокойнее. Саидов у входа в зал встретился с тем же мужчиной, за которым пошел Кустов. «Но где же сам Кустов?» – подумал Ляхов. А Кустов тут как тут.

– Привет! Я с этим типом тут уже около двух часов торчу. Он, гусь лапчатый, зашел в ресторан, пообедал, а каково мне, голодному?

– Ладно, не плачь, я тоже есть хочу, давай лучше отойдем подальше, как бы они не срисовали нас.

Они отошли поближе к выходу и – вовремя. Саидов и его друг, разговаривая, прошли как раз рядом с тем местом, где только что стояли оперативники.

– Иди за ними, а я за тобой, – сказал Кустову Ляхов, а сам сделал вид, что хочет выпить газированной воды из автомата. Саидов и незнакомец вошли в помещение автоматических камер хранения. Открыли одну из них и поставили туда сумку и небольшой чемоданчик.

Кустов выждал, пока они выйдут обратно, прошелся мимо этой камеры, запоминая ее порядковый номер.

Не успел он присоединиться к Ляхову, как к ним подошел Мирский.

– И вы здесь?

– Да, притянули и нас сюда наши друзья, – улыбнулся Ляхов. – Но, глядя на вас, можно подумать, что где-то здесь появился Каганович.

– Вот он, у газетного киоска стоит, – кивнул головой Мирский.

– А Смирнов?

– На месте, видишь, у входа на перрон торчит?

В этот момент Саидов и его друг встретились с Кагановичем, оперативные работники видели, как Каганович что-то записал под диктовку Саидова.

– Номер камеры и шифр записывал, – вполголоса проговорил Ляхов.

Мирский, который уже знал со слов Кустова о камере хранения, согласился:

– Очевидно, так. Значит, вещи должен принять Каганович. Ну что же, посмотрим, что будет дальше.

А дальше было вот что. Саидов и его напарник направились к трамваю. Мирский приказал Кустову следовать за ними, а Ляхова оставил с собой.

– Нам нужны будут силы, – пояснил свое решение, – наверняка придется Кагановича куда-то сопровождать.

А Каганович, словно желая подтвердить это предположение, направился к кассам и встал в очередь. Смирнов занял очередь через два человека за ним.

Мирский подошел к нему и, протянув деньги, тихо сказал:

– Возьмешь два билета, куда и он возьмет.

Каганович купил билет до Каунаса, Смирнов тоже. Было без пяти пять, когда Каганович возвратился в зал ожидания. По его виду можно было догадаться, что он кого-то ждет. И точно, ровно в пять к нему подошла симпатичная девушка. Смирнов приблизился к Мирскому и сказал:

– Это Ведрова – подруга Кагановича, я ее фотографию видел.

Было хорошо видно, как Каганович передал девушке билеты и начал что-то пояснять. «Инструктирует», – догадался Мирский и позвал своих.

– Наверняка Ведрова в дорогу тронется. Сделаем так: если она возьмет вещи, то вы вдвоем будете ее сопровождать, если поедет без них, то поедешь один.

Мирский посмотрел на Смирнова, и тот согласно кивнул головой.

До отхода поезда оставалось тридцать минут. Каганович и Ведрова подошли к камере хранения, Каганович достал из кармана маленький обрывок бумаги и, очевидно, прочитав шифр, начал открывать камеру. Достал чемодан и сумку и, держа их сам, подошел к

выходу. Ведрова пошла за ним. На перроне перед входом в восьмой вагон они остановились. Мирский спросил у Смирнова:

– Наши билеты в этот вагон?

– Да, тоже в восьмой.

– Значит, едете вдвоем. Будьте осторожны, не попадитесь ей на глаза. Я доложу о вашем «путешествии» Карасеву и попрошу связаться с Каунасом. Там вас встретят местные товарищи.

Мирский внимательно оглядел своих подчиненных и, улыбнувшись, добавил:

– Ваши приметы хочу запомнить, чтобы в Каунас передать. Ее задерживать не надо. Главная задача – выяснение их связей.

– А если нас не встретят? – спросил Ляхов.

– Выбирайте момент и позвоните по ноль-два, в любом случае о вас будет известно. Не беспокойтесь, при любой ситуации в Каунасе к вам подойдут наши коллеги. А сейчас садитесь в седьмой вагон, а когда поезд тронется, переседайте в свой.

Каганович помог Ведровой сесть в вагон и, не дожидаясь отхода поезда, направился к выходу с перрона. Мирский, соблюдая дистанцию, пошел следом...

Абдураимова не покидало смутное чувство тревоги. Он ехал в троллейбусе и подозрительно осматривал пассажиров. Но поди узнай в толпе того, кто может следить за тобой! На остановке Абдураимов вышел первым и ощупал глазами каждого, кто вышел вслед. Правда, один раз ему на глаза попался молодой парень, который вдалеке шел за ним, но больше Абдураимов его не видел. В квартире Нюрки он был мрачен и неразговорчив. Мысленно анализировал все свои действия за прошедший день, но каких-либо тревожных симптомов не находил. Правда, когда вспомнил о посещении нотариальной конторы, тревога в душе усилилась. «И чего я беспокоюсь? Подумаешь, завещание старуха на имя Саидова написала. Мало ли их, этих Саидовых? Сейчас же никто этим не заинтересуется. Другое дело после ее смерти, но я же не собира-

юсь жить в этой скорлупе. Мне важно, если Нюрка концы отдаст, получить доступ в дом, чтобы забраться в тайник, а там я могу и сам петуха в эту скорлупу запустить. Так что нечего волноваться, можно чувствовать себя пока спокойно».

Но Абдураимов чувствовал сильный страх, который не уменьшился от стакана коньяка. Смутное чувство тревоги заставило наконец его выйти во двор.

Там он зашел за сарай и, пригибаясь, бросился к невысокому заборчику, перелез через него и оказался в другом дворе, калитка которого вывела его на параллельную улицу. Быстро обойдя квартал, «старик» начал осматривать близлежащие к дому Нюрки переулки. И в одном из них, на углу, заметил молодого парня, стоявшего у забора и смотревшего в сторону дома Нюрки.

Лоб Абдураимова покрылся испариной. «Неужели контора?» – молнией мелькнула страшная мысль. Он с трудом заставил себя спокойно думать. Спрятавшись за угол небольшого двухэтажного дома, стал следить за тем парнем. Было ясно: парень или ждет кого-то, или наблюдает за домом Нюрки. С новой силой в голове Абдураимова вспыхнули тревожные мысли. Вспомнил поездку в троллейбусе, того молодого человека, которого заметил. «Не он ли? А может, дождаться, пока стемнеет, и пришить его? – подумал Абдураимов, но тут же возразил сам себе: – Нет, нельзя. Если он из конторы, то должен быть не один, не мог же он случайно зацепиться за нас. Может, Арон привел? Черт знает, что думать!»

До самой темноты парень стоял на углу, и Абдураимов окончательно пришел к выводу, что он из милиции. Надо было что-то предпринять. Абдураимов тем же путем через двор соседнего дома возвратился в дом Нюрки. Вызвал ее в кухню и начал инструктировать:

– Понимаешь, не нравится мне обстановка вокруг твоего дома. По-моему, следит контора. Мы сейчас смоемся, а если к тебе придут, то скажи, что приходили двое на ночлег, ушли ночью, на поезд спешили, что знать их

не знаешь. Смотри, о завещании не сболтни. Не то... ты же меня знаешь! — злобно сверкнул он глазами.

— Не пугай и не учи, сама знаю, что говорить и как вести себя. Ты лучше деньги гони, — огрызнулась хозяйка и уже более спокойным голосом сказала: — А может, тебе это все показалось? Нервы на старости лет шалить начали?

— Дай бог. Однако нутро меня, баба, не подводило еще никогда.

Абдураимов прошел в комнату, где Мхитарян уже устроился спать:

— Собирайся, уходить будем.

— Куда уходить? — удивился напарник.

— Еще не знаю, но уходить надо. Пока ты здесь коньяк допивал, я прошвырнулся по улице и увидел, что за домом следят.

— Кто следит?

— Если я тебе скажу, что это принцесса, то ты все равно не поверишь, — зло ответил Абдураимов. Наивные вопросы Мхитаряна, его безмятежный тон начинали выводить его из себя. Абдураимов подошел к кровати, на которой продолжал лежать Мхитарян, и дернул с него одеяло:

— А ну, собирай манатки, да побыстрее!

Мхитарян начал молча одеваться. Абдураимов собрал чемоданы, поставил их у порога и повернулся к хозяйке:

— Нюра, ты выйди во двор и понаблюдай за улицей.

Хозяйка молча направилась к дверям. Абдураимов схватил висевшее в кухне полотенце и тщательно протер им стоявшие на столе бутылки и стаканы. «У них уже есть наши пальцы, зачем еще оставлять», — пробормотал он и повернулся к Мхитаряну:

— Готов?

— Как штык!

— Бери чемоданы и иди за сарай, уходить будем через соседний двор, я дорогу знаю. Жди меня за сараем. Смотри, чтобы с улицы не было видно, как ты по двору идешь.

Мхитарян вышел, а Абдураимов погасил свет, припал к окну. Улица была хоть слабо, но освещена. Его настороженный взгляд ничего не заметил. Тогда и он направился к дверям. Во дворе чуть слышно позвал хозяйку. Она тут же подошла и тихо сказала:

— На улице никого. Может, зря уходите?

— Уйдем, а потом посмотрим. Не беспокойся, еще свидимся, — и он сунул ей небольшой сверток: — На, держи. Здесь двадцать две тысячи, и дальше никого не пускай. Видишь, я игру честно веду.

— Вижу, вижу, дорогой! Дай бог тебе сто лет жизни! — начала лепетать хозяйка, но Абдураимов, не прощаясь, тенью прошмыгнул за сарай и, увидев Мхитаряна, взял у него два чемодана:

— Иди за мной, не шуми только. Вскоре они оказались далеко от дома. Остановили какого-то частника. Тот согласился за пятерку подбросить до вокзала. На улице шел дождь, в машине было холодно и пахло бензином. На привокзальной площади они вышли из машины.

— Куда теперь? — спросил Мхитарян.

— Давай чемоданы оставим в камере хранения, а потом подумаем, что делать дальше.

В пустом зале, где находились автоматические камеры хранения, шла уборка. Две женщины-уборщицы неодобрительно посмотрели на прохожих мужчин, которые, оставляя мокрые следы на только что вымытом полу, прошли в самый дальний конец зала. Оставив чемоданы в камерах, они направились в зал ожидания, сели на свободную скамейку и стали думать, что делать дальше.

— Сколько мы в Минске торчать будем? — спросил Мхитарян.

— Думаю, что дня два-три. Надо закончить дело с Ароном да и встретиться с местными ребятами, они подготовили большую партию нужных мне деталей, я не хочу заставлять их рисковать и долго держать товар у себя.

— Так что, нам придется дожидаться приезда подруги Арона?

– Конечно, ведь она повезла четыреста пар моих часов и почти полную сумку деталей.

– Сколько тебе выпадет?

– Пятьдесят тысяч.

– Пятьдесят тысяч? Вот это да, и никакого риска!

– Ну это ты брось, – махнул рукой Абдураимов, – риска здесь больше, чем у тебя. Если меня возьмут, да еще со всеми моими судимостями, то вышка обеспечена. Потому, дорогой мой, нужно ухо держать востро. Нельзя допустить ни одного промаха. Ни одного! Понял?

– Это конечно. Но что сейчас делать будем, где переночуем?

«Старик» посмотрел на часы:

– Час. Конечно, неплохо бы поспать. Слушай, а ресторан еще работает?

– До двух часов.

– Пойдем поужинаем, на полный желудок лучше думается.

Мхитарян не возражал, и они направились в ресторан, расположенный в этом же здании на втором этаже.

В душе опытный Абдураимов надеялся не только выпить и перекусить, но найти человека, который мог их приютить. Таким человеком оказался швейцар. Он был изрядно пьян, толст и неповоротлив и сразу преобразился, когда понял со слов Абдураимова, что может неплохо подзаработать.

Хорошо поужинав и угостив коньяком швейцара, они вскоре шли к нему домой. Швейцар назвался Антоном. Жил он недалеко от вокзала в однокомнатной благоустроенной квартире.

Гостям он уступил свою кровать, а сам устроился на небольшом диванчике. Мхитарян очень не хотел лечь спать рядом с Абдураимовым. «Воняет, как овца, дышит, как паровоз, а ты с ним рядом ложись!» – подумал он с отвращением. Но делать нечего: уж очень хотелось спать.

Мхитарян повернулся лицом к стенке и, прежде чем уснуть, подумал: «И что это за жизнь с этим «стари-

ком»? Надо, пока не поздно, срываться. Интересно, где он прячет свои запасы, может, в сарае у Нюрки. Узнал бы сейчас этот старый хрыч, что я видел, как он туда лазил, то наверняка порешил бы меня».

У Абдураимова тоже далеко не лестные мысли были о Мхитаряне. Но не прошло и десяти минут, как по комнате разнесся их храп, и если бы постороннему человеку удалось взглянуть на них через час, то он увидел бы, что спят они обнявшись, словно отец с сыном...

Кустов был вконец расстроен. Еще бы, он неотрывно следил за домом, в который зашли Саидов и его напарник, даже не ушел, когда пришла смена, и на тебе! Саидов со своим дружкой исчезли при самых загадочных обстоятельствах!

– Честное слово, я никуда не отлучался, – убеждал молодой оперативник своего начальника. – Как они в дом вошли, я тут же позвонил дежурному из телефона-автомата, расположенного рядом, и продолжал наблюдение.

Мирский знал, что Кустов старательный, дисциплинированный работник. Он не мог прозевать выхода из двора Саидова и его друга. Оставались два предположения: первое: Саидов с напарником затаились в доме; второе: ушли тайком, а это значит, что они почувствовали опасность. Мирский к вечеру, когда стало ясно, что здесь что-то не так, послал опытного сотрудника вместе с участковым инспектором с заданием обойти ряд домов, в том числе побывать и у Сидоренко. Участковый инспектор, пожилой капитан милиции, работал на этом участке давно. Он хорошо помнил те времена, когда домой к Нюрке приходилось заходить чуть ли не каждый день: то нужно было кого-то разыскать, задержать, проверить; то разобраться, какая компания прибыла к ней из другого города.

– Понимаешь, какая петрушка! – говорил он своему коллеге. – Потом вдруг как рукой сняло: перестала Нюрка пускать к себе всякую шваль. Через полгода контроль с ее квартиры сняли.

– А на что она живет?

– Небольшой садик у нее с огородом, имеет кое-какой доход. Говорила как-то, что ей родственники помогают, а кто именно, не назвала. Сказала, что не хочет себя в их глазах компрометировать. Вот ее дом. Тебя не будем представлять? Или сказать, что ты внештатный сотрудник?

– Если будет спрашивать, то скажешь, что внештатник, – ответил оперативный работник и пропустил участкового вперед.

Сидоренко была дома и встретила гостей с ухватом в руках.

– Что так гостей встречаете, Антоновна? – весело спросил участковый и поздоровался.

– А, это вы, Степан Семенович, я вас не узнала. Давненько вы ко мне не заходили, проходите, садитесь.

– Вот потому и зашел, что давненько не бывал. Ну как жизнь идет? Как здоровье?

– Спасибо. Какое уж тут может быть здоровье у старого и больного человека? Все хочу денег на телевизор скопить, да не получается. Родственники обещали сброситься, подарок ко дню рождения преподнести бедной, одинокой и больной старухе.

– А когда у вас день рождения?

– Через три недели. А что, тоже хотите подарок сделать?

– Если зайду, то сделаю, – пообещал участковый и спросил: – Говорят, квартирантов без прописки, Антоновна, начала держать?

– Кто? Я? Что вы, Степан Семенович! Никого я не держу, кто вам такое сказал?!

– Соседи говорят, что двоих мужчин пустила на квартиру.

– Ах, чтоб им глаза на лоб повылазили, этим соседям, – возмутилась хозяйка. – Я знаю, кто мог такое говорить. Это только Ластова Ленка могла. Трепло она! Ее бы языком да пол у меня подчищать.

– Подождите, подождите, Антоновна! Вы что же, хотите сказать, что и позавчера и вчера у вас посторонних не было?

– Посторонних? ...хм... ах, посторонних? Это вы имеете в виду двух мужиков, одного старого, другого молодого? Да, были, приехали, попросились переночевать, три рубля пообещали. Вот я и пустила, но они же вчера уехали. Так это их Ластова Ленка в квартиранты зачислила? Ну погоди ты, – старуха грозно помахала в сторону окна Ластовой кулаком. – Я до тебя еще доберусь!..

– Да подождите вы Ластову крыть, – перебил ее участковый. – Не она это сказала. Вы лучше скажите, кто эти гости, откуда приехали?

– Да кто их знает. Сижу я, значит, вечером одна. Скучно и муторно на душе, с горя выпить хочется. Слышу, стук в дверь. Глядь – входят двое: один – старый, другой – молодой. «Здрасьте, – говорят, – разрешите у вас переночевать, а то гостиницы битком набиты, мест нет, пристроиться негде».

Ну и пустила их. Дали мне трешку, и на том спасибо. А вчера ушли, кто они, откуда появились, ей-богу, не знаю.

Старуха для пущей убедительности попыталась перекреститься, но, очевидно, ни разу в жизни этого не делала. Подняла ко лбу сложенные в щепоть три пальца и тут же конфузливо опустила руку. Работники милиции видели, что от нее все равно ничего толкового не добьешься, заглянули в другую комнату и, попрощавшись, ушли.

Когда они приехали в отдел и начали докладывать о результатах посещения квартиры Нюрки, в кабинет вошли Карасев и Ильин. Их лица были хмурыми – ответ из Ташкента был неожиданным. Оказывается, паспорт на имя Саидова утрачен его владельцем при неизвестных обстоятельствах еще два года назад. Настоящий Саидов – инженер одного из ташкентских предприятий, никуда не выезжал, живет и трудится в этом же городе.

Начальник ОБХСС города Карасев держал в руках телеграмму и думал: «Кто же он, так называемый Саидов? Это сообщение еще раз подтверждает, что «ста-

рик» заслуживает самого пристального внимания. Выпустить его из Минска – значит потерять, если не навсегда, то, по крайней мере, надолго.

Карасев еще раз приказал усилить контроль за пунктами, где мог появиться преступник. Для того чтобы приступить к завершению операции по задержанию группы Мельникова и изъятию ценностей, было все готово. Но оставался «старик», человек, игравший, пожалуй, главную роль в этом воровском деле. Его приезд в Минск был как нельзя кстати, и воспользоваться этим случаем необходимо. Вот и приходится сейчас оперативникам ОБХСС быть на месте рыбака, ожидающего улова у заброшенной в воду сети. Представлял интерес и Каганович, который, должно быть, тоже играл немаловажную роль. Карасев попросил Ильина еще раз уточнить план операции и сообщил:

– Имейте в виду, этот «старик», я пока не знаю, как его называть, и его напарник подозреваются в крупных мошеннических действиях. Они находили простаков, желающих в обход закона приобрести, пусть по повышенным ценам, автомашины. Наверное, аналогичное мошенничество, совершенное несколько дней назад, – тоже дело их рук. Так что надо устанавливать их местонахождение, цепляться за них и брать одновременно с другими участниками.

Ляхов и Смирнов поехали не зря. Это они поняли, как только приехали в Каунас. Местные товарищи, как и обещал Мирский, встретили их на вокзале. И дальше работали вместе. Ведрова посетила три адреса, по ним проживали известные местным работникам милиции лица. Двое из них уже не раз побывали в местах не столь отдаленных, третий, как видно, готовился туда.

Как выяснили оперработники, Ведрова исполняла роль курьера. Чувствовалось, что она не знала, что везла. В ее задачу входило доставить груз по адресу, передать определенному лицу и получить взамен деньги, но тоже запакованные в пакеты, куда для веса адреса-ты вкладывали кто что захочет.

Ляхов договорился с местными товарищами, что даст им сигнал, когда надо будет задержать этих людей, а сам вместе со Смирновым, сопровождая Ведрову, возвратился в Минск.

Проводив Ведрову до дома, Ляхов оставил там Смирнова, а сам поехал в отдел. Доложил Мирскому о результатах поездки. Тот был доволен, что Ведрова привезла деньги.

– Значит, – говорил он, потирая руки, – она их передаст Кагановичу, а тот «старик». Из этого вывод: нам надо цепко держаться за Ведрову и Кагановича, и выход на «старика» обеспечен.

Затем Мирский коротко рассказал Ляхову о событиях, которые произошли за время их отсутствия, и предложил присоединиться к группе сотрудников, которые продолжали наблюдать за домом Мельникова.

– А как быть со Смирновым? – поинтересовался Ляхов.

– Сейчас к нему направили смену, и в дальнейшем он будет возглавлять группу по работе с Ведровой, а с Кагановичем буду работать я сам.

– А чем будет заниматься Кустов?

– Ему поручено вести наблюдение за домом Сидоренко. Вопросы еще есть?

– Ясно, Василий Владимирович.

– Ну вот и отлично, иди отдыхай и приступай к руководству своей группой.

Весь следующий день Абдураимов и Мхитарян пропьянствовали у швейцара. Тот, оказалось, любил выпить и не пропускал ни одного тоста. Вечером легли спать, а наутро Мхитарян сказал Абдураимову:

– Пойду погуляю по городу, может, клиентов, желающих купить машину, найду. Если задержусь, не волнуйся, появлюсь позже.

Абдураимов не возражал. А Мхитарян решил порвать со своим напарником и приступил к реализации своего плана. Он решил попытаться найти тайник Абдураимова, а затем убрать «старика» или же просто бросить его к черту и смыться в любую сторону, лишь

бы не видеть опротивевшее ему лицо. «Главное, – думал он, направляясь к дому Нюрки, – найти его тайник, а там я сам себе хозяин. Поеду на юг, уйду на дно, проживу пару лет как человек, а там посмотрим».

Улицу, где находился дом Нюрки, он нашел довольно быстро. Стал недалеко и начал наблюдать. Сейчас было важно, чтобы старуха вышла из дома. Но прошел час, другой, затем третий... Нюрка не выходила, Мхитарян сходил в гастроном, расположенный на соседней улице, купил колбасы, хлеба и возвратился к своему наблюдательному посту. Не видел он, что сам уже попал в поле зрения и теперь за ним наблюдают две пары глаз. Кустов, который сразу же засек появление Мхитаряна, передал об этом по радиостанции своим. Вскоре к ним прибыло подкрепление. И теперь Кустов с одним из своих помощников переключился только на друга «старика», двое других сотрудников продолжали наблюдать за домом Сидоренко.

Наступил вечер. Постепенно пустели улицы, на город опустились сумерки. Как назло, полил дождь. Кустову и его помощнику, милиционеру Рябику, чтобы не потерять из виду Мхитаряна, пришлось приблизиться к нему почти вплотную, и теперь им необходимо быть вдвойне настороже.

Прошло еще несколько часов. В окнах Сидоренко уже давно погас свет. Наконец Мхитарян сдвинулся с места. Он направился к дому тем же путем, каким уходил вместе с Абдураимовым.

Дождь усилился и лил как из ведра. Но теперь Кустов и Рябик были рады ему. Он помогал им незаметно следовать за преступником.

Мхитарян долго шарил руками над дверью, прежде чем нашел ключ. Осторожно отомкнул замок, вошел в сарай и плотно закрыл за собой дверь. Послышался какой-то шорох, и он, прижавшись к бревенчатой стене, замер, сжимая в руках финку. «Если старуха – на тот свет отправлю», – подумал он, дрожа мелкой дрожью. Но за дверью было тихо. «Показалось», – решил Мхитарян, достал из кармана фонарик и включил его.

Прикрывая рукой луч света, не торопясь, метр за метром осматривал сарай. У дальней стены – дрова, слева – две пустые бочки, чердака в сарае нет. «Где же он может свое добро прятать? В дровах нельзя, старуха может найти, под крышей тоже невозможно, здесь даже лестницы нет, в земле?» И Мхитарян начал обследовать землю. Вскоре обнаружил вход в подполье, открыл люк, спустился вниз и оказался в небольшом погребе. Очевидно, зимой здесь старуха хранила картошку, а в маленьком бочонке в углу – капусту... Прошло не меньше часа, прежде чем Мхитарян нащупал тайник. Дрожащими руками он отодвинул бревно и вытащил металлический ящик: «Вот он, твой тайничок, старый хрыч! Наконец мы с тобой квиты: ты мне в морду, а я у тебя – тайник!» Вытащил ящик из люка и поставил его на земляной пол сарая. Ящик был тяжелым. «Интересно, что же он здесь прячет? – подумал он, осматривая замок. – Ишь ты, какой запор сделал. Ну, ничего, я его быстро скovyрну!»

К крышке ящика была приварена ручка. Мхитарян обернул ее носовым платком, чтобы не очень руку резало, закрыл люк, вышел из сарая и запер дверь. Ключ положил на прежнее место и двинулся через огород на соседнюю улицу. Оперативные работники – за ним. Мхитарян прошел до улицы и в раздумье остановился. Идти по улице было опасно. Первый же работник милиции поинтересуется, что за ящик он тащит. Взять такси? Но куда ехать? А дождь все усиливался, и Мхитарян начал искать место, где можно укрыться от дождя. В конце переуллка он обратил внимание на легкое строение. Это была закрытая веранда детского сада. Направился к ней, дернул дверь за ручку, и дверь открылась. Он посветил фонариком и удовлетворенно хмыкнул. «Без удобств, но зато сухо. Подожду до утра, потом возьму такси и на вокзал», – решил он, устраиваясь прямо на полу.

Работники милиции поняли, что он хочет переждать на веранде ночь, и, отойдя в сторону, начали совещаться.

— Что тут думать, — горячился Рябик, — будем брать!
— Не торопись, не торопись, а где главного возьмем? Этот же должен нас привести к тому. Ты посмотри здесь, а я свяжусь по радиостанции с нашими; попрошу, чтобы машину прислали, будет где хотя бы от дождя укрыться.

Рябик молча направился в сторону веранды. Его мучила сейчас только одна мысль: как бы не упустить из вида преступника. Кустов вернулся быстро:

— За углом будет стоять машина, иди отдохни. Связь будем держать по радио, в случае чего — вызову.

— Через какое время сменить?

— Через полтора часа.

Ох, как хотелось и самому Кустову рвануть на себя дверь веранды, взять за шиворот прохиндея! Но делать нечего: приказ есть приказ, да и он сам понимал, что задерживать надо всех в одно время, а это можно будет сделать только тогда, когда оперативные работники выйдут на главного и наиболее опасного преступника, чья настоящая фамилия еще не была известна.

К утру дождь прекратился, и Кустов, который стоял на посту, увидел, как из веранды вышел тот, из-за которого они дежурили здесь почти всю ночь.

Сгибаясь под тяжестью, он направился к центру города. При виде приближающейся машины он ставил ящик на тротуар, а сам выскакивал с поднятой рукой на проезжую часть. Наконец ему подвернулось свободное такси, и он, погрузив в багажник ящик, сказал шоферу ехать к аэропорту. Там он отпустил такси и занес ящик в автоматическую камеру хранения. После этого прошел к кассам и начал читать расписание рейсов.

Он думал: «Надо выбрать первый же самолет и смыться из города. «Старик» обнаружит пропажу ящика не раньше, чем завтра, значит, время у меня уехать подальше есть». Но тут же понял, что он не пройдет досмотр при выходе к самолету. Мхитарян занервничал и с трудом заставил себя успокоиться. Проходя по аэровокзалу, он неожиданно обратил внимание на то,

что работает уже парикмахерская, и сразу же направился туда. Через полчаса, гладко выбритый, он уже входил в ресторан.

Работники милиции наблюдали за ним через стеклянную входную дверь. Кустов отлучился на пару минут и позвонил Ильину. Тот приказал продолжать наблюдение и держать его в курсе событий. Только Кустов собирался повесить трубку, как Ильин окликнул его:

— Да, я чуть не забыл, мы сейчас подошлем к вам ребят из уголовного розыска, они помогут.

Кустов был рад помощи. Он постоянно помнил горький опыт, когда преступники перехитрили его и ушли из дома Сидоренко. Минувшей ночью он понял, каким образом это им удалось. Их путь показал этот тип, который сейчас попивает коньяк и всласть поглощает изысканные закуски. Кустов возвратился к Рябику:

— Ну, как он там?

— Жрет, — односложно ответил Рябик и в очередной раз заглянул через стеклянную дверь в зал.

— Нам в помощь уголовный розыск едет, так что упустить не должны.

Минут через двадцать прибыли два сотрудника уголовного розыска. Ребята были свои, из того же отдела, что Кустов и Рябик. Быстро ввели их в курс дела. Вновь прибывшие остались у ресторана, а Кустов и Рябик направились в машину: пока их подопечный будет набивать желудок, они чуть-чуть вздремнут. Но долго дремать не пришлось. Минут через тридцать работники милиции вскочили в машину, и Кустов увидел, что «клиент» вышел из ресторана и садится в такси. Инспектор уголовного розыска Басов был доволен:

— Голову даю на отсечение, что это один из мошенников, — и, повернувшись к Кустову, добавил: — С меня шампанское? А то в последнее время начальство жизни не давало. Каждый день один и тот же вопрос: «Басов, где мошенники? Басов! Где мошенники?!» А что я мог ответить? Мошенничают, говорю...

В этот момент такси остановилось у железнодорожного вокзала. Мхитарян рассчитался с водителем и направился к кассам. Нашел расписание движения поездов, внимательно просмотрел его, подошел к кассе.

— Девушка, мне на восемнадцать тридцать до Гомеля можно один билетик?

Кассир молча протянула билет, и Мхитарян направился к выходу, пересек привокзальную площадь и вошел в промтоварный магазин. Купил большой чемодан и направился к стоянке такси.

— Не пойму, что, он хочет уехать один, без напарника? — бормотал Кустов.

— Подожди, узнаем, — ответил Басов, — но чует мое сердце, придется его брать.

Мхитарян приехал к аэровокзалу и, попросив таксиста подождать, сходил в помещение камеры хранения, взял ящик и возвратился к машине. Погрузив ящик в багажник, обратился к шоферу:

— Слушай, друг, я тебе хорошо заплачу, но ты должен мне помочь.

— В чем заключается моя помощь?

— Мы сейчас с тобой проедем по хозяйственным магазинам, купим кое-какие слесарные инструменты, а затем меня подбросишь недалеко за город, — и, увидев, что водитель такси немало удивлен, должно быть, что-то заподозрив, быстро добавил: — В деревню.

— Я согласен.

Они проехали по нескольким магазинам, купили молоток, зубила, плоскогубцы, отвертку и другие инструменты.

— Ну вот, — сказал удовлетворенно Мхитарян, — теперь давай за город.

— Направление?

Мхитарян замялся. И как это он не подумал раньше? Что теперь сказать?

— Направление? В сторону Гомеля.

— Значит, по Могилевскому шоссе, — проговорил шофер и включил скорость.

Пока машина пробиралась по оживленным улицам города, Мхитарян обдумывал план дальнейших действий. «Доверять таксисту нельзя, а если он узнает о цели моей поездки, то может тут же заложить. А если его кокнуть? Нет, не стоит, сам водить машину не умею, и брать на себя лишнюю мокруху не надо». Машина неслась уже по загородному шоссе. Оставалось одно: выйти из машины и взломать ящик, переложить содержимое в чемодан и в город возвратиться на попутной машине. И Мхитарян решил. Выждал, пока машина будет проезжать мимо леса, попросил водителя:

— Впереди будет съезд в лес, вы меня там и высадите, за мной к тому месту подъедут на телеге.

О том, что съезд в лес будет, Мхитарян не сомневался, таких проселочных дорог, ведущих с дороги в лес, было великое множество. Вскоре водитель остановил машину. На счетчике набило восемнадцать рублей. Мхитарян достал пятидесятку.

— За хорошую работу.

Водитель радостно схватил деньги и, развернув машину, лихо укатил в сторону города.

Мхитарян, пока доставал из багажника свои вещи и рассчитывался с таксистом, не видел, как невдалеке на какое-то мгновение приостановилась «Волга». Из нее вышли двое мужчин и скрылись в зарослях, а машина пошла дальше. Правда, проехав за ближайший поворот, она снова затормозила, и из нее выскочили еще двое мужчин, которые вошли в лес и осторожно двинулись вдоль дороги в обратном направлении. Но Мхитарян этого не видел, он оттащил свой груз метров за двадцать от дороги и принялся за работу.

Тяжелое это дело — вскрыть металлический ящик, и, конечно, за такой работой он не мог увидеть, как с двух сторон из-за кустов за ним настороженно следили люди. Мхитарян чувствовал себя в безопасности, его беспокоило сейчас одно: что там, в этом железном ящике? Работал он долго, сломал отвертку, в кровь исцарапал руки и наконец открыл. Он смотрел на содержимое ящика, а сам медленно садился на землю.

В ящике лежали драгоценности. С трудом взяв себя в руки, со стоном проговорил:

— Ну, Ахмед, ну, рухлядь старая, наконец я с тобой рассчитался, — и он начал жадно хватать драгоценности и бросать их в чемодан. Затем сложил инструменты в металлический ящик и пошел прямо... на Кустова и Рябика... Бежать было нельзя, и Кустов, приложив палец к губам, приказал напарнику стоять на месте. А Мхитарян подходил все ближе и ближе, и тут вдруг слева от него что-то затрещало и упало на землю. Мхитарян мгновенно остановился и настороженно стал смотреть туда, где раздался этот непонятный шум. Страх охватил его, он бросил под куст ящик, чуть ли не бегом возвратился к чемодану, схватил его и быстро пошел в сторону шоссе.

Как только он скрылся в кустах, на поляну выскочил Басов; он подбежал к тому месту, где только что был слышен шум, и поднял... пистолет, сунул в него обойму и знаком показал своим — пошли, мол, за Мхитаряном. А Кустов и Рябик бросились бегом к машине. Кустов подумал о Басове: «Молодец парень, в такой обстановке не растерялся!»

Они сели в машину, которую водитель уже развернул в обратном направлении, и с напряжением начали прислушиваться к шумам и трескам радиостанции. А мимо шли и шли в сторону города автомашины. Поди узнай, которую там за поворотом остановит преступник. Наконец в радиостанции послышался голос Рябика:

— Можете подъезжать, он сел в «Москвич» зеленого цвета, номер 20-77.

Водитель милицейской «Волги» тут же включил скорость. Вскоре они увидели своих. Когда сели, Басов возбужденно сказал:

— Братцы, краж в последнее время у нас в городе не было, где он мог все это спереть?

— Я, кажется, знаю, — ответил Кустов, — он похитил это у Нюрки, но принадлежать все это может только «старика», который спрятал драгоценности у нее в са-

рае. Если это так, то теперь понятно, почему этот тип ночью один пробрался в сарай, ночевал на веранде детского сада, купил билет только для себя. Надеяться, что он выведет на нас «старика», я думаю, бесполезно.

Водитель вполголоса сказал:

— Впереди «Москвич».

— Хорошо, — ответил Кустов и добавил: — Держись от него на таком расстоянии, когда въедем в город, интервал сократим. Твоя радиостанция достанет до райотдела?

— Конечно.

— Сейчас посоветуемся, — бросил Кустов и начал по радио вызывать свой отдел. Дежурный ответил быстро, и Кустов попросил вызвать начальника отдела. Прошло несколько минут, и в эфире послышался спокойный голос Ильина. Кустов коротко доложил ему о действиях преступника и сообщил свои предположения.

Ильин помолчал немного, очевидно, обдумывая ситуацию, а потом приказал наблюдать за преступником до конца, и если он вздумает уехать, то перед отходом поезда задержать его незаметно для окружающих.

Кустов, внимательно выслушав приказ начальника, положил на место микрофон и повернулся к Басову:

— А ты молодец! Не пойму, как ты догадался пистолет швырнуть?

— А что тут догадываться, — улыбнулся Басов, — смотрю, этот тип, как бульдозер, прет на вас, а вокруг ни камушка, ни коряги, одни только веточки, ну я и взял пистолетик, вынул обоймочку и швырнул его в сторону от вас. Этот тип и клюнул, испугался и драпанул.

Вскоре въехали в город. «Москвич», нигде не останавливаясь, приехал прямо к железнодорожному вокзалу.

Мхитарян подошел к ларькам, расположенным недалеко от входа на перрон, купил бутерброды, напиток, сложил все это в авоську, купленную тут же в одном из киосков, и направился на перрон.

– Ты помнишь, Ильин сказал, чтобы брали его незаметно для окружающих?

– Помнить-то помню, кто их знает, может, действительно кто-либо из этой шайки следит за ним на расстоянии, желает убедиться, что он уехал нормально. Как же его взять?

– Я придумал. Зови ребят, проведем инструктаж...

Мхитарян был уже спокоен. Оставалось сесть в поезд, чемодан положить под сиденье, место у него нижнее, и можно завалиться спать. Вот и поезд. Мхитарян поспешил к своему вагону. Пассажиров было много, а в четвертый вагон, куда у него был билет, сиделось человек пятнадцать. Мхитарян не торопился, пропустил всех и предъявил свой билет миловидной проводнице. Начал подниматься в вагон, а сзади, слегка подталкивая его, входил еще один пассажир. В тамбуре у входа в вагон стоял молодой плечистый человек. Только Мхитарян хотел попросить его пропустить, как он сунул к его носу красную книжечку и спокойно, но тоном, не требующим возражений, сказал:

– Вам прямо.

Не успел Мхитарян сообразить, в чем дело, как вторая дверь тамбура открылась и его слегка подтолкнул в спину тот, который сиделся следом:

– Быстро, быстро проходите.

Еще ничего не понимающий и ошарашенный Мхитарян, скорее автоматически, чем сознательно, сделал несколько шагов и начал спускаться по ступеням на противоположную сторону вагона. Там его взяли под руки еще двое, стоявшие внизу. Щелкнули наручники, и его повели к подземному переходу.

Все произошло так быстро, что Мхитарян пришел в себя только в милицейской «Волге». С растерянной улыбкой на лице он проговорил:

– Ничего работаете, чисто, честное слово, как в кино, – и уткнулся головой в колени...

Мхитарян сначала упирался, увиливал от ответов, старался запутать следователя. Но Зеленияев спокой-

но и уверенно, шаг за шагом распутывал клубок многочисленных преступлений. Мхитарян отрицал свою причастность к мошенничеству. Зеленияев произвел официальные опознания. Потерпевшие сразу же подтвердили, что именно он предлагал им «помощь» в приобретении автомашины.

День клонился к вечеру, когда Мхитаряна снова привели в кабинет следователя. Зеленияев предложил ему сесть и начал разговор:

– Я думаю, что вы разумный человек, понимаете, что ваша карта бита, и еще раз хочу предложить говорить правду, которая нужна не только мне, но и вам. Наверное, излишне напоминать, что закон при условии дачи правдивых показаний учитывает это как обстоятельство, смягчающее ответственность, да и вы это сами хорошо знаете.

– Что вас интересует? – глухо спросил Мхитарян.

– Все, – спокойно сказал Зеленияев.

– Эти драгоценности не мои.

– Мы это знаем, но хотим, чтобы вы сами рассказали об этом.

– Откуда вы знаете?

– Потому что видели, как вы их взяли в сарае у Сидоренко, или, как ее зовут, Нюрки. Видели, как вам пришлось ночь коротать на веранде детского сада, знаем, что после этого вы поехали в аэропорт, где побрились, а затем поехали на железнодорожный вокзал, купили билет до Гомеля, а затем на такси совершили поездку по магазинам, приобретая необходимые для взлома ящика инструменты. Знаем мы и то, как вы уехали на этой автомашине за город. Не стали мы вам мешать и тогда, когда вы в поте лица трудились, вскрывая ящик. В общем, Мхитарян, я ожидаю от вас проявления благоразумия.

Мхитарян был раздавлен, он долго молча рассматривал свои руки, а потом изумленно спросил:

– Так вы что, с самого нашего появления в городе держали нас под колпаком?

Зеленияев согласно кивнул головой:

– Да, поэтому я не хочу вам напоминать и о Кагановиче, о вашем друге...

– Понял, – перебил его Мхитарян. – Ваша взяла. Чистое работаете, черт возьми. Я буду говорить правду, но только прошу занести в протокол, что я желаю дать, как говорится в уголовном кодексе, правдивые и чистосердечные показания.

– Решено, – улыбнулся Зеленьев, – итак, начнем...

А в это время в кабинете начальника отдела Ильин, Карасев и Мирский думали, что делать дальше. Карасев был согласен с мнением Ильина, что в расставленную сеть наверняка пойдет нужный им человек и тогда можно будет одним ударом покончить со всей шайкой. Он спросил у Мирского:

– Чем занимается Ведрова?

– Как и прежде, «ходит на работу», но с Кагановичем пока не встречалась.

– Смотрите за ней и Кагановичем внимательно! – Повернувшись к Ильину, спросил: – Он назвал фамилию «старика»?

– Говорит, что фамилия его Саидов. Я думаю, что «старик» не стал бы называть свою настоящую фамилию.

– А где сейчас «старик», он знает?

– Говорит, что нет. С его слов, они потеряли друг друга в районе аэропорта, потому он и ездил в аэропорт на случай появления там «старика». Но я считаю, что здесь он врет. Он же сам не скрывает, что драгоценности, которые он похитил, принадлежат «старик-ку». Встает вопрос, какой ему резон искать после этого хозяина драгоценностей? Просто ему сейчас бы очень не хотелось, чтобы «старик» попал в наши руки. В противном случае перед ним возникает перспектива: сидеть со «стариком» на одной скамье подсудимых и одновременно держать перед ним ответ за кражу драгоценностей.

– Значит, «старик» остался без своего капитала, – проговорил Мирский, – а не решит ли он при таких условиях драпануть из нашего города?

– Нет, наоборот, он захочет получить деньги от Кагановича и, пока с ним не встретится, уезжать не станет. Это, во-первых, а во-вторых, мы с вами уже хорошо знаем, что он жадный и мелочный человек и, значит, не упустит возможность подзаработать на сделке и с группой Мельникова. В этом направлении нам и следует работать.

Уже который день Ляхов и его товарищи вели наблюдение за домом Мельникова. Пока ничего интересного не произошло. В дом входили и выходили люди. Но того, ради которого на ноги поднят весь аппарат ОБХСС города, не было.

Двое молоденьких милиционеров сидели на деревянной скамье и играли в шашки. Сегодня у строителей выходной день, и поэтому выход из бытовки нежелателен. Ляхов только что проверил радиосвязь с машиной, которая стояла на другой улице. Там находился Гласов. Его тоже присоединили к группе Ляхова на случай, если Саидов приедет на автомашине. Но пока Саидов не появлялся.

Ляхов, устроившись у окна, продолжал наблюдение. Около калитки остановился мужчина. Ляхов не видел, как этот человек подошел к дому. Он будто из-под земли вырос. Мужчина начал медленно прохаживаться возле дома. «Наверняка «старик», – мелькнуло в голове. – Мельников обычно ходит на работу к семи часам. Значит, «старик» решил дожидаться его на улице. Это к лучшему, наши успеют».

Постепенно светало. Уже появились на улице редкие прохожие. «Старик» продолжал прохаживаться вдоль улицы. Седьмой час. Из калитки вышла женщина и направилась в противоположную сторону от мужчины. Это почему-то насторожило мужчину, потому что он остановился, долго смотрел ей вслед, а затем резко повернулся и быстрыми шагами направился за угол.

Ляхов передал необходимую информацию группе Гласова, и он со своими товарищами «принял» «старика» – тот уже ни на минуту не оставался без внимания работников милиции.

Как хотелось Ляхову подойти к нему и сказать: «Хватит! Скажи, кто ты!» – но этого делать нельзя. За него нужно было держаться цепко, ведь даже фамилии его пока никто не знал...

А «старик» чувствовал себя в Минске как дома. Работники милиции еле успевали устанавливать лиц, с которыми он встречался. Никого из его знакомых тоже пока не трогали.

Посетил он и дом Сидоренко. Не знали работники милиции, что там разыгралась целая трагедия. Абдураимов, придя к Нюрке, отправил ее в магазин, а сам пошел в сарай проверить тайник. Ключ находился на обычном месте, вошел в сарай, спустился в погреб, привычным движением сунул руку под бревно, а там... пусто. Еще не осознавая, что случилось, он продолжал лихорадочно шарить рукой по пустому тайнику, а рот уже перекошило от желания закричать. Быстро вытащил бревно, и унылая картина пустого тайника сразила Абдураимова. Он без сил со стоном опустился на ступеньку лестницы. Мозг пронзила одна мысль: «Кто? Кто это сделал? Кто украл все то, что составляло смысл всей моей жизни?!»

Абдураимов с трудом вылез из погреба, обшарил все углы сарая, но безрезультатно. Тогда он бросился в дом. Хозяйка уже пришла из магазина и накрывала на стол. Увидев Абдураимова, она испугалась:

– Что с тобой, на тебе лица нет?

Абдураимов, буравя Нюрку налитыми кровью и от этого казавшимися бешеными глазами, медленно приближался к ней:

– Кто забрал мой ящик?

– Какой ящик, Ахмед? Что ты такое говоришь?

– Какой ящик, спрашиваешь? – Неожиданно он схватил старуху за горло. – Мой ящик, который я прятал у тебя в погребе. Говори, стерва, где он?!

Нюрка только успела прохрипеть:

– Я ничего не знаю, Ахмед, – и, потеряв сознание, бессильно повисла на его руках.

Он опустил ее на пол и начал осматривать квартиру. Ящика нигде не было, и вдруг он вспомнил Мхи-

таряна: «Его работа! Вот почему он так неожиданно смылся и носа не показывает. Но как он узнал, где тайник? Подсмотрел, гад, не иначе!»

Постепенно он заставил себя думать спокойнее. Решил, что надо забрать у Нюрки деньги, которые он заплатил за завещание, а потом немедленно ехать к Арону, предупредить его, иначе Мхитарян может забрать у того деньги, которые должны привезти из Каунаса. Его мысли снова возвратились к Нюрке. Она лежала на полу и казалась безжизненной. Абдураимов наклонился над ней и дотронулся до руки – пульс бился нормально. Какая трудная задача стоит перед ним: надо забрать у Нюрки деньги. Он был уверен, что та так просто их не отдаст, нужно придумать что-то такое, от чего Нюрка дрогнет и возвратит деньги. И он придумал. Одним махом сбросил со стола выпивку и еду, поднял хозяйку и положил ее на стол. Схватил нож, валявшийся на полу, и срезал висевшую у печи длинную веревку, которую хозяйка протянула для сушки белья. Этой веревкой он крепко привязал Нюрку к столу и начал обыск в квартире. Выбросил из шкафа все вещи, перетряхнул кровати, но денег не было. Вдруг он услышал Нюркин голос:

– Господи, что это со мной?

Абдураимов подошел к ней. Старуха увидела у него в руках нож и закричала:

– Караул, на помощь!

– Тихо ты, ведьма! – закрыл ей рукой рот Абдураимов. – Еще раз пикнешь, ножом по горлу! Молчи, стерва, слушай и отвечай на вопросы. Тот, с кем я приходил к тебе, был здесь?

– Нет, без тебя его не было, да и зачем я ему?

– Кто тогда взял мой ящик?

– Какой ящик, что ты, Ахмед, мелешь? Где был твой ящик?

– У тебя в сарае, в погребе.

– В погребе?

Глядя на изумленное лицо старухи, Абдураимов понял, что она действительно ничего не знает о тайнике. И он отбросил нож в сторону:

– Ладно, давай поговорим о другом. Я передумал и решил деньги, которые я заплатил за завещание тебе, забрать обратно. На, – и он сунул Нюрке в лицо завещание, – твою бумагу, отдай мои деньги.

– Какие деньги? Я уже их отдала родственникам, вот тебе крест... – и Нюрка попыталась пошевелить связанными руками. – Да развяжи ты меня, ирод, сил моих нет так лежать, слышишь, антихрист, развяжи меня!

Но Абдураимов, казалось, даже не слушал ее. Он улыбнулся какой-то дикой, таинственной улыбкой и тихим, слащавым голосом сказал:

– Я так и предполагал, что ты захочешь меня оставить в дураках. Но я тебе не лопух, которого в лапти можно обуть. Я тебя, сука старая, по кускам резать буду, но заставлю вернуть мои честно заработанные вот этими, падла, руками деньги! – и руки Абдураимова снова сцепились на горле хозяйки.

Лицо Нюрки налилось кровью, и она захрипела:

– Что ты делаешь, ирод? Задушишь! Пусти!..

Абдураимов отпустил ее и с еле скрываемой яростью сказал:

– Нюрка, не толкай меня на грех, убью же, задушу. По-хорошему говорю, отдай мои деньги, заberi свою бумагу.

– Ахмед, ты послушай меня, только не хватай меня за горло, я тебе все объясню. Поверь, приехали ко мне мои родственники, я им и отдала деньги на сохранение.

– Родственники, говоришь? Хорошо, назови их адрес, фамилию, поедешь вместе со мной.

Хозяйка назвала их фамилию, адрес.

Абдураимов видел по глазам: врет старуха, а адрес он у нее спросил, чтобы еще убедительнее звучали его слова. «Но как же ее заставить отдать мои деньги?» – думал он. И вдруг его взгляд остановился на электрическом утюге, который стоял на стуле. Абдураимов, злорадно улыбнувшись, взял утюг и включил его в розетку. Пока утюг нагревался, он вышел в коридор и

закрыв входную дверь на засов. Затем возвратился в комнату, плюнул на палец и притронулся к утюгу, тот зашипел. Отключил утюг, взял в руку. Держа его перед собой и улыбаясь какой-то неестественной, дикой улыбкой, начал приближаться к столу, где лежала Сидоренко.

Та испуганно следила за ним глазами:

– Что ты хочешь делать, Ахмед?

– Я буду гладить тебя этим горячим утюгом, вот посмотри, – и он сунул палец себе в рот, намочил слюной, притронулся к утюгу. – Какой горячий утюг! Сейчас он пройдет по твоему тощему животу, – Абдураимов поставил утюг прямо на живот хозяйки, та сразу же попыталась сбросить его, но даже не смогла пошевелиться. И тогда она закричала от дикой боли.

Ахмед снял утюг, удовлетворенно произнес:

– Вот видишь, как больно. А ведь утюг тебе даже одежду не прожжет.

Он снова включил утюг в сеть, и подошел к Сидоренко:

– Пока утюг греется, послушай, что я тебе скажу, Нюрка. Ты знаешь, я слов на ветер не бросаю. Если ты сейчас же не отдашь мои деньги, я заткну тебе рот кляпом, чтобы не слышны были твои вопли, и буду гладить утюгом до тех пор, пока ты или согласишься возратить мне их, или же сдохнешь от боли. Тогда я спокойно, не торопясь, обыщу твой дом, сарай. Торопиться мне некуда, я же знаю, что к тебе никто не приходит. Правда, на всякий случай я открою окно, повешу на дверь замок, он в кухне на столе лежит, а сам залезу обратно в дом через окно и буду искать день, два – сколько мне надо будет – мои деньги. Если же не найду их, то развяжу тебя, положу на диван, рядом брошу вон ту бутылку из-под коньяка, стакан, воткну в розетку вилку утюга, а после подожгу твой дом. Милиция и пожарная подумают, что перепилась старуха, а про утюг забыла, вот и сгорела.

Нюрка зашевелилась, стянутая веревками, в ее глазах был неподдельный ужас.

А Абдураимов продолжал:

– Послушай, что я буду делать дальше. Я пойду к твоим родственникам и проделаю с ними такую же операцию. Ну, кажется, утюг уже нагрелся, слышишь, даже потрескивает, – и он снова взял в руки утюг, подошел к столу:

– Ну, Нюрка, решай, – если я начну, то боюсь, что не смогу остановиться!

Нюрка с ужасом смотрела на его дрожащие от ярости руки и чуть слышно выдавила из себя:

– Подожди, гад, отдам я деньги.

– Вот умница, вижу, что теперь мы с тобой сможем по-другому договориться, Говори, где они запрятаны?

– Развяжи, я сама.

– Э, нет, милая, теперь ты мне уж доверься, скажи, где они, и не бойся, в сделках я человек честный.

Нюрке деваться было некуда, и она тихим голосом сказала:

– Возьми на кухне в горшке, который в углу на боку лежит.

Абдураимов вышел в кухню и нашел в углу, рядом с метлой, большой, черный от копоти горшок. В нем лежал сверток, завязанный в синюю тряпку. Развернул, а там – деньги. Отсчитал ровно двадцать две тысячи и в нерешительности остановился: «Что делать с остальными? Может, забрать? Смотри, сколько эта кочерга накопила! Тысяч десять наберется, а все впроголодь живет, зараза. Нет, не надо, она же может тогда в контору побежать, шухер поднять».

Он возвратился в комнату, поднял с пола нож и перерезал веревку:

– Вот, смотри, я забираю только свои, твои мне не нужны.

И он, не прощаясь, вышел из дома.

Ляхов готовился к встрече со «стариком». Стельмах очень удачно сыграл роль человека, случайно встретившего на Юбилейной площади своего знакомого. «Старик», которого беспокоило какое-то смутное чувство тревоги, искренне обрадовался Стельмаху. Миха-

ил смог во время их беседы за ресторанным столиком убедить его, что в городе все по-старому, что все сбытчики жаждут встречи со «стариком». Особенно Стельмах расхвалил одного мастера, который, если «старик» сумеет его уговорить, может организовать любое количество деталей.

«Старик» изъявил желание познакомиться с этим мастером. И вот сегодня встреча. Задерживать преступника еще рано. Наверняка он привез с собой большую сумму денег, нажитую преступным путем. Конечно, эти деньги с собой он не носит. И перед Ляховым стояла задача не только поближе познакомиться с ним, но и заставить его достать деньги из тайника.

Ровно в семнадцать ноль-ноль Ляхов и Стельмах были в парке имени Горького.

Еще издали они увидели сутулую фигуру «старика». «Старик» их тоже заметил, но подходить не торопился. Он наверняка думал, что за ними следят, и решил издали понаблюдать за Стельмахом и мастером. Об этом вполголоса сказал Стельмах Ляхову, но тот успокоил его:

– Ничего, пусть посмотрит.

Они прошли к садовой скамейке и присели. «Старик» не подходил. Все выжидал. Но вот он, очевидно, решил, что оснований к беспокойству нет, и стал приближаться.

Он подошел к скамейке, сел рядом и только после этого поздоровался. Голос хриплый, сам среднего роста, плотная фигура, возраст – лет пятьдесят, похож на казаха или узбека. Ляхова поразили его глаза, злые, узкие. Смотрят не мигая. Кажется, он хочет увидеть душу.

«Старик» сразу же перешел к делу. Его интересовали в основном аксы и стрелки. Ляхов спросил:

– Сколько возьмете?

– Сколько есть – все заберу.

– Готовые часы нужны?

– Сколько за одни?

– По тридцать.

«Старик» был краток. По всему видно, что торгом занимается не впервые. Он тут же заявил:

– Отдашь по двадцать пять – могу взять сотню. В конце концов договорились, что вечером они встретятся на этом же месте. Здесь и состоится торг.

Абдураимов сел в троллейбус и, проехав одну остановку, вышел и подошел к телефону-автомату. Каганович оказался на месте, он понял Абдураимова с полуслова:

– Хорошо, я сейчас найду подругу и все заберу. Где мы встретимся?

– Иди к себе домой, я приду.

Работники милиции не знали, кому звонил Абдураимов, не слышали содержания разговора, но чувствовали, что тот торопится, а это значит – финал приближается.

А Каганович в это время звонил Эланиной, с которой Ведрова уже помирилась и сейчас коротала все «рабочее» время в ее квартире.

Ира взяла трубку.

Каганович приказал:

– Бери груз и быстро приезжай ко мне.

Ира вышла от подруги, взяла на стоянке такси и поехала домой. Родителей еще не было, залезла под кровать и вытащила три пакета, которые передали ей в Каунасе, и сразу же возвратилась к машине. Назвала водителю адрес Кагановича и вскоре была у него дома. Там она долго не задержалась. Каганович ожидал прихода «старика» и не хотел, чтобы ее застал Абдураимов. Тем более что для «старика» нужно было подготовить необходимую сумму, которая была значительно меньше той, что принесла девушка.

Каганович закрыл двери на ключ и сразу же стал делить деньги. Только закончил, как в прихожей звякнул звонок. «Старик», – догадался он и, быстро спрятав часть денег, направился к дверям.

– Что так долго не открываешь? – подозрительно спросил «старик», входя в комнату. Он сам закрыл на ключ дверь и, глядя прямо в глаза Кагановичу, переспросил:

– Так что так долго не открываешь, прятал от меня что-нибудь?

– Нет, я ничего... – смутился хозяин и суетливо предложил: – Проходи, садись, устал, небось, с дороги.

– Я, дорогой, в пути не устаю, – чуть улыбнулся Абдураимов и прошел в комнату. – Мой дружок не объявлялся?

– Нет, а что, вы договорились встретиться у меня?

– Нет, но я бы хотел встретиться с ним в любом месте. Если придет к тебе, то не верь ни одному его слову. Падла он, а не друг, жулик прожженный! Таких надо бояться не меньше, чем милиции. Ладно, ну его... – Абдураимов выругался и предложил: – Давай лучше к делу, где деньги?

– Вот, пожалуйста, – Каганович протянул сверток, – считать будешь?

– Я, конечно, не бухгалтер, но собственные денежки считать люблю. – И Абдураимов, слюнявя пальцы, начал считать.

Каганович молча смотрел на него и думал: «Уже на ладан дышит, а к деньгам, как я к бабам, тянется. Интересно, сколько у него уже накопилось денег? Вот если бы знать, где он их прячет!» – и Каганович мысленно представил себе картину, как он убивает «старика» и становится богачом.

Но это были только мысли. Каганович мог обмануть, украсть, смошенничать, сделать человеку любую подлость, но убить? Нет, на это он не был способен. Поэтому он отбросил эту мысль и с завистью продолжал смотреть, как Абдураимов, не торопясь, молча, считает деньги, наконец, он закончил, сложил аккуратно купюры, завернул в тряпицу, положил в небольшую потертую дерматиновую сумку и только после этого взглянул на хозяина.

– Надо замочить сделанное дело. Есть у тебя что-нибудь?

Но Каганович, не отвечая, молча смотрел на Абдураимова. Тот с тревогой спросил:

– Что ты смотришь на меня так?

– Ты, кажется, забыл о моей доле?

«Старик» хлопнул себя по лбу:

– Арон, дорогой, извини, пожалуйста! Аллах свидетель – забыл я.

И Абдураимов стал себя ругать самыми последними словами. Затем он достал из сумки сверток, развернул его и отсчитал Кагановичу положенную сумму. Инцидент был исчерпан, и они сели за стол. Каганович для такого случая не пожалел и бутылки выдержанного коньяка.

Пили молча. Каждый думал о своем. Каганович украдкой взглянул на часы: «Кажется, эта старая рухлядь не собирается оставаться у меня, значит вечером можно кого-нибудь из девочек позвать, погулять».

Настроение у Абдураимова после того как он получил деньги, значительно улучшилось.

Все шло нормально. Так считали Абдураимов и его друзья, так считали и работники милиции.

Наконец удалось установить настоящую фамилию «старика». Абдураимов, ранее четырежды судимый за валютные операции, спекуляцию и мошенничество, находился во всесоюзном розыске за организацию вооруженного нападения на инкассаторов банка. Предстоящее нападение было разгадано работниками милиции, и все участники группы, за исключением Абдураимова, были задержаны. Возраст и опыт матерого преступника не позволяли ему самому участвовать в нападении. Поэтому, отправив шестерых друзей на «дело», он забрался на чердак двухэтажного дома и через бинокль наблюдал за местом действия. Он видел, как его подручные заняли исходные позиции и как около каждого из них словно из-под земли появились по два работника милиции. Абдураимов тут же исчез и вот уже несколько лет находится в розыске. Теперь понятно, почему он пользовался паспортом Саидова и старался подолгу не задерживаться в гостиницах.

Ну что ж, сегодня должно все закончиться. Уже готовы к действию группы, которые одновременно за-

держат всех расхитителей и произведут обыски. Все ждали сигнала, который должен подать Ляхов. Если он смог убедить Абдураимова и тот принес деньги, похищенные у государства, тогда можно и его задерживать.

Ляхов пришел на встречу вовремя. Он и Стельмах притащили с собой по две тяжелые сумки. Пусть Абдураимов думает, что в них не кирпичи, а часы и детали к ним. А вот и он. Абдураимов идет быстрым шагом.

– Вы хотели посмотреть мой товар. Начните с примерки вот этой вещицы, – и Ляхов протянул Саидову бумажный сверток.

Ничего не подозревавший «старик» развернул бумагу, и его расширенные от удивления, а скорее всего, от ужаса, глаза таращились на предмет, который он держал в руках. Это были обыкновенные металлические наручники.

– «Браслеты»? – ужаснулся он и бессильно опустил ее на землю.

ОДНАЖДЫ В МАРТЕ

Вале было весело. Может, оттого, что стоял конец марта и на улице, по-весеннему отражаясь в окнах домов, ярко светило солнышко. А может, оттого, что так хорошо идут дела в институте. Еще совсем немного, а там – конец учебы. Впереди – интересная работа. Сегодня, пожалуй, можно погулять. Вот только переодеться – и в парк!

Валя легко взбежала на крыльцо, вошла в полутемный подъезд небольшого двухэтажного домика. Здесь она снимала жилье. Толкнула дверь – заперта. Продолжая что-то напевать, нажала кнопку звонка. За дверью – никаких признаков жизни. Значит, в квартире – никого. Ну что ж, это даже к лучшему. Валя достала из сумки ключ и открыла дверь. Прямо по коридору – комната, где стояли кровати Вали и хозяйки квартиры, тети Шуры. Валя шла напевая. Шагнула в комнату – и почувствовала, как слабеют ноги. Все поплыло перед глазами. Она с ужасом смотрела на пол. На разбросанных в беспорядке вещах лежала тетя Шура. Размозженная голова. На полу – лужа крови.

Закричать бы, позвать людей, а у нее – голоса нет. Валя теперь не помнит, сколько простояла она в страшном оцепенении. Но вот девушка резко повернулась и словно онемевшими ногами пошла к выходу. Справа – комната, где вместе с мужем и ребенком жила племянница тети Шуры. Дверь открыта. Что-то заставило ее заглянуть и туда. Там – никого. Она сделала несколько мучительных шагов. Вот и кухня. Зашла. Видит – бездыханное тело племянницы хозяйки. Окровавленные руки раскинуты в стороны. Валя заставила себя выйти в коридор. У нее хватило сил лишь подойти к дверям соседей, позвонить. Соседу девушка чуть слышно сказала:

– Там... в квартире... Тетя Шура... Таня... – и потеряла сознание...

Оперативная группа работников уголовного розыска и прокуратуры производила осмотр места проис-

шествия. Вещи, мебель перевернуты и разбросаны. Под ногами неприятно хрустывало битое стекло. Следователь прокуратуры Савич склонился над протоколом осмотра места происшествия. Как-то буднично, даже по-домашнему звучит голос прокурора города. Он диктует следователю:

– Квартира номер один расположена на первом этаже двухэтажного восьмиквартирного кирпичного дома, в который ведет один подъезд. В квартире слева – кухня, затем комната, прямо по коридору – вторая, справа – ванная и туалет...

Инспектор уголовного розыска Ветров молча стоял у труп старушки. Положение убитой и характер повреждений говорили, что нападение было совершено сзади и неожиданно. В этом нисколько не приходилось сомневаться хотя бы потому, что перед смертью она сидела в кресле и вязала кофту. Чем же ее ударили? Несомненно, оружие убийцы было тяжелым.

Ветров, осторожно ступая по паркету, направился в кухню. Там лежал труп племянницы хозяйки, тридцатилетней женщины. Ее муж был в отъезде, а пятилетняя дочь находилась сейчас у ее родителей на втором этаже, прямо над квартирой, в которой разыгралась эта трагедия.

Убитую звали Таней. Смерть к ней тоже пришла неожиданно. Она даже не успела снять пальто. На табуретке стояла хозяйственная сумка, из которой торчали бутылки с молоком и кефиром.

Ударили Таню Носову, так же как и хозяйку Горанскую, сзади, и опять же чем-то тяжелым. Брызги крови застыли на стене на высоте человеческого роста. Значит, удар скорее всего был нанесен, когда она стояла лицом к окну. Убийца подошел сзади. Может, он прятался в этом полутемном коридоре или за дверью, а может, в ванной, расположенной как раз напротив кухни.

Ветров вошел в ванную, на полу увидел сухой эмалированный таз. На стене блестели капельки воды. Краны закрыты.

Игорь Николаевич прошел во вторую комнату. Здесь жили супруги Носовы. В этой комнате сохранился относительный порядок. Дверка шкафа хотя и открыта, но из него ничего не выброшено. Погибшая, очевидно, любила порядок. Стол накрыт белоснежной скатертью, детская кроватка застлана покрывалом. На диване-кровати лежит небольшой гобеленовый коврик.

Таня работала инженером в проектно-институте. Муж — на заводе инструктором физкультуры. Одновременно Носов учился на вечернем отделении юридического факультета в университете.

Ветров вышел в коридор, затем в подъезд. Кроме двух милиционеров, здесь никого не было. Со двора доносился приглушенный гул толпы. Там собрались почти все жители близлежащих домов. Вест о преступлении облетела весь квартал. Потрясенные люди стояли недалеко от подъезда, горячо обсуждали случившееся. Ветров обошел вокруг дома, тщательно осматривая землю, стены, окна, и опять возвратился в квартиру.

Осмотр подходил уже к концу. Санитары заворачивали трупы в одеяла, готовили их к доставке в морг на судебно-медицинскую экспертизу.

Начальник управления внутренних дел Романов вполголоса отдавал распоряжения подчиненным, которые собирали по крупицам то, что может пригодиться при раскрытии преступления.

Оперативную группу по раскрытию преступления возглавил заместитель начальника уголовного розыска города Олег Иванович Игнатович.

Он совсем недавно получил назначение на эту должность. Ранее Олег Игнатович работал заместителем начальника одного из районных отделов милиции города. На вид этому круглолицему среднего роста человеку можно было дать лет тридцать пять. Его голубые глаза, казалось, с некоторым удивлением смотрели на собеседника.

Олег Иванович удрученно размышлял: «Два загадочных убийства... Сразу двух человек. А у нас пока нули». Его мысли прервал стук в дверь.

— Да-да, входите!

В кабинет вошел Ветров.

— Здравия желаю, товарищ подполковник! Доставил Носова.

— Хорошо. Пригласите его.

Ветров открыл дверь и негромко позвал:

— Евгений Васильевич, входите, пожалуйста, — и тут же посторонился, пропуская в кабинет высокого, крепко сложенного светловолосого мужчину.

Игнатович пригласил вошедшего присесть и, устроившись рядом, негромко сказал:

— Мы понимаем, Евгений Васильевич, ваше нынешнее состояние. Но прошу — поймите и нас. Преступники на свободе. Чем больше уходит времени, тем труднее их искать. Поэтому для нас очень важны ваши показания.

По всему было видно, что Носову трудно говорить. Но он, преодолевая волнение, сказал:

— Вы, видимо, уже знаете, что я вместе с женой и дочерью проживал в квартире тетюшки моей жены. Она всегда была хорошей старушкой, уступила нам одну комнату. Во второй сама поселилась и еще квартирантку взяла, студентку. Жили хорошо. И вот надо же такому случиться! Зачем я только уезжал!

— Куда уезжали?

— К родителям, в Борисов.

— Кто мог знать, что вы должны были уехать?

— Соседи знали, жена, квартирантка Валя, родители жены. Они как раз в такой же квартире над нами проживают.

— А почему вы у ее родителей не жили?

— У них живет старший сын с женой и ребенком. Правда, к июлю ему обещают квартиру, и мы собирались перебраться.

— Евгений Васильевич, вы никого не подозреваете?

Носов немного помолчал.

— Думал, конечно, над этим. Ума не приложу, кому понадобилась их жизнь. Нет, никого не подозреваю. Да и угрожать нам никто не угрожал.

– Скажите, вещи, ценности, документы все на месте?

– Да, все на месте. Нет только моего удостоверения на право управления автомашиной. Хорошо помню, что оно в комнате на столе лежало. Перед отъездом к родителям туда положил.

– А с какой целью к родителям ездили?

– Я к ним вот уже несколько дней собирался. Просто хотел навестить. Я же говорил, что об этом знали и Валя, и ее родители, даже соседи из второй и третьей квартиры.

– В какое время вы уехали?

– В одиннадцать часов. Хотел раньше уехать. Как раз в десять ноль-ноль автобус на Борисов отправлялся, и я договорился с женой, что она отпросится с работы, проводит меня. Ждал, ждал, а она не пришла. Я даже не стал завтракать. Ровно в одиннадцать вышел из квартиры и на попутной машине уехал.

– Хозяйка квартиры была, когда вы уходили?

– Нет, она на базар ушла. Ее тоже не дождался.

– В Борисове долго были?

– Нет, не очень. Немного посидел. Взял детскую машину для дочери. Леночка еще летом, когда мы там гостили, оставила. И уехал.

– На автобусе?

– Нет, опять на попутной машине.

– В какое время приехали?

– Вы же, наверное, знаете? Приехав в Минск, я сразу не пошел домой, направился к товарищу – Виктору Василевскому. Распили с ним бутылку водки. Я немножко опьянел. Возвращаться в таком виде домой было неудобно. Поэтому я попросил Виктора, чтобы он проводил. Подходим к дому, смотрим – милиция. Я даже и не подумал, к чему это все...

Игнатович больше не стал задерживать Носова. Ведь ему еще необходимо было заниматься похоронами. И тот ушел.

Олег Иванович взглянул на притихшего Ветрова.

– Ну, что задумался?

– Есть над чем задуматься, – ответил Ветров.

– Какие версии у тебя?

– Пока их несколько, Олег Иванович.

Игнатович взял чистый лист бумаги, ручку.

– Итак, первая версия.

Ветров ответил:

– Убийство могли совершить воры, застигнутые в квартире женщинами.

– Версия вторая?

– Убийство могли совершить лица, которые заранее знали намеченные ими жертвы.

Ветров подсел ближе к столу, задумался на мгновение и уточнил:

– В подтверждение первой версии говорит то, что, во-первых, в этом месяце совершен ряд краж из квартир в дневное время. Воры, проникая в квартиры, устраивали там настоящие погромы в поисках денег. Во-вторых, с одной стороны – это пропажа удостоверения на право управления автомашиной, а с другой – к нам обратился гражданин Орловский с заявлением об угоне автомашины, что стояла в гараже недалеко от дома, где произошло убийство. Возможно, здесь есть связь между удостоверением и угоном машины или же удостоверением и угонщиком транспорта со стоянок нашего района. Этот угонщик пока тоже неизвестен.

– Да, ты, пожалуй, прав. Но что у нас против этой версии? – спросил Олег Иванович и сам ответил: – Воры не взяли никаких вещей, никаких ценностей. Вспомни, как искусно они нашли в последней квартире деньги, спрятанные в большом шкафу. Здесь же деньги лежали почти в таком же шкафу и, по сути дела, точно так же были спрятаны. Меня очень смущает то обстоятельство, что, как говорит судебно-медицинский эксперт, убийство совершено гантелью. А гантели находились в комнате Носовых. Одну из них преступник мыл, но все-таки капли крови остались. В связи с этим непонятны действия преступников. Ведь нужно было время, чтобы найти гантель, совершить убийство, за-

тем по странным причинам мыть гантель водой и положить ее на место. Тебя это обстоятельство не смущает?

— Очень смущает. Поэтому мы изъяли из двери замок и отправили на экспертизу. А с гантелью — темная ночь. Ведь преступнику, наверное, нет абсолютно никакого дела до этой гантели. Есть ли смысл тратить время, чтобы смывать с нее кровь, а потом класть на прежнее место? Тем более, если судить по обстановке в квартире, размещению вещей, преступник очень то-ропился.

— Хорошо. Давай посмотрим, какие доводы говорят в пользу того, что к убийству причастен кто-либо из родственников или знакомых. Во-первых, положение тел убитых. Хозяйку смерть застала, когда она не чувствовала, не замечала опасности, спокойно вязала. То, что она была убита первой, нет сомнений. Значит, или преступник уже находился в квартире, или проник туда позже бесшумно. Таким образом, напрашивается вывод: дверь была не заперта. Но это опровергается показаниями родственников и соседей погибших. Хозяйка квартиры никогда не оставляла дверь открытой, да и сама дверь, когда ее открывают, скрипит. Неясно еще и как вошла Носова в квартиру. Ее мать сообщает, что минут десять-пятнадцать двенадцатого она встретила свою дочь, когда та шла домой с сумкой, в которой были молоко и кефир. Таня рассказала, что отпросилась с работы, так как ее муж попросил проводить его. Но она боялась, что опоздала и что Евгений уже уехал. Далее мать Носовой рассказывает, что они вместе вошли в подъезд. Таня достала ключ, но открыть дверь не смогла: она оказалась запертой изнутри. Таня позвонила, но никто не открывал. Тогда она с матерью вышла во двор и постучала в окно. Мать Тани утверждает, что в окне кто-то чуть-чуть отодвинул занавеску, но кто — она не заметила. Они вместе вошли в подъезд. Таня осталась у двери, а мать начала подниматься на второй этаж. Она слышала, как открылась дверь и Таня спокойным голосом с кем-то заговорила.

Вот теперь, Игорь Николаевич, давай разберемся в этом. Во-первых, мог ли преступник или преступники незаметно проникнуть в квартиру и, дождавшись ухода Носова и прихода сначала хозяйки квартиры Горанской, а затем Носовой, убить их? Это почти невозможно. Носов говорит, что был дома до одиннадцати часов. Значит, у преступников было десять-пятнадцать минут. Но Горанская уже сидела в кресле и вязала. Следовательно, она могла прийти домой, снять пальто и сесть вязать только в течение этих десяти-пятнадцати минут. Маловероятно, что преступник или преступники могли опередить ее.

Ветров в задумчивости произнес:

— Как сказали соседи и родственники, Носов действительно говорил, что поедет в Борисов. Но, Олег Иванович, это же самое обычное дело, и раньше о таких поездках он никому не говорил. Жена его тоже никогда не провожала. Тем более что ехал он с пустыми руками. Зачем нужно было отрывать ее от работы?

Игнатович согласно кивнул головой:

— Да, Игорь Николаевич, все это надо самым тщательным образом проверить. Причем нужно быть очень осторожным. Ведь подозревать его у нас нет оснований. Тем не менее я хочу, чтобы вторую версию отработал именно ты.

— Понял, Олег Иванович. А кто проверит первую версию?

— Ее будет проверять Тростник. Я послал людей побеседовать с соседями и жильцами близлежащих домов, а также опросить детей, которые могли играть недалеко от места происшествия. Публика эта наблюдательная, все примечает. Кроме того, наши товарищи побывают на работе у погибших, а к Носову вы сами загляните. Но только еще раз прошу: будьте осторожны, ведь у человека горе.

Ветров пришел за час до похорон Носовой и Горанской. Народу было много: с работы, родственники, соседи. Люди, потрясенные несчастьем, даже находясь во дворе дома, разговаривали между собой мало и вполголоса.

Ветрову уже не раз приходилось видеть человеческое горе, однако и он был удручен и подавлен. Его поражала жестокость, бессмысленность содеянного. «Кто же они – эти изверги, не пожалевшие ни в чем не повинных людей? Кто отнял у пятилетнего ребенка самое дорогое – мать?» Лейтенант вглядывался в скорбные лица, прислушивался к негромким разговорам и все больше понимал, что здесь собрались люди, действительно подавленные горем, искренне сочувствующие близким покойных.

Ветров вошел в квартиру Носовых. Два гроба, утопая в цветах, стоят рядышком на середине комнаты. У окна сидит муж Тани, держа на коленях дочь Леночку. Девочка все еще не может понять, почему лежат мама, тетя, почему собралось так много людей с красными от слез глазами, почему плачут папа, сидящие рядом бабушка и дедушка. Ей кажется, что это временно, что сейчас все пройдет, встанут мама, тетя, все будет, как и раньше.

Леночка слезла с колен папы, подошла к гробу, трогает мамино лицо.

Какая-то женщина громко заплакала, подхватила девочку, унесла ее из комнаты. Носов встал и вышел за ними.

В квартиру вошла большая группа людей. Появились венки, цветы. Стало совсем тесно. Игорь вышел во двор. Здесь людей прибавилось еще больше. Прибыли музыканты. Они деловито возились со своими инструментами.

В душе Ветрова с новой силой росло возмущение: «Кто мог погубить этих женщин?» И ответить на этот вопрос должен был он – инспектор уголовного розыска лейтенант Ветров.

Зазвучала траурная музыка. Из подъезда начали выносить покойных. Громче заплакали, запричитали женщины.

Ветров решил побывать и на кладбище. Вместе с другими людьми он сел в один из автобусов, стоявших около дома.

На кладбище длинная процессия шла по аллее. Лейтенант прошел вперед. И то, что он увидел, надолго останется в его памяти. Прямо за гробом шли двое: пятилетнюю девочку за руку вел мальчуган, должно быть, ученик первого-второго класса. Ветров уже знал, что это двоюродный братик Леночки. Она немного отставала, и брат старался помочь ей двигаться быстрее. За ними шли Носов, родители Тани, потом все остальные.

Началась церемония прощания. Ветров внимательно всматривался в людей. У всех на лицах неподдельная скорбь и печаль. «Нет, вряд ли пришел сюда тот, кто совершил преступление», – думал инспектор. Он по опыту знал, что убийца иногда приходит на похороны своей жертвы. И делается это, во-первых, для того, чтобы не вызвать у знакомых и родственников недоуменных вопросов, почему он отсутствовал, во-вторых, чтобы слышать разговоры, предположения о том, кто мог совершить преступление. И, в-третьих, получить как можно больше информации о деятельности работников уголовного розыска, о тех, кто непосредственно занимается раскрытием преступления.

Но сегодня человека, который мог заинтересовать Ветрова, на кладбище не было, и поэтому сразу же после похорон лейтенант поехал в райотдел...

Тростнику не повезло. Версия о том, что убийство мог совершить человек, похитивший автомашину Орловского, лопнула как мыльный пузырь. Во время первой же встречи с Орловским Тростник пришел к выводу, что здесь что-то не так. А тут еще из госавтоинспекции поступило сообщение: вчера на улице Розы Люксембург был замечен «Москвич», виляющий из стороны в сторону. Работники ГАИ заподозрили, что за рулем сидит пьяный водитель, и начали преследовать машину. Оставалось преодолеть метров четырехста, как «Москвич» завернул за угол. Мотоцикл с работниками ГАИ – за ним, а он уже стоит с раскрытой дверцей, и за рулем – никого. Машину пришлось доставлять в ГАИ. По картотеке был установлен ее вла-

делец. Поехали к нему – нет дома. Оставили записку, чтобы явился в ГАИ. А вскоре поступил сигнал об уго- не этой же машины. Тростнику не составляло большо- го труда изобличить Орловского в ложном заявлении. Быстро проведенная экспертиза показала, что замок от гаража посторонним ключом или предметом не открывался. Кроме этого, эксперты обнаружили у са- мого Орловского остаточное алкогольное опьянение. Значит, в день угона автомашины он был пьян.

Тростник проверил, где и с кем пил Орловский, и уже к вечеру предложил ему выкладывать все начи- стоту. После небольшого колебания тот рассказал правду.

Оказалось, он выпил с друзьями, а затем сел в свою машину и поехал к знакомой. Но на улице Розы Люк- сембург «Москвич» попал в поле зрения работников госавтоинспекции. Вот и пришлось Орловскому бро- сить свою машину за углом и бежать дворами подаль- ше от нее. Затем, чтобы избежать наказания, он и зая- вил об угоне...

Тростник, передав материалы в следственное от- деление для привлечения владельца «Москвича» за ложное заявление к уголовной ответственности, про- должил розыск истинных угонщиков, чтобы прове- рить, не причастны ли они к убийству, а по возможно- сти раскрыть обстоятельства неоднократных угонов транспорта, совершенных в последнее время на терри- тории района.

Ветров сразу же, как только приехал в Борисов, за- шел в отдел милиции, но здесь никто не мог ничего сказать предосудительного о родителях Носова. На- чальник отдела посоветовал ему встретиться с быв- шим участковым инспектором Савушкиным, кото- рый раньше обслуживал участок, где проживают Носовы. Савушкин недавно вышел на пенсию и сейчас находился дома. Ветров быстро отыскал небольшой деревянный домик. Хозяин сидел на кухне и ремонти- ровал детский велосипед. Рядом крутился мальчуган лет трех-четырех. Савушкин, чуть-чуть прихрамывая

на правую ногу, вышел навстречу Ветрову, лейтенант, представившись, сказал:

– Мне посоветовал обратиться к вам за помощью начальник отдела Леонтьев.

Савушкин предложил Ветрову снять пальто, при- гласил в небольшую уютную комнату. Он дождался, пока гость присядет на стул, пристроился на диване и спросил:

– Что это Иван Арсентьевич вспомнил обо мне?

– Как мне показалось, он вас постоянно помнит. А здесь дело. Вы помните Носовых?

– Носовых? Конечно, помню.

– А их сына Евгения?

– Тоже хорошо помню. С ним пришлось немало по- возиться.

– Вот вы, Алексей Порфирьевич, и расскажите о нем.

– Что здесь рассказывать. Хлопец в детстве пар- шивый был. Любил похулиганить. Помню, как-то од- нажды, по-моему, он тогда уже в девятом классе учил- ся, вместе со своим дружкой Левиным во двор одного дома заглянул. Вы как раз проходили мимо этого дома, рядом с моим на углу стоит... Оба были пьяными. На- чали вызывать знакомую девушку. Но та, увидев их в таком состоянии, не вышла. Тогда Носов и Левин за- вернули во двор, поймали кота и давай им в присут- ствии ребятшек в футбол гонять. В общем, убили кота, затащили в подъезд, измазали кровью стены, двери и окровавленным животным на стене имя де- вушки написали. Жильцы дома поймали хулиганов и, не оказавшись я там случайно, всыпали бы им по пер- вое число.

Носова хотели было в колонию направить. Но ро- дители, да и он сам, упростили оставить его в школе. Правда, с возрастом он стал потише. Но я не верю ему. Он просто похитрее стал. После армии остался жить в Минске, женился. Родители говорили, что вроде все у него хорошо. Ну, если это так, то дай бог. Его же друж- ка, Левина, судили за хулиганство. Потом он снова со-

вершил преступление – ограбил женщину – и сейчас в тюрьме... А что это вас Носов заинтересовал?

Ветров в нескольких словах сообщил о цели своего приезда.

Савушкин задумчиво проговорил:

– Кто его знает, может ли он пойти на такое? Но мое личное мнение: если человек по-звериному способен обращаться с животными, то и людям нечего от него добра ждать.

Вскоре Ветров, поблагодарив Савушкина, отправился поговорить с родителями Носова. Неторопливо шагая по улице, он размышлял, как построить беседу. У людей горе, а здесь у милиции какие-то сомнения.

Ветров подошел к небольшому деревянному дому на высоком кирпичном фундаменте. Строение было обнесено забором. Игорь толкнул калитку – вошел. Он оказался в маленьком и аккуратном дворике. На всякий случай внимательно осмотрел двор – собаки нет. Поднявшись на высокое крыльцо, он постучал. Через минуту дверь открыл высокий лысый мужчина.

– Здравствуйте! Скажите, пожалуйста, Носовы здесь проживают?

– Да, здесь. Проходите.

Ветров вошел в квартиру. Он заметил три комнаты. Из первой выглянула сухонькая седая женщина. Она и пригласила Игоря в смежную комнату. Лейтенант присел на предложенный стул. На какое-то мгновение наступило молчание. Хозяева ожидали, когда гость представится, а тому не хотелось говорить. Ведь наверняка наступит замешательство среди этих людей. Но делать нечего, и он решился:

– Я из милиции. Хочу с вами побеседовать. По какому поводу, вы, должно быть, сами понимаете.

Ветров только сейчас заметил, что у хозяйки болезненно красные глаза, припухшие веки, на лице остались следы недавних слез.

Хозяин кивнул на стоящий в углу чемодан:

– Мы как раз собирались в Минск, – и тут же спросил: – Что-нибудь об убийцах известно?

Ветров уклончиво ответил:

– Работаем. А вам ничего не известно?

В ответ хозяин только плечами пожал. Его жена приложила к глазам платочек, отвернулась к окну. Игорь взглянул на Носова.

– Скажите, в какое время приехал вчера Евгений Васильевич?

– Да уж где-то в третьем часу.

– И долго он у вас пробыл?

– Минут пятнадцать-двадцать. Мы даже удивились. Обычно он покушает, поспит, в город сходит, друзей, знакомых повидает, а тут крунулся – и домой. Вот мы с женой и говорим: почувствовал, бедняга, что горе случилось, и потянуло домой.

– Кушал?

– Мать яичницу поставила, ткнул вилкой, есть не стал.

– Брал что-нибудь у вас?

– Да, взял старую детскую машину. Я еще говорил, зачем старье тащить, но он ответил, что дочь просила.

Ветров неожиданно спросил:

– А он умывался?

Отец секунду подумал и, очевидно, удивившись вопросу, ответил:

– Да, попросил мыла, вымыл руки.

Этот вопрос насторожил хозяйку. Она взволнованно спросила:

– Вы что, его подозреваете? Думаете, он мог убить жену и тетю?

Ветров поспешно успокоил ее:

– Да нет, что вы. Мы просто сейчас обязаны проверить все. Наша служба такая. Вы случайно не слышали, может, кто-нибудь угрожал им или они боялись кого-нибудь? Может, в ссоре с кем были?

– Нет, они ни с кем не ругались, никогда и никто не угрожал им. Мы сами никак не поймем, за что их убили.

Игорь понял: сейчас расспрашивать стариков – значит, еще больше их расстроить, поэтому, распрощавшись, ушел.

Тростник не на шутку рассердился. Только что от завода была угнана очередная машина. Обидней всего, что он сам в это время находился недалеко, на другой стоянке. Получилось так, что оперативник ждал преступников в одном месте, а они угнали машину в другом. Хотя случай с машиной Орловского не имел никакого отношения к убийству, сейчас задержание угонщиков стало еще более необходимым. Дело в том, что один из сотрудников уголовного розыска, опрашивая жителей близлежащих домов, встретил одиннадцатилетнего мальчика, который учится во вторую смену и поэтому с десяти до двенадцати часов находился во дворе. Он уверял, что приблизительно в одиннадцать часов из подъезда дома, где расположена квартира Носовых, вышли двое мужчин и направились через калитку на улицу. Мальчик в это время решил зайти к однокласснику, проживающему через дорогу, и поэтому пошел за мужчинами следом. Он увидел, как они сели в стоявший у дома «Москвич» и уехали.

В уголовном розыске было зарегистрировано несколько случаев, когда преступники, совершив кражу из квартиры, увозили похищенное на ранее угнанной автомашине. И вот сейчас Тростник вызвал начальника отдела и просил его как можно быстрее установить и задержать угонщиков.

В кабинет вошел инспектор уголовного розыска Басов. Он тоже работал по раскрытию убийства. Правда, Басову требовалось решить совсем другую задачу. За день до убийства из психиатрической больницы сбежал опасный больной, который до лечения проживал недалеко от дома Носовых. Больной у себя дома не появлялся. Все это вызывало тревогу и не исключало, что убийство мог совершить именно он. Тем более что из квартиры убитых, за исключением удостоверения Носова, ничего не пропало. А это значит, что убийство мог совершить душевно больной человек.

Басова тоже торопили, и это порой выводило его из равновесия. Он с грохотом отодвинул стул, сел и только после этого со злостью сказал:

– Черт бы его взял! Куда он мог запропасться?
Тростник улыбнулся:

– Тебе легче. Возьмешь своего хохмача – и руки умой, а у меня что ни час, то дай ответ, когда поймаешь угонщиков. А они, брат, не ровня твоему беглецу. Их ведь надо заставить прийти туда, куда ты хочешь.

Басов, перебивая друга, махнул рукой:

– Знаешь, я бы согласился поменяться с тобой ролями. Ты хотя на логику этих прохвостов можешь надеяться. Высчитать, где они появятся. А мне на что рассчитывать? На его логику? Да ведь он может прийти во двор милиции и у крыльца лечь спать, а мы с врачами и санитарями по чердакам и подвалам должны лазить.

Резко зазвонил телефон. Тростник поднял трубку. Из комсомольского оперативного отряда дежурный спрашивал, сколько человек ему нужно.

– Человек шестьдесят, – ответил Владимир и попросил поскорее прислать людей в отдел милиции. С их помощью он задумал провести операцию по задержанию угонщиков.

Басов взял какие-то бумаги, сделал неопределенный жест рукой, что означало «пошел», и направился к двери. Владимир, глядя на его удрученный вид, не сдержался, крикнул вслед:

– Привет твоему февралю, и постарайся объяснить ему, что в следующий раз пусть убегает летом. У тебя тогда будет возможность на озере покупаться. Ведь ты наверняка захочешь его там поискать.

Но Басов, не отвечая, вышел из кабинета.

Тростник вспомнил об озере не зря: летом прошлого года Басов работал по раскрытию квартирных краж. Однажды во время пятиминутки начальник отдела спросил у Басова, что он сделал за вчерашний день.

– Купался, загорал на Слепянском озере, – ответил Басов.

– Вам что, больше делать нечего? – оборвал начальник инспектора.

– Так я же преступников там ожидаю, – попытался оправдаться под громкий хохот сотрудников Басов.

Помнится, как начальник дал ему нагоняй, потребовал, чтобы Басов прекратил бездельничать. Но на следующий день Басов снова ушел на озеро. И какое же было удивление всех, когда к вечеру Басов и его помощник доставили в отдел двух квартирных воров. Они совершили очередную кражу из дома, расположенного у озера, где и были задержаны.

Когда сотрудники уголовного розыска спросили у него, каким образом ему удалось предвидеть появление преступников именно в этом месте, он, не моргнув глазом, ответил:

– Я высчитал...

Тростник придвинул к себе стопку бумаги, взялся за составление плана операции, которая должна была закончиться задержанием угонщиков.

По приезде в Минск Ветров направился на завод, где работал Носов. Полдня он потерял на беседы с людьми, знающими этого человека, но ничего интересного не добыл. Игорь, усталый, пришел в отдел, где его ожидал Игнатович.

– Единственное, что заслуживает интереса, – сказал он, – это рассказ председателя завкома. Носов отпрашивался у него для поездки, говорил, что заболела мать. На самом деле родители были здоровы.

А вот что касается Борисова, то здесь много непонятного. Во-первых, если предположить, что Носов ехал навестить родителей, то почему он пробыл там только пятнадцать минут? Во-вторых, если он ехал за старой игрушкой, то овчина выделки не стоит. Приобрести точно такую же машину в магазине будет стоить дешевле, чем проезд в Борисов и обратно, да и отпрашиваться с работы вряд ли была необходимость. В-третьих, Носов говорил, что он в ожидании прихода жены даже не позавтракал, а когда мать в Борисове поставила перед ним еду, то он не стал есть, а ведь это было около трех часов дня. Считаю, Олег Иванович, что Носова необходимо тщательно проверить. Я, конечно, понимаю обстановку, однако проверить необходимо.

– Да, Игорь Николаевич, ты, пожалуй, прав. Кстати, хочу тебя попросить подъехать в котельную, где работала Горанская. Мне сегодня звонил оттуда бригадир Леонов. Он хочет что-то сообщить.

– Хорошо, Олег Иванович. В таком случае еду туда сейчас.

Ровно в девять в ленинской комнате районного отдела собралась молодежь. Это были ребята из комсомольского оперативного отряда. Все явились в назначенное время. Владимир быстро провел инструктаж, и вскоре группы по пять человек с красными повязками дружинников разошлись по местам.

Последним отдел покинул Тростник. С ним вышло пятеро молодых парней. Они взяли курс к зверинцу, где имела стоянка для общественного транспорта. Тростник имел в виду, что ребята из отряда должны находиться на всех стоянках, расположенных поблизости района, где обычно совершаются угоны. Их задача – не выпустить со стоянки ни одной машины без проверки документов у водителя. Угонщики будут видеть, что стоянка охраняется и похитить автомашину невозможно. Естественно, они станут искать неохраняемую стоянку. А такой окажется именно та, где и будет находиться Тростник со своими добровольными помощниками без повязок.

Время двигалось медленно. Тростник вместе с ребятами толкались среди людей, желающих попасть в зверинец. Неожиданно они увидели, как к «Волге» подошли трое молодых парней. Они обошли ее, трогая за ручки, но дверцы были заперты. Тогда один оставился у дверцы водителя, достал из кармана связку ключей и начал ковыряться в замке. Тростник кивнул своим помощникам, те бросились к машине. Мгновение – и все трое оказались в крепких руках. У каждого в кармане – связка ключей от замков зажигания к автомашинам разных марок. Сомнений в том, что наконец удалось задержать угонщиков, не было, и они были доставлены в отдел милиции. Через несколько часов стало ясно, что эта группа совершила серию угонов. На-

чалась тщательная проверка ее причастности к убийству. При обыске удостоверения Носова не оказалось. Правда, оперативные работники обнаружили вещи, похищенные из квартир. Сотрудники, которые работали по раскрытию квартирных краж, потирали руки, но от этого легче группе Игнатовича не стало. Прошел еще один день, а убийца все еще оставался на свободе.

Ветров встретился с бригадиром Леоновым. Эта встреча произошла в газовой котельной, в подвале жилого дома. В ней и работала ранее Горанская. Леонов говорил быстро, отрывисто. Он не стал дожидаться расспросов и сразу же перешел к делу:

— Я не стал бы вас тревожить, но гибель Горанской напомнила мне один случай, который произошел здесь в конце прошлого года. Ко мне обратилась Горанская за советом, как ей быть: во время ночных дежурств к ней несколько раз подряд кто-то стучался в дверь. Она каждый раз подходила к двери и спрашивала: «Кто там?» — однако никто не отвечал. Естественно, Горанская дверь не открывала, но и об этих ночных происшествиях никому не рассказывала. Однажды, когда она в котельной была одна, снова послышался точно такой же стук. Горанская приблизилась к двери, спросила: «Кто стучит?» После небольшой паузы ей ответил мужской голос: «Тетя Шура, откройте, это я». Горанская узнала голос своего родственника Носова, который проживал у нее на квартире. Горанская уже было собралась открыть дверь, но потом спохватилась, так как в голосе стучавшего улавливалась какая-то настороженность: женщина усомнилась, что это Носов. Тогда она громко позвала меня: «Леонов! Идите откройте дверь, а то я не знаю, как отомкнуть эти запоры!» Меня, конечно, и близко не было. Сделала она так специально. Если постучавший в дверь мужчина не родственник, то он подумает, что она не одна, и уйдет. В общем, Горанская выждала минуту и открыла дверь. А там — никого. Утром она рассказала об этом случае дома, но Носов утверждал, что он тут ни при чем. Вот тогда Горанская и сообщила мне об этом.

Я сначала хотел в милицию обратиться, но потом подумал: а какие есть основания? Мало ли кто постучал? Ведь мог человек ошибиться. Двор-то проходной. И раньше были случаи, когда и к другим сменным дежурным по котельной стучали. Правда, смущало то, что никто не убегал от дверей. Короче говоря, решил сначала сам проверить. Сидел я с Горанской три ее дежурства, а на четвертое около полуночи раздался стук. Я сказал Горанской, чтобы она открыла дверь, а сам за котел спрятался. Смотрю — вслед за Горанской входит Женя Носов. Я стою и не знаю, что делать. Уже и выходить из-за котла как-то неудобно. На смех нас с Горанской может поднять человек. Но оступился я, а под ногой возьми что-то и тресни, пришлось выходить. Носов при виде меня весь в лице переменялся, побледнел. Объяснил свой визит тем, что встревожился рассказом тети Шуры и поэтому, идя с занятий из университета, решил провести ее. Ушел он буквально через несколько минут. Я просидел в котельной до утра, но никто больше не приходил. После этого случая я неоднократно интересовался у Горанской, был ли кто еще у нее. Но больше никто к ней не стучал. Понимаете, я не могу сказать, что Евгений причастен к убийству, но знаю, что для уголовного розыска сейчас все это может оказаться важным.

Ветров поблагодарил Леонова и тут же ушел. Знал бы этот человек, какие ценные сведения он сейчас сообщил работнику милиции!

В этот же вечер Игорь Николаевич встретился со следователем прокуратуры Савичем, высказал свои подозрения в отношении Носова. Они наметили на утро следующего дня несколько дополнительных мероприятий по проверке Носова...

В коридоре райотдела Ветров встретил Басова. Тот был злой и хмурый. Увидев Ветрова, проворчал:

— Где же запропастился этот февралек?

— Неужели никаких сигналов?

— Вчера появился в районе Слепянки, видели, как по пустырю шел, а потом как сквозь землю провалился.

– На пустыре, говоришь, видели? – восторженно воскликнул Ветров. – А знаешь, что он там может в самом деле сквозь землю провалиться, вернее, спрятаться?

– Где? – внимательно глянул на Ветрова Басов.

Ветров улыбнулся:

– Давай заключим джентльменское соглашение. Если найдем сегодня его, то ты завтра полностью подключаешься ко мне. Ну как – согласен?

– Конечно, согласен.

– Хорошо! Встречаемся здесь в двадцать один ноль-ноль. Не забудь прихватить фонарь и пригласи трех-четырех внештатников.

Ветров хорошо знал район Слепянки. На пустыре, где вчера видели психически больного, было много колодцев теплотрасс, проходящих под землей, и этот тип наверняка ночевал в них.

Басов пришел в милицию недавно и об этом не знал. Ровно в девять вечера Ветров, Басов, четверо молодых парней – внештатных сотрудников – и два врача направились к пустырю. Они поднимали одну за другой крышки колодцев и спускались вниз, проверяя, нет ли там беглеца.

Им бы начать поиск с другой стороны, а то пришлось проверить более двадцати колодцев, прежде чем в последнем не увидели разыскиваемого, который спал безмятежным сном. Его доставили в отдел. Скоро стало ясно, что этот больной человек к убийству не причастен.

Ветров пришел в институт, где работала Таня Носова. В институте только и было разговоров о случившемся. В кабинете секретаря парткома его уже ожидала подруга Тани – Ельцова Ольга, черноглазая круглолицая девушка. Игорь поздоровался с ней за руку:

– Вы извините, Оля, что отрываю вас от работы. Я понимаю, вам сейчас не до разговоров, но вы были близкой подругой Тани и можете оказать нам большую помощь.

– Ну что вы. Я ведь все понимаю, – ответила Ельцова. Голос у нее был тихий, немножко нараспев. – Но я не знаю, чем вам помочь.

– Скажите, с вами Таня была откровенна?

– Да, мы ничего друг от друга не утаивали, да и дружили еще с первого курса. Вместе и работать пошли сюда.

– Она ничего не рассказывала о своих тревогах, беспокойствах или, может, боялась кого-нибудь?

– Нет, об этом она не говорила.

– Что вы знаете о ее семейной жизни?

– Знаю, что вышла замуж за Евгения шесть лет назад. Жили неплохо. Правда, ее беспокоило, что муж не ладил с ее тетей, у которой они жили на квартире.

– Скажите, а Таня любила Евгения?

– Мне кажется, любила. Только вот в последнее время несколько раз жаловалась, что он изменился, стал жаден, особенно когда дело касалось денег, грубил ей часто. Однажды Таня пришла на работу в слезах. Я спросила, что случилось, она не ответила. Но потом, когда немного успокоилась, рассказала, что Евгений ругался с ее тетей, а когда Таня вмешалась и попросила, чтобы он прекратил безобразничать, обозвал ее плохими словами. Я знаю, что после этого Таня почти неделю с ним не разговаривала, но потом он извинился, все стало на свои места.

– Таня вам не рассказывала о причинах ссор между мужем и Горанской?

– Говорила, что они не любят друг друга, но из-за чего – не рассказывала.

– Оля, а как лично вы смотрите на него?

Ельцова задумалась. Затем тихо сказала:

– Он какой-то разный. Бывает хорошим, а иногда странным, каким-то непонятным. Старалась с ним говорить, но он обычно отмалчивался.

– Таня вам не рассказывала, в какое время он приходит домой?

– Был такой разговор. Месяца два-три назад. Она, смеясь, сказала, что муж ей, видимо, изменять стал, так как несколько раз приходил домой далеко за полночь. Я тогда упрекнула ее в поспешности выводов, и на этом разговор закончился. Таня его больше не начинала.

На этом беседа прервалась, и Ветров, поблагодарив Ельцову, ушел.

Но не успел он выйти из здания, как его догнала Ельцова.

— Товарищ лейтенант, извините, но я вспомнила, как Лариса Дубасова рассказывала, что в день, когда убили Таню, она видела ее мужа около парка Челюскинцев.

— В какое время?

— Я не знаю, об этом она не говорила,

— Где можно найти Дубасову?

— Она работает в нашем институте, только в другом отделе. Если хотите, могу разыскать.

— Помогите, Оля.

Они поднялись на третий этаж, и Ельцова, оставив Ветрова в коридоре, скрылась за дверью под номером сорок три.

Через минуту она вышла с высокой светловолосой девушкой.

— Вот, знакомьтесь! Это и есть Лариса Дубасова, — и, улыбнувшись, сказала: — Я ее предупредила, что вы из уголовного розыска. Оставляю вас одних, если не раздражаете, и пойду работать.

Ветров поблагодарил Ельцову, обратился к Дубасовой:

— Оля говорила, что вы на этих днях видели мужа Тани Носовой?

— Да.

— Расскажите, когда это было.

— Как раз в тот день, когда убили Таню и ее тетю. Мне надо было к двенадцати часам попасть на прием к зубному врачу. В одиннадцать я отпросилась с работы и решила немного пройтись пешком. Погода была великолепная, солнечная, и я свернула в парк Челюскинцев, пошла по аллее, которая тянется вдоль проспекта.

Кончился парк, и я начала выходить по тропинке на проспект. Смотрю — а на пустыре, между парком и детской железной дорогой, муж Тани стоит. Я еще хо-

тела окликнуть его и пошутить, что весна на него действует, но потом передумала. Видно, человеку хочется одному побыть.

— В какое время это было? — спросил Ветров, а сам подумал: «Носов говорит, что в одиннадцать он уже уехал».

Девушка уверенно ответила:

— Было без пятнадцати двенадцать. Я как раз посмотрела на часы и прикинула — хватит ли мне пятнадцати минут, чтобы дойти до поликлиники, сдать пальто в гардероб и подняться на третий этаж к зубному врачу.

— Лариса, вы не ошибаетесь? Вы его хорошо знаете?

— Что вы! — улыбнулась девушка. — Женю хорошо знаю, мы довольно часто встречались, я у них дома бывала, точно, он был.

— Он просто стоял или, может, ждал кого?

— Трудно сказать, но мне показалось, что он от нечего делать остановился. Помню, даже бросил что-то в воду: там лужа большая от талых вод образовалась.

Девушка рассказала Ветрову, как был одет Носов. Лейтенант попросил ее зайти после работы к следователю прокуратуры Савичу, попрощался и ушел.

«Что же получается? — думал Ветров. — Носов говорит, что уехал в Борисов в одиннадцать, а сорок минут спустя появляется на пустыре. Странно! Что ему там делать? Может, кого-нибудь поджидал? Девушку, например? Нет, это надо тщательно проверить», — решил Ветров.

Лейтенант воспользовался телефоном-автоматом, коротко сообщил Савичу об услышанном и предупредил, что к нему приедет Дубасова.

После этого Ветров направился к Василевскому, у которого после приезда из Борисова был в гостях Носов.

Василевский жил далеко, а Ветров торопился. Пришлось брать такси.

Ветров знал, что Василевский болен, получил больничный листок и должен находиться дома. Так оно и оказалось.

Дверь открыл хозяин. Ветров представился, рассказал, с чем связан его визит, и спросил:

– Виктор Иванович, расскажите, пожалуйста, о вашей встрече с Носовым. О чем у вас шел разговор?

Василевский смущенно взглянул на лейтенанта:

– Видите ли, я немного приболел, и врачи заставили сидеть дома. Он явился как-то неожиданно. Я даже спросил, как он узнал, что я дома. А Носов пошутил: «Об этом все газеты пишут».

Принес он бутылку водки, ну и решили мы по маленькой пропустить. Я, что было под рукой, приготовил закусить. Посидели мы за столом и где-то за часик оприходовали эту бутылку.

– О чем вы говорили?

– Он, как вошел, что-то много говорил, даже непривычно был разговорчив. Но, когда сели за стол и выпили по первой, настроение у него изменилось. Стал молчаливым, задумчивым. Видно, душа почувствовала неприятность. Взял со стула игрушечную машинку, которую от родителей привез, и говорит: «Вот дочке привез ее любимый автомобиль, да не знаю, нести ли его ей?»

– Скажите, а руки он мыл?

– Как только вошел в квартиру, попросил сапожную щетку и гуталин. Сказал, что в дороге ботинки загрязнились. Вышел в подъезд, почистил обувь, а потом, конечно, вымыл руки.

– Долго мыл?

Подобный вопрос немного удивил и озадачил Василевского. Он на мгновение задумался и, вспомнив, ответил:

– Знаете, долго. Когда вышел из ванной, понюхал руки и сказал, что они все равно гуталином пахнут, попросил одеколона. Я дал «Красную Москву», так он, не поверите, почти полбутылки на руки вылил. Да, сели мы, значит, за стол. Взял он в руки вилку и тут же положил около тарелки. Я спросил, почему он не закусывает. Отвечает: дескать, недавно пообедал.

– Виктор Иванович, вы не заметили что-нибудь странное в его поведении?

– Странное, говорите? – Василевский посмотрел в окно. По ту сторону стекла на карниз опустились два голубка. – Если говорить откровенно, то странного в тот день было предостаточно. Во-первых, днем, да еще с водкой, он никогда ко мне не приходил. Во-вторых, как объяснить его необычное поведение за столом. Потом его просьба проводить: он же пьяным не был. Я объяснил ему, что болен, на улицу выходить нельзя, а он стоит на своем: «Проводи да проводи». Оделся я потеплее, и пошли мы. Идет он и молчит. Я даже обиделся немного. Просил провести, иду рядом с ним, а он даже не замечает меня. Разве не странно? Когда завернули к его дому, ему метров двести оставалось пройти. Я хотел было повернуть, а он – за руку меня и чуть ли не со слезами умоляет: «Проводи меня, Витя, до дома. Очень тебя прошу!» Я пожал плечами, говорю: «Пожалуйста, если тебе так уж хочется».

Подожли к его дому, а там милиция, люди столпились. Когда узнал, в чем дело, – не по себе стало. Ведь он тащил меня домой. То ли сердце чуяло, то ли...

Василевский неожиданно замолчал.

Ветров мягко спросил:

– Виктор Иванович, вы что-то недоговариваете. Понимаете, для меня это все очень важно.

– И вы поймите меня – могу ошибиться. А ведь здесь разговор необычный, он судьбы людей, товарища моего касается.

– Не беспокойтесь. Мы тоже понимаем, все учитываем.

– Хорошо. Поделюсь с вами некоторыми мыслями. Дело в том, что в детстве я жил с Евгением в одном городе, вместе в одном классе учились. Однажды, это было уже в девятом классе, я остался почти на месяц один. Родители уехали в отпуск. Как-то утром приходит ко мне Женька и просит: если кто-либо поинтересуется, где он был, то чтобы я сказал, у меня, мол, ночевал.

И точно, к вечеру приходит участковый инспектор, спрашивает, не ночевал ли у меня Носов. Сами понимаете, в таком возрасте подчас может подвести сильно развитое ложное чувство товарищества. Так и у меня было: считал – товарища выручаю – и подтвердил, что Женька у меня был весь вечер и всю ночь.

Позже я узнал, что парень вместе с каким-то Левиным, дружком своим, обворовал ларек. Левина задержали. Он все на себя взял. В милиции, конечно, знали, что они друзья. Поэтому и решили проверить Носова. Его родители сказали, что он дома не ночевал. Вот он и отыгрался на мне, а я, дурак, его невольным помощником оказался. Теперь, когда я вспоминаю, как он вел себя в тот день, то почему-то связываю его визит с тем случаем, что произошел во времена нашего детства. Наверно, он хотел, чтобы я снова стал для него свидетелем...

Василевский замолчал. Ветров протерся с ним и ушел. Уже на улице он задумался: «То, что рассказал Василевский, действительно важно. Посоветую Савичу изъять у Носова для исследования ботинки».

Ветров вспомнил, что он опаздывает в автомагазин, и бросился к трамвайной остановке. К счастью, директор магазина, с которым лейтенант еще утром договорился по телефону о встрече, ждал. Они начали просматривать списки людей, стоявших в очереди на приобретение автомашин, и вскоре нашли фамилию Носова.

Тростник беседовал с Валей Кононовой, которая первая обнаружила трупы Горанской и Носовой. Кононова после этого случая перешла жить в общежитие. По ее лицу было видно, что она еще не успела прийти в себя. Владимир, понимая это, не торопился начинать разговор о главном. Он спросил, как у нее идут дела в институте.

– Нормально, – сказала девушка и, наверное, не удовлетворившись односложным ответом, добавила: – Скоро закончу учебу и – на работу.

– Как вы устроились в общежитии?

– Хорошо. Я раньше не хотела селиться в общежитии. Казалось, условий для учебы не будет, но теперь вижу, что ошибалась, да и девочки в комнате хорошие: если кто сел за конспекты и учебники, то стараются не мешать.

– Валя, извините за беспокойство. Понимаю, вам неприятно вспоминать случившееся, но в интересах следствия...

Кононова поспешно перебила его:

– Нет, что вы. Раз надо, то надо.

– Скажите, в какое время обычно приходил домой Носов?

– Как когда. Иногда рано, иногда поздно. Он же учится на вечернем.

– Как он относился к жене?

– В основном нормально. Правда, были иногда мелкие размолвки. Однажды, поругавшись с ней, он даже ушел из дому и не возвращался до утра.

– Не дрался?

– Нет, такого не было.

– Валя, а как складывались взаимоотношения Евгения с Горанской?

– Тетя Шура не любила его. Она мне об этом неоднократно говорила. Как-то даже плакала и жаловалась, что взяла его на свою голову.

– Денег у нее не просил?

– Месяца два назад тетя Шура говорила, что Евгений просил деньги на машину. Обещал возратить через два года. Но она отказала. Мне после этого проговорила: «Денег не жалко, лишь бы человек был хороший. А он не такой». Какой он, по правде говоря, я тоже не знаю. При людях ни с женой, ни с тетей Шурой не скандалил. Обычно молчал или уходил в свою комнату.

– А как он относился к вам?

– Как когда. То не замечал меня, то были случаи, когда в квартире, кроме нас, никого не оставалось, уделял мне особое внимание. Однажды, будучи навеселе, пытался даже обнять меня, вроде шутя, целоваться

полез. Но я оттолкнула его и предупредила, что получит пощечину, если дальше будет так продолжать, и я обо всем расскажу Тане. Собственно, после этого случая я начала подыскивать себе другую квартиру.

– Скажите, по утрам физзарядку он делал?

– Да, неоднократно видела, как в коридоре с гантелями упражнялся.

– Часто выпивал?

– Нет, не часто. Если выпивал, то немного.

– Валюша, а вы знали, что Евгений Васильевич собирался ехать в Борисов?

– Да, об этом он сам говорил, причем несколько раз.

– А раньше он когда-нибудь предупреждал о таких поездках?

– Нет, раньше он вообще о своих поездках не говорил. Даже были случаи, когда Таня интересовалась, где Евгений, а он, возвратившись, объяснял, что ездил к родителям.

– Таня когда-либо провожала его, если он уезжал к родителям?

– Нет. По крайней мере, такого случая не знаю.

– Скажите, Валя, когда вы возвращались домой в день убийства, ничего подозрительного не заметили? Может, из знакомых или соседей кто-нибудь навстречу попался или подозрительного человека возле дома заметили?

– Нет, кажется, ничего. Я ведь не догадывалась и, конечно, по сторонам не смотрела.

– Ну хорошо, – сказал Тростник, поднимаясь со стула. – Еще раз извините за беспокойство.

Распрощавшись с девушкой, Тростник поехал в отдел.

Следователь прокуратуры Савич соглашался с мнением оперативных работников: версия, что преступление мог совершить Носов, требует пристального внимания. Одежду, в которую был одет Носов в день убийства, а также обувь пришлось изъять и направить на экспертизу. И вот сегодня первые серьезные результаты. Эксперты дали заключение: на одежде имеются следы крови, а на одном ботинке при тщательном исследовании под слоем гуталина тоже обнаружена кровь. Это уже было серьезно, и после короткого совещания, где тщательно взвешивались все «за» и «против», решено было допросить Носова. За ним поехали Ветров и Тростник.

Носов был спокоен и по дороге в милицию молча сидел на заднем сиденье рядом с Тростником. Молча вошел он и в кабинет следователя, вполголоса поздоровавшись, сел на предложенный стул.

Савич подчеркнул сухо сказал:

– Гражданин Носов, мы пригласили вас, чтобы выяснить некоторые обстоятельства, связанные с убийством вашей жены и гражданки Горанской. Мы пришли к выводу, что вы можете внести ясность в дело. Поэтому предлагаем откровенно рассказать нам все.

Носов чуть удивленно смотрел то на следователя, то на сидящего в углу кабинета Игнатовича.

– Вы хотите сказать, что я убил жену и ее тетю? Вы обвиняете меня в убийстве?

Он говорил так искренне и горячо, что у Савича возникло сомнение: «Не рано ли его пригласили, может, нужно было еще и еще раз проверить?»

Савич взглянул на Игнатовича. Тот был спокоен и невозмутим.

Носов после небольшой паузы с горечью добавил:

– Зачем мне убивать? Тетя предоставила комнату, помогала растить дочь. Жена, кроме хорошего, ничего не делала. Нет, вы не имеете никакого права обвинять меня!

– Мы и не обвиняем, – сказал Савич. – Мы хотим, чтобы вы объяснили, с какой целью ездили в Борисов, чем была вызвана эта поездка именно в рабочий день. В конце концов, почему так получилось, что на вашей одежде и обуви оказались следы крови. Как нам понимать, что в то время, когда, по вашим словам, вы находились в дороге на Борисов, вас видели на пустыре между парком Челюскинцев и детской железной дорогой? Вот на эти вопросы мы и просим ответить.

Носов вскочил со стула:

— Какая кровь? Какой пустырь? Это выдумки, чтобы сделать из меня козла отпущения! Не выйдет! Вас интересует, зачем я ездил в Борисов? Я давно ответил на этот вопрос и считаю этот вызов провокацией. Я буду жаловаться! У меня и так большое горе, а вы хотите добить меня. Хотите, чтобы я доказывал свою невиновность!

Игнатович не выдержал. Он взял свободный стул и подсел к Носову:

— Вот здесь вы правы, Евгений Васильевич. Доказывать свою невиновность — ваше право, а не обязанность. Но не забывайте, что у нас есть право и обязанность — доказывать виновность. Если вы не хотите откровенно и добросовестно рассказать нам — повторяю, это ваше право, а не обязанность, — то вам придется выслушать нас до конца. Итак, слушайте, Носов. Я расскажу, что произошло... После того, как вы с женой и ребенком поселились на квартире у тети вашей жены, у вас начало расти чувство раздражения к Горанской, которая занимала двухкомнатную квартиру, а у вас даже однокомнатной нет. Вас не интересовало, что ранее у Горанской умер муж — участник партизанского движения и фронтовик, потерявший в боях за Родину ногу. Вы были недовольны тем, что у вас нет отдельной квартиры. Вас даже не устраивало, что супруга как молодой специалист вскоре должна была получить квартиру. Ваша раздражительность нередко выливалась в скандалы с женой. Все это плюс еще и то, что вы узнали о наличии у Горанской солидных сбережений, которые находились в ее квартире, в конце концов и привело вас, Носов, к мысли об убийстве. Ваш расчет ясен: в случае, если не будет установлен убийца, вы, естественно, приобретаете права на квартиру и сбережения ее хозяйки. С этой целью вы изучили возможности убийства старушки в котельной во время ее ночного дежурства. Вы несколько раз приходили туда, стучались в дверь. Однако Горанская, не открывая двери, спрашивала, кто стучит. У вас не хва-

тало смелости, чтобы отозваться, и вы молча уходили. Но однажды отозвались, а Горанская, прежде чем открыть дверь, позвала своего бригадира. Вы сделали вывод, что старушка не одна, и убежали. На следующий день она рассказала, что к ней кто-то ночью стучался, назвался вашим именем. Вы, конечно, ответили ей, что это были не вы. В то же время у вас окончательно созрело решение убить Горанскую именно в котельной. С этой целью, опять же ночью, после занятий в университете, вы еще раз постучались к тетушке жены. Горанская открыла дверь. Спускаясь в котельную, вы были одержимы только одной мыслью — убить ее. И вдруг слышите за спиной какой-то шум, оглядываетесь — видите бригадира Леонова. Вы растеряны, испуганы. Лепечете Горанской, что пришли проведать ее, и тут же уходите. Вам пришлось отказаться от мысли убить старушку в котельной. На время вы притихли, начали обдумывать новый план.

Вы анализируете обстановку в квартире и видите, что в первой половине дня Горанская обычно остается одна. И постепенно склоняетесь к мысли убить Горанскую дома. Но когда? В выходные дни невозможно — поскольку присутствуют и квартирантка, и члены вашей семьи. Значит, нужно все это делать в рабочий день. Но как? И вот вы начинаете действовать, причем допускаете очень много ошибок. Так, вы преднамеренно сообщаете знакомым, родственникам и соседям о предстоящей поездке в Борисов. И здесь коренится первая ошибка: раньше вы никогда и никому не сообщали о таких поездках, потому что это, в общем-то, не событие ни для вас, ни для них. На заводе вы отпрашиваетесь уйти с работы, объясняя, что необходимо срочно посетить заболевшую мать. А ведь на самом деле никто из ваших родителей не был болен. Вам потребовалось алиби. Его вы решили найти не только в лице людей, которым сообщили о своей предстоящей поездке, но и в лице своей жены. Несмотря на ссору, которая произошла между вами, вы предлагаете ей отпроситься с работы и проводить вас к автобусу.

Ведь жена, как вам представлялось, могла подтвердить, что вы еще до убийства уехали из Минска. Сами же вы, Носов, думали покинуть автобус на первой же остановке, возвратиться в город, убить Горанскую, после чего немедленно уехать за алиби в Борисов. Но и здесь вами допущена ошибка. Раньше вы не просили жену провожать вас даже в выходные дни, не говоря уже о том, чтобы отрывать ее от работы.

Но вернемся к тому дню: вы сидите дома, тетя жены в своей комнате занимается вязанием. Вы ждете жену, которая должна провести вас к автобусу и возвратиться в институт. Вы нервничаете. Минует время отхода автобуса, а жены нет. Тогда вы приходите к выводу, что жену или не отпустили с работы, или после ссоры она не захотела провожать вас. Вы, Носов, решаетесь на преступление. На всякий случай вы закрываете дверь на задвижку, и тут же вас озадачило: чем убить? Вы не подготовили орудия убийства и поэтому берете самую тяжелую вещь – гантель, подходите сзади к спокойно сидящей женщине и наносите сильный удар по голове. Вы только успели убедиться, что Горанская мертва, как услышали звонок. На цыпочках вы подходите к двери, прислушиваетесь. Вы слышите, как люди вышли из подъезда, а через несколько секунд раздается стук в окно. Через тюлевую гардину вы увидели, что это жена и ее мать. Вы растерялись. Дверь не открыть нельзя, ведь жена догадалась, что она закрыта на задвижку, а это значит – в квартире кто-то есть.

Ваша жена и ее мать вновь входят в подъезд и нажимают на кнопку звонка. Через дверь вы слышите их разговор. Теща начинает подниматься по лестнице на второй этаж в свою квартиру. У вас нет выхода. В лице жены может появиться нежелательный свидетель, и вы решаетесь: открываете дверь, впускаете жену, идете вслед за ней на кухню, где наносите ей удар по голове той же гантелью. Затем идете в комнату жертвы, где разбрасываете вещи, создавая картину погрома. Вы хотите нас убедить, что это дело рук грабителей. Затем наскоро в ванной моете гантель, кладете ее на

место в своей комнате, одеваетесь, забираете у Горанской связку ключей, где, кстати, были также и ключи от котельной, запираете дверь и уходите. На попутной машине приезжаете в Борисов.

Здесь вы, Носов, также допускаете ряд ошибок. Во-первых, предположим, что вы соскучились по родителям. Тогда непонятно, почему вы там были только пятнадцать-двадцать минут. Если скажете, что ехали за старой детской игрушкой, то тех денег, которые вы потратили на дорогу, вполне хватило бы на покупку такой же новой игрушки.

И еще скажите, Евгений Васильевич, почему вы в Борисове отказались от еды? Вы же в тот день не завтракали и не обедали. Впрочем, было не до еды: от крови у вас горели руки, и поэтому вы так долго мыли их. И когда вернулись в Минск, зашли к своему другу Василевскому. Распив с ним водку, тоже не могли есть. Вам и друг этот нужен был только как свидетель, подтверждающий ваше алиби. Вы ведь домой-то боялись идти: а вдруг еще трупы не обнаружены?

А вот показания вашего друга Левкина. Он рассказывает, что еще летом, когда вместе с ним были на озере, вы потеряли удостоверение на право управления автомобилем. Вот справка из магазина. Через месяц-два подходит ваша очередь на автомашину. Вы решили, что если заявите о краже удостоверения, то вам в связи со случившимся в ГАИ выдадут новое.

Игнатович помолчал несколько секунд, а затем продолжал:

– Мы понимаем ваше состояние, Носов, и помогаем вам быстрее понять, что упираться не стоит. – Игнатович взял лежавшие на столе несколько листов бумаги и, протягивая их Носову, сказал: – Это заключение биологической экспертизы. Здесь говорится, что на вашей одежде следы крови, совпадающей с группами крови вашей жены и ее тети.

Носов взял заключение, прочитал и молча возвратил его обратно. Он был страшен. На белом, как бумага, лице лихорадочно блуждали глаза. Носов все еще

молчал. Игнатович, положив на место заключение экспертизы, спросил:

– Вы не хотите сказать, что вы делали перед отъездом в Борисов на пустыре около парка Челюскинцев?

Носов поднял глаза на Игнатовича, затем перевел их на Савича и впервые после долгого молчания спросил:

– Вы думаете, что я туда ключи выбросил? Ошибаетесь. Ключи дома. Могу показать их, если хотите, конечно, и тогда вы поймете, что ошибаетесь.

– Хорошо, покажите.

Вскоре Носов вместе с Басовым, Тростником, милиционером и следователем Савичем ехали в машине. Игнатович тоже поехал с ними и, сидя в машине, спрашивал себя: «Покажет или не покажет ключи?»

В квартире все убрано и вымыто. Но от сознания, что здесь произошла трагедия, люди невольно переговаривались между собой только вполголоса, словно боясь нарушить тишину, наступившую здесь несколько дней назад. Расслабленной походкой Носов подошел к гардеробу, стоявшему слева от окна, и сказал:

– Вот здесь, под гардеробом, лежат ключи.

Тростник нагнулся, заглянул под гардероб. В этот момент Носов нанес ногой сильный удар в лицо Тростнику, бросился к окну, разбил стекло, выпрыгнул на улицу. Это произошло так неожиданно, что некоторое время все оставались в оцепенении. Первым пришел в себя Басов. Он бросился вслед за Носовым, за ним – милиционер.

Игнатович громко крикнул Савичу, указывая рукой на лежащего с окровавленным лицом, без сознания Тростника:

– Окажите помощь! – А сам бросился к выходу, вскочил в машину и крикнул шоферу: – Жми вдоль улицы!

Носова нигде не было видно. Игнатович по рации связался с отделом и дал указание всеми имеющимися силами перекрыть район.

Прошло два часа. По городу велись интенсивные поиски преступника.

Носов, тяжело дыша, брел по слепянскому лесу. Он понимал, что этот лес не выведет его за черту города. Обмывая лицо снегом и сбрасывая на землю кровавистые комья, он обдумывал свое положение. Главное уже позади: ему удалось сбежать. Сколько заборов, дворовых закоулков пришлось пересечь! Сейчас очень важно не попадаться на глаза людям, ведь лес находится на территории города.

Впереди показался глухой деревянный забор – там дачи. Если пойти направо, попадешь на одну из улиц Слепянского поселка. Во что бы то ни стало надо продержаться в лесу дотемна! Носов выбрал огромную ель. Ее густые ветви надежно прикрывали землю. Он быстро наломал хвойных лапок, засунул их под эту ель, на четвереньках подобрался поближе к стволу, устроил себе довольно сносную постель. «Здесь я пережду до темноты», – подумал он, тщательно расправляя над собой разлапистые ветви. Его мысли возвратились к минувшим событиям. «Черт бы взял этого заместителя начальника уголовного розыска!» Носов забыл его фамилию, но хорошо запомнил лицо, особенно голубые пронизательные глаза. Он со злостью подумал: «Все гад правильно сказал. Вроде тебя за мной ходил. Все видел. Даже мысли угадал! Удачно я его вокруг пальца с ключами обвел. И момент выбрал подходящий». Он мысленно представил, как нанес удар ногой в лицо оперативнику, и его рука невольно дотронулась до правой ноги. Ноющая боль от удара еще не прошла. «Представляю, какое сейчас лицо у этого ползуна, – со злорадством подумал Носов и тут же руками начал ощупывать свою физиономию. – С такой мордой к людям не показывайся». Теперь он вспоминал, как бросился в двойную раму, как, обливаясь кровью, убегал знакомыми дворами от работников милиции. «Жаль, что шапку потерял, хоть немного лицо прикрыл бы». Вспомнил тетку, с ненавистью подумал о жене: «И зачем она припер-

лась?.. А, черт с ней! Все равно так жить надоело. Не стоит сопли распускать. Тем более, этот трюк наверняка не прошел бы, и жена только могла помочь милиции своими показаниями».

Несколько успокоившись, Носов начал обдумывать план дальнейших действий. Этот лес он знал хорошо. Нередко здесь прогуливался на лыжах, летом встречался с одной знакомой. Понимал, что чем больше будет сидеть, тем меньше шансов выбраться отсюда. Сейчас милиция наверняка перекрывает все выезды и выходы из города. Не будь у него разбито лицо, он мог бы сейчас рискнуть и попытаться выйти к кольцевой дороге, пересечь ее, а там снова лесом уйти подальше от города. Но днем с таким лицом показываться нельзя. На любой тропинке можно встретить человека. «Нет, лучше подождать темноты, а там что-нибудь смогу предпринять», — решил он, плотнее прижимаясь спиной к стволу ели.

В кабинете начальника городского управления внутренних дел Романова собрались многие сотрудники. Романов был немногословен. Побег Носова сильно встревожил его. Он спросил у Игнатовича:

— Как чувствует себя Тростник?

— У него сотрясение мозга. Перелом костей носа. Выбито четыре зуба. Сейчас в госпитале делают операцию...

Романов, кивком головы поблагодарив Игнатовича, негромко заговорил, обращаясь к присутствующим:

— У нас произошло ЧП. Сбежал убийца в момент прибытия на место происшествия. Теперь он готов на все и поэтому представляет большую опасность. Я сейчас не хочу останавливаться на разборе действий наших товарищей, которые были на месте происшествия. Перед нами стоит задача: быстрее задержать преступника. Все, что необходимо для перекрытия путей выезда или выхода Носова из города, сделано. Сейчас надо организовать еще более активный поиск в городе.

Конкретные указания каждый, кто привлекается к поиску, получил дополнительно.

Еще голубело небо, а в лесу стало темно. Носов потихоньку выбрался из своего убежища и прислушался. Сделал десять-пятнадцать шагов и опять, плотно прижимаясь к деревьям, слушал. Он шел в направлении грузового двора товарной станции. Еще сидя под елью, он решил выбраться из города на товарняке. Грузовой двор обнесен бетонным забором, и сейчас он белел перед Носовым сплошным пятном.

Носов знал, что во дворе собаки, поэтому сразу же отбросил мысль перескочить забор и забраться на любую платформу стоявшего поезда. «Необходимо выбрать поезд, который должен отправиться сию же минуту, — думал он. — А рисковать и лезть через забор нельзя: от собак не уйдешь — и тогда крышка!»

Носов пошел вдоль забора и вскоре оказался напротив въездных ворот. Спрятавшись за дерево, начал наблюдать. Ворота открыты настежь, но был еще шлагбаум, который подымался перед каждой машиной. Носов обратил внимание, что если машина выезжала со двора, то охранник не только тщательно смотрел документы, но и делал проверку кузова. А вот машины, въезжавшие на территорию грузового двора, не подвергались такому тщательному осмотру. У водителей проверялись только документы, после чего шлагбаум поднимался, и машина беспрепятственно въезжала на территорию.

У Носова молниеносно созрел план: попасть во двор в первой же автомашине. Залезть в кузов труда не составляло, так как дорога идет параллельно забору. И чтобы въехать в ворота, нужно повернуть направо. Следовательно, короткая остановка неизбежна.

Носов подошел к краю дороги, выжидая замера. Решил, что пока машина приблизится, он займет удобную позицию за придорожным деревом. Снизить ход или даже приостановиться водитель вынужден будет именно здесь. Ну, а для того, чтобы вскочить в кузов, ему достаточно нескольких секунд. Правда, смущало, что его могут заметить во дворе. Но делать нечего — надо рисковать.

Неожиданно в воротах, ярко освещенных прожектором, установленным на караульном помещении, показался человек. Он сильно шатался из стороны в сторону. Его остановил охранник и громко спросил:

— Где это ты набрался, Иван?

— Где надо, там и набрался. Работу кончил, пойду сдам оружие — и домой.

Носов разглядел, что тот, кого охранник назвал Иваном, одет в форму стрелка военизированной охраны. До ворот было метров двадцать, и Носов хорошо слышал их разговор.

— Ты, Иван, лучше бы подождал. Вызову старшего, ему и сдашь оружие, а тебя на попутной машине домой отправлю. Ты же еле на ногах стоишь, а прешься с оружием.

— Не твое дело. Нужен мне твой старший! Рапорт к утру напишет, что «под газом» через пост прошел. Сам наган сдам и без твоей помощи дойду, — он махнул рукой и вышел из ворот, к которым в этот момент подходила машина. Но Носов уже не обращал на нее никакого внимания. Перед ним был пьяный охранник, у которого на боку болталась кобура с наганом. Пропуская машину, Иван остановился в двух метрах от Носова. Протяни руку — хватай за шиворот, и он тут же окажется за деревом. Побоялся: а вдруг закричит.

И Носов выжидал. Вот машина въехала в ворота, а Иван, шатаясь, побрел вдоль дороги. Носов, убедившись, что людей поблизости нет, быстро догнал охранника.

— Здорово, Иван! Оружие идешь сдавать?

— Зды-здыр-рова... а ты к-куда? — расслабленно улыбался Иван, даже не попытавшись опознать заговорившего с ним человека.

— Я тоже иду сдавать, — сказал Носов и опустил сильнейший удар кулака на голову охранника. Тот упал и лежал без движения. Носов подхватил его под мышки и быстро потащил в лес. Протащив метров двадцать, бросил обмякшее тело на землю, дрожащими руками вытащил из кобуры наган и побежал. Но тут же оста-

новился, несколько секунд постоял и быстрым шагом пошел обратно.

Иван лежал все в той же позе. Носов отстегнул ремень с кобурой, осмотрелся, выбрал почти такую же ель, под которой ему пришлось просидеть чуть ли не полдня, подошел к охраннику, снял с него шинель и шапку, отошел немного в сторону, прислушался. В лесу было тихо. Носов опять подошел к Ивану, затолкал его подальше под ель, снял с себя пальто, надел чужую шинель и шапку, подпоясался ремнем с кобурой, сунул в нее наган. Он не знал, что делать с пальто. Оставлять на месте — опасно. Скрутив в небольшой сверток, Носов прихватил его с собой.

У въездных ворот было спокойно. Охранник стоял на своем месте. Ждать машину пришлось недолго. К воротам подошла грузовая машина с одним контейнером в кузове. Носов быстро перемахнул через борт и распластался на полу кузова. Машина тронулась, сделала правый поворот и снова остановилась. Шла проверка документов. Но вот мотор заурчал громче, и машина поехала. Носов выждал, пока грузовик окажется в неосвещенном месте, выпрыгнул из кузова. Первая часть замысла была выполнена: он на территории грузового двора. Сейчас нужно найти поезд, который отправится первым.

Придерживаясь затемненных сторон, Носов пошел вдоль контейнерных площадок. Изредка навстречу попадались люди, но форма, хотя и не по плечу, спасала: никто не интересовался охранником. Он долго ходил вдоль железнодорожных составов, но определить, какой пойдет в первую очередь, не мог. Подошел к тепловозу и, стараясь перекричать шум, спросил у высушившегося через боковое окно машиниста:

— Который состав отправится первым?

Машинист похлопал по поручню тепловоза, тем самым давая понять: мол, этот состав и есть первоочередной. Носов сделал вид, что направился к двухэтажному дому, видневшемуся вдали, отошел в сторону. Убедившись, что машинист не следит за ним,

быстро возвратился к составу, торопливо зашагал вдоль него.

На платформах стояли контейнеры, и ему пришлось долго метаться, прежде чем удалось найти подходящее место у самого борта на одной из них. Он забрался в самый угол, притаился на холодных, промерзлых досках. Так пролежал около часа. Но вот состав тронулся и медленно, очень медленно стал выходить на основную колею, мерно постукивая на стыках рельсов колесами. Скорость постепенно прибавлялась.

Носов изредка приподнимал голову и выглядывал за борт. Поезд взял брестское направление. От мысли, что Минск остался позади, стало веселее. Но вскоре опять что-то заняло в душе. Ведь поезд шел в сторону границы, а это значит – начнутся проверки. Носов с нетерпением ждал остановки.

Перед Дзержинском скорость резко снизилась, состав пошел совсем медленно и остановился. «Наверное, семафор закрыт», – подумал Носов, лихорадочно хватаясь за свой сверток. Убедившись, что возле состава никого нет, он перелез через борт, спрыгнул на насыпь и бросился бежать по разбухшей от внешней воды пахоте. Бежал долго.

Впереди замелькали огоньки какой-то деревни. Носов остановился: он не знал, где находится. «Что делать? Куда идти? – мучили его вопросы. – Где-то надо переночевать. Идти к людям нельзя. Могли уже сообщить приметы. Нужно искать сеновал», – принял окончательное решение Носов и направился к деревне.

Впереди возник силуэт какого-то строения. Носов осторожно приблизился к нему и увидел, что это большой сарай, должно быть, сеновал. Обошел вокруг – на воротах огромный замок. «Как забраться внутрь? – прикидывал он. – Такой замочник легко не откроешь. Нужен инструмент». Руками Носов начал ощупывать вокруг себя землю в надежде найти какой-нибудь подходящий предмет. Попадались только булыжники. Но разве ими воспользуешься? Стукотня начнется, а деревня под боком.

Вдруг его взгляд остановился на красном противопожарном щите, прикрепленном к стене сарая. «Вот ларчик и откроется!» Он снял со щита увесистый лом. Лучшего рычага и не требовалось. Один конец лома Носов вставил в дужку замка, а на другой приналег грудью. Металл хрупнул. Можно было входить в сарай. Приоткрыв ворота, Носов юркнул внутрь помещения. Ноздри защекотал густой запах луговых трав. Он плотно прикрыл за собой створку ворот и, ощупывая рукой бревенчатую стену, двинулся в глубь убежища. Вскоре наткнулся на сложенное под самые стропила сено. Наскоро приготовил для себя нечто подобное постели-норе, развязал сверток, переделся в пальто, забрался в только что сооруженное логово и укрылся с головой шинелью охранника.

Лишь сейчас Носов начал обдумывать, что ему делать дальше. «К утру, конечно, охранник будет найден, если он раньше не очухается, – рассуждал он. – Впрочем, стоит ли волноваться? Парень наакался под самую завязку. Вряд ли сможет сказать что-либо путное. Правда, легавые кое о чем догадаются. Машиниста, например, расспросят... еще где-нибудь копанут... Да, хреновые твои делишки, Евгений Васильевич... Что же делать? Денег – ни гроша, документов – никаких. Паспорт остался дома, друзей, которые укрыли бы, – нет... А что есть? Надо попытаться добыть деньги и документы. Баловаться сейчас «пушкой», пожалуй, не стоит. Эти семь патронов нужно использовать с умом. С помощью револьвера можно достать все: и более надежное оружие, и патроны, и многое другое... Сейчас нужно действовать спокойно, обдумывать каждый шаг».

Тщательный розыск Носова в городе положительных результатов не дал. Утром обстановка осложнилась. Ночью с контейнерной площадки сообщили, что пропал охранник, у которого был револьвер и семь патронов. Видели его выходящим с территории грузового двора пьяным. Сказал, что идет сдавать оружие, и пропал.

Сначала охранника искали своими силами и только к утру сообщили в милицию. С помощью собак «пропажу» удалось найти. Он лежал под густой елью без оружия, без шинели. Когда привели его в чувство, ничего пояснить не мог – отшибло память. Выпил слишком много, да и удар по голове получил сильный. Охранника поместили в больницу.

Игнатович и Ветров зашли к начальнику управления. Романов, выслушав их, долго в задумчивости глядел в окно. Казалось, он забыл о своих сотрудниках, а лишь следил за работой башенного крана, что стоял через дорогу на строительной площадке. На пульте замигала лампочка – дежурный по управлению просил ответить ему. Романов нажал на кнопку:

– Слушаю.

В динамике послышался голос дежурного:

– Товарищ генерал! Только что получено сообщение: в тридцати пяти километрах от Минска, у деревни Осево, в колхозном сарае, где хранится сено, неизвестным был сломан замок. При осмотре обнаружены шинель и шапка стрелка железнодорожной охраны.

Романов повернулся к микрофону:

– Сообщите, что туда выезжает наша оперативная группа.

Затем он повернулся к Игнатовичу и Ветрову:

– Да, ваше предположение может, пожалуй, подтвердиться. Если это Носов, то он с оружием в руках во много раз опасней. Необходимо проверить, не отправлялись ли с грузового двора составы. Остаток прошедшей ночи преступник наверняка провел на сеновале. Очень важно знать, в каком направлении он двинулся дальше.

Романов сделал паузу и опять взглянул в окно.

Ветрову показалось, что вид работающего крана помогает шефу сосредоточиться.

Генерал встал и присел поближе к работникам уголовного розыска:

– Я не хочу сейчас говорить о сложности обстановки. Вы это и сами понимаете. Но вот найти и задер-

жать Носова, прежде чем он совершит новое преступление, – ваша задача. Любые силы и техника в вашем распоряжении.

Нужно иметь в виду, что у Носова остался ключ от квартиры, где находятся документы и, главное, – деньги, из-за которых он совершил преступление. В связи с этим нельзя исключить и того, что он может возвратиться в город, попытаться проникнуть в свою квартиру. Поэтому нужно установить контроль. Необходимо выяснить всех его родственников, друзей, организовать проверку мест, где он может укрыться. Ну, а сейчас, – генерал взглянул на Ветрова, – берите людей, отправляйтесь в деревню Осево.

Носов проснулся, когда на улице еще только начинало сереть. Понимая, что в деревне люди просыпаются рано и могут приехать за сеном, он быстро завернул в шинель шапку, засунул сверток поглубже в сено, вышел из сарая, отряхнулся.

Он решил искать дорогу, бежать подальше от этих мест, а план дальнейших действий тщательно обдумать в пути. Носов все правильно рассчитал: задержись в сарае хотя бы на час, прибывшие за сеном колхозники застали бы его спящим.

Беглец помнил, в какой стороне железная дорога, и сейчас шел в противоположную, стараясь придерживаться опушки леса. Иногда на проселочной дороге попадались люди, и он, словно зверь, шарахался в лесную чащу.

После неплохого отдыха думалось лучше, да и настроение уже было другим. По крайней мере, он уже не чувствовал себя в западне. Срочно требовалось принять решение, что делать в ближайшее время. Носов понимал, что продержаться и не попасть в руки милиции он сможет при условии, если действовать спокойно, продумывая каждый свой шаг. Сейчас самым сложным для него было то, что он без денег и документов. «Как быть с лицом? Как быстро залечить глубокие порезы?» – спрашивал Носов себя и тут же искал ответ. – Надо продержаться где-нибудь хотя бы несколько

дней. С такой мордой никуда не сунешься. Везде найдутся любопытные, обязательно обратят внимание...»

В голове Носова постепенно рождался план дальнейших действий. В Барановичском районе проживает дальняя родственница жены. С ней ни Таня, ни ее родители почти никаких связей не поддерживали. Даже на похороны не звали, и она наверняка ничего не знает о гибели Тани. «А что, если к ней рвануть? – подумал Носов. – Ведь к моим родственникам являться нельзя. Уголовный розыск, конечно, уже взялся за них. А вот что я могу скрываться у родственников жены, они и не подумают. Тем более, – рассуждал он, – кто догадается, что я знаком с теткой Лизой? Об этом знала только Таня. Дура! – мысленно ругнул он жену. – Что тебя дергало? Чего приплелась? Жили бы сейчас припеваючи». Нет, жалости к жене у него никакой не было. Он испытывал лишь горечь оттого, что не осуществился его план. Мысли Носова опять возвратились к тетке Лизе. А что если к ней подкатиться на несколько дней, переждать, подлечиться? А как объяснить появление? Что сказать о побитом лице? Носов даже шаги замедлил, придумывая более-менее правдоподобную версию для родственницы жены. Наконец вырисовалась картина всех последующих поступков. Носов быстро шел по разбухшей от весеннего солнца лесной дороге. Ему надо было сориентироваться, где он находится, определить, куда продвигаться. Для этого требовалась встреча со знакомым человеком. Но как это сделать? С таким лицом любого прохожего, да еще в лесу, можно до инфаркта довести. И Носов решил, пока светло, быстрее пройти безлюдные места. Мучил голод. Однако в такую пору лес человека не кормит. Надо терпеть. Шел долго. Стоявшее высоко в небе весеннее солнце припекало. Носов еще больше чувствовал усталость. Только к исходу дня он наконец вышел к какому-то селению. Постоял на окраине, выжидая, пока стемнеет, и двинулся дальше. Проходя мимо небольшого деревянного домика, он обратил внимание на небольшую вывеску. Прочитал и понял,

что движется в сторону Столбцов. Значит, направление выбрано правильное. А голод брал свое. Когда Носов увидел небольшую чайную и почувствовал запах съестного, он и вовсе занемог. Остановился. Стал наблюдать, что происходит в чайной. Тусклый электрический фонарь освещал плохо. На небольшой площади стояло несколько грузовиков. Водители, очевидно, находились в чайной.

Носов выжидательно постоял у входа, вошел в помещение. Небольшой прокуренный зальчик был забит людьми. Одни толкались у прилавка, где торговали пивом, другие сидели за небольшими столиками, курили. Сумрак, густой табачный дым. Носов не обратил на это никакого внимания, метнул голодный взгляд на столы, подошел к крайнему, протянул руку, взял со стола два ломтика хлеба и, провожаемый удивленными взглядами двух подвыпивших мужчин, вышел из чайной, завернул за угол, жадно проглотил хлеб. Немного стало легче. В этот момент из чайной вышел шофер и направился к одному из грузовиков. Носов приблизился к нему и спросил, куда едет. Оказалось, не в ту сторону. Потом на площадь въехал ГАЗ-51. Натужно рыча мотором, автомобиль резко развернулся. Шофер выскочил из машины, на ходу сунул ключи от зажигания в карман куртки, вошел в чайную. Носов двинулся следом и, когда вошел в помещение, увидел, что преследуемый им водитель грузовика повесил куртку на стоящую в зале металлическую вешалку и стал в очередь. Носов мгновенно подошел к вешалке и, убедившись, что водитель не смотрит в его сторону, сунул руку в карман куртки: «Вот они, ключи от зажигания!» Он быстро вышел из чайной, сел в кабину грузовика, дрожащей рукой вставил ключ в замок зажигания – не подходит. Вставил второй – он! Нажал на стартер. Неожиданно взревел мотор, очевидно, заедало акселератор. Носов пнул его ногой – мотор заработал спокойнее. Включил скорость, машина тронулась с места. Повернув за угол, Носов дал газ, и грузовик быстро понесся в сторону шоссе.

Выехав на широкую магистраль, Носов повернул в сторону Барановичей, облегченно вздохнул: «Ух, черт! Вырвался. Теперь вперед! – Он начал подсчитывать: – Пока водитель поужинает, пройдет минут тридцать, побегаешь по площади вокруг чайной, опросишь людей, еще минут сорок набегает. Потом начнет звонить в милицию. Значит, времени, чтобы проскочить пост ГАИ беспрепятственно, будет достаточно».

Носов хорошо знал эту трассу, понимал, что через километр-два должны дежурить автоинспекторы. И точно: через несколько минут показался пост. Носов подчинился предупреждающим знакам, поехал с нужной скоростью. Около постовой будки стоял работник милиции, но он не обратил никакого внимания на машину, и Носов, проехав мимо, дал полный газ, громко рассмеялся: «Ты, чувак, шоферишко, все еще жрешь, небось, за обе щеки шницель уписываешь. А я на твоей коняге далеко ускачу». Он даже попробовал насвистывать какой-то знакомый мотив. Но острая боль мгновенно напомнила об израненных губах и щеках, и Носов возвратился к своим прежним мыслям.

Родственница жила в глухой деревеньке – по эту сторону Барановичей. Он решил, что пару дней можно прожить там, не боясь, что будет обнаружена машина. Кто поедет в такую глухомань искать ее?

Мысли Носова снова возвратились к Минску. «Как там? – думал он. – Милиция, наверное, всех на ноги подняла, а я уже за сотню километров рванул. Ищи ветра в поле!..»

Натужно ревел мотор. Машина с трудом шла по разбитой дороге. Глубокая грязь заливала колею. Грузовик швыряло из стороны в сторону. Носов с большим трудом удерживал руль. Он молил бога, чтобы где-нибудь не застрять. Перспектива провести время в поисках ночлега или в холодной кабине никак не радовала. Он беспокойно взглянул на приборный щиток – бензина осталось чуть больше половины бака. «Если не забуксую, – хватит, чтобы выехать обратно из деревни. Если, конечно, понадобится. Интересно,

как встретит тетка Лиза? Что сказать ей о поврежденной физиономии?» Где-то в глубине души Носова шевелилась тревога, а вдруг тетка Лиза уже знает о смерти Тани, о его побеге. Но он тут же отгонял эту мысль: «Ни хрена она не знает, и никто о ее существовании следователю не скажет. Пару дней точно продержусь, а там – посмотрим. У старухи и денежки должны быть. Живет одна. Можно пожить, одолжить – без возврата, разумеется. Впрочем, и отобрать можно. Что она сделает, карга эта, дышащая на ладан. Дам по чердаку – и делу конец. Надо только придумать, что сказать о причине приезда».

Носов никогда не считал себя тугодумом. Уже не однажды приходилось ему попадать в затруднительные положения. Однако смекалка выручала всегда. Выручила и на этот раз. Он остановил машину, достал из-под сиденья монтировку, разбил ветровое стекло, сел опять за руль и вскоре оказался в нужной ему деревне. Впрочем, вряд ли можно назвать деревней селение, где было пять-шесть небольших домиков. Ветхое строение тетки Лизы стояло возле самой дороги. Носов остановил машину и чуть ли не на ощупь двинулся на тусклый свет, который пробивался сквозь небольшое окошко. Подойдя поближе, он рассмотрел дверь в сени, тихонько постучал. Через минуту-другую по ту сторону послышались шаркающие шаги.

– Кто там?

– Тетя Лиза, это я. Женя Носов – Танин муж.

Послышался шум отодвигаемого засова. Звякнула щеколда. Дверь открылась. Показалась старуха. Она держала в руках керосиновую лампу:

– Заходи, сынок, заходи! Чего же ты припозднился?

– Здравствуй, тетя Лиза! Ехал с шофером. Да вот стекло разбилось. Без него дальше ехать нельзя. Шофера в город направил, а сам – к вам. Боюсь только, что завтра суббота, а послезавтра воскресенье: сможет ли достать стекло.

– Чего же ты стоишь? Проходи, сынок, в хату! – и хозяйка, подсвечивая гостью керосиновой лампой, пошла

впереди. — У нас электричество испортилось. — Она поставила лампу на стол и только теперь увидела лицо гостя. — Авоечки, воечки! Что же это у тебя с лицом?

— Ничего страшного, стекло разбилось. И мне и шоферу лица порезало.

— Доктора треба!

— Где я, тетя Лиза, доктора найду? Да и страшного ничего нет. Это быстро пройдет. У вас в деревне телефоны есть?

— Не! Не маем мы никакого телефона.

— Плохо! Завтра позвонил бы в город. Ну, ничего. Шофер сообщит кому надо. Пойду, загоню машину во двор.

— Раз нужно, сынок, сходи загони. Шуфель в сенцах возьми, снег от ворот откинешь.

Минут через пятнадцать Носов смог кое-как открыть ворота. Правда, ему пришлось основательно поработать лопатой, отгрести в сторону еще не растаявший плотный снег. Он сел в кабину, осторожно загнал машину во двор, запер ворота и возвратился в дом.

Тетка Лиза хлопотала у стола, и через несколько минут гость толкал за обе щеки еду, спокойно врал старушке, как завела его в эти края судьба.

Хозяйка уложила его спать на широкой деревянной кровати, а сама полезла на большую печь.

Носов чувствовал огромную усталость, однако долго не мог уснуть. Ворочался, слышал, как сопит на печи старуха. «Интересно, где эта темная баба прячет деньги? — подумал он. — Надо достать хотя бы пару червонцев». Носов вспомнил, что не спустил воду из радиатора: «А вдруг мороз ударит? Нет, надо встать». Он поднялся, на ощупь нашел одежду, ботинки, оделся и направился к дверям. Хозяйка спала.

Носов вышел во двор. Он подошел к машине, начал возиться с кранами. Весело зажурчала вода.

Вскоре ночной гость возвратился в дом, снова забрался в постель. На этот раз сон пришел скоро.

Оперативная группа в составе Ветрова, двух других офицеров и кинолога с огромной розыскной

овчаркой прибыла в Осево. Лейтенант поручил одному из сотрудников опросить жителей деревни, а сам вместе с другими работниками милиции поехал к сараю, где были обнаружены шинель и шапка охранника. Первичный осмотр сеновала ничего не дал. Тогда Ветров дал указание кинологу пустить по следу собаку.

Несмотря на то, что прошло немало времени, овчарка уверенно взяла след, и кинолог устремился за ней.

Ветров поручил второму офицеру тщательно осмотреть сеновал, поговорить с людьми. Возможно, кто-нибудь из них видел человека, ночевавшего в сарае. Сам же лейтенант бросился за кинологом. Пес уверенно мчался по следу. Бежали долго. С обоих уже валил пар. Влажные от пота рубашки поприлипали к телу. Но овчарка без усталости держала след. Кто знает, может, преступник где-то здесь за деревом прячется. Еще несколько мгновений, и он будет настигнут. Однако через полтора часа, выбившись из сил, оперативники остановились. Собака потеряла след.

— Видишь, как солнце припекло! — оправдывался кинолог. — Дорогу водой размыло. След пропал, и теперь ничего не поделаешь. — Он спустил собаку с поводка, и та, сделав несколько кругов, возвратилась к хозяину, виновато прижав уши.

Ветров достал из кармана карту, начал изучать ее:

— Смотри, впереди, километрах в двенадцати-пятнадцати, городской поселок. Он наверняка туда направился. Сделаем так: ты возвращаешься обратно и со всеми остальными приезжаешь в этот поселок. А я пойду туда. Встретимся... Да, подожди. Где же мы встретимся? — задержал шаг Ветров.

— Может, там милицейская служба есть? — бросил кинолог.

— Вряд ли. Давай решим так: если есть милиция, то заглянем туда, если нет — остановимся у почты. Почта наверняка должна быть. — И они разошлись.

Ветрову повезло: не прошел он и километра, как его нагнала автомашина. Это был молоковоз. Лейтенант

поднял руку. Водитель сидел в кабине один, охотно согласился подвезти попутчика.

Ветров залез в кабину, и машина, разбрызгивая весенние лужи, медленно поехала дальше. Лейтенант старался понять, куда мог улизнуть Носов, мысленно ставил себя на его место. Почему тот соскочил с поезда, догадаться нетрудно: поезд шел в сторону границы, а там все платформы подвергаются тщательному досмотру. Следовательно, непредвиденная остановка перед закрытым семафором была для него как раз кстати. Куда же он мог податься после ночевки на сеновале? В сторону Бреста? Вряд ли. А может, решил сбить их с толку и возвратился в Минск? Но тогда возникает вопрос: как это сделать? Отправиться обратно на поезде? Допустим. Но тогда зачем уходить так далеко от железной дороги? Ведь переночевать можно было и поближе. Скорее всего он ушел к шоссе. Игорь представил, как Носов бредет по лесу один. Еды нет, денег тоже...

День клонился к вечеру, и в поселок они въехали, когда совсем стемнело. Знал бы лейтенант, что в этот момент из поселка на похищенной машине уезжал Носов!

Ветров, поблагодарив шофера, вышел из молоковоза.

Отделения милиции в поселке не оказалось. Но он выяснил, что здесь живет участковый инспектор. Его дом был совсем рядом – там, где сошел с машины оперативный работник.

Ветров постучал в дверь. На крыльцо вышла женщина средних лет.

– Здравствуйте! Участковый инспектор здесь живет?

– Да, здесь. Но его сейчас нет. А вы по какому делу?

Было видно, что хозяйке часто приходится замещать мужа.

– Я из уголовного розыска. Хотел поговорить с ним.

– Проходите, пожалуйста, в дом. Мы его быстро вызовем. Он сейчас на опорном пункте – дружинников инструктирует.

– Неудобно вас беспокоить. Расскажите лучше, как пройти к опорному пункту.

– Смотрите, как вам будет удобней, – ответила женщина и подробно объяснила, где находится опорный пункт.

Ветров быстрым шагом направился туда. Надо было успеть на инструктаж дружинников. И он успел.

Когда лейтенант вошел в служебное помещение, инструктаж уже начался. Участковый инспектор, рослый, мощного сложения мужчина лет пятидесяти, капитан, говорил медленно, четко выговаривая каждое слово. Увидев Ветрова, он на мгновение прервал инструктаж и обратился к нему:

– Вы ко мне?

– Да, к вам, – ответил Ветров и протянул участковому служебное удостоверение. – Если не возражаете, я тоже скажу несколько слов.

– Да, да, пожалуйста.

Ветров сообщил дружинникам – а их в помещении собралось человек двадцать – приметы Носова, предупредил, что он вооружен, очень опасен, рассказал, как действовать, если придется с ним встретиться.

Дружинники разошлись на дежурство. Лейтенант и участковый, оставив дежурить в штабе трех человек, вышли на улицу. Они решили пройтись по местам, где вероятнее всего мог появиться Носов.

– Пожрать же он захочет, – заметил капитан. – Значит, пойдет к центру. Там чайная.

Они пришли на центральную площадь поселка в тот самый момент, когда сюда въехал «козел», в котором находились все остальные товарищи Ветрова. Игорь Николаевич остановил их, а участковый направился к чайной. Он подошел к группе людей. Между ними шла оживленная беседа. Оказалось, что кто-то угнал автомашину. Участковый быстро возвратился к Ветрову. Было решено, что в первую очередь надо оповестить посты ГАИ. Снова пришлось сесть в «козла» и ехать в опорный пункт.

Участковый инспектор связался с районным отделом милиции, сообщил номер и марку угнанной маши-

ны, рассказал, что за рулем может оказаться опасный преступник. Положив телефонную трубку, капитан обратился к Ветрову:

– Ориентировку и фото Носова они уже получили. Посты ГАИ предупреждены. Что будем делать дальше?

– Берите нашу машину. – Лейтенант подумал и добавил: – Да и товарищей наших возьмите. Проедьте по поселку, проверьте места, где он может появиться, а я свяжусь со своими.

Участковый закрыл дверь. Вместе с ним вышли и другие сотрудники. Ветров по телефону связался с Минском, коротко доложил начальнику отдела обстановку. Тот посоветовал, что можно еще предпринять, и приказал: «Если будет установлено, в каком направлении уехал Носов, организуйте его преследование. Если нет – возвращайтесь в Минск».

Носов проснулся поздно. В печке уже давно весело трещали дрова. Хозяйка пекла блины, готовила угощение гостю. Увидев, что он проснулся, весело спросила:

– Что, на деревенской кровати хорошо спится?

– Точно, тетя Лиза. Доброе утро!

– Доброе, доброе! Вставай, сынок, умывайся, я тебя блинцами почастую.

Носов встал, вымыл руки под стареньким железным умывальником. До лица – не дотронуться. Хозяйка взглянула и ахнула:

– А сыночек ты мой! Что же это с твоим лицом делается? Гноится начинает! Доктора нужно быстрее.

– Где того доктора найти? – махнул рукой Носов. – Ничего. Пройдет.

– Доктора у нас действительно нет. Но я к соседке подскочу. Она любую трасцу вылечит.

Хозяйка набросила на плечи старенький, в заплатках полушубок и вышла из дома.

Вскоре она вернулась с немолодой уже женщиной. Появилась какая-то потрепанная картонка, должно быть, из-под обуви, заполненная всевозможными пузырьками, склянками, клочками ваты, бинтами.

Женщина промыла лицо перекисью водорода, смазала раны какой-то мазью. Пациенту стало легче, и он с аппетитом позавтракал.

Выбрав момент, когда хозяйка пошла в хлев кормить скот, Носов тщательно осмотрел комнату. Он попытался найти тайник, где хозяйка хранит деньги, но не нашел. Скрипнув зубами и грязно выругавшись, сел на широкую деревянную скамью, начал размышлять: «Время тянуть опасно, хотя шансов на то, что сюда, в эту глухомань, за мной кто-то придет, мало. Но все-таки угроза есть. Стало быть, надо отсюда обрываться. Но куда?»

Вдруг Носов вспомнил, что на сеновале остались шинель и шапка охранника. «Если найдут, могут и догадаться, что это я оставил, – рассуждал он, – начнут родственников расспрашивать, не живет ли в этой стороне кто-нибудь из моих знакомых. Те, конечно, вспомнят тетку Лизу. Нет, надо рвать немедленно. Но где старуха деньги прячет?»

Носов снова начал обшаривать дом. Слазил на печь – ничего. Осмотрел кровать, заглянул под стол, проверил незатейливый подвесной кухонный шкафчик – результат тот же. «Ведь не будет же эта старая хлюндра прятать деньги в сарае или снях, – думал он. – Отсыреют, сгниют. А где еще прикажете искать? Конечно, в доме. И только в доме. Но все-таки где?» И вдруг его взгляд скользнул по иконе. Он сделал резкое движение в угол, засунул руку за икону, вытащил оттуда какой-то запыленный, обтянутый паутиной пакет.

«Кажется, то, что требуется?» – обрадовался Носов, лихорадочно развязывая тесемочку. Мигом развернув плотную бумагу, он извлек пачку денежных купюр, завернутую в ветхую холщовую тряпицу. Деньги тут же были пересчитаны: оказалось ровно шестьсот ру-

блей. «Так вот где ты спрячешь свои сбережения! У бога за пазухой, – мысленно рассмеялся Носов. – От меня, чертова перечница, ничего не скроешь! Из-под земли достану».

Быстро придав пакету первоначальный вид, он снова засунул его за икону, деньги положил во внутренний карман пиджака и подошел к окошку: «Порядок! На первое время хватит». Его мысли перекинулись на Горанскую: «Вот бы ее заначку к рукам прибрать! Тогда можно пожить...»

Носов нисколько не сомневался, что работники милиции и прокуратуры не найдут деньги и облигации Горанской. Она их прятала тщательно и хитро. Только огромное упорство помогло ему выяснить, где находится тайник. Но чтобы забраться в него, надо возвращаться в квартиру. «Ничего! Возвратимся и заберем! – прикинул в уме воспрянувший духом Носов. – Надо полагать, что недели две моя бывшая квартира будет еще пустовать. Значит, время есть». И Носов начал думать, что делать сейчас, как отделаться от тетки Лизы. Нет, он не считал себя трусом или глупцом, осмысливал каждый свой шаг, а когда в дом вошла хозяйка, у него уже созрел вполне определенный план. Чтобы не вызвать у хозяйки подозрений, он решил отсидеться у нее до воскресенья, а затем потихоньку убраться.

День прошел спокойно. Только вечером, как бы в раздумье, Носов сказал:

– Если до утра за мной не приедут, то отправлюсь сам. Надоедаю вам, дорогая тетушка.

– Что ты, Женя? Мне с тобою хорошо, хоть поговорить есть с кем, – запротестовала старушка. – Как же ты на людях покажешься?

– Ничего, тетя Лиза, покажусь. В понедельник надо быть на работе.

Хозяйка больше спорить не стала, подала ужин, начала расспрашивать гостя о родственниках. А Носов, как ни в чем не бывало, залпом опорожнив стакан крепкого самогона, пододвинул поближе блюдо с за-

кусой, начал рассказ. Молол, что взбредет в голову, рисовал картины полного семейного благополучия, говорил о прелестях городской жизни и много о чем другом. Бутыль со спиртным незаметно опорожнилась. От обильного возлияния и сытной еды его малопомалу разморило. С трудом оторвавшись от стола, он пошел к постели.

Проснулся Носов, как и накануне, поздно. Встал, позавтракал, начал собираться в дорогу.

Хозяйка завернула ему несколько кусков сала, три круга крестьянской колбасы:

– Возьми, сынок. Приедешь в город – домашних крестьянскими присмаками почастуешь. Может, картошки пару мешков на машину ускинешь?

– Спасибо, тетя Лиза! Есть у нас картошка, – нарочито подобострастно поблагодарил Носов, принимая из ее рук узелок с колбасой и салом.

– А как же ты поедешь без стекла, да в таком легком пальто? – не дождавшись ответа, она зашла за печку и вынесла овчинный полушубок. – Возьми. Наденешь – теплей будет.

Носов манерно поблагодарил еще раз и направился к грузовику.

За деревней остановил машину, натянул на себя полушубок, поднял воротник. «Так можно хоть на север», – пробормотал он и тронул с места машину.

Через час ему удалось выбраться на главную магистраль. Носов помнил, что где-то впереди должно быть озеро. Оно-то и было намечено для осуществления задуманного им плана. И действительно через несколько сот метров открылся вид на озеро. В этом месте дорога пролежала вдоль крутого обрыва. Грузовик остановился. Носов вышел из кабины, внимательно осмотрелся, подошел к самому краю крутизны, поднял камень и швырнул на лед, который уже успел потемнеть от внешней воды. Камень два-три раза подпрыгнул, плюхнулся в полынью, оставленную работниками местного рыбхоза после последнего лова. «Вот здесь, пожалуй, и спикируем», – по-

думал Носов, возвращаясь к машине. Он достал из кабины узел с продуктами, снял с себя полушубок, сложил все это возле кювета на противоположной стороне автомагистрали. Ему осталось только сесть в кабину, включить заднюю скорость, немного отъехать в обратном направлении. Прodelав это, Носов остановил грузовик, быстро влез в кузов, еще раз внимательно осмотрел окрестность – ни души. Снова сел за руль. На предельных оборотах загудел мотор. Включена первая, вторая, третья передача. Машина, набирая скорость, неслась вперед. Носов открыл дверцу кабины, удерживая одной рукой баранку, поставил левую ногу на подножку, правая нажимала на акселератор. Когда машина оказалась напротив обрыва, Носов, резко повернув руль, прыгнул в рыхлый снег. Машина полетела под обрыв, с грохотом ударилась о лед и скрылась в черной воде. Наступила тишина. Только обломки льда, кое-какие детали от машины да пустая бочка, вылетевшая из кузова, – вот все, что осталось на месте падения грузовика. Носов взял полушубок, хотел спуститься вниз, но передумал: на глубоком снегу останутся следы.

Он свернул подарок тети Лизы и, сильно размахнувшись, бросил его вниз. Полушубок мягко распластался на льду недалеко от полыньи, где скрылась машина. Подумал: «Ну вот и все! Ищите теперь Носова – там, на дне». Он подхватил узел с продуктами и упругой походкой зашагал по шоссе...

Игнатович внимательно слушал, что-то чертил на листке бумаги, лежащем перед ним, следовательно прокуратуры Савич покачивался на стуле. Стул поначалу слегка поскрипывал, потом начал подозрительно трещать.

Ветров докладывал о своей поездке, поясняя в деталях, что удалось обнаружить на месте ночлега Носова. В заключение лейтенант сообщил:

– Для нас важно выяснить, в каком направлении двинулся Носов. Я сегодня был у родителей жены Носова. Обстановка там – сами знаете, какая. Спраши-

вал, есть ли у него в том направлении родственники или знакомые. Уверяют, что нет. Правда, они вспомнили о какой-то дальней родственнице, но тут же заявили, что Носов ее не знает. Я, на всякий случай, записал адрес.

– Почему ты уверен, что он поехал именно в том направлении? – спросил Савич.

– В Минск вряд ли поедет. Знает, что здесь его ищут. Если верить двоим из чайной, у которых он схватил хлеб, то кое-что становится понятным. С изуродованной физиономией он далеко не двинется. Среди людей показываться тоже невозможно. А коль хлеб со стола сгреб, то наверняка денег нет. Следовательно, с таким лицом, без денег, без документов – куда податься? Считаю, что есть только два выхода: где-то отсидеться, выждав, пока заживет лицо, или же, прибегнув к оружию, добыть деньги. Но патронов всего один барабан. Значит, наган он побережет только на крайний случай. И если у него есть знакомство с этой родственницей, то может поехать к ней. Здесь двойной смысл. Во-первых, никто из нас не подумает, что он прячется у человека, родственники которого оказались жертвами тягчайшего преступления. Во-вторых, не надо рисковать и колесить на разыскиваемой машине. Родственница проживает сравнительно недалеко, в глухой деревушке, и он успеет доехать туда еще до начала активного розыска машины. Короче говоря, Олег Иванович, разрешите, завтра я махну туда. Чует сердце, надо съездить в эту деревню.

Игнатович спросил, обращаясь к Савичу:

– Твое мнение, Владимир Николаевич?

– Думаю, что съездить к родственнице будет не лишним. Вчера я проверил сберкассы. Горанская денег там не держала, а они у нее были. Об этом говорят и родственники и ее квартирантка. Значит, деньги хранила дома, и Носов мог знать, где хранила. Надо полагать, что он не успел их взять и может попытаться захватить добычу чуть попозже. Если найдем ее тайник – надо организовать засаду.

– Засаду-то мы устроим. Только как найти тайник? – грустно улыбнулся Игнатович и поднялся из-за стола.

– Хорошо, Игорь Николаевич, поезжай. Места там глухие. Бери мою машину. Завтра же отправляйся. А пока вместе с Басовым поработайте с соседями Носова. Может, еще какие-нибудь связи установите...

Милицейский «газик», разбрызгивая воду по сторонам, мчался вперед. Ветров и Басов сидели на заднем сиденье и, чтобы скоротать время, играли в «морской бой». Сидели каждый в своем углу, пряча друг от друга листки бумаги с расставленными на них «боевыми кораблями».

Ветров, который удачно «потопил» несколько «кораблей» Басова, смеялся:

– Тоже мне, адмирал! Дай тебе настоящий флот – сразу весь угробишь.

– Ничего, ничего, Нахимов! – отбивался Басов. – Все еще впереди.

Но «морское сражение» пришлось прекратить. Впереди, прямо на дороге, толпились люди. На обочинах, по обеим сторонам дороги, стояли несколько грузовых автомашин. Люди смотрели вниз, под обрыв, на озеро.

«Что-то случилось», – подумал Ветров и приказал водителю остановить машину.

Когда они подошли к стоявшим у обрыва людям, посмотрели вниз, то увидели большую полынью. Там плавали канистра и обломки досок. На льду валялись бочка и какой-то полушубок.

Ветров громко спросил:

– Что случилось?

Пожилой мужчина в ватнике пояснил:

– Да вот смотрим... Водитель, должно быть, зевка дал, свалился в озеро. Смотрите: и следы от машины ведут туда же.

– Вы, пожалуй, правы, – согласился Ветров и спросил: – Что предприняли?

– Что здесь предпримешь! Если водитель там – ему уж не поможешь. Послали машину в райцентр. Сообщат в милицию.

– Нужны водолазы и кран, – предложил Басов, но его перебил Ветров:

– Догадаются без нас, – и тут же обратился к публике: – Никто не видел, как машина летела под обрыв?

– Нет, такого не видели.

«Что делать?» – думал лейтенант. – Оставаться здесь до приезда местных работников милиции – много времени потеряем».

Он отозвал в сторону Басова:

– Оставайся здесь. Дождись наших. Кто знает, может, это с Носовым связано. А я съезжу в деревню. Часа за полтора-два обернусь.

Басов, молча кивнув головой, направился к обрыву. Ветров сел в машину и поехал дальше.

Минут через сорок «газик» был в деревне. Ветров внимательно присматривался к каждому дому: нет ли во дворе угнанного грузовика. Увидев трех мальчишек, попросил водителя остановиться и подошел к ним. Ребятишки дружно показали хату, которую искал Ветров.

Лейтенант вошел во двор, и сердце учащенно забилося: на снегу четко отпечатались следы колес грузовой автомашины. «Неужели Носов?» – подумал он, когда подошел к дверям, быстро достал из кобуры пистолет, положил в правый карман пальто, постучал в дверь. «Если Носов здесь, – предположил Ветров, – то сразу стрелять не будет, на мне не написано, что я из милиции».

За дверью послышались шаги. На пороге появилась старушка.

– Здравствуйте, бабушка! Разрешите войти?

– Здравствуй! День добрый, человеку ласковый! Заходи в хату.

Ветров понимал, что надо в первую очередь узнать, нет ли в доме Носова, а потом начинать разговор. Быстро прошел в дом и, только убедившись, что Носова нет, начал разговор:

– Вы помните Носова Евгения Васильевича?

– А почему же мне не помнить, если он только вчера тут был?

Ветров чуть не подпрыгнул:

– Как вчера? Он что – один был?

– Один. Ждал, ждал, пока вы стекло привезете, да так и не дождался.

– Какое стекло? Вы, бабушка, расскажите все по порядку.

– А вы что, разве не вместе с ним работаете?

Ветров объяснил, кто он и откуда, попросил старушку сообщить все подробности.

Пока тетка Лиза рассказывала, он молча ходил по комнате. Ветров проклинал себя: «Почему же было не приехать в эту деревушку вчера? Зачем старушка потребовалась Носову? Если намеревался укрыться, то почему так быстро уехал?»

– Бабушка, он ничего не просил?

– Не, ничего.

Лейтенант вспомнил полынью.

– Скажите, пожалуйста, в машине, на которой он приехал, бочка была?

– Не, не видела, ей-богу, не видела. Дала ему в дорогу сала, колбаску крестьянскую да еще кожушок.

– Кожушок, говорите? А какой кожушок?

Хозяйка ответила.

«Точно такой же, как на льду лежит. Неужели он в машине сиганул с обрыва? Надо немедленно ехать туда», – решил лейтенант и на всякий случай спросил:

– А не мог ли он тайком найти у вас деньги, драгоценности или вещь какую-нибудь дорогую?

Старушка улыбнулась:

– Самая большая моя драгоценность в хлеве стоит, сено жует, а самую необходимую в деревне вещь я ему сама отдала. А что касается денег, то скажу тебе, сынок, по правде, есть у меня какая-то копейка – на похороны держу. Но он если и хотел, то не нашел бы!

– В доме Носов один не оставался?

– Оставался. Да ты не волнуйся, сынок. У меня все хорошо. Если не секрет, скажи, что он натворил? Зачем он вам понадобился?

Лейтенант хотел уклониться от ответа, но подумал: «А вдруг Носов возвратится? Нет, – решил он, – надо сказать правду. Тем более что тетя Лиза как-никак родственница погибших».

И Ветров рассказал. Старушка схватилась за голову. Лейтенант, как мог, успокоил ее, посоветовал, как ей действовать, если Носов появится вновь, сел в машину и уехал...

У озера начиналась подготовка к спасательным работам. Прибыли водолазы, два автокрана. Работники милиции перекрыли дорогу, чтобы краны могли спокойно работать, и оттеснили людей подальше.

Когда Ветров подоспел к обрыву, в полынью спустился водолаз. Вот он скрылся в воде, и вслед потянулся шланг для подачи воздуха и страхующая веревка.

Ветров коротко обменялся последними известиями с Басовым и подошел к старшему лейтенанту, который возглавлял группу прибывших работников милиции. Познакомились. Старший лейтенант знал, что разыскивается опасный преступник, и, сплюнув, сказал:

– Может, он с этой машиной и накрылся. Тогда и жалеть не надо. Туда и дорога гаду. Подумать страшно: ни за что ни про что двух женщин убить!

Из воды показался водолаз. Он медленно, с помощью товарищей, влез на лед и, осторожно ступая, подошел к берегу. Ветров, Басов и старший лейтенант, потихоньку пробираясь через снег, спустились вниз. Водолаз, уже без шлема, чертыхнулся:

– Ни зги не видно! Фонарь дальше трех метров не освещает. Глубина большая. Течение внизу сильное.

– Нашел что-нибудь там? – нетерпеливо спросил старший лейтенант.

– Машина стоит на носу. Мотор почти весь в землю влез. Дверцы открыты, людей не видно. Надо брать помощнее фонарь, – обратился он к своему напарнику. Попробую местность вокруг машины осмотреть, но если шофер и был там, то течение наверняка унесло его.

Ветров попросил водолаза посмотреть номер машины, и пока тот снова спускался под воду, лейтенант со своими коллегами исследовал озеро. Оказалось, из него выходила небольшая речушка. Это очень озадачило Ветрова. «Как же теперь узнать, погиб Носов или нет, — рассуждал он. — Искать труп подо льдом бессмысленно. Надо ждать, пока река вскрыется. Но ведь пройдет не менее трех недель. Да, задача сложная. — В душе лейтенанта шевельнулась мысль: — А если это мистификация? Тогда жди беды. Этот тип ни перед чем не остановится».

И вдруг Ветров увидел наверху, у самого обрыва, старушку, у которой недавно был. Она что-то кричала, но слова растворялись в воздухе, и смысл их ускользал. «А вдруг Носов объявился?» Лейтенант начал поспешно подниматься наверх. Запыхавшись от быстрого бега, он остановился перед старухой.

— Что случилось, бабушка?

— И-и, родненький! — запричитала тетя Лиза. — Ограбил меня, обворовал, бандит недорезанный. Посмотри только, что придумал, пройдисвет проклятый! — и старушка развернула перед Ветровым сверток, из которого Носов извлек деньги.

Люди перестали наблюдать за спасательными работами, подошли поближе к старушке. Но она, ни на кого не обращая внимания, продолжала причитать:

— Где он? Куда убежал? Чтоб тебя нечистая сила схватила, как ты мои денежки схватил! Людцы мои добрые, помогите...

Кто-то из мужиков, желая успокоить старушку и, очевидно, догадавшись, что произошло, сказал:

— Не кричи, старая. Пошел он под лед вместе с твоими деньгами и машиной... утонул... Вот сейчас доставать будут.

Тетя Лиза растерянно взглянула на Ветрова:

— Как это — утонул?

Ветров, не отвечая на вопрос, спросил:

— А как вы узнали, что я здесь?

— Я в район поехала, в милицию заявлять. Глянула — машина такая же, на какой и вы приезжали. Я — к

шоферу. Он говорит, что вы тут должны быть. Вот я и нашла. Дайте рады! Помогите старой. Заберите у него мои рублики.

И старуха опять запричитала.

В этот момент снова вынырнул водолаз, что-то сказал своему напарнику. Тот подал знак рукой крановщику. Зарокотал мотор автокрана. Вниз начал опускаться трос. Водолаз взял большой крюк, снова исчез в полынье. На сей раз он пробыл под водой не больше минуты и вынырнул на поверхность. Ему помогли вылезть на лед, сняли шлем, и все, кто находился у полыньи, отошли в сторону. Сильнее загудел автокран. По тому, как напрягся трос, было видно, что наверх тянется тяжелый груз. И вот из воды показался задний борт кузова. Четко обозначился номерной знак машины, угнанной Носовым. Крановщик застопорил лебедку: очевидно, побоялся допустить большие перегрузки и задержал машину в воде. К обрыву подошел второй кран. Вниз начал опускаться еще один трос. Через минуту-другую оба крана заработали синхронно, подняли машину над шоссе, на секунду замерли и постепенно опустили ее. Она коснулась дороги сначала носом, затем передними колесами, наконец встала на все четыре колеса.

— Ювелирная работа! — похвалил крановщиков Ветров и направился к машине. С другой стороны к ней подходили Басов, старший лейтенант, а также водолаз, его напарник — оба уже без своих доспехов. Тетя Лиза тоже присоединилась к этой группе. Лейтенант заглянул в кабину, но ничего интересного не нашел.

Старушка, словно не веря Ветрову, в свою очередь внимательно обследовала кабину.

— А где Женька?

— Знаете, — улыбнулся водолаз, — его и на дне нет.

— Может, ты плохо смотрел? Слазь, сынок, еще разок зирни...

— Что вы, бабушка, я хорошо посмотрел, нет его там.

— А денег там нету? — спросила она, подозрительно взглянув на водолаза.

– Какие были у вас купюры? – с улыбкой спросил водолаз.

– Чего-чего? – не поняла бабка.

– Я спрашиваю, деньги какими бумажками были?

– Были двадцатьпятки, десятки, пятерки...

– Нет, бабка, таких я там не видал, – заявил под хохот присутствующих водолаз.

Ветров, как мог, успокоил старушку и отвел старшего лейтенанта в сторону:

– Вижу, делать нам больше нечего. Поеду советоваться со своими...

Положение осложнялось. Лица Игнатовича, следователя прокуратуры Савича и Ветрова были хмурыми. Перед ними возникли большие затруднения. Розыск такого опасного преступника – убийцы, каким являлся Носов, требовал значительных материальных затрат, большого количества сотрудников милиции. Если Носов действительно утонул, то тогда вся работа, проводимая по его задержанию, не имела смысла. И вот сегодня предстояло принять окончательное решение. Савич спросил:

– Нельзя ли каким-либо способом осмотреть озеро и реку?

– Почти невозможно, – ответил Ветров. – Во-первых, трудно определить, какой участок реки надо исследовать. Труп могло уже унести по течению за многие километры, и в то же время не исключается, что он зацепился где-то поблизости, скажем, за корягу или застрял в водорослях. Правда, кое-где река свободна ото льда, и я распорядился, чтобы в этих местах были поставлены сети. Короче говоря, в сложившихся обстоятельствах надо ждать, пока озеро и река освободятся ото льда.

– А если Носов жив-здоров? – высказал предположение Игнатович. – Мы будем искать его в озере, в реке, а он тем временем задаст нам работенки где-нибудь в другом месте.

– Конечно, – согласился Ветров. – Тем более нельзя забывать, что мы имеем дело с хитрым, умным, беспо-

щадным преступником. Кому-кому, а ему терять нечего. Он понимает, что его наверняка ждет высшая мера наказания, и не остановится ни перед чем.

– Тем более оружие имеет, – поддержал Савич.

Опять замолчали. Каждый думал, как лучше организовать розыск.

Паузу прервал Игнатович:

– Решим так: искать труп в воде, по мере возможности, будем, но отменять поимку Носова тоже не станем. Слишком опасная фигура, нельзя рисковать. Согласен, Владимир Николаевич?

– Согласен, – решительно ответил Савич...

Носов пребывал в отличном настроении. Еще бы! Роль «утопленника» разыграна превосходно, как в лучшем приключенческом фильме. Сейчас он, где на попутных машинах, а где и пешком, обходя лесами и полями посты госавтоинспекции, убегал все дальше от того места, где лежал заброшенный им в озеро грузовик.

К исходу третьего дня Носов появился в небольшом районном городе. Он не хотел уходить далеко от Минска. В голове глубоко засела мысль о деньгах и облигациях, которые положила в тайник Горанская. Сумма была крупная, даже очень крупная. Завладей ею – и живи припеваючи, в полное удовольствие. Поэтому и решил, чего бы это ни стоило, проникнуть в тайник. А пока надо было выжидать, заживлять раны на лице.

Здесь, в этом городе, Носов надеялся найти место, чтобы продержаться с недельку, а потом попытаться прорываться в Минск. «Сейчас главное, – думал он, – найти ночлег». Как это делается, рассказывать ему не требовалось. Он подошел к магазину, внимательно осмотрел нескольких сомнительных типов, крутившихся недалеко от входа, приблизился к одному из них, небрежно бросил:

– Привет! Ну что, по рублику?

Тощий, с испитым лицом мужчина виновато улыбнулся:

– Нет у меня ни хрена, мать честная, – и просительно добавил: – Может, возьмешь в долг бутылку «чернила»? – Он заговорщически подмигнул: – У меня здесь продавщица знакомая. Сделает по блату бутылку дешевого «чернила», мать честная, всего один рупь семь коп. Возьми, а? Завтра я возьму. Ей-богу!

Носов сделал вид, что колеблется, а затем, вроде решившись, махнул рукой:

– Ладно, давай! – Он нарочито небрежно достал из кармана несколько купюр, при виде которых у мужчины загорелись глаза. Носов протянул два рубля: – На, возьми. Только сдачу не забудь.

Схватив дрожащими руками деньги, любитель дешевых «чернил» стремглав бросился в магазин.

Через окно Носов наблюдал, как выпивоха подошел к продавщице, как та улыбнулась ему, взяла деньги, достала из-под прилавка бутылку вина.

Через минуту мужчина вышел из магазина. Они отошли подальше, остановились за небольшим газетным киоском, на дверях которого висел большой замок.

– Давай сдачу! – потребовал Носов.

Мужчина молча протянул ему мелочь и сразу же начал открывать бутылку.

Первым пил Носов, а мужчина жадными глазами следил за ним, боясь, что тот выпьет больше половины. Пересиливая себя, Носов сделал несколько глотков и протянул бутылку своему новому знакомому. Тот отпил несколько глотков, причмокнул языком и с видом знатока заявил:

– Ишь ты, какой продукт хороший, мать честная! Стоит рубль семь, а пьется, как за рубль двадцать две, мать честная. – Он снова приложился к бутылке, мгновенно осушил ее, а пустую посудину сунул в карман. – На душе легче стало. Жаль, что мало, мать честная.

– Как тебя зовут? – спросил Носов.

– Алексеем. А тебя как?

– Женькой.

– Слушай, мать честная, – загорелся Алексей, – а может, за знакомство еще одну раздавим? Ей-богу, честное слово, клянусь, в следующий раз я угощаю.

– Можно было бы и не одну раздавить, – будто раздумывая, сказал Носов. – Но мне еще надо найти, где переночевать.

– Слушай, Женька. Идем ко мне, мать честная. Живу один. Правда, бывшая жена торчит за стенкой. Но она не вмешивается в мои дела, мать честная.

Носову этого только и надо было. Он с минуту, для видимости, поколебался и решительно махнул рукой:

– Ладно, пошли.

Они заглянули в магазин, купили вина, закуски и направились к дому Алексея. Оказалось, что он живет в небольшом деревянном домишке, в грязной, запущенной комнате. Стояла кровать, угол занимало что-то похожее на топчан. Алексей и Носов сели за неубранный стол, выпили.

– Твоя женка что – там живет? – кивнул в сторону перегородки Носов.

– Да, но ты не беспокойся. Она сюда носа не сунет, мать честная.

– Из-за чего разошлись?

– Понимаешь, – начал философствовать Алексей, – не нравилось ей, мать честная, что у меня много друзей. Если, бывало, выпью, мать честная, так она как кобра на меня набрасывалась. – Алексей основательно окосел. Его потянуло на «светские» разговоры. Он глубокомысленно изрек: – Знаешь, если жена молода и больна – это несчастье, мать честная. А вот если жена в годах да здорова – это трагедия. В общем, мучился, мучился с ней и разошелся, мать честная.

– Кто на развод подавал?

– Она, конечно. Ей же, суке, мать честная, мужик нужен, а я что, мать честная. Выпить люблю. Я человек скромный, мне лишнего ничего не надо, мать честная.

– Да, скромно ты живешь, – сказал Носов, подымаясь из-за стола.

– Живу, как бильярдный шар, мать честная, – со слезой в голосе проговорил Алексей и, положив голову на руки, добавил: – Толкают меня с разных сторон и хотят в лузу загнать, мать честная.

– Что за ерунда – за каждым словом «мать честная» да «мать честная»! Слов не хватает, что ли?

– Э-э-э, друг! То не вина – беда моя. Старая болезнь. Еще с детства. Нахватався всяких набожных слов. Бывало, как начну молиться – и в бабушку, и в матушку, и в Иисуса Христа, и в тридцать три бога – чертям тошно становилось. Нравилось, мать честная! Ну, а батя почему-то не разделял моих восторгов. Услышит эти молитвы да вот такие небесные возгласы, и тут же, как говорится, оргвыводы следуют. Драл беспощадно, мать честная. Правда, больше по филейным местам попадало. Но, сам понимаешь, сыromятным ремнем лупил. Другой раз так разрисует полушария, что целую неделю чувствуется. Сесть невозможно. Волей-неволей пришлось отвыкать от набожных речей. Начал постепенно заменять их на «мать честная». С тех пор и привилась эта болезнь. Не могу никак избавиться. Хоть плачь!

– Что и говорить, – посочувствовал Носов. – А ты работаешь?

– Конечно. За что бы я алименты этой стерве платил, мать честная.

«Конечно, место не люкс, – размышлял Носов. – Но у этого пьянчужки несколько дней пожить можно». Он подошел к Алексею и сказал:

– Я на топчане спать буду, а ты в кровать ложись.

Носов достал из кармана наган, деньги, завернул их в носовой платок, положил под подушку. «Береженого бог бережет», – чуть слышно пробормотал он, укладываясь на правый бок.

Спал он в эту ночь спокойно...

Гость проснулся, но вставать не спешил. Глянул на часы – половина седьмого утра. Он начал анализировать события вчерашнего дня. «Вроде все получилось неплохо, – рассуждал Носов. – Удачно нашел место, где

можно остановиться. У этого Алексея, соблюдая определенную осторожность, проживу некоторое время как у Христа за пазухой. Но что делать дальше? – задумался Носов и сам себе ответил: – В первую очередь шмотки надо сменить. Пообтерлись изрядно, да и во всех сообщениях о моем розыске, надо полагать, фигурируют. Деньги пока есть, пойду в универмаг и куплю».

Проснулся Алексей, промычал что-то нечленораздельное, бессмысленными глазами уставился на Носова. Тот улыбнулся:

– Что – не узнаешь?

– Узнаю, мать честная! Доброе утро. Здорово мы вчера «начернилились». Голова разваливается. Опохмелиться бы, мать честная,

– Тебе же на работу.

– Так-то так. Но кружку пива не мешало бы, мать честная, – проворчал Алексей и начал одеваться.

Носов тоже встал. Они вышли на улицу и направились в столовую. До нее оставалось пройти метров сорока. Когда вошли, Носов обвел взглядом почти пустые стеллажи для готовых блюд и сказал:

– Да, ты прав. Кроме пива, здесь толкового ничего не найдешь.

Они выпили по кружке пива, закусили винегретом, вкрутую сваренными яйцами и вышли на улицу. То, что за завтрак платил Носов, полностью подкупило Алексея. Он протянул Носову ключ:

– Иди досыпай. Приду только к вечеру, мать честная.

– Хорошо, приготовлю что-нибудь к ужину, а пока пройду по городу.

И они разошлись. Было еще рано, и Носов, сделав небольшую прогулку по городу, возвратился в дом Алексея. Решил поспать еще часика два, затем обзреть магазины. Лег в постель не раздеваясь, пролежал немного, но сон не шел. Тревожило будущее. Что ждет его впереди? Одно ему было ясно: придется жить в постоянных тревогах, волнениях, страхах. Безрадостная перспектива. Но другого теперь ничего нет. Надо

приспособливаться. Странно, однако Носов ловил себя на мысли, что к такой жизни он уже давно готов. Вот и сейчас его мозг сверлил вопрос, как добыть какие-нибудь документы. «Самое лучшее, – рассуждал он, – это, конечно, паспорт. Только где взять?»

Сильно задумался Носов. Он даже не заметил, как минутная стрелка обошла несколько кругов. Встал и вышел на улицу. Весна брала свое. Снег на городских улицах почти сошел. Солнце пригревало все сильнее. «Ничего, скоро лето наступит. Будет легче». Он обратился к проходившей мимо старушке:

– Скажите, пожалуйста, как пройти к главному универмагу?

Старушка испуганно взглянула на его лицо, молча показала, в какую сторону надо идти. Ее поведение сильно насторожило Носова: «Черт побери! Совсем о морде забыл! На меня каждый легавый зенки пялить будет. Надо поосторожней».

Теперь он шел по улице, напряженно посматривая вперед и по сторонам. Решил: если увидит милиционера, будет обходить его стороной.

Пробираясь мимо одного дома, он обратил внимание на вывеску. Сообщалось, что здесь находится паспортный стол домоуправления. У Носова от радости заблестели глаза. «Идея!» Он даже приостановился, но, поразмыслив, пошел дальше. Вот и универмаг. Носов внимательно осмотрелся – не видно ли милиционера, – быстро вошел внутрь. Народу было много. Это несколько успокоило его. Он подошел к отделу мужской одежды, понимающим взглядом окинул товар, выбрал пальто из ткани «болонья». «В случае чего, – думал он, – заменит и плащ». Примерил наскоро костюм, заплатил за все вещи и быстро вышел из универмага. С двумя свертками в руках заезжий покупатель зашел по дороге в гастроном, купил три бутылки водки, набрал закуски и возвратился на «свою» квартиру.

Носов пересчитал деньги. Осталось менее трехсот рублей. «Пока хватит, – размышлял он. – Когда возьму тетчины, можно будет не беспокоиться». Тут же

вспомнилось домоуправление. «В общем-то, подходящее учреждение. Только не это. Подобная конторка должна располагаться подальше от милиции и пожарной. Нужно обязательно сделать паспорт».

У Носова почти определился окончательный план. Он решил выбрать домоуправление на отшибе, в отдельном деревянном доме. Сторожей в таких учреждениях, как правило, не бывает, действовать можно спокойно. Там он постарается выбрать паспорт, по возможности со штампом выписки, а дом подожжет. «Если сгорит домоуправление, – рассчитывал он, – никто не догадается, что один паспорт похищен, на пожар все можно списать».

Носов выпил стакан водки, поел и лег спать. Проснулся от стука в окно. Пришел Алексей. Гость встал, открыл дверь. При виде водки Алексей радостно потер руки.

– Молодец, Женя! Иду и мучаюсь – так выпить хочется, мать честная!

Носов налил полный стакан:

– Выпей, закуси. Хочу пройти с тобой по магазинам.

Алексея уговаривать не пришлось. Уже через полчаса заплетающимся языком он уверял, что готов выполнить любое задание. Они оделись и вышли на улицу. Носов подошел к киоску, купил телефонный справочник. Открыл страницу, где находились адреса и номера телефонов домоуправлений. Он называл Алексею улицы, тот пояснял, где они расположены. Носов отметил для себя два, наиболее отдаленных домоуправления, решил дожидаться темноты, посмотреть их. Затем зашли в магазин. Носов купил пятилитровый полиэтиленовый бидон, плоскогубцы, гвоздодер, электрический фонарик, большую отвертку, все это сложил в дерматиновую сумку, прихваченную в квартире Алексея, и пошли обратно.

Дома распили бутылку водки. Носов, разумеется, отодвигал стакан в сторону, стараясь побольше подливать Алексею, и тот вскоре окосел, свалился на кро-

вать, уснул. Носов вышел на улицу. Теперь представилась возможность осмотреть домоуправления.

Возвратился домой в полночь, довольный. Лег спать. Для него пока дела складывались хорошо. Операцию он наметил на следующую ночь.

Днем, прихватив с собой купленный бидон, Носов сходил на автозаправочную станцию, заполнил его бензином. Затем зашел в магазин, набрал спиртного, закуски, пришел опять домой. Алексея спойть после того, как тот пришел с работы, особого труда не составляло. Часам к одиннадцати вечера отвергнутый муж спал непробудным сном.

В полночь Носов, прихватив сумку, вышел на улицу. Он долго пробирался вдоль заборов, наконец приблизился к строению, которое высмотрел вчера вечером. Здесь размещалось домоуправление. Носов обошел вокруг дома – никого. Поднялся по ступенькам крыльца к дверям, заложил гвоздодер за замок и сильно дернул. Раздался негромкий лязг, дверь раскрылась.

Носов вошел внутрь помещения, прикрыл за собой дверь, включил фонарик, двинулся дальше. Впереди – две двери. На одной написано: «Управляющий», на другой – «Бухгалтерия». Не останавливаясь, он пошел дальше. Остановился у двери с надписью: «Паспортный стол». С помощью гвоздодера и отвертки минут через пять была открыта и эта дверь. В комнате стояли три стола и небольшой сейф, точнее, не сейф, а простой металлический ящик с висячим замком. Носов удовлетворенно хмыкнул: «Вскрыть подобное хранилище чужих документов не составит труда». Он неторопливо начал осматривать столы. В ящике одного из них лежали три паспорта. Перелистал один, второй, третий – и разочарованно задвинул ящик на прежнее место; эти документы его не устраивали. «Жаль, что придется взломать замок на ящике, – подумал Носов. – Даже после пожара можно будет установить, что он вскрывался. Нет, надо попытаться найти ключ. Не могли же бабы таскать его с собой». Он сел за стол и представил себя на месте паспортистки, прикинул,

куда бы можно было положить ключ. Посмотрел в одном месте, другом и нашел. Ключ лежал в длинной книжечке-алфавите.

Улыбаясь, Носов подошел к металлическому ящику, открыл дверцу и удовлетворенно присвистнул. Здесь лежало около трех десятков паспортов. Пристроив в выдвижном ящике стола фонарик так, чтобы не очень распространялся свет, он начал внимательно просматривать документы.

Носов взял три паспорта, а остальные положил обратно в ящик, закрыл его, а ключ сунул в алфавит, после чего еще раз пересмотрел оставленные три паспорта. В двух паспортах стояли штампы о выписке, один о прописке. «Вполне годятся», – подумал Носов и положил паспорта в карман. Затем он начал по-хозяйски осматривать помещение. Увидел электрический чайник, ухмыльнулся, включил его в сеть. Достал из сумки бидон с бензином, начал поливать пол, мебель, подоконник, стены. Подошел к металлическому ящику, полил и его, стараясь, чтобы жидкость затекла внутрь через неплотно закрытую дверцу. Держа в левой руке включенный фонарик и дерматиновую сумку, а в правой – бидон, он медленно шел к выходу, поливая стены и пол. Метра за три до выхода он сделал тоненькую бензиновую дорожку. Оторвал лоскут от тряпки, что лежала у входа в кабинет управляющего домами, достал из своей сумки небольшую палку, обмотал ее этим лоскутом, обильно полил бензином и пошел к выходу. Он хотел поджечь намотанную на палку тряпку, выйдя на улицу, и бросить ее в коридор. «Пока огонь по-настоящему вспыхнет в помещении, – рассуждал он, – можно будет отбежать на приличное расстояние». Но в последний момент подумал: «А вдруг не сгорит полностью, а вдруг обнаружится, что на дверях замок сорван?» Постоял, подумал и все же положил смоченную горючим тряпку на порог так, чтобы она коснулась узенькой бензиновой дорожки, а вырванный пробой поставил на прежнее место и гвоздодером пристукнул его. На всякий случай он

еще раз обошел вокруг строения и, убедившись, что все спокойно, плотно прикрыл дверь домоуправления. Достал из кармана спички, поджег кончик тряпки, видневшейся из-под двери, а сам, схватив сумку с инструментами и пустой бидон, бросился бежать. Заскочив за ближайший угол, на мгновение остановился, перевел дух, выглянул из укрытия. «Горит! Хорошо горит!» – обрадовался Носов и начал быстро удаляться от места происшествия. По дороге домой он выбросил в разных местах инструменты и предварительно пробитый гвоздодером бидон.

Вскоре он тихонько вошел в комнату. Алексей спал. Несмотря на сильное волнение, Носов уснул быстро...

Носов проснулся оттого, что кто-то на него смотрел. Мгновенно все тело вспотело, не открывая глаз, он сунул руку под подушку, но доставать оружие не имело никакого смысла; наган вместе с деньгами был туго завернут в платок. Носов подскочил на топчане. На него смотрел Алексей. Он сидел на кровати, держал в руках брюки, пристально смотрел на Носова.

– Мать честная, чего ты прыгаешь, как сумасшедший?

Носов понял, что никакой опасности нет, пробурчал:

– Сон приснился, будто тигр на меня набросился.

Алексей, настороженно глядя, спросил:

– Слушай, мать честная, чего ты в наш город приперся?

Вопрос застал Носова врасплох. Он с минуту молчал, лихорадочно думал, что ответить.

– Понимаешь, я так же, как и ты, развелся с женой. А она, стерва, на алименты подала. Платить не хочу принципиально.

– Сколько у тебя детей, мать честная?

– Один, пацан пяти лет.

– Может, и не стоит от него прятаться? Ведь пацану жрать надо... – Алексей неожиданно замолчал, увидев, каким звериным взглядом глядел на него Женька. – Ты что так на меня смотришь, мать честная. Я же

так, на свой ум рассуждаю. Поступай, как считаешь нужным.

– Вот это ты, Алеша, правильно заметил, – примитительно сказал Носов. – Каждый живет как хочет. Ну что, выпьем?

– Нет, что ты! С работы в три счета выгонят. Лучше вечером, когда приду. Ты давай спи, а я пошел. Алексей оделся, на скорую руку перекусил и вышел на улицу. Впервые он задумался: «Кто же этот Женька? Сразу видно, что от милиции прячется. Стараются спойть меня. Ясно, что мозги заливают. Нет, здесь что-то не то. Надо от него избавляться, – Алексей вспомнил свирепый взгляд Носова. – Смотрит, как зверь. Еще задушит ночью». Он решил, что придет с работы и под каким-либо предлогом выпроводит своего «квартиранта».

А на работе Алексея ждала тревожная новость. Все только и говорили, что о пожаре. Он сразу же вспомнил, как Носов расспрашивал, где находятся домоуправления, вспомнил и о телефонном справочнике, что лежит теперь в комнате на стуле. Перед мысленным взором Алексея мелькнули бидон, гвоздодер и другие предметы, которые абсолютно не нужны человеку, скрывающемуся от уплаты алиментов. Сердце у него заныло. «Нет, не зря этот мужик спаивает меня! У меня удобно прятаться. Он наверняка поджег домоуправление. Только зачем это ему?» Алексей снова вспомнил о гвоздодере. «Такой штукой тяпнет ночью по башке и пикнуть не успеешь. Нет, надо от него избавляться».

А Носов в этот момент крутился недалеко от пожара. Остановил парня лет шестнадцати, который шел как раз с той стороны.

– Что там сгорело?

– Домишко деревянный, – небрежно махнул рукой парень.

– И здорово обгорел?

– Одни угольки остались.

– Отчего сгорел?

– Кто его знает. Разное говорят: одни – от замыкания проводки, другие – будто пожарные обнаружили, что чайник кто-то забыл выключить.

– Люди в этом доме жили?

– Нет, домоуправление было.

– Наверно, документы погорели? Или, может, в сейфах хранились?

– Все прахом пошло. Даже что в сейфах было, тоже, говорят, сгорело.

Дальнейший разговор для Носова теперь не представлял никакого интереса. Он безразлично махнул рукой. Мелочь, мол, и пошел своей дорогой. Заскочил в магазин, купил пару бутылок водки, закуски и направился в свое логово.

Ободренный удачей, Носов начал уже подумывать о другом. Не попробовать ли ему достать в этом городке денег. Ведь тех, что у него остались, надолго не хватит. Правда, рисковать, лезть в магазин ночью опасно. Но у него есть оружие. «А что, если попробовать инкассатора ненароком выпотрошить? – мелькнула у него мысль. – Надо только изучить, где они забирают больше денег, продумать, как лучше смыться». Носов начал прикидывать возможные варианты. «Конечно, больше всего денег в универмаге, но он расположен в самом центре. От преследователей трудно уходить. Надо подыскать подходящую точку где-нибудь на окраине. А что, если прихватить с собой эту “мать честную”? Вдвоем легче».

Вечером Носов решил прощупать своего хозяина. Он зашел в небольшой магазинчик, купил пару женских тонких чулок, запихнул их в карман, возвратился домой и стал ждать. Алексей пришел как обычно. Носов сразу же уловил, что настроение у того резко изменилось. Рассказав о ночном пожаре, Алексей неожиданно спросил:

– Слушай, мать честная, для чего ты покупал бидон?

Носов растерялся:

– Бидон? Какой бидон? А-а, тот, что мы с тобой покупали? Я его обратно в магазин отнес, забрал два

рубля. Он только для технических нужд годится, а я хотел молоко носить. Мне обязательно молоко пить надо, врачи прописали. Я же с тобой «чернила» да «коленвал» глушу. Но ничего. С завтрашнего дня начнем жить по-новому. Молочко будем попивать, тем более что я хочу попытаться на работу устроиться. Кто знает, может, ты, Алеша, прав. Устроюсь на работу, буду пацану деньги посылать, пусть помнит батьку. Если не выгонишь, то на первых порах у тебя поживу, потом в общежитие переберусь.

А сам подумал: «Смотри, как проверяет, гад смоленый! Нет, такого на “дело” нельзя брать».

Алексей хоть и видел, что петляет по сторонам его новый знакомый, однако великодушно заявил:

– О чем ты говоришь, Женья! Живи, сколько надо.

Они распили бутылку водки, поболтали о том о сем, вышли на улицу прогуляться. Носов, отвлекая Алексея разговорами, старался выбраться на окраину города.

– Слушай, Алексей, где у вас сберкасса? Хотел бы деньги положить. А то таскаю в карманах. Так и потерять можно.

Алексей осмотрелся, ориентируясь, где они находятся.

– Здесь, недалеко. Показать?

– Покажи. Посмотрим, до которого часа работает. Завтра схожу и положу деньги на книжку.

Они прошли один квартал, повернули направо. Сберкасса находилась во втором доме от угла. Здесь же помещалась и почта. Вход в дом был только один. Сберкасса размещалась в комнате налево, почта обособилась напротив – через коридор. «Место что надо! – удовлетворенно подумал Носов. – До окраины рукой подать, а там почти сразу же лес».

– Ты подожди, а я посмотрю, сколько там народу, – попросил он Алексея и быстро вошел в сберкассу. Здесь работали всего лишь две женщины: контролер и кассир. Посетителей было человек пять. Носов все понял с одного взгляда. Он захлопнул дверь и на-

правился в комнату, где размещалась почта. Там тоже работали две женщины. «Подходит. Лучшего места и не сыскать».

Ветров, несмотря на страшную усталость, никак не мог уснуть. Остаток вчерашнего дня и весь сегодняшний прошли в бесплодных поисках Носова.

По указанию Игнатовича, он, а также Басов с помощью местных жителей прочесали близлежащие леса. Оперативные работники побывали во многих деревнях, опросили жителей. Но все оказалось безрезультатным. Правда, один водитель колхозной машины рассказал, что видел, как по дороге, ведущей от озера, где был обнаружен затонувший грузовик, шел мужчина, одетый легко, по-городскому.

Ветрову ничего не оставалось, как предположить, что это и был Носов. Значит, нужно попытаться пройти по предполагаемому маршруту преступника. Сначала лейтенант шагнул на цу с Басовым, но когда дорога разделилась на два направления, дальше пришлось идти поодиночке. Басов направился по дороге, ведущей в сторону Минска, Ветров – по той, что шла к райцентру. По пути лейтенант опрашивал водителей встречных машин, жителей деревень, через которые он проходил, но ничего утешительного не добыл.

Поздно вечером Ветров пришел в районный центр, с помощью дежурного по отделу милиции устроился на ночлег в гостинице. Ноги гудели. Еще бы: без привычки пройти такое расстояние. Но не это беспокоило оперативного работника. Каким-то особым чувством он улавливал, что Носов жив. «Не такой он человек, – думал лейтенант, глядя на освещенный уличным фонарем потолок, – чтобы растеряться и не выпрыгнуть из автомашины, когда она понеслась под уклон. Стало быть, версия о возможном самоубийстве Носова серьезными доводами никак не подкрепляется. Зачем тогда похищать деньги у старушки? Нет, о самоубийстве этот негодяй и не помышлял. А вот создать видимость самоубийства он вполне мог. Тут есть резон. Раз, мол, бухнулся вместе с грузовиком на дно озера,

стало быть, нечего искать. Но куда он мог направиться? В Минск? Вполне возможно. Даже очень возможно. Носов же знает, где лежат сбережения Горанской. Именно из-за них он шел на убийство. Тогда почему он не направился к Минску?» Ветров мысленно представил себе карту местности. Получалось, что Носов не удалялся от Минска, а шел по дуге, сохраняя определенную дистанцию. «А может, он выискивает брешь, наиболее безопасный путь в город? Он же не дурак, понимает, что если мы не поверим в самоубийство и разгадаем мотивы преступления, то наверняка будем ждать его появления со стороны Бреста».

Неожиданно за углом резко загудела пожарная машина. Было слышно, как на пределе ревел мотор, когда она пронеслась мимо окна. Через минуту промчалась вторая и тоже с завыванием сирены. Ветров встал и выглянул в окно. Далеко, наверное, на другом краю города, было видно пламя. Что-то горело. На душе лейтенанта стало беспокойно, и он готов был броситься туда: вдруг нужна какая-нибудь помощь? Но, поостыв, подумал, что он может сделать в гражданской одежде, даже машину не остановишь. А пешком пока доберешься, все будет кончено. Лейтенант не выдержал, вышел в коридор и от дежурного по этажу позвонил в милицию. Представившись, спросил, знает ли сотрудник о пожаре. Дежурный, тот самый, что устранивал Ветрова в гостинице, успокоил его. Загорелось одноэтажное деревянное здание, где размещалось домоуправление. Жертв и раненых нет. О причине пожара говорить рано.

Ветров положил трубку и, успокоенный, пошел к себе в номер. «А вдруг работа Носова? – подумал он, но тут же отогнал эту мысль, упрекнул себя: – Пуганая ворона куста боится».

Знал бы лейтенант, что в эту же минуту ложился спать Носов. Но Ветров, конечно, не знал и быстро уснул. Впрочем, не знал и Носов, что его преследователь, повинувшись чутью оперативника, правильно двигался по следу и уже находится в этом городишке.

Алексей ушел на работу, а Носов позавтракал и направился к сберкассе. Он не торопясь прошел через всю улицу, изучая каждый дом. Вышел к полю. Ставший снег во многих местах оголил землю. «Бежать к лесу придется по мягкой пахоте», – сделал заключение Носов и медленно возвратился к сберегательной кассе. Через окно он увидел, что там было не более трех-четырех посетителей. Заходить в помещение воздержался. Табличка на дверях извещала, что «обед с 14-00 до 15-00».

Возвратившись домой, Носов начал готовиться к нападению. Решил, что действовать будет в своей старой одежде. Вытащил из кармана паспорта, деньги, вложил все это в сверток с новым костюмом. Проверил револьвер – кажется, все в порядке: барабан вращается легко, в каждом гнезде патрон.

Он рассчитывал, что в кассу войдет за несколько минут до закрытия, выждет, пока уйдет последний посетитель, наставит на женщин оружие, и те, как миленькие, отдадут денежки.

Вспомнил, что бежать нужно будет по грязи, а ботинки у него одни. Оделся и сходил в соседний небольшой промтоварный магазин, где еще вчера видел на прилавке обувь. Выбрал себе по размеру ботинки за двадцать три рубля, принес домой. «Теперь, кажется, все готово», – подумал он и стал собираться в путь. Револьвер положил в правый карман пальто, проверил, легко ли он вынимается, взял купленные накануне женские чулки, разрознил пару и отхватил ножом от одного чулка нижнюю половину, а верхнюю натянул на голову – видимость неплохая. Снял эту незатейливую маскировочную принадлежность, положил в левый карман. «Ну вот, теперь, кажется, полный порядок», – мысленно одобрил он свои действия и направился к выходу из квартиры. Замкнул дверь, а ключ сунул под крыльцо, чтобы, не дай бог, не потерять, когда вдруг придется давать драпа.

Носов подошел к домику, где размещались сберкасса и почта, за пятнадцать минут до обеденного пере-

рыва. Проходя мимо, он разглядел через окно, что там остались только один или два посетителя. Решил, что зайдет в кассу минут за семь до закрытия. Еще раз окинул взглядом улицу, и сердце екнуло. Возле одного дома стояла большая машина, из которой три человека выгружали мебель. «Ясно, что за оставшиеся несколько минут, – тревожно думал Носов, – они не разгрузятся и не уедут. Бежать же мимо них, когда сзади будут кричать люди, нельзя. Могут поймать. Что делать?»

Казалось, вся затея рухнула. Однако Носов был преступником особого рода. При любых обстоятельствах он старался не паниковать. Так и сейчас, потеряв на размышление не больше минуты, он бросился к углу: там проходила большая улица, по которой двигался транспорт. Выждал, когда появится легковой автомобиль без пассажиров, лишь с одним водителем, поднял руку. Скрипнули тормоза. Шофер приоткрыл дверцу.

– Слушай, друг! Сделай доброе дело – с меня коньяк. Понимаешь, выиграл по облигации пять тысяч, надо получить в сберкассе... здесь рядышком, за углом... опаздываю. Подожди пару минут... Не откажи.

– А точно с тебя коньяк? – спросил немолодой мужчина, водитель автомобиля.

– Честное слово! В честь такого выигрыша – с удовольствием.

– Ну давай. Где тебя ждать?

– Прямо здесь.

И Носов быстро, чуть ли не бегом, бросился к сберкассе. До обеденного перерыва осталось пять минут, но дверь была еще не закрыта. Он вошел в помещение, склонился над столом, сделав вид, что заполняет расходный ордер. Женщина-посетительница прошла мимо, направляясь к двери. Носов оглянулся. Обе работницы занимались своими делами, на него не обращали внимания. Он подошел к дверям, закрыл их на засов, быстро натянул на голову чулок, подошел к барьеру, направил револьвер на женщин и приказал:

– Не двигаться, суки! Кто рукой пошевелит, пристрелю без предупреждения, – он чуть кивнул револьвером в сторону кассира. – Ты, лахудра! Быстро все деньги сюда – из сейфа и стола!

Женщина повернулась к еще не запертому на ключ сейфу, начала вынимать оттуда деньги. Носов взглянул на контролера и не поверил своим глазам: та целилась из точно такого же, как у него, револьвера. Он не мог и слова вымолвить, как завороченный смотрел на дрожащее дуло. Женщина выстрелила. Носов почувствовал, как пуля пролетела где-то рядом с головой. Он выстрелил в ответ и промазал. Охваченный паническим страхом, пригнувшись, он бросился к дверям. Сзади еще раз грохнул выстрел, стекло в дверях разлетелось вдребезги.

Носов не помнил, как отодвинул засов, открыл дверь и что было мочи помчался за угол. Машина стояла на месте. Он сел на заднее сиденье и направил револьвер на водителя:

– Жми, гад! Трогай!

Тот смотрел на скрытое под чулком лицо Носова, боялся повернуться к нему спиной.

– Включай скорость, падла! Пристрелю!

Наконец до водителя дошло, чего от него хочет человек в маске. Он включил скорость, тронулся и хриплым от волнения голосом спросил:

– Куда ехать?

– Прямо! Выйду за городом. Не вздумай только шутить, сразу дырку в башке сделаю.

Машина быстро пронеслась по улице и вскоре помчалась за городом. Водитель спросил:

– Вы не убьете? Поймите, у меня дети!

– Не ной! Нужен ты мне! Скажи лучше, куда эта дорога ведет?

– На юг. В сторону Киева.

– Ага, это мне и надо.

Носов понимал, что стоит ему только выйти из машины, как водитель направится в милицию. Если он этого даже и не сделает, то люди, которые находились

на улице, наверняка запомнили номер машины. Водитель все равно будет допрошен. В такой ситуации, подумал Носов, непременно нужно убедить этого трясущегося от страха мужчину, что человек в маске направляется на юг.

Километров через пятнадцать он приказал остановиться:

– Не трепись нигде, куда завез меня. Номер машины я запомнил, если ляпнешь кому-нибудь, из-под земли достану! – Носов вышел из машины, которая тут же развернулась и уехала в сторону города. Он сорвал с лица чулок, сунул его опять в карман и перешел на противоположную сторону дороги. Через несколько минут он уже трясся в кузове грузовика, направлявшегося в город.

Носов понимал, что милиция вот-вот поднимет всех на ноги, организует преследование и сейчас для него самое безопасное место – это комната Алексея. Туда он и стремился. Вскоре машина въехала в город. Проезжая мимо улицы, где находилась сберкасса, Носов увидел, что возле этого дома стоят две милицмейские машины. Доехав до центра, он постучал кулаком по кабине. Машина остановилась. Носов спрыгнул на землю и, стараясь держаться безлюдных мест, направился к дому Алексея. Но ему предстояло пройти самый оживленный участок улицы, а по ней одна за другой носились милицмейские машины, ходили люди. Носов стоял в небольшом скверике и боялся выйти из-за куста. Ему казалось, что стоит только выйти на улицу, как случится самое страшное: его сразу же схватят за шиворот и остановят первую милицмейскую машину. Да, теперь он по-настоящему переживал страх и готов был бежать куда глаза глядят.

Огромным усилием воли Носов заставил себя думать. «Главное – спокойствие, – размышлял он. – Мне нельзя бежать. Надо выжидать». Он обратил внимание на чайную, которая находилась в сквере, и направился туда. «Пережду в ней до темноты, а затем доберусь до дома».

В чайной было много народу. Носов стал в длинную очередь, взял кое-что поесть, бутылку пива, сел за стол в дальнем полутемном углу. Вышел из чайной только тогда, когда стемнело, и направился к дому Алексея.

Носов уже перестал дрожать от страха, но его душила злоба. В первую очередь он злился на себя. «Идиот, размазня, баб испугался. Промазал с трех метров. Она же сама от страха в обморок готова была упасть... рука, как в лихорадке, дрожала, а я струхнул. Надо же быть такой раззявой! Деньги сами в руки плыли, а я, дубина стоеросовая, в бега ударился. Какой куш сорвался!» Эти мысли настолько взвинтили Носова, что он готов был стрелять в людей, спокойно идущих мимо него.

Он подошел к своему убежищу и удивился, почему в окне нет света. Алексей уже давно должен быть дома. В чем дело? Что случилось?

Вид темных окон подействовал на Носова, как холодный душ. Он остановился невдалеке, пытаясь понять, почему Алексея нет дома. И вдруг вспомнил: «Ключ-то я спрятал под крыльцо, и Алексей, ясное дело, не смог попасть домой!» Подошел к крыльцу, нашел ключ, открыл дверь, включил свет. Комната оказалась уютной. Сел на топчан, нашел бутылку с водкой, налил в стакан и залпом выпил. Хлопнула дверь, в комнату вошел Алексей:

– Привет, где ты пропадал, мать честная? Пришел с работы, а дверь – на замке. Пришлось принудительную прогулку устраивать.

– Извини, ходил на работу устраиваться. Немного задержался. Выпьешь? – Носов, не ожидая ответа, налил полный стакан водки, протянул Алексею.

Тот не заставил себя долго ждать. Выпил, схватил кусок сала и хлеб, начал закусывать. Не прожевав пищи, предложил:

– Давай договоримся, мать честная, где будем ключ от дверей ложить, чтобы друг друга не ждать.

– А я уже сегодня так и сделал. Ключ под крыльцо прятать будем. Утром покажу это место – и, переменяв тему разговора, спросил: – Где у тебя туалет?

– Во дворе у забора.

Только Носов вышел, как Алексей бросился к костюму, который купил Носов. Он лежал полузавернутый в бумагу. Обшарил карманы, нашел три паспорта, деньги. Быстро пролистал паспорта: все три принадлежали местным жителям. Одного Алексей узнал по фотографии: проживал по соседству, на этой же улице. Положил все на место – и вовремя. Лишь успел сесть за стол, как в сенях послышались шаги. В комнату вошел Носов. Они распили бутылку водки и легли спать. Алексей, несмотря на то, что изрядно охмелел, никак не мог уснуть. Его охватил страх перед этим незнакомым человеком. Что он знал о нем? Даже имя и то могло быть вымышленным. «Откуда у него паспорта? – подумал Алексей и вдруг вспомнил: – Так он же взял их в том домоуправлении, а потом поджег здание. Точно! Это его работа. Такому и задушить меня ничего не стоит. Интересно, спит он?»

Алексей приподнялся на локте, спросил:

– Женька, ты спишь?

Тот молчал. Только ровное дыхание слышалось в ответ.

Алексей так и не уснул в эту ночь, еле дождался утра. Носов еще спал, когда он тихонько оделся, вышел из дому. Он решил отправиться в милицию и рассказать о своем квартиранте.

У калитки Алексей столкнулся с бывшей женой. Она вела за руку дочь. Увидев отца, девчушка приостановилась, воскликнула:

– Папа! Отведи меня в садик!

Мать дернула дочь за руку:

– Еще чего! Сама отведу! Видишь, он на работу идет.

Алексей впервые сочувственно посмотрел на эту женщину, тихо сказал:

– Дай я, мать честная, отведу, – и, не ожидая согласия, взял дочь за руку. Они пошли вдвоем по тротуару – отец и дочь.

Девочка, радостная оттого, что отец ведет ее в садик, что-то лепетала, а он шел и думал: «Что я вижу от

пьянок? Жену потерял. А взамен что? Разные типы – вроде этого Женьки».

Теплая доверчивая ручонка дочки волновала Алексея. В нем пробудилось какое-то неиспытанное ранее чувство. Вот и садик. Алексей помог дочке раздеться, взглянул на часы: «Ого, опаздываю!» – и торопливо вышел на улицу. Вспомнил, что перед работой хотел зайти в милицию, но махнул рукой: «Ладно, позже зайду».

Носов проснулся поздно, встал, умылся, позавтракал и начал думать, что делать дальше. За ночь он немного успокоился. Однако никак не мог простить себе трусости, пережитого унижения, обиды, позорного бегства. Такое душевное состояние продолжалось у него, должно быть, добрых полчаса. «Нет, не все еще пропало! Они еще попомнят меня! Я им пропишу такое, что тошно станет!» – злился Носов. Теперь его обуревала новая авантюрная затея. «А что, если сегодня опять эту кассу наведать. Никто ведь не ждет, что нападение может повториться. Ту сучку, толстозадую, которая стреляла, сразу же на месте пришью. Заберу деньги – и в лес». Он начал собираться в дорогу, сбросил прямо на кровать свою одежду, ухмыляясь, мысленно произнес: «Эти тряпки Алексею за ночлег».

Новый, с иголки наряд – костюм, ботинки и пальто – основательно преобразил Носова. Он тщательно ощупал карманы старой одежды: чуть было не оставил в заднем кармане брюк ключ от собственной квартиры. «Должен еще пригодиться», – подбодрил себя Носов.

Ровно в час дня он вышел из дома. Закрыв дверь на ключ, нагнулся, чтобы положить его под крыльцо, но передумал и швырнул под забор, в еще не растаявший сугроб. Закрыв за собой калитку и, не торопясь, направился в сторону сберкасс. Решил, что зайдет туда в то же время, как и вчера. Оpoznать его никто не сможет. Он будет без маски, в другой одежде. Главное – действовать быстро, решительно.

Сразу подходить к сберкассе он не стал. Понаблюдать из-за угла: ничего опасного не увидел. Ровно без

десяти минут до обеденного перерыва поднялся на крыльцо, протянул руку к дверям, а там надпись: «Сберегательная касса закрыта. Выходной день». Носов скрипнул зубами, мысленно чертыхнулся, заглянув через стеклянную дверь в помещение почты, он заметил, что там нет никого из посетителей. Не раздумывая, рванул на себя дверь, вскочил в помещение, направил револьвер на женщин:

– Не двигаться!! Перестреляю, как куропаток! Быстро деньги на барьер!

На сей раз все прошло удачно. Перепуганные на смерть работницы почты выложили все наличные деньги. У одной из них Носов увидел обручальное кольцо.

– Сними, жмет оно тебе!

Женщина молча сняла кольцо, протянула налетчику. Он сунул его вслед за деньгами в карман, пригрозил:

– Чтобы ровно полчаса сидели не двигаясь. Мои люди будут следить. Попробуйте только пикнуть или за телефон схватиться – вмиг порешат!

Носов повернулся, выскочил из помещения. Улица была пустынной. Он помчался по ранее намеченному маршруту. Неожиданно его обогнала «Волга», остановилась метрах в ста пятидесяти впереди. Из машины вышли трое мужчин, начали смотреть на бегущего. У того мелькнула мысль: «Стоит бабам выскочить на улицу, крикнуть, и я пропал!» Носов, не раздумывая, повернул в первую калитку. Пробежал мимо дома, обогнул сарай и оказался на большом огороде. Впереди за плетнем виднелось поле, за ним – лес. Одним махом он перескочил через забор, приземлившись в колючем кустарнике. По лицу хлестнули упругие прутья. Не обращая внимания на жгучую боль, тяжело, с присвистом дыша, Носов побежал к лесу. Ноги по щиколотку погружались в раскисшее поле. Ему показалось, что прошла целая вечность, прежде чем он достиг леса. В лесу стало немного легче. По снегу бежать – не по пахоте.

Носов понимал, что скоро в почтовом отделении появится милиция, по следу побежит собака. Сейчас самое важное – уйти подальше. На снегу четко обозначились следы. «И собака не нужна, – подумал он. – Иди по моему следу – хватай, как зайчика. Надо искать какую-нибудь дорогу».

Где бегом, где просто быстрым шагом – для передышки – двигался он, сам не зная, в каком направлении. Старался идти навстречу солнцу, которое ярко светило в совершенно безоблачном голубом небе. Взглянул на часы, прошло около тридцати минут, как он напал на почтовиков, и еще быстрее задвигал усталыми ногами. Понимал, что время играет не на него...

Теперь Ветров несколько не сомневался, что нападение на работников сберкассы и почтового отделения – дело рук Носова. Об этом свидетельствовали оружие и дерзость, нахальство налетчика. Не каждый преступник отважится на другой день повторить нападение там, где он был накануне. Если работники сберкассы не могли ничего сказать о внешних приметах грабителя, то сотрудники почты видели его лицо, обратили внимание на зарубцеванные раны. Это еще больше подтверждало предположение Ветрова.

Лейтенанту осталось лишь пожалеть, что сотрудники почты с перепугу почти час не сообщали в милицию о нападении. Это дало возможность преступнику безнаказанно уйти.

Лейтенант находился в районном отделе милиции, когда туда пришел Алексей. Он сказал дежурному о своем постояльце. Тот без промедления – к начальнику в кабинет. Так и так, мол, посетителя нужного привел. Алексей начал рассказывать:

– Познакомился я несколько дней назад с одним мужчиной. Выпили, разговорились, мать честная. Оказалось, что ему негде переночевать. Ну я, мать честная, и пригласил к себе.

– Имя при знакомстве называл? – спросил Ветров.

– Называл, мать честная. Правда, не могу сказать, действительно ли так зовут его. Женькой отрекомендовался.

Ветров чуть не подскочил на стуле:

– Скажите, на лице ничего не заметили?

– Как не заметил? У него все лицо шрамами расписано, мать честная.

– Т-а-а-к, так-так! Рассказывайте дальше.

Алексей вспомнил, как Женька покупал бидон, гвоздодер и прочие вещи, как интересовался домоуправлениями. Вспомнил и о паспортах, которые он обнаружил в костюме квартиранта. Ветров как раз готовился предъявить на опознание фото Носова работникам почты. Случай способствовал провести эту процедуру с Алексеем. Окинув взглядом несколько разложенных на столе снимков, тот сразу же ткнул пальцем в фотографию Носова и категорически заявил:

– Вот он, мать честная. Только морда у него израненная.

Быстро была собрана оперативная группа. В срочном порядке отправилась она к домику Алексея: авось Носов скрывается там.

Машина осталась в полутемном переулке. Участники оперативной группы в сопровождении Алексея подошли к его жилищу, но на дверях висел замок. Алексей пошарил рукой под крыльцом в поисках ключа, но там его не оказалось.

– Значит, придет, если ключ не оставил, – уверенно заявил он.

Было принято решение дверь не вскрывать, а дом взять под наблюдение. Для этой цели на месте остались четыре оперативных работника, а остальные, в том числе и Ветров, возвратились в райотдел.

После допроса Алексея лейтенант занялся работниками почты. Они безошибочно опознали Носова. После этого Ветрову ничего не оставалось, как идти к начальнику райотдела.

Пожилой седоволосый майор был расстроен. Таких преступлений в их городе давно не было, точнее, он не

помнил, чтобы нечто подобное случилось здесь в его бытность. Увидев входящего Ветрова, начальник проворчал:

— Черт бы побрал вашего Носова! Сразу повесили три таких преступления. Хорошо, что еще без жертв обошлось.

Высказав таким образом свое отношение к Носову и его похождениям, майор, видимо, успокоился и спросил:

— Что делать будем? Ориентировку по республике я уже дал. Засаду держать будем. Людей своих, переодетых в гражданскую одежду, рассредоточил на улицах, у магазинов, столовых. Усилил наряды на автовокзале и постах госавтоинспекции.

— Мне кажется, товарищ майор, надо срочно выяснить, чьи паспорта находились в домоуправлении. Тогда мы сможем дополнительно ориентировать другие райотделы о фамилиях, под которыми может скрываться Носов.

— Это можно, — согласился начальник отдела и тут же отдал необходимые распоряжения. — Что еще предпринять?

— Думается, если Носов в ближайшие час-полтора не появится, надо будет вскрыть дверь квартиры Алексея, осмотреть ее, а затем, если потребуется, оставить там для страховки своих людей. Мне почему-то кажется, товарищ майор, что на сей раз сюда он больше не возвратится.

Майор не возражал. Когда была вскрыта дверь квартиры Алексея, оказалось, что в ней, кроме старой одежды да поношенных туфель Носова, ничего другого, принадлежащего ему, не оказалось.

Ветрову стало ясно, что делать ему здесь больше нечего. Не мешкая, на попутной машине он уехал в Минск.

Носов, вконец измученный, выбиваясь из последних сил, вышел на проселочную дорогу. Теперь хоть немножечко передохнуть! Некоторое время он стоял, прислонившись спиной к большому дереву, сто-

ял и прекрасно понимал, что надо уходить как можно дальше. Он уже давно потерял всякую ориентацию и не представлял, где сейчас находится. В этот момент для него не имело никакого значения, куда идти, в какой стороне искать убежище, лишь бы не возвращаться на старое место. Огромным усилием воли он заставил себя двигаться.

На утрамбованной дороге Носов почувствовал уверенность. Зачерпнул рукой горсть снега, осторожно обмыл лицо, вытер его подолом рубашки. Вспомнил, как прыгнул в колючие кусты, громко выругался. Он понимал, что при встрече с ним люди обязательно обратят на него внимание.

Вскоре Носов вышел на большак. Одна за другой проносились машины. У обочины, на противоположной стороне дороги, стоял указатель. Носов взглянул на него и понял, что большак ведет в сторону шоссе Минск — Брест. «А что, если туда податься? — подумал он. — Там уж наверняка никто не ищет меня. Там сильное движение, легче в город проскочить».

Увидев машину, идущую в нужном направлении, Носов поднял руку. Грузовик с крытым кузовом остановился. В кабине сидели двое. Носов попросил водителя подвести. Тот не возражал. Новому попутчику залезать пришлось в кузов. Удобно устроившись на мешках с зерном, он незаметно задремал. Проснулся, когда машина остановилась. Водитель громко крикнул: «Приехали. Слезай!» Носов быстро спрыгнул на землю, огляделся. Впереди лежала широкая асфальтированная дорога. Увидел дорожный указатель: направо — Минск, налево — Брест.

Было еще довольно светло. «С такой мордализацией в дневное время не очень-то разгуляешься», — уныло заключил для себя Носов. Он отошел к небольшой березовой рошце, там просидел на поваленном дереве до темноты. Потом снова вышел на шоссе, начал голосовать. На поднятую руку водители первых трех грузовых автомашин не реагировали. Носов проголодал четвертой, и она остановилась. Это был ЗИЛ. В

кузове стояли четыре коровы. В кабине сидел только водитель.

— Куда едете? — спросил Носов.

— В Минск.

— Довезете?

— Садитесь. Веселее будет.

Носов взобрался на сиденье, еле скрывая радость от того, что водитель не зажигает свет в кабине. Машина тут же тронулась.

— Что это вы к ночи буренушек везете в столицу?

— На мясокомбинат. Машина подвела. Полдня простоял, пока отремонтировался.

Было видно, что водитель торопится. До города оставалось километров пять. Носов повернулся к водителю:

— Нельзя ли на минуту остановиться, а то пока доберешься до города... поздно будет.

— Почему нельзя! Можно...

Машина начала гасить скорость, остановилась на обочине. Носов вышел из кабины, подошел к заднему борту. Наверху беспокойно возились коровы. Выждав минуты две, он громко позвал водителя:

— Посмотрите! Правое заднее колесо скоро лопнет, камеру выперло.

— Этого мне еще не хватало!

Он вылез из кабины, подошел к заднему колесу, нагнулся. В руке Носова мелькнул наган. Он размахнулся, нанес рукояткой сильный удар по затылку шофера. Тот, охнув, осунулся. Носов огляделся. Шоссе было пустынным, он подхватил жертву под руки, оттащил в придорожную канаву, подбежал к машине, захлопнул дверцу, вновь возвратился к водителю.

Вдалеке засветились фары машины. Носов присел в канаве рядом с лежащим без сознания водителем. Машина с грохотом пронеслась мимо. Носов обшарил одежду лежащего. Достал его документы, пятнадцать рублей. Из кармана куртки вытряхнул мелочь. Подошел к машине, встал на подножку, переложил наган в левую руку, рукояткой ударил по стеклу. Градом рас-

сыпались осколки по асфальту. Носов вскочил в кабину, нажал на стартер. Навстречу стремительно понеслась серая лента шоссе. Милицейский пост он увидел издали. Яркий свет мощных электроламп освещал с десяток грузовых и легковых машин, что стояли напротив поста. Работники милиции тщательно проверяли каждую машину, выходящую из города. Носов увидел красный огонек, вспыхнувший в руке одного из милиционеров. Это приказ остановиться. Он включил правый поворот, затормозил машину как раз напротив возвышающегося над дорогой поста. К нему подошел немолодой старшина, козырнув, представился:

— Старшина Страхов. Предъявите, пожалуйста, документы.

— Да-да, вот они, — Носов протянул путевой лист, права и тут же похолодел: в горячке он даже не заглянул в права шофера. Стоит только старшине спросить фамилию, как все пропало. Рука непроизвольно потянулась в карман пальто, где лежал наган. Но работник милиции, мельком взглянув на документы, спросил:

— А что у вас с лицом?

— Понимаете, обогнал меня самосвал, а у него из-под колеса камень выскочил... как даст по ветровому стеклу! Вот посмотрите... — Носов шагнул к кабине, приглашая старшину взглянуть на ветровое стекло.

Работник милиции посмотрел и тут же возвратил документы:

— Здесь недалеко железнодорожная больница. Сверните туда. Окажут помощь.

Старшина козырнул и пошел на противоположную сторону дороги. Носов сел в кабину, включил зажигание. Отъехав метров пятьсот, самодовольно сказал себе: «Ничего, не дрейфы! Как-нибудь прорвемся».

Он уже был уверен, что расчет оказался точным, и это ему прибавило силы.

А вот и Минск. Слева мелькали пятиэтажные дома. В окнах уже светились огни. Носов занял место в крайнем правом ряду, не торопясь, тихими улицами приближался к Юбилейной площади. Там жил его давниш-

ний знакомый Виктор Беленький. Носов знал, что жена этого человека часто ездит по командировкам. «Если он один отсиживается дома, – рассуждал Носов, – можно будет переночевать, а то и пожить несколько дней. Виктор парень железный. Доносить в милицию не пойдет. Вряд ли он знает, что за мной охотится уголовный розыск. О том, что я дружил с Виктором, знала только Таня. Но мертвые хороши тем, что молчат». Он вспомнил, что Беленький был на похоронах. Но там были десятки людей, толпа, и, конечно, никто не обратил внимания на этого человека. Так что милиция ничего не знает и опасаться ее не надо. Носов решил: «Если он один, то скажу, что не могу больше оставаться в доме, где все напоминает о кошмарном происшествии, попрошусь на пару днейков побыть у него, а если увижу в квартире жену, скажу: пришел, мол, одолжить денег».

Недалеко от дома Беленького он остановил машину, вошел в третий подъезд и, поднявшись на второй этаж, нажал на кнопку звонка сорок шестой квартиры. Дверь открыл Виктор. Не здороваясь, спросил:

– Что с тобой, Евгений?

– Ничего страшного. Ездил с товарищем к родителям. На его машине. Когда возвращался обратно, из-под колеса впереди идущей машины вылетел камень. По ветровому стеклу угодило. Но ничего страшного. Глаза, как видишь, уцелели, а эти порезы через неделю исчезнут. Ты один дома?

– Нет. Жена в спальне. А в чем дело?

– Я к тебе вот по какому вопросу: понимаешь, с похоронами основательно поиздержался. До полочки, если, конечно, возможно, попросить у тебя пятьдесят рублей хочу.

– О чем тут говорить? Проходи, пожалуйста. Я сейчас.

Он впустил в квартиру Носова, а сам пошел в спальню. Оттуда послышался женский голос. Жена спрашивала, кто пришел. Виктор что-то негромко ответил и появился в комнате, где находился Носов. Беленький протянул Носову деньги, пригласил:

– Да ты раздевайся. Проходи, поужинаем.

– Нет, спасибо. Мне еще к врачу надо, – и, попрощавшись с другом, Носов ушел.

А Беленький стоял возле только что захлопнувшейся двери и думал: «Какой-то необычный сегодня Евгений».

Нет, не лицо Евгения смутило Виктора. Беспокоило его поведение. Беленький вспомнил, как два дня тому назад к нему приходил сотрудник уголовного розыска, долго расспрашивал о Носове. С минуту колебавшись, Виктор подошел к телефону и набрал 02...

Носов подогнал машину к мясокомбинату и здесь ее оставил. Он полагал, что на этом месте, да еще со скотом в кузове, она ни у кого не вызовет подозрения. Следовательно, в его распоряжении останется целая ночь. За это время надо найти место, где можно укрыться. Носов вспомнил Лиду: «Что, если пойти к ней?» С этой женщиной, тайком от жены, он иногда встречался, бывал у нее дома.

Лида занимала отдельную однокомнатную квартиру. У нее есть сын, но Носов знал, что мальчик теперь живет в Смоленске – вместе с бабушкой и дедушкой. Так что Лида должна быть одна. Правда, Носова немного настораживало одно обстоятельство: у Лиды и Тани были общие знакомые. А вдруг через этих знакомых его симпатия узнала о всех подробностях убийства и о том, что милиция разыскивает преступника. Однако Носов слишком хорошо знал эту женщину. Если умело к ней подойти, приласкать, то она забудет обо всем.

Итак, решено – он едет к Лиде. Правда, живет она далеко, на противоположном конце города. Но ничего, можно взять такси. Прошло не больше получаса, и Носов постучался в дверь квартиры Лиды...

Резко зазвонил телефон. Ветров, не поднимая трубки, уже знал, что ему больше не спать, что, наверное, причиной тому Носов. Звонил Игнатович:

– Собирайся! Возьми фонарь, оружие. Машина вышла за тобой.

Лейтенант не стал вникать в подробности. Для него стало ясно: Носов даёт о себе знать. Игорь быстро оделся, вышел на улицу. Ночью еще властвовал мороз. Лужи затянулись льдом. Холодный ветер, словно желая показать, что зима не собирается сдаваться, быстро пробрался под пальто, и Ветров после теплой постели задрожал. К счастью, машина приехала быстро. Он попытался выяснить что-либо у шофера, но тот ничего не знал.

Вот и здание районного отдела. Лейтенант быстро вбежал по ступенькам на крыльцо и через несколько секунд был в кабинете начальника. Там же находились Игнатович, Басов и еще несколько сотрудников уголовного розыска. Игнатович, не теряя времени, перешел к делу:

– Около часа назад на Брестском шоссе был обнаружен с повреждениями в области затылка шофер колхоза «Заря» Литвинович. Он сообщил, что по дороге к нему попросился доехать до Минска мужчина. Этот мужчина во время короткой остановки нанес ему удар по голове и угнал автомашину ЗИЛ с четырьмя коровами в кузове, которых нужно было доставить на мясокомбинат. Водитель очнулся в дорожной канаве, вылез на проезжую часть, где его подобрала воинская автомашина и доставила в железнодорожную больницу. Там он и находится в настоящее время. К нему я выезжал сам, успел только спросить о приметах. Сомнений нет: это дело рук Носова. Сейчас нам надо принять меры к розыску преступника и автомашины. Я дал указание дежурному срочно ориентировать все посты перекрытия. Только что звонили с поста на Брестском шоссе. Старшина Страхов утверждает, что

в Минск проехала автомашина ЗИЛ с четырьмя коровами в кузове. Он не стал тщательно проверять водителя, так как у него порезано лицо. Водитель пояснил, что из-под колеса обогнавшего его грузовика выскокил камень, разбил ветровое стекло, осколками которого и повреждено лицо. Страхов посоветовал водителю заехать в железнодорожную больницу и без задержки отпустил.

А совсем недавно позвонил дежурному по управлению гражданин Беленький, сообщил, что к нему приходил Носов и одолжил 50 рублей. Беленького смутило, что лицо Носова все в порезах, а он вместо того, чтобы обратиться за медицинской помощью, пришел за деньгами.

Сейчас мы подняли по тревоге весь личный состав. Необходимо организовать проческу города. Машина не иголка, ее можно быстро найти. Непонятно только, с какой целью Носов появился в городе.

– А мне понятно, товарищ подполковник! – выпалил Ветров. Все повернулись к нему. Игорь поднялся. – Носов не дурак. Все хитро рассчитано. Во-первых, он знает, что нам уже известно о нападении на охранника и то, что он выехал из города. Значит, искать его в Минске никто не будет. Преступник хочет этим воспользоваться и попытаться забрать сбережения Горанской, которые полностью нам не удалось найти. Дополнительный осмотр места происшествия еще предстоит сделать. Кстати, ключ от квартиры остался у Носова. Мне кажется, этим обстоятельством мы можем воспользоваться. Поэтому я предлагаю следующий план...

Носов настойчиво стучался в дверь квартиры, где проживала Лида. Долгое время никто не открывал, и он уже начал сомневаться – дома ли она. Но вот за дверью послышался голос:

– Кто там?

– Лида, открой, пожалуйста!

Дверь открылась, и Лида изумленно выдохнула:

– Жень, ты?!

– Конечно, я, – усмехнулся Носов и перешагнул порог. – Решила, что не увидишь меня?

– Нет, но мне сказали, что ты...

– Чепуха все это! – со злостью прервал ее Носов. – Я пришел к тебе, как к человеку теперь близкому для меня, единственному, дорогому, объяснить, что я совершенно ни в чем не виноват. Закрой дверь, я все расскажу.

Хозяйка закрыла на ключ дверь, легонько подтолкнула Носова в спину:

– Проходи, что же ты стоишь? Что у тебя с лицом?

Носову уже в который раз пришлось рассказывать сказку о камне. После этого он снял пальто. Лида, как могла, обработала ему лицо йодом.

Носов огляделся. В квартире было чисто, уютно. Манила разобранная белоснежная постель. Он сел на диван. Рядом села Лида, выжидающе глядя на него. Носов уловил в ее глазах настороженность, даже страх. Он грустно улыбнулся, тихо проговорил:

– Ты тоже считаешь, что я убийца?

– Нет, но понимаешь... люди всякое говорят... милиция...

Он взял ее руку и с жаром заговорил:

– Послушай, Лида! Как на духу расскажу, а потом суди сама – виновен я или нет.

Носов понимал, что для него сейчас решается многое: если он сможет убедить ее, значит, будет убежище, если нет – надо будет искать выход. Сделав оскорбленное лицо, с огорчением начал рассказывать:

– Когда меня привезли в милицию, начали допрашивать, обвинять в убийстве Тани, ее тети, я возмутился. Они с новой силой набросились: «Ты убил!» Сказали, что повезут в тюрьму. Что мне было делать? Сижу и думаю: «Вот посадят, спихнут на меня мокрое дело, а настоящий убийца будет на свободе разгуливать. Им, работникам милиции и прокуратуры, лишь бы не повисло нераскрытое преступление. Это я уже точно, хорошо знаю. Сам на юридическом факультете учусь!» И такая меня злость разобрала. Обидно стало, что настоя-

щий преступник, который мне жизнь исковеркал, смеясь, будет по земле ходить. И я решил бежать. Сделал вид, что мне действительно некуда деваться, что я подавлен этими пинкертонами. Сказал, мол, покажу, где в квартире спрятаны ключи. Поехали в мою квартиру, откуда и сбежал. Решил во что бы то ни стало найти настоящего убийцу. Ты же понимаешь, будь я действительно убийцей, то давно бы уехал из Минска. Но, как видишь, я здесь. И пришел к тебе потому, что верю тебе. Думаю, что и ты веришь, поможешь мне. Ты же, Лида, знаешь, – он взял ее руки в свои, – что я давно люблю тебя. Мы с тобой, если ты, конечно, не будешь возражать, уедем из этого города, будь он трижды проклят. Мне предлагают интересную работу в Куйбышеве.

Носов специально назвал именно этот город. Он хорошо помнил, как Лида, возвратившись из круиза на теплоходе по Волге, восторгалась Куйбышевом. Он рассчитал правильно. Сидящая перед ним женщина, измученная неудачами, преследовавшими ее в жизни, давно искала себе спутника жизни. Она была дважды замужем, и оба раза неудачно. Ей нравился Евгений. А Носов продолжал атаку. Он даже прослезился:

– Все, все во мне растоптали, смешали с грязью. А я не виновен. Веришь мне, Лидочка? Я не виновен, – и он заплакал.

Кто знает, то ли его рассказ, то ли слезы, а скорей всего и то и другое, убедили Лиду, что он говорит правду. Она обняла его.

– Жень, я верю тебе. Успокойся. Перестань. Я помогу.

Она предложила:

– Давай сделаем так: ты прими ванну, я приготовлю ужин...

Носов молча кивнул головой. Пока Лида возилась в ванной, он бесшумно прошел в коридор, достал из пальто наган, переложил его в брюки. Вскоре ванна была приготовлена. Он с наслаждением сидел в теплой воде. Натирая себя мочалкой, подумал: «Если спать пригласит в свою кровать, значит поверила, если постелит на диване, надо утром рвать когти».

Когда он вышел из ванны, то стол уже был накрыт. Даже бутылка коньяка нашлась у хозяйки. Они выпили сначала по одной, затем по второй рюмке. Носов с аппетитом поел. Взял с газетного столика «Огонек», молча начал перелистывать страницы, выжидая, пока хозяйка уберет со стола. Сделала она это быстро и, не стесняясь Носова, сняла с себя длиннополый халат. Оставшись в одной ночной рубашке, спросила:

– Ты где будешь спать: у стенки или с краю?

«Поверила», – Носов облегченно перевел дух.

– Давай с краю, чтобы ты не упала.

Они погасили свет и легли. Договорились, что утром Лида пойдет на работу, а когда возвратится, то решат, что делать дальше. Носов предупредил:

– Смотри, не сболтни никому, что я у тебя. Сама понимаешь, схватят и не дадут возможности доказать правду.

– Не беспокойся, Женечка! – ответила Лида, обнимая его. – Никому ни слова не скажу. Я же не хочу с тобой расставаться.

Лида чувствовала себя счастливой. Ей казалось, что надо немного потерпеть, помочь Жене и наконец она найдет свое счастье...

Наступило утро, Лида поднялась с постели и, стараясь не шуметь, начала собираться на работу. Но Носов спал чутко. Он спросил:

– Ты на работу?

– Да, да. А ты спи. Когда встанешь, покушай и отдохай. Вечером поговорим.

Вскоре Лида ушла, а Носов лежал и думал, на душе у него все же было тревожно. А вдруг она только сделала вид, что поверила, а сейчас бежит в милицию. Ему стало не по себе. Он поднялся с кровати, оделся и, глядя через тюлевую занавеску на улицу, подумал: «Если заложит меня Лидка, все равно так просто не сдамся. Ее первую на тот свет отправлю. Терять мне нечего... вышка ждет». От волнения он начал ходить по комнате. «Грузовик уже наверняка обнаружили возле мясокомбината. Интересно, жив шофер или нет? Луч-

ше, чтобы мертвым нашли, может не связывали бы этот случай со мной». Вспомнил Беленького, злорадно усмехнулся: «Хоть на полсотни ободрал... Но что делать дальше? Сегодня же пошлю Лидку на разведку к дому. Только как ей объяснить?» Он выпил рюмку коньяка, стал обдумывать план дальнейших действий. День тянулся медленно. Он несколько раз ложился на диван и пытался уснуть. Но даже малейший шум в подъезде заставлял его вскакивать, хвататься за оружие.

Наконец пришла Лида. Она не забыла по пути зайти в аптеку, купила лекарств. Смазала ему раны, потом сели ужинать. После этого Лида начала мыть посуду. Носов как бы в шутку, поинтересовался:

– Что слышно о розыске местного бандита Женьки Носова?

– Радио, телевидение, печать молчат. Люди разное говорят. Одни уверяют, что его уже поймали, другие утверждают, что скоро поймают.

– А что третьи сообщают? – обнял Лиду Носов.

– Третьи пока думают, чем помочь тому бандиту, – засмеялась Лида.

Они перешли в комнату, сели на диван. Носов обнял ее и проговорил:

– Знаешь, мне надо домой сходить.

– А ты не думаешь, что там тебя могут ждать?

– Могут, конечно. Тем не менее, сходить надо.

Дело в том, что там лежит очень важная бумажка. Записана фамилия одного типа. Месяца два назад наша хозяйка о нем рассказывала. Говорила, что несколько раз приходил к ней ночью на работу и угрожал. Когда-то он был знаком с ее мужем. Якобы передавал ему на сохранение какие-то бумаги, а муж неожиданно умер. Об этих бумагах ей ничего не сказал. Незнакомый не отставал от Таниной тети, требовал, чтобы она отдала бумаги. Тетя очень боялась его. Знаешь, Лида, я почему-то уверен: убийство – дело его рук.

– В милиции говорил об этом?

— Где там! — безнадежно махнул рукой Носов. — Они и слова не давали сказать, твердили только одно: «Признавайся!»

— Как же ты попадешь в квартиру?

— У меня ключ сохранился. Сейчас важно узнать, есть ли там милиция. Я хочу тебя попросить вот о чем: сходи, пожалуйста, в наш дом. Позвони в квартиру. Если откроют, то спроси что-нибудь.

— Ой, Женя! Мне как-то страшно.

— Ну что ты, Лида? Только держись просто, естественно. Все будет в порядке.

— А когда идти?

— Сейчас, пока не стемнело.

Лида молча начала одеваться, а Носов продолжал инструктировать:

— Смотри, может, они попытаются проследить, куда ты пойдешь. Сразу домой не иди. Проскочи через пару проходных дворов, убедись, что никто за тобой не следит.

— Женя! А если я скажу, — перебила Лида, — что договорилась с Таниной тетей насчет обмена квартиры?

— Нет, это опасно. Тобой могут заинтересоваться. Лучше придумай что-нибудь другое. Назови, например, любую фамилию и спроси, здесь ли проживает этот человек.

Лида ушла, а Носов, довольный, что так легко удалось обмануть ее, напевая веселый мотивчик, прямо в ботинках лег на диван. Его взгляд остановился на серванте. «Ну и дурак же я, — упрекнул он себя. — Целый день провел в ее квартире и даже не посмотрел, что можно прихватить на прощанье». Он поднялся с дивана, подошел к серванту. Прислушиваясь, не звякнет ли в дверях ключ, спокойно и методично начал проверять, что лежит в серванте. Нашел небольшую коробочку; там лежали золотые вещи — кольцо, два перстня, цепочка, серьги. «Ну что ж, когда буду уходить, возьму на память», — подумал он и продолжал осмотр. После серванта осторожно, не нарушая порядка, осмотрел шкаф. Нашел сберкнижку. В ней лежало пятьсот

рублей. «И их прихвачу. Интересно, сколько она накопила?» Носов перевернул несколько листов и посмотрел на цифру «остаток». Оказалось, что Лида — богатая невеста. На сберегательной книжке лежало ровно пять тысяч рублей. Носов положил книжку с деньгами на место, закрыл шкаф. В дверях послышался щелчок, в квартиру вошла Лида. Носов помог ей снять пальто, нетерпеливо спросил:

— Ну как?

— Ты знаешь, я несколько раз обошла вокруг дома. Ничего подозрительного не заметила. Тогда решилась и вошла в подъезд. В подъезде тоже никого. Двери твоей квартиры опечатаны. Вышла из подъезда и минут тридцать погуляла около дома. Кажется, опасаться нечего. После этого поехала домой.

Носов подумал: «Не может быть, чтобы не было засады. Просто эта баба дальше своего носа ничего не видит». Он улыбнулся и сказал:

— Спасибо, Лида. Может, они действительно разобрались, что к чему, и взялись за поиск настоящего преступника. Но, все равно, мне показываться пока не стоит. Завтра, пожалуйста, снова сходи туда...

Ветров без стука вошел в кабинет Савича. Тот сидел за столом, перелистывая уголовное дело. Увидев лейтенанта, улыбнулся:

— А, Игорь! Привет. Только подумал о тебе, а ты тут как тут. Как дела?

— Пока нечем хвалиться. Мог этому гаду наступить на хвост, а он в течение нескольких суток сжег домоуправление, напал на сберкассу, ограбил почту и ушел.

— Ты уверен, что он сейчас в городе?

— Уверен? Не то слово. Я знаю, что он здесь.

Ветров присел на стул возле стола Савича, взял лист чистой бумаги.

— Вот смотри на его действия. Носов везде рассчитывает на нелогичность своих поступков, понимает, с нашей точки зрения. Давай, к примеру, припомним допрос. Когда он понял, что карта его бита, решил бежать. А как? Согласился показать, где лежат ключи

Горанской. Но, чтобы притупить нашу бдительность, повел нас на свою квартиру. А там, где, по нашему мнению, совершить побег невозможно, он все-таки убегает. Затем появляется под Барановичами, у родственницы убитых людей. На что он рассчитывал? Опять на то, что искать убийцу будем у его родственников, друзей, наконец, у просто знакомых. Носов же в это время спокойно отсиживался там, где, по нашим логическим размышлениям, он не должен быть. Носов неудачно напал на работников сберкассы. Нам казалось, что теперь он побежал из этого городка сломя голову. А тут расчет совсем иной. Он был уверен, что именно оперативные работники как раз и попадутся на эту удочку. Он даже подбрасывал своеобразную приманку, специально расспрашивая у водителя захваченной им машины дорогу на юг. Ведь знал, негодяй, что об этом разговоре станет известно сотрудникам милиции. Тем временем возвращается в городок, идет опять к месту преступления, повторяет нападение. На сей раз только на работников почтового отделения. Я уверен, будь открыта в тот момент сберкасса, он бы вошел и туда. Даже в Минск убийца решил проникнуть с той стороны, откуда он совершал побег. И снова расчет на то, что мы будем ждать его здесь меньше всего. — Ветров на какой-то миг задумался. — Вот только не пойму, с какой целью он приходил к Беленькому. Чтобы одолжить денег? Вряд ли. Деньги у него были: шестьсот рублей взял у родственницы, почти три тысячи — в почтовом отделении. Нет, цель визита к Беленькому совершенно иная. Но какая?

— Ты считаешь, что он обязательно появится в своей квартире?

— Не сомневаюсь. Ведь из-за сбережений Горанской он совершил убийства. Там его и возьмем. Ты допросил водителя грузовика?

— Да, я только из больницы.

— Как он?

— Травма тяжелая, но жить будет.

— Что он сказал?

— Ничего существенного. Взял по пути человека, который попросил до города подбросить. В дороге на минуту остановились, пассажир сказал, что спустило колесо, а когда водитель нагнулся к этому колесу, почувствовал сзади удар и как в бездну провалился.

— Примет не называет?

— Темно было, не рассмотрел.

— Ничего. Следы пальцев на баранке достаточно четкие, когда задержим, докажем ему и это.

— На след его не напали?

— Пока нет. Правда, сегодня Басов рассказал одну любопытную деталь. Два дня подряд у дома, где находится квартира Носова, вечерами показывалась молодая женщина. Вела себя очень странно. Долго ходила вокруг дома, заглядывала в близлежащие дворы, потом скрывалась в подъезде и тут же появлялась, прогуливалась по двору и убиралась восвояси.

— Я согласен с мнением Басова, что эта женщина вполне может действовать по заданию Носова.

— Мы не знаем, где остановился преступник, и можно предположить, что он нашел убежище у одной из своих знакомых. Я доложил об этом руководству. Поступила команда: если эта женщина появится снова, то проследить и выяснить, где она живет.

— Ты не проверял медицинские учреждения? Никто не обращался туда с телесными повреждениями в области лица?

— Проверил, ничего утешительного.

— Игорь, как ты думаешь, он может еще что-нибудь выкинуть?

— Вполне может. Но только после того, как попытается завладеть деньгами Горанской.

— Мне уже давно надо было повторный осмотр квартиры сделать, да из-за этого гада приходится откладывать.

Ветров улыбнулся:

— Ничего, Володя, потерпи. Чует мое сердце, скоро...

Прошло уже пять дней, как Носов поселился у Лиды. Она трижды ходила к его дому, но ничего по-

дозрительного так и не заметила. Носов понимал, что долго задерживаться в городе нельзя, и решил действовать. Днем, когда Лида была на работе, он взял драгоценности, деньги, рассовал все по карманам пиджака, начал ждать ее прихода. Сегодня заезжать к его дому она не будет, придет немного раньше.

Носов все продумал до мелочей. И когда она пришла, протянул ей двадцатипятирублевую купюру, попросил сходить в гастроном купить коньяка, а в промтоварном мужские перчатки. Когда хозяйка возвратилась, сели ужинать.

Вскоре стемнело. Носов сказал:

– Лида, я решил сегодня сходить домой.

– Мне идти с тобой?

– Нет, не надо. А вдруг придется убежать. Ты сейчас езжай на вокзал. Жди меня в зале ожидания.

– Зачем? – не поняла Лида.

– Не хочу, чтобы они знали, где я жил. Это на тот случай, если они захотят выследить меня. Там, в вокзальной толчее, в случае чего мне не трудно будет переговорить с тобой.

Лида вышла из квартиры первой. Она не видела, как за ней, будто тени, двигаются двое мужчин...

А Носов не спеша одевался и ухмылялся. Он был доволен, что Лида не скоро обнаружит пропажу своих денег и драгоценностей. Вскоре он вышел из подъезда и через проходные дворы направился на другую улицу.

Подмораживало. От холода и нервного напряжения Носова трясло, как в лихорадке. Нужно было добраться до противоположной стороны города. Идти пешком – далеко и опасно, ехать на такси – рискованно: уголовный розыск наверняка сообщил его приметы всем таксистам.

Носов остановил «Волгу», подошел к машине, попросил водителя:

– Слушай, друг! Подбрось к парку Челюскинцев.

– За трешку можно, – ответил тучный, с двойным подбородком мужчина.

Носов сел рядом с водителем. Машина понеслась по пустым улицам. Носов глянул на циферблат – было десять часов. Минут через двадцать «Волга» приблизилась к указанному месту. Носов попросил водителя ехать медленней. Слева проплыли знакомые строения. Во всех окнах погашены огни. На улице пусто.

– Останови здесь, пожалуйста.

Не выходя из машины, Носов долго смотрел на улицу, дома. Он не мог заставить себя выйти. А вдруг где-нибудь здесь, за углом любого дома, затаились оперативники и ждут, чтобы он только вышел из машины?

Носов потянулся к карману, чтобы достать деньги рассчитаться, но передумал и обратился к водителю:

– Ты не очень торопишься? Если не возражаешь, то давай съездим на железнодорожный вокзал. Ты не волнуйся, я хорошо заплачу.

Водитель, несколько смущенный поведением пассажира, чуть поколебавшись, согласился и начал разворачиваться. Носов попросил:

– Ты проедь этот квартал еще раз, я договорился с товарищем здесь встретиться, а его почему-то нет.

Машина медленно еще раз проехала мимо дома Носова. Там было спокойно.

Водитель повернул направо, и машина, увеличивая скорость, поехала в сторону проспекта.

Носов понимал: чтобы не вызвать лишних подозрений у водителя, надо было объяснить свое поведение:

– Понимаешь, время сейчас позднее и машину поймать трудно, не пожалей времени, поезди со мной.

– Ну, если хорошо заплатишь, то я не возражаю. Сам говоришь, что время позднее и нашему брату работа найдется. Как говорится, время – деньги.

Носов старался поддерживать с трудом начатый разговор. Он не смутился, а даже обрадовался вопросу водителя, когда тот спросил, что у него с лицом. Рассказал байку о камне, выскочившем из-под колеса впереди идущей грузовой автомашины. Водитель спросил:

– У тебя своя машина?

– Нет, у друга на время отпуска взял, думал на юг съездить, да эта чертовщина приключилась. Я с ним договорился встретиться и на вокзал съездить вместе, надо же билет взять на поезд, раз на машине не получилось, а он не пришел. Наверное, что-то случилось.

Вскоре машина остановилась на привокзальной площади. Протянув водителю деньги, Носов попросил:

– Ты уж извини меня, но я еще с одной просьбой обращаюсь: сходи, пожалуйста, и купи на завтра один билет до Симферополя, не хочется людей пугать, будут смотреть, как на чудовище, да и мне будет самому неприятно встречать их взгляды на себе.

Водитель заколебался. Было ясно, что он не хочет оставлять незнакомца в машине. Носов это понял и успокоил его:

– Ты только машину запри, а я погуляю по скверу.

Через минуту они оба вышли из машины и разошлись в разные стороны. Носов вошел в полуосвещенный сквер и пристроился на крайней скамейке. Пока все шло нормально, и он думал: «Дам ему полсотни и пообещаю столько же, если приедет за мной. А там посмотрю, может, уговорю его вывезти меня из города и проехать до первой станции, а завтра сяду в поезд и махну на юг. Пора отдохнуть, деньги будут. Ну, а если не согласится, то что ж, пусть пеняет на себя». – И он невольно притронулся к боковому карману, где лежал завернутый в тряпицу большой кухонный нож, который он недавно прихватил на всякий случай дома у своей знакомой.

Носов так задумался, что прозевал появление у машины водителя. Тот, зная, где должен находиться его пассажир, подъехал к самому скверу. Носов вскочил со скамейки, быстро подошел к машине и сел:

– Ну, как дела?

– Порядок, – ответил водитель, протягивая билет и сдачу, – очередь была большая, но я попросился, сказал, что дома жена больная и ребенок малый без при-

смотра. Народ у нас сам знаешь какой, легко разжалобить.

Когда машина снова оказалась на улице, нужной Носову, он попросил водителя остановиться, дал ему деньги и предложил:

– Мне сегодня к утру надо в аэропорт съездить, если хочешь заработать столько же, то подьедь.

Водитель был рад щедрости пассажира и с готовностью согласился. Они оговорили время и место встречи, которое находилось в трех кварталах от дома Носова, и машина, с визгом развернувшись, укатила. Носов остался один. Он сразу же нырнул во двор большого четырехэтажного жилого корпуса. Придерживаясь затемненных мест, маскируясь среди деревьев, он пробрался к воротам, которые находились как раз напротив его квартиры. Долго стоял ночной визитер, притаившись за воротами, и внимательно наблюдал за домом. На противоположной стороне спокойно. Именно эта тишина, опустившаяся на сонный квартал, настораживала его. «Нет, они ждут. Обязательно ждут», – думал Носов. Сейчас ему хотелось выяснить только одно: где устроена засада. Если не в квартире, значит, деньги попадут в его руки. Он понимал, что больше оставаться на этом месте нельзя. Да и видимость отсюда была плохой. Даже вход в дом не просматривается. Нужен был наблюдательный пункт, откуда хорошо виден двор и, главное, подъезд. Носов обратил внимание на слуховое окно в соседнем доме. Быстро пересек улицу, вошел во двор, перелез через невысокий заборчик, юркнул в подъезд. Здесь было светло и после морозной улицы тепло. Он начал медленно подниматься на второй этаж по деревянной лестнице. Предательски скрипнула ступенька. Он замер, прислушался – никого.

Тяжело поднялся на площадку второго этажа, удовлетворенно вздохнул.

Люк чердака был открыт. По металлической лестнице Носов поднялся еще выше. Сколько ни напрягал он зрение, на чердаке никого не увидел. Свет, кото-

рый едва просачивался через квадратный люк, не мог пробить сплошной мрак. Носов на ощупь двинулся в сторону слухового окна. На фоне густой темноты оно выделялось еле заметным серым пятном. Достигнув намеченной цели и выглянув в окно, он увидел как на ладони двор и свой дом. Хорошо просматривались подходы к подъезду, а самое главное, оба окна квартиры. Носов решил выждать. «Если работники милиции установили засаду в квартире, — думал он, — они обязательно притаятся если не в моей, то в теткиной комнате. И стоит кому-либо из них приблизиться к окну, или закурить, как это сразу обнаружится. Где же все-таки могли спрятаться оперативники?» Он чувствовал, что люди должны быть где-то рядом. Но где? Где? Там, в тени сарая? Нет, оттуда не видно окон. А может, в подъезде? И там нельзя: люди ходят, заметят. Это для них нежелательно. Остается квартира. Но ведь они непременно знают о нападении на охранника, знают, что у него есть оружие. А затевать перестрелку в квартире, за тонкими стенами которой находятся люди, никто не решится. Нет, он, Носов, тоже не дурак! Не зря же поступил на юридический.

Он выбрал самый лучший наблюдательный пункт. Удивительно, как они не догадались сами засесть здесь? И вдруг Носову стало страшно. Ему показалось, что он не один на этом большом, заполненном темнотой чердаке. Мерещились какие-то неясные порохи. «А что, если здесь скрывается еще кто-то?» — содрогнулся он.

Ему все сейчас казалось подозрительным: и то, что здесь нигде не оказалось работников милиции, и то, что люк на чердаке был открыт. «А если они уже следят, не торопятся брать меня? Играют в кошки-мышки? Нет, так меня не возьмете!» Он вытащил наган, приготовился стрелять на любой звук. Однако шли томительные минуты, а все оставалось спокойным. Носов никак не мог повернуть голову к окну, следить за двором, домом. Неожиданно его обостренный слух уловил шум шагов. Кто-то шел по двору. Носов

бросил тревожный взгляд из своего укрытия на двор и увидел, что к дому, где он сидел, шли двое мужчин. Вот они исчезли за углом.

Он еще не знал, что произойдет дальше, но внутренне почувствовал опасность. Услышал скрип ступени. Точно так же она скрипнула, когда он осторожно поднимался по лестнице. Носов начал медленно отодвигаться в более темное место. Вскоре он оказался сидящим на корточках у самого основания крыши. Светящийся люк с этого места был хорошо виден. Сначала из него показалась голова, а затем фигура человека. Человек несколько секунд молча стоял над люком. Проникающий снизу свет падал на его молодое напряженное лицо. Носову показалось, что мужчина видит его. Он приготовился к яростной схватке, еще сильнее сжал рукоятку нагана, положив палец на спусковой крючок. Но мужчина наклонился над люком, сделал выразительный жест рукой. Через мгновение на чердак поднялся второй человек, и они двинулись в сторону Носова. Громадным усилием воли он погасил в себе желание открыть стрельбу. Разум подсказывал ему, что пока нет серьезных оснований пускаться в ход оружие. Если бы эти люди намеревались схватить его здесь, на чердаке, то, видимо, вели бы себя совсем иначе. Тем временем оба незнакомца продвигались к слуховому окну.

Один из них сказал:

— Посвети фонариком, лоб можно расшибить.

Второй возразил:

— Нельзя, с улицы свет будет виден.

Вот они подошли к тому месту, где недавно сидел Носов, устроились там. Сомнений не было: это работники милиции. Носов лихорадочно обдумывал свое положение. «Что делать? Стрелять? Но у подъезда, а может, и во дворе есть еще оперативники. Тогда конец». Решил выждать. Пришельцы были спокойны. Они начали вполголоса переговариваться.

— Да, отличный наблюдательный пункт, — сказал первый, глядя в слуховое окно, и, помолчав, добавил: —

Только не пойму, почему нельзя зайти в его квартиру. Тепло, уютно. Сиди и жди этого самого Носова...

— Нет, в квартире нельзя, — возразил второй. — В первых, ее придется осматривать еще не один раз. Во вторых, сидеть можно лишь в присутствии хозяев или родственников, а кого возьмешь? Горе у людей. Да и стрельбу может открыть. Меня волнует совсем другое: придет ли он вообще сюда. Может, уже где-то за тысячу километров махнул. Удачно, гад, из города вырвался! Ума не приложу, как это наши не заметили его на той контейнерной площадке! Все пятеро словно ослепли!

— Да, но ты же знаешь, что он переоделся, — возразил первый.

Носова трясло. Он сидел и держал обеими руками, казалось, живой наган, не зная, что предпринимать дальше. Тем не менее он теперь прекрасно понимал, самое главное сейчас — выдержка. Только это может позволить ему вырваться из западни. И еще: из подслушанного разговора он почерпнул очень важную информацию: оказывается, в его квартире пока никого нет.

Работники милиции вполголоса продолжали беседу. Толковали о погоде, беспокойной службе, домашних делах, о всякой всячине. Не прерывая разговора, они по очереди посматривали в окно. Прошло несколько часов. У Носова затекли ноги. Но он боялся шевельнуться. Вдруг его сердце радостно забилося. Смотревший в окно мужчина предложил:

— Давай пройдемся, зябко стало. Там, глядишь, и утро скоро, смена придет.

— Что ж, давай прогуляемся, — ответил второй...

Оба оперативника пошли к люку.

Носов, не двигаясь, смотрел, как они друг за дружкой исчезли в люке. Он вскочил и бросился к окну, но чуть было не упал. Затекшие ноги не слушались. Он еле добрался до окна, лихорадочно растирая ноги руками, посмотрел во двор. Сотрудники милиции подходили к его дому. Носов понял: они хотят обойти

вокруг. Значит, у него есть несколько минут. Он бросился к люку. Спустился по лестнице. Не обращая внимания на скрип ступеней, выскочил во двор, спрятался за угол деревянного сарая. Начал наблюдать. Скоро оба сотрудника милиции оказались в поле его зрения. Они вышли из калитки, остановились на тротуаре.

Осторожно, боясь наступить на сучок или ледяшку, Носов медленно продвигался в сторону своего дома. Вот он остановился против подъезда, перебежал открытое место, нырнул в темноту, постоял какое-то мгновение, прислушался: все как будто спокойно. Вытащил из кармана ключ, подошел к двери, вставил в замочную скважину. Он знал, что дверь сильно скрипит, поэтому открывал ее с большой осторожностью. Вошел в квартиру и, закрыв дверь, толкнул вправо внутреннюю задвижку. Хотя он и пришел с мороза, пот застилал глаза.

Сделав несколько шагов, Носов открыл дверь, вошел в комнату. Здесь было не так темно, как в коридоре. Свет от уличного фонаря проникал через мелкую сеточку гардины. Все стояло по-старому. Даже кресло, в котором сидела Горанская, осталось на прежнем месте. Носов присел около шкафа, осторожно вытащил нижний ящик, поставил его на пол, запустил в освободившееся пространство руку, достал небольшой сверток, положил на пол. Затем снова сунул руку в том же направлении, вытянул второй, третий, четвертый свертки. Это ее сбережения. Их много. Дай бог выбраться отсюда, и тогда можно будет пожить в полное удовольствие.

Сзади вдруг послышалось какое-то движение. Носов замер. Он боялся повернуться. Ему почему-то показалось, что это тетка, что она держит в руках гантель, которую сейчас обрушит на его голову. Носов ждал удара. От страха весь съежился, сжался в какой-то неподвижный комок, горло сдавило спазмой. Ему даже почудилось чье-то дыхание за спиной. Он сел на пол и не шевелился. Силы окончательно оставили его.

В таком положении Носов просидел, должно быть, очень долго. Наконец он пришел в себя. Встал, распи-

хал по карманам свертки с деньгами, облигациями. Можно уходить. Но нет, в письменном столе еще можно найти те несколько листков бумаги, на которых Горанская записывала номера облигаций. А это значит, что у него появится стопроцентная гарантия: облигациями этими можно будет пользоваться без всяких опасений. Он подошел к столу, забрал нужные записи, засунул их в карман.

Нет, Носов все-таки не зря следил за теткой. Где и что искать – голову ломать не пришлось. Подошел к шкафу, вставил ящик на свое место. Теперь можно и в путь. Впрочем, можно ли? А вдруг расставлена ловушка на выходе из подъезда?! Носов прошел на кухню, выглянул в окно. Во дворе – пусто. Тогда он возвратился в комнату, приблизился к тюлевой гардине, внимательно посмотрел на дом, на чердаке которого он недавно сидел. Хорошо видно слуховое окно. Ему сейчас требовалось знать, где находятся работники милиции. Если на чердаке, значит, трудно будет выйти незамеченным: окна и подъезд хорошо обозреваются. Правда, на выход из подъезда они глядят сбоку. Поэтому можно выскользнуть совсем незаметно, повернуть налево, вдоль стены уйти за угол дома, а там через забор перепрыгнуть в соседний двор.

Вдруг Носов увидел, что в подъезд дома, который он взял под наблюдение, вошло трое мужчин. «Значит, смена, – мелькнула у него мысль. – Самый момент, чтобы уйти». Он направился в коридор, бесшумно открыл и закрыл дверь.

Выглянув из подъезда и убедившись, что поблизости никого нет, Носов, прижимаясь к стене, тенью начал подкрадываться к углу. Вот он уже за домом. Здесь наблюдатели наверняка не увидят его. Подошел к забору. Одним рывком перемахнул на обратную сторону и опрометью бросился через двор к невысокому дощатому сарайчику. Все получилось как нельзя лучше. Этот двор он знал прекрасно. Там, за сарайчиком, полутемная улица. Носов уже был уверен, что вырвался из капкана. Ему хотелось плясать и громко смеяться.

И в этот момент, когда он только начал огибать угол сарайчика, в воздухе мелькнула тень. Прямо с крыши на него бросился человек. Носов не успел сообразить, в чем дело, как оказался на земле лицом вниз. А на нем, крепко держа руки, уже сидели двое. Через мгновение послышался металлический щелчок, наручники сковали руки. Те двое поднялись. Один из них спокойно и даже как-то буднично проговорил:

– Хватит, Носов, отбегался!

Носову этот голос показался знакомым, и тут же он вспомнил, что слышал его там, на чердаке, когда сотрудники милиции сидели у окошка и переговаривались между собой. Значит, они знали все: и то, что я в Минске, и то, что сидел на чердаке. Дали даже в квартиру войти?» Носов хотел закричать. Уткнувшись лицом в мерзлую землю, хватая ее ртом, издал крик, который напоминал рев затравленного дикого зверя...

СВАДЬБЫ НЕ БУДЕТ

Выходной отменяется

Заканчивалась неделя. Впереди – два дня отдыха. Казалось бы, радоваться только, а на душе лейтенанта Ветрова будто кошки скребли. Вместе с Тростником он все эти дни провел в бесполезных поисках преступников, которые совершили крупные кражи из квартир. Вот и сегодня ровно в полдень в милицию позвонила хозяйка дома по улице Слепянской и, задыхаясь от страха и волнения, сообщила, что трое неизвестных взломали замки на дверях и вошли в дом ее соседа Лускина. Последний вместе с женой и четырнадцатилетним сыном три дня назад уехал отдыхать к родственникам.

Оперативная машина доставила группу на место происшествия через десять минут, но преступников и след простыл. Пустили собаку. Вначале она взяла след и уверенно пошла в сторону проспекта, но дальше...

Воры, по всей вероятности, уехали на машине. Опрос соседей Лускина ничего не дал. Кроме Мышковской, которая звонила в милицию, преступников никто не видел. А из ее рассказа, если не считать того, что это были трое мужчин, ничего выяснить не удалось.

Ветров стоял посреди комнаты рядом с начальником отделения уголовного розыска Каменевым и размышлял: «Опять та же картина... Вещи в спешке разбросаны по всей квартире. Видимо, воры искали деньги и ценности. Взломы совершены в одно и то же время. И опять машина, и тот же прием. Значит, орудовала одна группа».

Каменев, будто угадав мысли Ветрова, со злостью сказал:

– Одни и те же... Смотри, сколько времени прошло, а мы никак не зацепимся!

Из соседней комнаты слышался голос следователя Харитонova:

– Никаких следов...

К Каменеву и Ветрову подошел эксперт оперативно-технического отдела Градов:

– В перчатках работали.

– Как запоры? – спросил Ветров.

– Да что запоры? Дерни рукой покрепче, и замок вместе с усиками выскочит из двери, – с горечью ответил Градов и, помолчав, добавил: – Добра вон сколько накопили, а купить хороший замок денег жалко!

– Кто же знал, что воры такие нахальные? – вмешалась в разговор пожилая женщина, приглашенная в качестве понятой. – Среди бела дня такое вытворяют.

Каменев усмехнулся:

– А где вы видели, чтобы воры не были нахальными?

В комнату из коридора вошел Харитонов. В руках он держал хозяйственную сумку, с которой обычно ходят в магазин или на рынок.

– Под крыльцом стояла...

В сумке оказались два шерстяных свитера, нейлоновая рубашка и завернутые в «Чырвоную змену» черные мужские туфли.

Харитонов развернул газету и сказал Каменеву:

– Смотрите, Ануфрий Адамович, здесь цифра «двадцать два».

В сумке еще оказалась бутылка из-под вина. Ветров взял ее за горлышко и осторожно поставил на стол, а затем, повернувшись к Градову, попросил:

– Ты поосторожней. Сейчас эта бутылка для нас вроде бы золотом наполнена.

В кухне на столе сотрудники обнаружили остатки пиццы. Каменев мрачно пошутил:

– Так торопились на кражу, что даже пообедать решили на месте событий. Наверное, знали, что хозяев нет...

Вскоре появился Тростник. Он ездил за родственниками хозяев дома, которые хотя бы приблизительно могли сказать, что похищено.

Высокий и полный мужчина, брат хозяина квартиры, долго вертел в руках каждую вещь, обнаруженную

в хозяйственной сумке, затем позвонил свою жену, приехавшую вместе с ним:

– Люся, по-моему, это вещи Андрея и Валентины?

Женщина подтвердила:

– Конечно! – и повернулась к Каменеву. – Вот этот свитер мы с мужем подарили в прошлом году хозяину на день рождения, а остальные вещи видели у них.

Каменев спросил:

– «Чырвоную змену» они выписывают?

Но родственники ответить не могли: они не знали, какие газеты выписывали Лускины. Брат хозяина хлопнул себя по лбу:

– Пойдите, пойдите! А не мог ли кражу совершить их сосед?

– Какой сосед? – спросил Каменев.

– Тот, который однажды к ним в дом залез.

Но супруга запротестовала:

– Да погоди ты, Ваня! Он же не в дом лез, а в сад. – И, повернувшись к Каменеву, пояснила: – В прошлом году хозяин пришел вечером домой и видит: кто-то в саду яблоки рвет. Он – туда. Ну и поймал парня. Лет шестнадцати.

– Ты говоришь «яблоки», «яблоки»! – перебил ее муж. – Если он в прошлом году за яблоками полез, то где гарантия, что в этом году за чем-то другим не полезет? Нет, товарищи, вы обязательно проверьте этого жулика.

– Если идти по пути проверки всех, кто за яблоками в чужие сады лазил, – улыбнулся Каменев, – то многих придется проверять. Сами в детстве, небось, в чужие сады заглядывали?

– Я? – мужчина смутился, а его жена засмеялась:

– Лазил, конечно, лазил. Да еще как! Меня заставлял, как, он выражался, «на шухере стоять». Вдруг хозяин с палкой выскочит.

Каменев приказал Ветрову взять список похищенного и ехать в отдел готовить ориентировки.

И вот он уже почти час вместе с помощником дежурного ориентировал все органы милиции.

Резко зазвонил телефон.

– Ветров слушает!

– Здравствуй, Игорь! Ну как, шашлык не отменяется?

Веселый голос Петьки Комарова, его давнишнего друга, сразу же напомнил, что сегодня пятница, что он собирался два дня пожить с друзьями в палатке возле озера. Все это рухнуло.

– Отменяется.

– Опять что-нибудь стряслось? Знаю, что уговаривать и расспрашивать бесполезно. Позвоню вечером в понедельник. Пока!

Да, задача не из легких. Преступники действуют нагло и расторопно. Несколько раз их совсем уж было заставляли на месте кражи, и все же им удавалось исчезнуть. Взять хотя бы прошлую кражу. Воры проникли в один из домов по улице Издательской. Их заметил старик, сосед хозяев дома, и послал внука к телефону-автомату вызвать милицию. Через несколько минут машина оперативной группы мчалась к месту происшествия. Но надо же было так случиться: на пустыре напоролась на гвоздь. Пока меняли колесо, потеряли несколько минут. Именно за эти минуты воры успели скрыться.

Игорь невольно улыбнулся, когда вспомнил, как молоденький шофер-милиционер, узнав, что опоздали, со злостью несколько раз ударил ногой по колесу и потом кричал от боли – повредил палец. Ветров понимал, что никуда они не денутся, рано или поздно их схватят. Но он знал и то, что воры не пойманы и это может принести еще больше неприятностей многим людям.

Пришел Тростник.

– Все! Нашелся человек, который может опознать воров!

– Кто? – живо спросил Игорь.

– Понимаешь, как только ты ушел, Каменев направил меня к тому месту, где собака потеряла след. Это недалеко от магазина «Столичный». Я решил опро-

силье продавцов, не видел ли кто-нибудь из них стоявшей машины. Нашел девять покупателей, которые могли видеть воров, но никто не заметил их. Побывал в филармонии – ничего! Опросил всех старушек во дворах ближайших домов – и опять пусто. И вот тогда я пошел в театральные кассы. Это рядом с филармонией. И что ты думаешь? Нашел! Распространителем билетов там работает Зина Белявская. Молоденькая. Симпатичная. И совсем неглупая девушка.

– Слушай! Давай короче. Для меня неважно сейчас, двадцать ей лет или семьдесят...

– Ого! Неважно. Увидишь – этого не скажешь... Так вот, идет она на работу. Было 11 часов 30 минут. Переходит проспект, а на нее «Москвич» серый прет. Еле увернулась. «Москвич» остановился напротив гастронома. Выходят из него трое мужчин и хохочут над Зиной. Ну, а она их отругала как следует и вошла в кассы. Один из этой тройки еще крикнул ей вслед: «Не злись, козочка, загляну к тебе как-нибудь, побеседуем!» Пока Белявская отчиталась, пока получила новые билеты, прошло минут сорок. Выходит к проспекту, смотрит, а к «Москвичу» мимо нее та же тройка чуть ли не бегом направляется. И у каждого в руках по чемодану. Удивилась Зина, что они чемоданы в багажник не сложили, а держат в руках. Быстро сели в машину и уехали. Девушка утверждает, что двоих легко опознает. Пригласил ее зайти к нам. Через часок явится. Ты предложи посмотреть фото «квартирников», а я организую перекрытие мест возможного появления этих типов. Каменев приказал тебе попробовать найти преступников с помощью Белявской. Надевай, дружка, смокинг, бабочку и прогуляйся по ресторанам, кафе.

Тростник – выше среднего роста, круглолицый и почти всегда улыбающийся. На два года раньше Ветрова он окончил школу милиции и относился к своему сослуживцу покровительственно, как более опытный работник. Ветров и сам с интересом присматривался к работе Тростника, Каменева. Каменев, всегда спокойный, предельно выдержанный, был хорошим началь-

ником и отличным товарищем. С ним легко работать даже тогда, когда сутками приходится глаз не смыкать. А такое в работе уголовного розыска бывает часто: случись преступление – и понятие о нормальном рабочем дне исчезает.

Подвижный и беспокойный, Ветров, в свою очередь, тоже нравился Каменеву и Тростнику. Их поражали его удивительная работоспособность, умение правильно оценить обстановку, видеть главное. Ветров мог днями и ночами находиться на работе. И если уж он выходил на след преступника, то, казалось, не было никакой силы, способной остановить его. В эти минуты он уходил в себя, и ничто, кроме относящегося к делу, его не интересовало. Зато каким веселым и остроумным он был в редкие минуты отдыха! Все свободное время, что оставалось у Ветрова от работы, уходило на учебу. Он заочно оканчивал юридический факультет.

Белявская, впервые попавшая в уголовный розыск, была несколько растеряна и не обратила внимания, что и Ветров тоже немного смутился. «Действительно симпатичная!» – подумал он. В кабинете Харитонов Игорь раскладывал перед Зиной альбомы.

– Вы, Зинаида Александровна, посмотрите галерею наших «подшефных», а вдруг кого-нибудь опознаете. Буду ждать вас у себя в кабинете. Если возникнут вопросы, обращайтесь к товарищу Харитонову. – Ветров кивнул на сидящего за соседним столом следователя, который оторвался от чтения бумаг и, улыбаясь, проговорил:

– Располагайтесь, пожалуйста, поудобнее. Чтобы просмотреть это, вам придется порядком посидеть.

Ветров вернулся к себе в кабинет. Тростник, проверяя пистолет, пошутил:

– Что? Увел побыстрее, чтобы всю правду о тебе не рассказал?

– Ладно уж! Какой шашлык сорвался!

Тростник помрачнел.

– А моя жена с сыном опять одни в деревню поедут. Ну ладно, я пошел. С Белявской куда думаешь пойти?

– На вокзал, затем в аэропорт. После посмотрим рестораны в этих районах.

– Ни пуха ни пера! Буду на рации...

Где-то около восьми часов вечера Ветров и Белявская ехали в милицейском «газике» на железнодорожный вокзал. Ехали молча. Ветров обдумывал план действий. Белявская, впервые попавшая в такую непривычную ситуацию, тоже думала, чем все это кончится. Шофер, которого попросили задержаться часок-другой на работе, не был расположен к беседе. Не доезжая квартал до вокзала, Ветров попросил шофера свернуть во двор мединститута и обратился к Зине:

– Отсюда пойдем пешком.

Ветров отпустил машину, и они, не торопясь, направились к вокзалу.

– Зинаида, давайте с вами договоримся. Во-первых, в интересах дела перейдем на «ты». А во-вторых, будем вести себя так, будто знакомы, по крайней мере, сто лет. И в-третьих, это уже личная просьба... Не смотрите на меня, как на ходячее каменное изваяние, если это у вас получится, конечно...

Белявская улыбнулась:

– Договорились. Только я как-то неловко себя чувствую.

– Почему?

– Впервые встретилась с работником уголовного розыска.

– Не так страшен черт, как его малюют.

Они пересекли площадь, вышли на перрон, затем направились в небольшой сквер, расположенный недалеко от вокзала. В сквере немного посидели на скамейке. Зина рассказала о некоторых подробностях своей жизни, а Ветров, слушая ее, следил за прохожими. Когда попадались люди, похожие на разыскиваемых, он мягко перебивал Зину и молча, глазами указывал на них. Вскоре Ветров и девушка зашли в ресторан и сели за свободный столик недалеко от входа.

Игорь спросил:

– Вы обедали сегодня?

– Да, покупала пирожки.

– Пирожки – это не еда. Будем обедать и ужинать одновременно.

В тот вечер они никого не встретили.

Ищи Драгуна

Новый рабочий день, как всегда, начался с пяти минутки. Дежурный по отделу, немолодой капитан с красными от бессонной ночи глазами, сообщил о происшествиях за сутки по району и городу. Ночь прошла, можно сказать, нормально.

Для Ветрова сообщения дежурного интереса не представляли, и он сразу же после пятиминутки направился к Каменеву в кабинет.

– Присаживайся, Игорь Николаевич. А я хотел было бежать к тебе. Сегодня опять придется работать с Белявской.

– Так это же вечером!

– Да, вечером. А днем займись-ка вот этим человеком, – и Каменев протянул Ветрову ориентировку.

– А-а, Драгун! Бежал из колонии и может появиться в нашем городе.

Каменев перебил его:

– Теперь тебе следует знать еще и то, что этот Драгун трижды судим за квартирные кражи. Поступили сообщения, что он уже прибыл в город. Здесь у него наиболее близкие люди – Бурова и Самохин. Последний тоже три раза был судим, и тоже за квартирные кражи. Займись ими. Передай Тростнику: пусть зайдет ко мне. Ему хочу дать дополнительно людей. Надо перекрыть все места возможного сбыта похищенного и появления преступников. А заодно пусть попытается установить, кому принадлежала газета. И еще, Игорь Николаевич... Ты, пожалуйста, лично проинструктируй наряды, заступающие на дежурство на рынке и автостанции.

– Хорошо, Ануфрий Адамович, – ответил Ветров, вышел из кабинета и направился в дежурную часть. Там наряды готовились заступать на дежурство.

Ветров тщательно проинструктировал их. Проверил, насколько они запомнили приметы Драгуна и других подозреваемых, наименование похищенных вещей, и только после этого направился к Буровой. Дом, где она жила, был в двадцати минутах хода, и лейтенант пошел пешком. На углу купил мороженое и, с удовольствием уплетая его, обдумывал план действий.

А вот и этот дом. Небольшой двухэтажный деревянный домишко. Таких в городе осталось много, их сносят в первую очередь. Игорь подошел к крайней двери и увидел на ней цифру два. Бурова жила в четвертой квартире. Ветров решил к Буровой сразу не заходить и постучал в дверь второй квартиры. Вышла старушка. Лейтенант поздоровался и, не представившись, спросил:

– Бабушка, скажите, пожалуйста, где здесь проживает одинокая молодая женщина, которую то ли Ветрой, то ли Ирой зовут.

Ветров понимал, что его вопрос о женщине, которой он даже имени не знает, звучит довольно странно. Но стоит ему сказать этой старушке, что ему нужна Ирина Бурова, как она тут же ткнет пальцем в сторону второго этажа и захлопнет дверь, чего он не хотел. Бывает, что люди, скучающие от одиночества, при случае могут и побеседовать с пришельцем.

– Говорите, Вера или Ира? – переспросила старушка. – А как она выглядит?

– Такая лет двадцати семи, двадцати восьми, одинокая... симпатичная... глаза веселые, – пытаюсь напустить тумана, пояснил оперативник.

– В нашем доме только одна одинокая проживает. Это Ира, из четвертой квартиры. Да вот только не знаю, она ли вам нужна. – И старушка сомнительно покачала головой.

– Это почему же вы так думаете?

– Да вот смотрю на вас, вы такой чистенький, аккуратненький, а к ней обычно какие-то замызганные пашаают.

– Она в самом деле одна живет?

– Числится одна – для видимости. У нее всегда кто-то есть, – недовольно проворчала старушка, – жить даже страшно. Я вечерами во двор боюсь выйти, может, бандиты к ней ходят, кто их знает.

– А сами вы знаете кого-нибудь из этих ходоков?

– А вы, мил человек, не из милиции случайно будете?

Ветров решил больше не таиться:

– Из милиции, бабушка, из милиции. Кто-то из соседей написал, что безобразничает она много. Вот я и хочу разобраться, в чем дело.

– А чего ж они не написали ее правильный адрес, фамилию, имя?

Старушка смотрела на Ветрова подозрительно.

– Говорите, что из милиции? А документ у вас есть?

– Конечно, бабушка!

– Покажь! – потребовала она.

Ветров достал из кармана пиджака удостоверение и протянул его старухе:

– Вот, пожалуйста.

– А ты, молодой человек, – окончательно перешла она на «ты», – почитай мне, что там написано.

Ветров развернул удостоверение и прочитал:

– Лейтенант Ветров Игорь Николаевич, состоит в должности инспектора уголовного розыска, – и протянул удостоверение старухе. – Вот посмотрите: печать, подпись начальника есть.

– Ладно уж. Верю. А документ свой спрячь. Все равно неграмотная. Входи, коль хочешь – поговорим.

Ветров вошел в небольшую и аккуратную комнатушку. Одного взгляда на обстановку было достаточно, чтобы сделать вывод: старушка жила одна.

«Это хорошо, – подумал лейтенант, – можно не торопясь расспросить хозяйку».

Он сел на предложенный стул.

– Не скучно вам одной тут жить?

– Да как тебе сказать? Дети у меня взрослые, свои семьи имеют, живут отдельно. К себе зовут жить, а я не хочу. Здесь я сама себе хозяйка.

Неожиданно старушка, взглянув в окно, воскликнула:

– Вот полюбуйся, идет, красавица!

Через тюлевую занавеску Ветров увидел, как наискось, через двор, к дому приближается женщина. Одето ярко: малиновая кофта, желтая юбка.

«Так вот она какая, эта Бурова», – подумал Ветров и спросил:

– Бабушка, у нее сейчас дома кто-нибудь из мужчин есть?

– Черт ее знает, кого она может у себя прятать. Два дня назад соседи из первой квартиры хотели в милицию звонить. Трам-тарарам устроила в квартире: крики, ругань, дрались какие-то мужики, потолок ходуном ходил.

– Вы никого не знаете из тех, кто к ней ходит?

– Не знаю я, сынок, не знаю. Одно могу сказать: нехороший человек и такие же нехорошие люди к ней пристают. Давно за нее пора взяться. Здоровая баба, а не работает. Спрашивается: за счет кого живет?

– Вы правы, бабушка. Будем что-нибудь предпринимать, – сказал Ветров и, попрощавшись, ушел.

Лейтенант решил зайти к Буровой и побеседовать с ней. Тем более что причина есть.

Он поднялся по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж и постучал в дверь, на которой мелом была написана цифра «4». Ответа не последовало. Ветров опять постучал, за дверью тишина. Толкнул дверь – открыта. Вошел в полутемный и затхлый коридор, прошел его, отворил вторую дверь и оказался в большой комнате. Посередине стоял стол, покрытый зеленой скатертью. В углу на старом диване сидела Бурова. Она молча смотрела на незнакомца.

– Здравствуйте, вы будете Ирина Брониславовна?

– Я, а в чем дело?

– В скандалах, которые устраиваются в вашей квартире. Я из милиции. Вот мое удостоверение.

Но Бурова, даже не взглянув на документ, сделала удивленное лицо:

– Я никаких скандалов не устраиваю.

– А два дня назад, когда весь дом ходуном ходил, стекла содрогались от матерщины?

– А-а, два дня назад, – растягивая слова, проговорила хозяйка, – это я с мужем немного по душам поговорила, так для них, – показала она пальцем на пол, – это уже скандал. Что они – сами между собой не ссорятся, что ли?

– Кого вы имеете в виду?

– Да вот, соседей из первой квартиры. Чуть что, так сразу же в милицию бегут.

– Странно, странно. Говорите, что с мужем поссорились, а в тот день у вас было несколько мужчин. Кто они?

– Так я же говорю, муж...

– Вы же не замужем.

– Документы в загс подали, скоро распишемся.

– Как фамилия будущего мужа?

Бурова помялась немного, затем как-то неуверенно ответила: «Ревтовский».

– Кто еще был, когда, как вы говорите, слегка поссорились с вашим будущим супругом?

– Кто, кто? Не знаю. Какой-то товарищ мужа. Имени его даже не помню.

– Может, Самохин был?

– Самохин? Какой Самохин? Ах, Ленька! Так он же в больнице лежит.

– Что с ним?

– Говорят, аппендицит.

Ветров видел, что с этой женщиной говорить бесполезно, правды все равно не добьешься, вызовешь подозрение. Он предупредил, чтобы она скандалов больше не устраивала, и, сделав вид, будто он удовлетворен беседой, ушел.

Пешком прошел до райотдела и сразу же направился к Каменеву.

– Ануфрий Адамович, я проверил Самохина и Бурову. Бурова собирается выходить замуж за некоего

Ревтовского. Они подали заявление в загс. Самого жениха, к сожалению, я не видел, но в этом нет никакой необходимости. Правда, поведение Буровой, когда я с ней разговаривал, мне не совсем понравилось. А вот Самохин начисто отпадает. Он уже неделю лежит в больнице. Ему вырезали аппендикс.

— Да, если так, то Самохин действительно отпадает, — задумчиво сказал Каменев и спросил: — О Драгуне ничего не слышно?

— Был ли он у Самохина или Буровой, пока не установил.

— Его фотографии все получили?

— Да.

— Фото Драгуна нужно вручить внештатным сотрудникам и членам комсомольского оперативного отряда.

Новоселье

Тростник получил новую квартиру и в воскресный день пригласил друзей на новоселье.

Всем было весело. Каменев предложил тост за новоселов, затем Ветров под хохот присутствующих предложил выпить за каждую комнату в отдельности. Все шло хорошо. Для большинства гостей, сотрудников уголовного розыска, такие моменты были большой редкостью. Может, поэтому и настроение в этот вечер у каждого из них было прекрасным. Жена Тростника беспокоилась, не будет ли в квартире шумно от проходящих мимо дома трамваев. Сразу же посыпались шутки. Один из гостей с серьезным видом посоветовал Тростникам каждое утро смазывать трамвайные рельсы салом, другой — заложить окна, выходящие на улицу, кирпичами и сделать дневной свет в квартире.

Игорь обратил внимание на сидящую невдалеке от него девушку. Она была родственницей Тростника и пришла вместе с родителями. Ее большие голубые глаза весело смотрели на людей, и стоило Ветрову

внимательно посмотреть на незнакомку, как Тростник наклонился к нему и чуть слышно сказал:

— Кстати, Надя не замужем.

— А ну тебя! — отмахнулся Ветров и покраснел.

Вскоре в квартире зазвучала музыка. Многие начали танцевать. Игорь пригласил голубоглазую девушку. Познакомившись, разговорились. Надя спросила:

— Скажите, не страшно работать в уголовном розыске?

— Что вы, нисколько!

В ту минуту Ветрову захотелось рассказать Наде что-нибудь героическое, но ничего толкового в голову не приходило, и он молча продолжал кружить девушку в вальсе.

Затем все снова пошли к столу. Тростник рассаживал гостей, и по его воле Игорь и Надежда «случайно» оказались рядом. Лейтенант уже перестал краснеть при каждом взгляде, брошенном на него девушкой. Да и разговор стал более непринужденным и свободным. У Игоря то ли от выпитого вина, то ли от того, что рядом с ним находится такая симпатичная и, самое главное, как ему казалось, все понимающая девушка, кружилась голова. Ему было хорошо, он был счастлив.

Надя как будто читала его мысли. Она наклонилась к нему и спросила:

— Игорь, вам часто приходится вот так проводить время?

— Как так? За столом?

— Нет, я имею в виду не работать, а быть предоставленным хотя бы на несколько часов самому себе? Ведь есть же у человека право иметь свое личное время, время на счастье.

Ветрову хотелось сказать, что счастье он находит в работе, что сегодня, увидев Надю, он чувствует себя вдвойне счастливым, что он счастлив потому, что рядом друзья, Тростник, Каменев. Но ответить он не успел. В прихожей раздался телефонный звонок. Тростник поднял трубку, а затем окликнул Ветрова:

– Игорь, ты говорил дежурному, что будешь у меня?

– Конечно.

– Ну так иди к телефону.

Ветров взял трубку.

Звонил дежурный по отделу:

– Игорь Николаевич, начальник отдела приказал разыскать вас. Дело в том, что в отдел пришла одна старушка и сообщает интересные сведения. Может, подъедете?

– Хорошо, скоро буду. – Ветров положил трубку и встретился с вопросительным взглядом Нади. Подошел и сел рядом: – С работы. Надо ехать. Кстати, о счастье. Известный ученый в области физики и квантовой математики академик Ландау создал свою формулу счастья. Он пришел к выводу, что тридцать процентов времени человек должен отдавать работе, тридцать – любви и тридцать – общению с людьми. Время, отведенное последнему, у меня истекло, теперь нужно думать о работе.

– А любовь? – шутливо спросила девушка, но тут же покраснела.

– Я очень люблю свою работу и поэтому шестьдесят процентов отдаю ей, – ответил Игорь и вдруг совсем простодушно спросил: – Надя... я... смогу вас разыскать?

– А я ничего не совершила, никого не убила. Зачем меня разыскивать?

Ветров смутился:

– Я не в этом смысле... просто хотел, если, конечно, вы не возражаете, снова увидеть вас.

Девушка еще больше покраснела и назвала номер домашнего телефона.

Лейтенант сел в трамвай. Через четверть часа он входил в комнату дежурного по отделу. Ответственный дежурный протянул лист исписанной бумаги и кивнул в сторону сидящей на стуле пожилой женщины:

– Вот заявительница.

Ветров пригласил старушку пройти с ним. В кабине она не спеша начала рассказывать:

– Я всегда хожу в гастроном «Сказка». Это удобно. Он находится рядом с моим домом. Сегодня пришла туда сразу же после обеда. Купила колбасу, хлеб, полкило свинины, – старушка задумалась, вспоминая, что еще она купила, а Ветров, хотя и понимал, что эти подробности ни к чему, перебивать не стал. Пусть человек рассказывает все по порядку. Тогда можно будет быстрее уловить главное. Старушка вспомнила и продолжала: – Да, еще купила пачку соли и одну селедочку. Потом подошла к винно-водочному отделу, купить спички, пару бутылок напитка. Ну вот, значит, подошла к этой Софке.

– Какой Софке? – спросил Ветров.

– Продавщица этого отдела. Вы разве не знаете?

– Нет, не всех еще продавщиц винно-водочных отделов знаю, – улыбнулся Ветров, – продолжайте, пожалуйста.

– Софку вся округа знает. Пьяницам «чернила»... извиняюсь, вино по блату продает... За дополнительную плату, конечно. Ловкая дамочка! Обмануть любого покупателя может. За ней следи да следи. Так вот, подхожу, значит, к ее отделу. Там только двое молодых мужчин стоят. Смотрю – один с сумкой в руках заходит за прилавок, и Софка, наклонясь к сумке, начала что-то рассматривать. Я в этот момент уже у прилавка стояла и все видела. Софка достала из сумки хрустальную вазу и тихо спросила мужчину: «Сколько?» Что он там такое ответил – не разобралась. Как раз в этот момент, понимаете, слышу какой-то шорох в сумке. Глядь – кошелек на месте нет. Будто корова языком слизала. А возле меня стоял только один из этих мужчин. Больше никого. Кто взял? Конечно, думаю, только он. Смотрю, значит, на него: такой чистенький, такой аккуратенький, в фас похож на одного киноартиста, в профиль – на другого, а на самом деле – вор. Вот я и говорю: «А ну, друг ситный, отдавай кошелек, а то худо будет!» Смотрит он невинными глазами и удивляется:

«Какой кошелек?» Я ему: «Если сию же минуту не отдашь, такой шум подниму, что ты и до дверей не добежишь, схватят – и в милицию!» Тут Софка прекратила стекляшки рассматривать и говорит этому типу: «Слушай, отдай кошелек и не выступай здесь. Ты что? Хочешь, чтобы у меня неприятности на работе были?» И что вы думаете? Достает этот ворюга кошелек мой, швыряет на прилавок да как матюгнется! Господи, такого и не слыхала никогда. Говорит: «Сейчас как рыпну... отлетишь на...» – старушка наморщила лоб, – вот только не вспомню, на сколько метров отлечу...

– Ну это не столь важно, – успокоил ее Ветров. – Что дальше было?

– Что дальше, говорите? А ничего дальше не было. Забрала свой кошелек и не стала покупать ни напиток, ни спичек. Вышла из магазина, а они там и остались. А вот когда немного успокоилась, решила в милицию пойти, на всякий случай эту историю рассказать.

– Правильно сделали, спасибо вам. – Ветров достал бланк протокола допроса свидетеля и записал показания старушки. В ее рассказе самым интересным было то, что в поле зрения попала Софа, что к ней приносили хрусталь. Ведь у Лускиных хрусталь тоже был похищен.

Старушка ушла, а Ветров все еще сидел за столом. «Хорошо, что много не пил, – размышлял он, – от тех нескольких рюмок сухого забалдеть не успел. Надо действовать. Кто эта Софа? Скажет ли она, кто эти загадочные продавцы хрусталя?»

Лейтенант поднял трубку и позвонил дежурному:

– Посмотрите, кто из участковых инспекторов обслуживает гастроним «Сказка»?

– Старший лейтенант Канин.

– Когда он будет в отделе?

– Он уже ушел на участок. Будет звонить, что передать?

– Пусть мне позвонит в кабинет.

Ветров решил сначала поговорить с участковым Каниным, а затем действовать...

Еще один свидетель

Рано утром следующего дня Ветрову вместе с Тростником пришлось выехать на задание. В городе появился рецидивист, сбежавший из Вильнюса после совершения преступления. Работникам уголовного розыска стало известно, что ночью он скрывался в одном из подвалов. Задержать его было поручено Тростнику и Ветрову. В помощь им дали двух милиционеров и проводника с собакой.

Все прошло удачно. Не успел преступник приподняться с пола, как ему уже горячо дышал в лицо огромный пес. Тростник и Ветров стояли рядом. Игорь быстро ощупал карманы онемевшего от неожиданности преступника и достал самодельный однозарядный пистолет и финку.

Только около двенадцати Игорь вошел к себе в кабинет. На столе резко звонил телефон. Он поднял трубку: «Ветров слушает». Прозвучал взволнованный голос Белявской:

– Игорь, пожалуйста, быстрее. Они в кафе «Мороженое». Пьют шампанское.

– Жди нас у кафе, едем.

Ветров бросился в дежурную комнату, и через минуту милицейский «газик» мчался к кафе.

Белявская ждала их за углом. Увидев выходящего из машины Ветрова, быстро подошла к нему:

– Я зашла выпить кофе. Гляжу – за столом сидят двое мужчин и девушка. Сначала я не обратила на них особого внимания, а когда присмотрелась, вижу, что один из мужчин тот, которого я заметила тогда.

Когда зашли в зал кафе, Зина остановилась в растерянности. За столом, где сидели мужчины, осталась только девушка.

– Ушли, – расстроилась Зина.

Ветров повернулся к своим сотрудникам:

– Возьмите Зинаиду Александровну и на машине проскочите по ближайшим улицам, может, встрети-

те, — повернувшись к Зине, спросил: — С этой девушкой сидели?

— Да, с этой.

— Хорошо, езжайте, а я поговорю с ней.

Зина вместе с тремя сотрудниками вышла из кафе. Лейтенант встал у двери, ожидая девушку, которая уже рассчитывалась с официанткой. Когда она была у выхода, Ветров подошел к ней:

— Извините, девушка. Попрошу вас на минутку в кабинет директора.

В кабинете директора кафе сидел средних лет мужчина.

Ветров предъявил удостоверение.

— Позвольте нам переговорить в вашем кабинете?

— Да-да, пожалуйста. — Он встал и вышел.

Ветров предложил девушке сесть, потом взял кресло директора и сел рядом с ней.

— Я инспектор уголовного розыска Ветров. А вы кто? — Лейтенант заметил, что девушка испугалась, и улыбнулся. — Вы не беспокойтесь. Есть всего лишь небольшая просьба.

— Жукова Лариса Сергеевна. А в чем дело?

— Скажите, Лариса Сергеевна, с кем вы пришли сюда — в кафе?

— Я? Пришла одна. У меня сейчас свободный урок, а школа рядом. Вот и заглянула перекусить.

Игорь понял, что Жукова говорит правду, и решил не тратить время на осторожные вопросы. Он начал прямо:

— Дело в том, Лариса Сергеевна, что нас очень интересуют те двое мужчин, которые сидели с вами недавно за одним столом.

Жукова уже успокоилась и поняла, что здесь что-то серьезное.

— Да, действительно они сидели со мной за одним столом. Но я их, честное слово, не знаю и видела впервые.

— Обрисуйте их, — попросил Ветров.

— Ой, вы знаете, я не запомнила их. Вот разве что у одного голос хриплый, да еще на руке какое-то слово наколото.

— Не заметили какое?

— Нет, но татуировка сделана на правой руке, это я точно помню.

— Вы слышали, о чем они говорили?

— Они были пьяны. Заказали бутылку шампанского и два бутерброда. Тот, который с татуировкой, все успокаивал своего друга. Он говорил, что «зайчишки» наколку какую-то сделали. И все вспоминали Хаверню или Хавнеру.

— Хаверу, — подсказал Ветров.

— Да-да, Хаверу. Говорит, будет все в порядке. Хозяин вместе с женой и, как я поняла, с дочерью Людой в пятницу уезжают на свадьбу. Эти «зайчики» все и делают. Только тот, которому он рассказывал, должен колесами помочь. — Жукова замолчала, вспоминая услышанное, потом продолжила рассказ: — Второй сомневался, боялся, что в случае чего «зайчишки» расколются. Но этот, с татуировкой, успокаивал его, говорил, что они же ничего о нас не знают, а цифры ты поменяешь. Говорили они еще о чем-то, но я не расслышала. Выпили шампанское, рассчитались и ушли...

В кабинет вошел один из сотрудников. По его виду Ветров понял, что ничего утешительного нет. Он повернулся к Жуковой и сказал:

— Лариса Сергеевна, вы узнали бы этих мужчин?

— Вообще-то да, наверное, узнала бы...

— Ну что ж, завтра после работы зайдите, пожалуйста, к нам в отдел милиции, в девятый кабинет.

— Хорошо, зайду.

Жукова встала и, кивнув на прощание головой, вышла из кабинета.

Ветров поднял трубку телефона и позвонил. В трубке послышался голос начальника уголовного розыска.

— Каменев слушает.

— Ануфрий Адамович, опоздали мы. Это действительно были они. С ними за одним столом сидела женщина. Она учительница. Слышала, что они вели разговор о готовящейся краже.

– Она их хорошо заметила?

– Говорит, что, наверное, узнать сможет. У одного из них на правой руке татуировка, – и Ветров сообщил приметы преступников.

– Хорошо. Я сейчас сориентирую наших. Вы же прокатитесь на машине, авось и встретите.

Ветров положил на аппарат трубку и направился к выходу. В дверях он столкнулся с директором, поблагодарил его и, попрощавшись, вышел из кафе.

Белявская вместе с сотрудниками стояла у машины. Вскоре машина улицу за улицей объезжала близлежащие кварталы. Но преступников нигде не было. Далеко уйти они не могли, значит, остается предполагать одно: уехали на машине. «Место бойкое, – подумал Ветров, – и такси на каждом шагу хватает». Скрепя сердце он прекратил поиск. По дороге подвезли Белявскую к ее дому и возвратились в отдел милиции.

Кто выписывает «Чырвоную змену»?

Тростник держал в руках газету «Чырвоная змена», на которой кто-то написал цифру «22». Ему было поручено установить, кому принадлежала газета и кто оставил следы пальцев рук на бутылке. Как выяснилось, обнаруженные в сумке вещи были лишь маленькой частью похищенного. То, что преступники забрали с собой из квартиры пустую бутылку, объяснялось просто: не хотели оставлять вещь с отпечатками своих пальцев. А вот то, что сумка с вещами, газетой и бутылкой была оставлена под крыльцом, было загадочным. Что это – забывчивость, проявленная в спешке, или, может, хитрый ход преступников? Уж не намеренно ли наводят они уголовный розыск на ложный след? В таком случае время играет на них. Но, как бы там ни было, необходимо искать и хозяина газеты и человека, державшего в руках бутылку. Пусть это даже уловка преступников. Каменев прав, обратив внимание на то обстоятельство, что на бутылке оставлены следы только одним человеком. Следовательно, вста-

ет вопрос – или их оставил продавец, или кто-то преднамеренно удалил все следы с бутылки, а затем нанес на нее только один. Тогда все ясно – это «забота» об уголовном розыске.

С чего начинать? Если следы на бутылке оставил преступник, ранее судимый, то дело решится очень просто. Еще утром он дал задание в оперативно-технический отдел дешифровать отпечатки и проверить их по дактокартотеке. Необходимо пока сосредоточить внимание на газете.

То, что подписчик живет в городе, не вызывало сомнения: цифры на газетах обычно пишут только городские почтальоны. Но что они обозначают – номер дома, квартиры? В городе несколько десятков почтовых отделений и сотни почтальонов. А сколько домов, сколько квартир под этим номером?! Чтобы установить хозяина газеты, Каменев дал только трое суток. Тростник тяжело вздохнул, взял ручку и склонился над бумагой.

Участковый инспектор Канин

Дверь кабинета резко распахнулась. Вошел участковый инспектор Канин. Он быстро проговорил:

– Я позвонил дежурному. Он сказал, что ты ищешь меня. Решил не звонить, а приехать, – и только после этого он поздоровался. – Привет, что случилось?

– Здравствуй, Николай Иванович. Разговор есть. Присаживайся.

Канин – высокого роста, подтянутый. У него большие карие глаза и черные, как смоль, волосы.

Ветров не зря искал его. Старший лейтенант уже более пяти лет обслуживал свой участок и знал всех, кем мог интересоваться уголовный розыск.

Ветров спросил:

– Ты всех продавцов знаешь в гастрономе «Сказка»?

– Конечно. А кто тебя интересует?

– Есть там в винно-водочном отделе...

– Уж не Софка ли? – перебил Канин.

– Она. Что ты знаешь о ней?

– Вертлявая баба. Живет одна в отдельной квартире. Мужчин как перчатки меняет, да и в магазине за ней только смотри да смотри. Я на нее дважды протоколы составлял за нарушение правил торговли спиртными напитками.

– Ты не слышал, чтобы к ней вещи или драгоценности приносили?

– Почему не слышал? В прошлом месяце об этом рапорт писал. К Судниковскому попал. Да, видно, понапрасну. Мало того, что по существу не разобрался, так еще и обругал меня: мол, чепуху пишу, отрываю его от серьезных, более важных дел.

– О чем ты писал?

– Понимаешь, граждане подсказали: Софа у разных забулдыжек золотые изделия, хрусталь, меха скупает. Но у меня же нет такой возможности, как у вас. Вот и написал на свою голову рапорт.

– А где сейчас твой рапорт?

– Я же сказал, у Судниковского.

– Слушай, Николай, сходи-ка ты к Судниковскому. Он сегодня как раз дежурит. Забери рапорт.

Канин вышел из кабинета и минут через десять вернулся.

– Вот моя бумага. Судниковский ее под сукно положил.

Ветров внимательно прочитал рапорт и спросил:

– Николай Иванович, а кто еще хорошо знает эту Софу?

Канин улыбнулся:

– Знаешь у трамвайного кольца погребок?

– Это где пивом торгуют? Конечно, знаю.

– Спроси любого завсегдатая, он тебе все расскажет. Только, конечно, не говори, кто ты. Они с нашим братом не очень делятся.

– Да, может, ты и прав, – задумчиво проговорил Ветров и решительно встал со стула: – Иду к погребку.

– Я не нужен?

– Пока нет. Ведь они тебя хорошо знают. Лучше постарайся побольше об этой продавщице выяснить. Может, узнаешь, кто ей вещи носит.

Ветров коротко сообщил участковому инспектору о рассказе старушки. Вскоре они вместе вышли из здания районного отдела и разошлись каждый по своим делам.

Лейтенант трамваем доехал до конечной остановки и через пустырь направился к крайнему пятиэтажному дому, где в полуподвальном помещении находилась пивная...

У пивной

У погребка стояла толпа любителей пива. Одни, устроившись за высокими столиками, ели воблу, запивая пивом, другие, уже подвыпившие, оживленно беседовали между собой. Много времени Ветрову не понадобилось, чтобы определить, кто пришел сюда просто выпить кружку пива, а кто как в дом родной явился. Эти-то и были предметом внимания лейтенанта.

Игорь спустился в погребок, заказал себе кружку пива и вышел обратно. Только пристроился он недалеко от одной подозрительной группы громко разговаривающих молодых мужчин, как чуть не поперхнулся: мимо него, как ни в чем не бывало, проходил участковый инспектор Канин.

«Чего его черти носят! – недовольно подумал Ветров. – Мы же договорились, что ему приходится сегодня сюда не надо».

А Канин, не обращая внимания на Ветрова, прошел за угол дома. Игорь Николаевич заметил, как беспокойно следят за участковым инспектором любители спиртного.

«Ну чего он пришел? – думал лейтенант. – Нет, здесь что-то не так. Наверняка хочет переговорить».

Игорь допил пиво, поставил кружку на стол и не спеша направился в сторону, куда ушел Канин. Повер-

нул за угол и увидел участкового. Тот сразу же двинулся дальше. Ветров – за ним. Завернули за следующий угол, перешли дорогу и попали во двор большого здания, где размещалось студенческое общежитие. Здесь и начали разговор.

– Ты, Игорь Николаевич, извини, что я приперся. Но, понимаешь, наверное, у меня склероз. Забыл совсем рассказать тебе об одном человеке. По дороге вспомнил и решил разыскать тебя, вот и приехал. Есть такой Сергейчик Владислав, пьянчужка, работает в каких-то ремонтных мастерских, всегда крутится у этой пивнушки. И сейчас я его там видел. Этот Сергейчик раньше был в хороших отношениях с Софой. Часто ночевал у нее. Потом у них все разладилось. Я его знаю хорошо. Если ты согласишься, предлагаю такой план.

Они прошли в глубь двора и сели на скамейку.

Минут через двадцать Ветров снова появился у погребка. На него никто не обратил внимания. Спустившись в погребок, лейтенант взял вторую кружку пива и устроился за одним из столиков, где стояли трое мужчин. Один из них – в сиреневой тенниске. Это и был Сергейчик. Мужчины продолжали громко болтать. Ветров понял, что они хорошо знают друг друга и ведут разговор о своих друзьях. Послышались жалобы на то, что как плохо на следующий день идти на работу, что нет денег для более существенной выпивки.

В этот момент и появился Канин. Он по-хозяйски прошелся вдоль столиков.

– А, Сергейчик! Как всегда, здесь. Смотри, наберешься, а завтра на работу забудешь пойти.

– Что вы, Николай Иванович. На работу обязательно пойду. Вот встретил друзей, решили по кружке пива выпить.

Канин посмотрел на его друзей и сказал:

– А, Батюта, Ефремов! Так, так, так. Тоже, как всегда, здесь. Вы работаете?

– Конечно, Николай Иванович.

Канин взглянул на Ветрова:

– А это кто?

– Просто товарищ. Подошел к столику пивка попить, – ответил Сергейчик.

– Чей товарищ? Твой?

– Да нет же, Николай Иванович. Мы его знать не знаем. Только что к нашему столику подошел.

– Ясно. Ну вот что, Ефремов и Батюта, допивайте свое пиво и пройдемте со мной в опорный пункт. Надо с вами побеседовать, – и, повернувшись к Сергейчику, сказал: – Как твоя Софа поживает? Давно виделся?

– Мы с ней разошлись как в море корабли. К ней даже не захожу.

– Что, другую нашел?

– Конечно, женился. Я в законном браке, Николай Иванович, не был. С нынешней женой живу по совместительству.

Все захихикали.

– Смотри, доживешься! – предупредил Канин и обратился к Батюте и Ефремову: – Ну как, допили пиво? Пошли.

Канин повернулся и пошел. За ним поплелись друзья Сергейчика.

Ветров спросил:

– Чего он так?

– Да ну его... – Сергейчик грязно выругался. – Прицепился. Знаешь, как они к нашему брату относятся. Попробуй слово скажи, так сразу протокол, пятнадцать суток да и на лечение загнать могут. Кому охота?

– Не говори. Ну что, еще по одной? Я плачу.

– Не возражаю, можно.

Игорь достал рубль и протянул его своему новому знакомому:

– На, возьми, а я место покараулю.

Пока Сергейчик спускался в погребок, Игорь стоял и думал: «Черт возьми это пиво. Живот может лопнуть. Ничего себе работенка! Пей, когда не хочешь. С кем захочешь – не выпьешь».

Вскоре Сергейчик принес два бокала пива.

– Что он о Софке спрашивал? Кстати, это та, которая в гастрономе работает?

– Она, стерва. Участковый знает, что я с ней раньше дружил, вот и спрашивает.

– А чего ты с ней разошелся? Баба вроде бы ничего, да и выпить каждый день можно.

– Ну ее... – Сергейчик опять матюкнулся. – Жадная, как теща. Выпить и то жалеет. Меня в чернорабочего превратила. Ей только гроши давай, и все тут!

– Я знаю ее со слов кореша одного. Хотел кое-что толкнуть, да послушал тебя и теперь не знаю, что делать. Наверняка копейки предложит.

– Что у тебя есть?

– Кое-что из золотишка, хрусталя.

– Не связывайся с этой бабой. У нее дома этого добра завались, и все за бесценок скупил. Пойдем лучше к скупочному магазину, там запросто продадим.

– Нет, это опасно.

– Брось ты, опасно! С ней связываться опасно. Поверь мне: весной один кент шубу ей приволок. Наверное, с тыщу стоит, так она ему двадцатьпятьку в зубы и говорит: «Двигай, пока цел, а то позову своих хлопцев-молодцов: ноги переломают».

– А какие хлопцы?

– Да никаких нет. Просто на пушку взяла мужика. Видит, что спер шубу. Вот и припугнула.

– Слушай, где она золото держит?

– Прячет в квартире. Я как-то хотел выяснить, но где там! Так прячет, что днем с огнем никто не найдет.

– Говорят, будто если кто к ней что принесет, вскоре в милиции оказывается?

– Неправда!

Ветров видел: опьяневший Сергейчик может сболтнуть что хочешь, и рискнул на следующий шаг:

– Ты говоришь, неправда? Витьку Кота знаешь?

Сергейчик задумался. А Ветров, не давая ему опомниться, продолжал:

– Кот ей продал два кольца, а назавтра его за мягкое место – и в каталажку.

На самом деле никакого Кота Ветров и не знал, и о таком не слышал. Но расчет был верный: собеседник, подогретый несколькими кружками пива, стараясь доказать обратное, назовет кого-либо из тех, кто продавал Софе ценности. Так оно и получилось.

Сергейчик возмутился:

– Ты это брось! С твоим Котом совпадение какое-то получилось! Ты спроси хотя бы у Сашки Рыжова, или у Верки Толстой, или у Тольки Сашко – они, наверное, по десятку раз ей сбывали и золотишко, и хрусталь, и шмотки кое-какие. Они же на свободе!

– Ну Тольку Сашко и Сашку Рыжова я знаю, те любую хату поставить могут, а вот чтобы Верка Толстая – этого не знал. Что ни говори – молодец баба!

– Да, Верка посмелее любого мужика. Она мне позавчера предложила хату у Софки поставить. Но я только пьяница, – самокритично сказал о себе Сергейчик, – а не ворюга. Посоветовал ей с Толькой или Сашкой побалакать. Да что там балакать! Я же Верку хорошо знаю. Она сама на любую кражу пойдет и без помощи мужика обойдется.

Сергейчик неожиданно сменил тему разговора:

– Слушай, у тебя золотишко?

– Я же тебе говорил: есть золотишко, хрусталь. А что?

– Пойдем, что-нибудь загоним. Хотя бы бутылочку «чернил» возьмем, а?

Ветров понимал, что на сегодня сведений, которые он получил от Сергейчика, хватит. Надо было как-то отцепиться от него, и лейтенант сказал:

– Не могу сегодня. Найду тебя здесь в следующий раз.

Будем проверять

Ветров сидел в кабинете Каменева и докладывал ему, что удалось выяснить:

– Я считаю, Ануфрий Адамович, что Толстая, Сашко и Рыжов могут пойти на кражу из квартиры Софки.

– Что ты думаешь предпринять? – спросил Каменев.

– Думаю, что проверить Рыжова следует поручить Мазурину. Рыжов проживает на его участке, и Мазурину – карты в руки. Что касается Сашко, то им пусть займется Канин, а вот Толстую надо мне самому взять под контроль. Если они решат пойти на кражу из квартиры Софы, то Толстая примет самое активное участие.

– Так ты за то, чтобы они совершили кражу?

– Нет. Кражу не допустим. Но, задержав их при попытке, развяжем им языки, и они вынуждены будут выложить все, что знают о хозяйке квартиры.

Каменев на минуту задумался и согласился:

– Хорошо, давай! Достань фотографии Сашко и Рыжова и скажи Харитонову, чтобы предъявил на опознание старушке, которая рассказала о Софе, да, вот что еще: пожалуй, не лишним будет показать фото Жуковой и Белявской. Не опознают ли кого-либо из тех, которых они встречали.

Ветров улыбнулся и достал из внутреннего кармана пиджака три фотографии:

– Я знал, что предложите мне это сделать, и фото уже достал.

– Молодец! Не зря же с тобой вожусь: все схватываешь на лету. А что думаешь делать со своим собутыльником?

– С каким собутыльником? – удивленно спросил Ветров.

– С тем, с которым бочку пива выпил.

– А-а, с Сергейчиком! – рассмеялся Ветров. – Думаю, что Канин найдет на него управу. Пива действительно много выпил. Живот едва не лопнул.

– Я, между прочим, доложу начальнику отдела. Попрошу поручить отделению службы усилить контроль за районом, где расположена эта пивнушка.

Ветров пошутил:

– Правильно! Сам в этом убедился. Нормальному человеку вроде и попить пивка не дадут.

Догадка

Игорь Николаевич хоть и проверил Самохина и Бурову, но все равно испытывал какое-то беспокойство. И сейчас на совещании у начальника уголовного розыска города, где речь шла о нераскрытых квартирных кражах, это беспокойство не покидало его.

Говорил начальник уголовного розыска города Севидов. Этот еще сравнительно молодой полковник был всегда в курсе всех событий и умел выдвигать замысловатые версии по нераскрытым преступлениям и почти никогда в них не ошибался. Вот и сейчас сотрудники слушали Севидова внимательно.

Неожиданно Игорь услышал знакомую фамилию «Ревтов». Это Севидов остановился на краже из квартиры Ревтова. «Кроме денег и ценностей, – продолжал Севидов, – преступники похитили паспорт Ревтова. Не попытаются ли они использовать этот документ?..»

Дальше Ветров не слушал... В голове стояла лишь одна фамилия: «Ревтов... Ревтов... А что, если...»

Игорь с трудом дождался конца совещания и чуть ли не бегом бросился к машине.

– В загс, – коротко бросил он шоферу.

Лейтенант Мазурин

Жарко. Солнце обжигает густую зелень садов, землю. По улице задумчиво бредет человек. Это участковый инспектор лейтенант Мазурин. Настроение у него – хуже некуда. Вчера подал рапорт на отпуск, а сегодня начальник отдела приказал включиться в работу. Необходимо раскрыть серию краж из квартир. Что это значит? Отпуск откладывается на неопределенное время. Начальник так и сказал: «Пока не задержим преступников».

«А когда их задержим?» – думал Мазурин, стараясь прижиматься ближе к заборам, там можно было укрыться, хоть какая-то тень.

Рыжова лейтенант знал хорошо. Ранее он уже был судим за кражу из квартиры. Когда возвратился до-

мой после отбытия наказания, казалось, что взялся за ум. Начал работать. Вот только пить не прекратил. Тянула старая компания. Потом бросил работу. Было ясно, что, если его не остановить, дело добром не кончится. Мазурин много раз беседовал с Рыжовым, бывал у него дома, разговаривал с родителями, но те бесполезно разводили руками. Мазурин задумался и не заметил, как низко нависшая ветвь вишни сильно ударила по глазу.

— У, черт возьми! — чуть слышно выругался участковый и перешел на другую сторону улицы, где стояла водоколонка. Холодной водой промыл глаз, сполоснул лицо. Постоял немного, выжидая, пока пройдет боль в глазу.

Мазурин на первый взгляд ничем не выделялся. Высокий, костлявый, он говорил приглушенным спокойным голосом. Но друзья по работе знали этого человека как хорошего спортсмена. Второй год подряд он был чемпионом города по боксу, хорошо владел приемами самбо, стометровку пробегал за двенадцать секунд. Отмечались его исполнительность, собранность. Еще не было случая, чтобы лейтенант не выполнил в срок служебное задание или заволокитил какой-нибудь служебный материал.

И вот сейчас недовольный, что сорвался отпуск, Мазурин шел медленно по этой солнечной, безмятежно спокойной улице. Лейтенант обдумывал план действий. Не пойдешь же прямо к Рыжову и не спросишь, будет ли он совершать кражу из квартиры. Нет, надо что-то другое придумать. И лейтенант придумал. Недалеко от Рыжова жил Михаил Анкуда, неплохой парень. Мазурин как-то встречался с ним в штабе добровольной народной дружины. Анкуда с товарищами по работе пришел туда дежурить. Мазурин пошел с ним проверять своих подконтрольных. Вместе они провели весь вечер и о многом поговорили. Мазурину понравился этот симпатичный и рассудительный парень. Он с сожалением говорил в тот вечер о Рыжове, который топит свою судьбу в стакане водки.

И вот сейчас участковый инспектор решил поговорить с Анкудой. Но дома ли он? Лейтенант прошел мимо деревянного особняка, где жил Рыжов. Мельком бросил взгляд во двор. Пусто. У сарая, в тени, высунув длинный розовый язык, лежала лохматая собака. Ей было скучно и, должно быть, жарко. У забора на боку, вытянув ноги, лежал поросенок. Его тоже угнетал зной. Мазурин спокойным шагом прошел дальше. А вот и дом, где с родителями проживал Анкуда. Мазурин оглянулся — никого, толкнул калитку. Навстречу выскочил щенок, с любопытством взглянул на вошедшего, тявкнул и на всякий случай спрятался под крыльцо. Не успел Мазурин подойти к дверям дома, как они распахнулись и на крыльцо вышел Анкуда. Увидев участкового, улыбнулся:

— Петр Андреевич! Здравствуйте! Вас в гражданской одежде и не узнать.

— Здравствуйте, Михаил Федорович! Я, признаться, хотел попутаться съездить, считал, что с сегодняшнего дня начальство отпуск разрешит. Но не вышло. Получил новое задание. А вы, наверное, во вторую смену работаете, раз дома?

— Да, через час пойду. Проходите в дом, — пригласил он гостя.

— Спасибо. Я ненадолго. Если не возражаете, в тенек пройдем. Хочу кое-что спросить.

— Пожалуйста, пожалуйста.

Они прошли в сад и сели под яблоней на шаткую деревянную скамеечку.

— Михаил Федорович, я хотел поговорить о Рыжове. Как он сейчас себя ведет?

— Лицо Анкуды помрачнело.

— Плохо ведет. Особенно в последнее время. Работу бросил, пить стал чаще. Мать Рыжова рассказывала, что он опять за старое принялся. В прежнюю компанию возвратился. Дома часто не ночует. Я уже сам думал к вам обратиться. Надо что-то делать. Я его позавчера встретил, думал поговорить с ним. Так где там! Покрывл меня матерщиной и говорит: я, мол, сам знаю,

как жить на свете, не учи ученого! И хлопнул калиткой. Мать его жалко, совсем извелась старушка.

– Не замечали, кто с ним в компании?

– Как звать – не знаю. Видел одну молодую женщину с испитым лицом и двух, лет под тридцать, мужчин. Однажды вместе с Сашкой по нашей улице шли.

– Что соседи о нем говорят? Не жалуются?

– Соседи? – переспросил Анкуда. – Вы можете поговорить с дедом Леонтием. Знаете его? Рядом с Рыжовым живет.

– Конечно, знаю. А почему именно с ним?

– Смышленный он, – улыбнулся Анкуда. – Не думайте, если ему за восемьдесят, так уж ничего и не смыслит.

– Да нет же! Деда Леонтия хорошо знаю. Интересный старик. Часто про гражданскую рассказывал. У него даже шашка хранится. За храбрость получил. В Отечественную дед с собой в партизаны брал ее.

– Точно. Мне тоже об этом говорил он, – рассмеялся Анкуда и серьезным тоном добавил: – И вам кое-что сообщит. Только скажите ему, что я посоветовал встретиться с ним. Дед мне вчера душу изливал, но думаю, что вам лучше из первых уст это услышать.

Мазурин не стал настаивать на том, чтобы хозяин передал ему, что слышал от деда Леонтия.

– Ну что же, – сказал лейтенант, вставая, – пойду к старику. А вам, Михаил Федорович, спасибо. Если что заметите, прошу дать сигнал мне. Сами видите, куда человек катится.

– Конечно, обязательно найду вас.

Через несколько минут Мазурин был уже во дворе деда Леонтия. Тот возился у сарая.

Поражали необычный вид старика, его взъерошенные седые волосы, костлявое оголенное тело, рваные брюки. Увидев лейтенанта, он зачем-то натянул на голову большую, выдавшую виды соломенную шляпу и, прищурившись, молча смотрел на гостя.

Мазурин поздоровался:

– Здравствуйте, дед Леонтий! Что, не узнали?

– А-а, это ты. В такой одежде не узнал. Здравствуй!

Лейтенант не без удивления заметил, что старик, невзирая на тридцатиградусную жару, занимался довольно трудной работой. Он аккуратно складывал дрова под навес сарая.

– Кто вам дрова колет? – поинтересовался лейтенант.

– Сам колю, сам складываю, а придет пора, сам и сожгу. Кроме меня, мужчин в доме нет, – старик показал на большую чурку. – Садись. В ногах правды нет.

Сам дед Леонтий тяжело присел на травку у забора.

Мазурин хорошо знал, что старик не любит сразу говорить о делах, и не спешил начинать разговор о цели своего визита. Спросил:

– Не боитесь тело сжечь на таком солнце?

– Моя кожа всякое терпела и не сгорела. Это вы, молодые, всего боитесь. Когда солнце светит – вам жарко, когда снег лежит – холодно. Во время моей молодости, бывало, в лаптях в тридцатиградусный мороз за десятки верст ходили. И ничего – здоровыми были. Помню, как во время гражданской... – тут дед пустился в длинные воспоминания. Лейтенант терпеливо выжидал. Окончился рассказ о гражданской войне – начался об Отечественной.

Прошло не менее часа, пока старик выговорился и наконец умолк.

– Да, дедушка, досталось вам, – задумчиво произнес Мазурин. – Ну а теперь как живется?

– Хм-м, живется. Теперь, дай бог, живется. Жратвы по горло, хошь иди в кино, хошь телевизор гляди, а вы, молодые, – на танцульки.

– Кто на танцульки, а кто в водке тонет, как ваш сосед Рыжов. Кстати, как он сейчас? Не шумит?

– Это Сашка-то? Да, с этого хлопца толку не будет, – безнадежно махнул рукой дед Леонтий. – Почти каждый день пьяный. И смотри ты, ни милиции, ни матери родной, ни соседей не стесняется. Плевать он хотел на всех. Работу бросил, и никто ничего...

– Дедушка, я недавно Анкуду видел, так он говорил мне, что вы ему кое-что о Рыжове рассказывали. Меня этот человек очень интересует. Сами говорите, что с ним ухо надо остро держать.

– Да, человек он непутевый. А Мишке я рассказал вот что: на прошлой неделе я грядки полел, вот с той стороны сарая. Сел на травку возле забора. Сажу, значит, отдыхаю. Вдруг слышу – по ту сторону забора люди разговаривают. Меня, знаешь, в последние годы, глаза подводить начали, а слух хороший: узнал голос Сашки. Он разговаривал с женщиной и мужчиной. Этот мужчина – голос у него хриплый – толкует: есть, мол, возможность пожить за счет сороки какой-то. А Сашка спрашивает: «Эта, которая в магазине работает?» Женщина подтвердила: «Да, говорит, у Софки, курвы этой длинноногой». Затем мужчина сказал, что когда она будет на работе, то можно взломать дверь и в ее квартиру войти, а там добра всякого видимо-невидимо.

Правда, Сашка засомневался. Боялся, что попадутся. В общем, думали они, думали и решили пока кражу не делать, а разведать, в какие дни, в какое время эта Софка на работе бывает, ходит ли на обед, не живет ли у нее кто-нибудь. Словом, договорились понаблюдать за Софкой, встали и пошли.

– Мужчину этого и женщину видели?

Дед Леонтий хитро прищурился:

– Ты что думаешь, я случайно в партизанском отряде разведчиком был? Конечно, видел. Вышел на улицу, а напротив дома Рыжова колонка стоит. Подошел к этой колонке с ведром и стал дежурить. Вскоре из калитки выходит Сашка, а с ним – эти двое. Вот и разглядел их.

– Как же они выглядят?

– Как? Обыкновенно. Девка или баба, кто ее там знает, роста небольшого, с белой гривой – волосами, значит. В черном платье. А мужик, тьфу ты, название только одно – мужик! Маленький, плюгавенький, соплей перешибить можно.

– Как он выглядит?

– Так я же говорю – плюгавик, и все тут.

– Волосы какие?

– А, волосы? Без волос он. Голова голая, как колено.

– Дедушка Леонтий, как он был одет?

– Плохо одет. Срам один. Наверное, мужиком себя считает, а штаны все в заплатках. Не знаю, что в таких обносках нынешняя молодежь находит, напялят на задницы, красуются.

«Джинсы дед критикует», – подумал Мазурин и задал ему следующий вопрос:

– Дедушка, а рубашка на нем была?

– Конечно. В полоску, с короткими рукавами.

– Еще кто-нибудь к Сашке ходит?

– Черт его знает. Я не слежу за ним каждую минуту.

То, что узнал, сразу же Мишке и рассказал. Хлопец он справный, знал, что тебя найдет. Мне, старику, тяжело ходить, а Мишка молодой да и человек толковый. Вот я и рассказал ему.

Мазурин поблагодарил деда Леонтия и распрощался с ним. А когда вышел на улицу, подумал: «Действительно, на ловца и зверь бежит...»

Свидание

Ветров подошел к Наде в тот момент, когда она смотрела в другую сторону.

– Здравствуйте, Надя!

Девушка, вздрогнув, резко повернулась.

– Ой, Игорь! Вы так неожиданно появились. Здравствуйте!

– Я, кажется, не опоздал?

– Нет. Это папа попутно подбросил. Вот и получилось, что минут на пять раньше пришла. Я вообще против всяких опозданий. Ожидала вас с одной стороны, а вы, как волшебник, – с другой. Впрочем, я забываю, с кем имею дело.

Весело болтая, они пошли в сторону озера. Было жарко, и Надя с удовольствием согласилась покататься.

ся на лодке. Подошли к лодочной станции и приуныли. Свободных лодок не оказалось.

— На что я надеялся? — огорченно вздохнул Игорь. — Выходной день. В такую жару каждому охота взять лодку. Что же делать?

— Не переживайте. По парку погуляем. Там тенек.

Но Игорь представлял себе совсем другую картину. Что может быть лучше, чем прогулка на лодке с симпатичной девушкой! Он решительно сказал:

— Надя, вы стойте здесь и ждите. Я сейчас.

Он быстро зашагал к зданию, где размещался штаб добровольной народной дружины. В помещении было сумрачно и прохладно. Здесь оказались старший лейтенант милиции, участковый инспектор и две девушки-дружинницы. Ветров предъявил удостоверение старшему лейтенанту, попросил его выйти на минуту из помещения. Участковый молча надел фуражку и вслед за Ветровым вышел на крыльцо. Игорь извинился и попросил:

— Понимаешь, очень надо достать лодку, помоги, а?

— Что, сердечный вопрос? — улыбнулся старший лейтенант и добавил: — Ты, дорогой, сегодня уже третий. Стыдно мне к дежурной обращаться. Ну да ладно, пошли. Скажу, что и тебе на операцию надо.

Они направились к лодочной станции. Надя точно выполняла наказ Игоря и стояла на том же месте. Когда прошли мимо, участковый спросил:

— Это и есть второй участник оперативной группы?

— Ага.

— Ничего, красивая.

Участковый подошел к дежурной, полной пожилой женщине:

— Извини, Платоновна. Надо еще одному нашему товарищу лодку.

— Больно много операций сегодня. Если дело так пойдет, то к вечеру только друг друга ловить будете: посетителей не останется.

— Не сердись, Платоновна. У товарища серьезное дело, дай лодку из резерва, и конец беседе.

— Что с вами, милицией, поделаешь. Сколько он будет кататься?

Ветров ответил:

— Часа два, бабушка, не больше.

Старушка первый раз за все время разговора улыбнулась:

— Плати, внучек, в кассу рубль. Бери вон ту — двухвесельную, под пятым номером.

Вскоре молодые люди сели в лодку. Надя сидела на корме, Игорь не спеша греб. Девушка, улыбаясь, заметила:

— Я и не подозревала, что вы можете проявить такую находчивость.

— Что поделаешь! Ситуация подчас так складывается, что сам удивляться начинаешь.

И Ветрову опять, как в тот вечер у Тростника, захотелось рассказать Наде что-то необычное, где он, Ветров, выглядел бы таким молодцом. Но не мог ничего придумать и молча смотрел на девушку. Надя делала вид, что не замечает его взгляда. Наклонившись к борту лодки, она опустила руку в воду:

— Какая теплая!

— Может, искупаемся?

— Ой, боюсь! Здесь глубоко.

Ветров предложил:

— Давайте к тому острову подплывем, там мелководе.

Игорь приналег на весла, и вскоре нос лодки уткнулся в берег. Островок опоясывала песчаная отмель. В прозрачной воде отражалась вся бездонная голубизна неба. Молодые люди, быстро раздевшись, бросились в воду.

Отплыв от берега несколько десятков метров, Ветров огляделся. Остров только с первого взгляда казался безлюдным. На самом деле то тут, то там, под тенью кустарников, группками и в одиночку располагались люди. Игорь крикнул:

— Надя, плывите сюда!

Но девушка дальше пяти-шести метров от берега отплывать боялась. Игорь повернул обратно. Неожиданно

данно его обогнала четырехвесельная шлюпка. В ней сидели двое мужчин и две женщины. Одну из них Ветров узнал. Это была Бурова. Шлюпка тем временем причалила к острову. Компания, прихватив две хозяйственные сумки, расположилась на траве недалеко от лодки, на которой приплыли Игорь и Надя. Ветров начал было опасаться, как бы Бурова не узнала его. «Впрочем, вряд ли, – тут же успокоил он сам себя. – Видела меня только один раз, и сейчас, когда на мне из всей одежды лишь плавки, ничто не напоминает ей лейтенанта Ветрова. Интересно, кто же это еще с ней? Один, наверное, жених. Как его? Да, Ревтовский! А второй? Не Драгун ли?» Ветров мысленно представил, как выглядит на фото Драгун. Получалось, что здесь его не было. Лейтенант еще более замедлил движение, стараясь как можно внимательней рассмотреть компанию Буровой. Вдруг ее соседка приподнялась, чтобы подтащить поближе к себе увесистую сумку с провизией. «Так это же Софка Плетень!» – догадался Ветров.

Ноги почувствовали дно, и Игорь, сделав несколько шагов, остановился. Надя была рядом. От внимательного взгляда девушки не ускользнула перемена в настроении Игоря. Она спросила:

– Вас заинтересовала эта компания?

– Очень. Вы не возражаете, если и мы побудем здесь немного?

– Давайте, – шепотом ответила Надя и первой направилась к берегу.

Они устроились на зеленой лужайке. Здесь, в стороне от городского шума, казалось, что где-то далеко-далеко остались беспокойные будни оперативника. На небольшом островке стояли тишина и покой. Лежа на траве, Ветров, во всяком случае, пытался убедить себя, что ему хорошо. Но лирически настроенного молодого человека, Игоря Ветрова, уже успел сменить инспектор уголовного розыска лейтенант Ветров. Девушка это видела, все понимала и сейчас желала только одного – помочь Игорю. Она мельком взглянула на компанию – пьют.

Ветров тоже украдкой поглядывал в сторону компании и тоже подумал: «Пьют! В такую жару!»

Сколько Ветров ни всматривался в лица мужчин, опознать кого-либо не мог. Лейтенант пожалел, что не взял с собой фотографии Драгуна. Но так или иначе надо воспользоваться моментом. Игорь пододвинулся поближе к Наде и чуть слышно сказал:

– Надюша, не обижайтесь на меня. Служба есть служба. Меня очень интересуют эти типы.

Надя сделала шутливо-подозрительное лицо:

– В том числе и дамы?

– Ага, то есть нет, – смутился Игорь, – в первую очередь мужчины.

– Что нам надо делать?

– Сидеть, наблюдать и слушать. Вы на всякий случай должны прикрывать меня. Не исключено, что кто-либо из них знает меня.

Надя молча передвинулась на другое место, и Игорь оказался скрытым от глаз четверки, сидящей поблизости от них. А взаимоотношения в компании приобретали совсем откровенный характер. Жара и спиртное сделали свое дело. Четверка уже не обращала никакого внимания ни на Игоря, ни на Надю. Один из мужчин схватил Бурову за ноги и с громким смехом потащил ее по траве. Бурова визжала:

– Витька! Пусти! Очумел!

«Витька? – вспомнил Ветров. – Не Самохин ли? Но он в больнице. Странно. Кто же тогда второй? Может, это и есть жених Буровой? Подождем, что дальше будет. Главное, Бурова не должна меня опознать».

В этот момент Плетень вскочила на ноги и, налетев на Витьку сзади, опрокинула его на спину. Затем обе с визгом пронеслись мимо Игоря и Нади и бросились в воду. Витька возвратился к импровизированному столу, поднял рядом лежащие брюки, достал из кармана карты и начал их раздавать.

Ветров понимал, что дальнейшее пребывание рядом с этой компанией нежелательно. Бурова в любой момент может опознать его. Надеяться, что они выбол-

тают какие-нибудь интересные сведения, тоже бесполезно. Не такие уж они дураки, чтобы трепаться о своих делах при посторонних.

Игорь выждал, пока Софка и Бурова возвратятся к своему месту, и тихо сказал:

– Надюша, пошли к лодке.

Вскоре он молча греб к причалу. Молчала и девушка. Они сдали лодку и не торопясь пошли по аллее.

Надя спросила:

– Вы этих людей в чем-то подозреваете?

Ветров молча кивнул головой.

Девушка, о чем-то раздумывая, тихо проговорила:

– Неприятные типы. Откуда они появляются? Не знаю, как вы, юристы, считаете, но лично мне кажется, что многое зависит от воспитания людей. Червоточина, проникшая в душу человека, постепенно разъедает его и приводит к тому, что этот человек смотрит на жизнь другими, не нашими глазами. Подлость он начинает возводить в ранг добродетели, чужое горе – для него радость.

Ветров рассмеялся, взял девушку под руку:

– Так-так, уже и в философию бросились. Давайте о чем-нибудь другом. Расскажите, как вы съездили в Ленинград?

– Откуда вы знаете, что я была в Ленинграде? – удивленно спросила девушка.

– Я все знаю, – ответил Ветров и для убедительности напыжился. Молодые люди заразительно засмеялись.

– В Ленинграде мне действительно очень понравилось. Лучше экскурсии и не придумать. Были мы в Петродворце, на крейсере «Аврора», в Эрмитаже. Мне кажется, что из Эрмитажа вообще можно сутками не выходить. Особенно понравилась «Даная». Вот вы, Игорь, что знаете об этой картине?

– Я? – удивился Игорь. – Знаю, что картина такая есть, – авторитетно заявил он. – Как войдешь, сразу налево...

– Ух, какие у вас познания! – рассмеялась девушка. – Но если уж говорить, с какой стороны она висит, то не слева, а справа.

– Это смотря с какой стороны войдешь, – не сдавался Игорь.

– Послушайте. Я расскажу о Данае. Однажды, давным-давно, оракул предсказал аргосскому царю Акрисию, что он погибнет от рук своего внука. Испугался царь и приказал поместить свою единственную дочь в медную башню. А в девушку был сильно влюблен властитель Олимпа Зевс. И вот однажды влюбленный нашел способ увидеть свою возлюбленную. Он проник к ней в виде золотого дождя. Этот миф и вдохновил Рембрандта на создание «Данаи».

Девушка замолчала, и Ветров спросил:

– Скажите, а ваш папа верит предсказаниям оракулов?

– Во-первых, у него нет оракулов, во-вторых, почему вы спрашиваете об этом?

– Потому что я не умею превращаться в золотой дождь.

И они снова рассмеялись.

Семейные не нужны

Наконец Тростнику повезло. Во-первых, как ему пояснили в отделе доставки главпочтамта, цифры, написанные на газете, обозначают номер дома. К такому способу прибегают почтальоны, чтобы легче и быстрее доставлять газеты подписчикам. Домов под номером двадцать два, в которых живут подписчики «Чырвонай змены», сравнительно немного. Необходимо было объехать шестьдесят девять почтовых отделений.

Но ему это не понадобилось.

Тростник толкнул дверь с надписью «Начальник» и оказался в маленькой комнате. За столом сидела пожилая женщина и что-то писала. Она положила ручку на стол, поверх очков посмотрела на вошедшего.

Тростник поздоровался:

– Здравствуйте, я из уголовного розыска. Вот удостоверение.

Женщина внимательно посмотрела на цифры, написанные на газете, которую принес с собой Тростник, и сказала:

– Похоже, что Люба Доронина писала. Подождите минутку, я сейчас.

Она вышла из кабинета. Тростник, затаив дыхание, ждал. Начальник отделения привела с собой молоденькую девушку. Взяла со стола газету и протянула ей:

– Это ты писала?

Девушка несколько секунд внимательно рассматривала цифру и, почему-то покраснев, ответила:

– Я. А что случилось?

– Не волнуйтесь, – успокоил ее Тростник. – Я ищу человека, который выписывает эту газету. Может, помните, кто в этом доме живет?

Девушка на мгновение задумалась.

– Фамилию точно не помню, кажется, Лобановы. Знаю, что там живут муж и жена и, по-моему, еще квартирант.

– А газету кто выписывает?

– У них раньше жил на квартире парень, вот только фамилию забыла, он и выписывал эту газету. Месяца три назад встретил меня на улице. Сказал, что получил квартиру. Интересовался, как перевести газету на новый адрес. Я все растолковала, но все остается по-прежнему. Значит, у парня или времени нет, или просто решил не заниматься этим вопросом.

Тростник записал адрес, на который выписывается «Чырвоная змена», поблагодарил начальника отделения, девушку-почтальона и ушел.

На улице, немного поразмыслив, он решил не терять времени и сразу же узнать, кто проживает по этому адресу. Через полчаса Тростник был недалеко от дома номер двадцать два.

Владимир понимал, что заходить в дом сразу нель-

зя, поэтому направился в соседний. Открыв калитку, он вошел во двор и тут же натолкнулся на пожилую женщину, которая стирала белье.

– Здравствуйте! Скажите, пожалуйста, вам квартиранты не нужны?

Женщина, не отрываясь от работы, поздоровалась с гостем. Но, услышав вопрос, выпрямилась и, не вынимая рук из стоявшего на деревянной скамье таза, ответила вопросом на вопрос:

– Одинокий или семейный?

По тону вопроса Владимир понял, что хозяйка не против принять на квартиру одинокого человека, а это не входило в его планы, и он вынужден был ответить:

– Женат. С женой и сыном. Нам бы комнату снять, а то пока очередь на квартиру подойдет, жить негде.

Однако хозяйку подобный вариант не устраивал:

– Одинокого еще бы взяла, а семью не могу, так что извините.

– Может, соседи комнату сдают? Дом подходящий, – и Тростник кивнул на жилье Лобанова.

– Дом-то немалый, – со вздохом ответила хозяйка, – да вот хозяева вряд ли вам подойдут.

– Что, скандальные?

– Пьют много, потому и скандалят. Да и они семейных не возьмут. Детей своих не имеют, а чужих не любят. Живут вдвоем. Четыре комнаты. Одну занимает квартирант. Этот нравится хозяевам: вместе пьянствуют. Вчера ко мне хозяйка приходила, Лизой ее зовут. Просила денег одолжить. Говорила, что одинокого мужчину хотели бы взять на квартиру. Так что не стоит и заходить к ним. Пройдите в конец улицы. Может, там найдете что-либо подходящее.

Тростник извинился, вышел на улицу и направился в райотдел. Каменев был у себя, разговаривал с Ветровым. Увидев Тростника, прервал беседу и спросил:

– Ну как? Выяснил?

– Конечно.

И Тростник коротко рассказал о Лобанове.

Каменев задумался:

— Что делать? Допрашивать Лобанова, не выяснив, что это за тип, нельзя.

Ветров вспомнил рассказ Нади о Данае и предложил:

— Что, если сделать так, как однажды поступил Зевс?

Каменев и Тростник удивленно уставились на лейтенанта. Ветров с улыбкой продолжил:

— Только для этого кто-то из нас должен превратиться в золотой дождь.

— Ты что?.. Того? — удивился Тростник, выразительно покручивая указательным пальцем у виска.

— Ты сам того! — отпарировал Игорь. — Послушайте!

И он начал излагать свой план.

В доме Буровой

Заведующая загсом, пожилая женщина с обильной сединой в волосах, протянула Игорю Николаевичу несколько листов.

— Вот, пожалуйста! Эти бланки заполнили Бурова и Ревтовский.

Игорь достал ручку, блокнот, присел у стола. Через несколько минут он возвратил бумаги и уехал в отдел. Там его уже ждала Белявская. Ветров забежал в оружейную комнату, сунул в карман пистолет и вышел к Зине.

— Хочу, чтобы ты посмотрела сегодня на одного человека.

Зина улыбнулась:

— Симпатичный?

— Это уж как тебе покажется, как оценишь, — в тон ей ответил Игорь.

Они ехали к дому Буровой. Ветрову не давало покоя одно предположение. И вот теперь необходимо было вместе с Белявской заняться серьезным делом. Недалеко от дома, где проживала Бурова, Игорь остановил

машину, начал осматриваться. Он дотронулся до руки Белявской:

— Видишь двухэтажный дом?

Зина посмотрела в ту сторону, куда показал Игорь, и увидела деревянный двухэтажный особнячок с одним входом.

— Да...

— Минут через пять заходи в этот подъезд, буду тебя там ждать.

Игорь не торопясь вылез из машины. Через несколько минут он уже разговаривал со старушкой сторожкой, и она открыла одну из комнат. Игорь взглянул в окно, удовлетворенно хмыкнул. Домик Буровой, вход в него были как на ладони. Он спустился вниз, встретил Зину и вместе с ней снова поднялся в комнату.

— Наша задача очень простая, — сказал он, — сидеть и смотреть на мужчин, которые входят и выходят из этого дома.

Зина согласно кивнула головой, села на стул, начала смотреть в окно.

Прошел час, второй. Стало смеркаться. За это время в дом Буровой вошел только один мужчина, но Зина его не опознала. Когда совсем стемнело, Ветров и Белявская вышли из своей засады. Они пешком направились в сторону милиции.

Новый квартирант

Андрей Семенович Лобанов работал на инструментальном заводе, а его жена Елизавета Михайловна — уборщицей в школе. Детей у них не было. Это обстоятельство, видимо, и наложило отпечаток на характеры супругов. С соседями они почти не вступали в контакты, особенно Андрей Семенович. Дело в том, что хозяин часто выпивал, нередко скандалил с женой. Квартиранты, как правило, у них долго не задерживались. Но вот последний жилец, видно, и не думал уходить. Это был одинокий мужчина лет тридцати, высокий, костлявый. Работал он на какой-то базе грузчиком.

Григорий Казимирович Лешковский – так его звали – был замкнутым, неразговорчивым человеком. Дружбу водил только с хозяином, с которым частенько выпивал.

Однажды, когда чета Лобановых была дома, в квартиру вошел незнакомый мужчина – невысокого роста, светло-русый, на вид лет тридцати или чуть больше этого. Глядя голубыми глазами на хозяев, он спросил, не нужен ли им квартирант. О себе он сказал, что работает слесарем на тракторном заводе, в общежитии жить не хочет.

Хозяевам неожиданный гость понравился, и в доме стало два квартиранта.

Новичок оказался разговорчивым, веселым человеком, знал много анекдотов, да и выпить, если приглашали, не отказывался. Правда, пил в меру. И хозяева дома, должно быть, очень удивились бы, увидев, как квартирант, придя к себе в комнату, тут же принимался есть сливочное масло и принимать какие-то таблетки.

Каменев, направляя своего сотрудника под видом квартиранта на задание, казалось, предусмотрел все. Но он не учел лишь одного: для капитана милиции Головлева, хорошего спортсмена и трезвенника, водка была сущим наказанием. Однако что поделаешь?! Приказ есть приказ, и Головлев пил, проклиная все на свете.

Через два дня он передал пустую бутылку из-под водки с отпечатками пальцев хозяина. Но на следующий день был огорчен, узнав, что следы пальцев, обнаруженных на месте происшествия, оставлены не его хозяином. Уж больно Лобанов не нравился Головлеву: пьяница, скандалист. Равнодушный ко всему, кроме собственного благополучия. Стоило этому типу выпить, как он тут же принимался ругать и свое начальство и товарищей по работе. Лобанов обижался на всех и вся. Но если человек еще отказывался и выпить с ним, то уж немедленно заносился в список врагов. Как-то Лобанов пришел с работы особенно злой. Го-

ловлев, сидя в своей комнате, слышал, как тот за рюмкой изливал душу Лешковскому.

– Понимаешь, – гремел он, – ультиматум предъявляют мне: брось пить, будет худо. А что они сделают мне? Соли на хвост насыплют, что ли? Прогулов нет. Норму выполняю. Подумаешь, выпиваю! Что я – жен их луплю? А если и влуплю по шее, так своей же!

– Не говори, Андрей Семенович, – сочувствовал Лешковский, – жизнь такая стала. Вот возьми меня. Имею среднее образование, а работаю грузчиком. Почему, спрашивается? Потому, что здесь я сам себе хозяин. Хочу – перенесу десять, хочу – двадцать ящиков. Хочу – работаю трезвым, есть желание – выпью. Что мне можно сделать? Ничего. Какой дурак на такую работу пойдет? Все в начальство метят. Ученые! У нас главное, чтобы на работу вышел. Так что бросай свой завод. Переходи к нам.

Головлев, слушая разглагольствования этих пьянчуг, вдруг уловил нечто такое, что заставило его насторожиться. Понизив голос, Лобанов начал говорить о каких-то вещах. Но сколько ни прислушивался капитан, разобрать, о чем идет речь, не мог. «Может, выйти и присоединиться к ним? – подумал он. – Нет, не стоит. Наверняка разговор прекратится». Сегодня, кроме всего прочего, перед Головлевым стояла задача: добыть бутылку из-под водки, из которой пили Лобанов и Лешковский. На ней наверняка останутся следы пальцев Лешковского. Это удалось сделать без особого труда. Опьяневшие друзья уснули прямо за столом. Головлев спокойно взял со стола пустую бутылку, поставил на ее место точно такую же, вышел из дому и неторопливой походкой направился в сторону улицы Горького. Даже опытному наблюдателю вряд ли удалось бы заметить, как Головлев передал небольшой сверток женщине возле троллейбусной остановки.

Через некоторое время новый квартирант сделал еще одно немаловажное открытие: изредка к хозяйке в отсутствие мужа приходил какой-то мужчина. Тогда они закрывались в комнате. Иногда, обычно по вы-

ходным дням, Елизавета Михайловна спаивала своего благоверного до беспамятства, а сама исчезала на целый день.

Головлев попытался проследить, куда она отправляется. И выяснил, что Лобанова встречается все с одним и тем же мужчиной. Сегодня они снова сели в пригородный автобус. Все стало ясно: измена мужу. Но этот человек мог знать многое о Лобанове. И Головлев приложил немало усилий, чтобы узнать его фамилию. Им оказался некий Деснов.

Головлев известил обо всем Ветрова, и тот решил поговорить с Десновым сам.

Мнения бывают разные

Назавтра на совещании оперативной группы было много споров: отпечатки на бутылке, переданной Головлевым, были такими же, как и на бутылке, обнаруженной на месте происшествия. Мнения выступавших разделились. Одни настаивали на немедленном задержании Лешковского, другие, среди которых были Ветров и Тростник, считали, что торопиться нельзя. Необходимо тщательно разобраться.

Слово взял уже немолодой капитан Судниковский. Ветров не любил этого сотрудника. Странная у него манера разговаривать с людьми, особенно с задержанными. Его высокомерию, казалось, нет никакого предела. А как он иногда допрашивал правонарушителей, добиваясь правдивых показаний от них, по его собственному выражению, «путем психологического давления». Правда, это редко приносило результат.

Руководители отделов, особенно Каменев, много раз беседовали с Судниковским. Но это на него пока мало действовало. Когда-то он работал в исправительно-трудовой колонии, а после окончания высшей школы милиции настоял, чтобы его направили в уголовный розыск. Высокого роста, с одутловатыми щеками, всегда аккуратно одетый, подтянутый, при первом знакомстве капитан вызывал расположение собесед-

ника. Но, пожалуй, нигде так, как в уголовном розыске, не познается душа и характер человека. Однажды Ветров случайно присутствовал при разговоре с задержанным подростком. Тот подозревался в краже радиоприемников из автомашины. Резкий, самодовольный тон так и не позволил Судниковскому вызвать задержанного на откровенный разговор. Стоило Ветрову взять этого паренька в свой кабинет, повести с ним разговор по-человечески, как вся правда раскрылась в полной мере.

Вот и сейчас выступление Судниковского было вроде бы логичным, правильным. Но лишь по форме. А по существу?

– Посмотрите, товарищи, – говорил он, – какая эта по счету нераскрытая кража? А мы сидим здесь с вами да гадаем – задерживать Лешковского или нет. Нам не дано право выбора. Лешковский – преступник. Об этом свидетельствуют отпечатки пальцев. Кстати, сообщал сегодня эксперт оперативно-технического отдела Тредов, что дактокарта Лешковского, что хранится в министерстве, также утвердительно ответила на вопрос, чьи отпечатки оставлены на бутылке. Мировая криминалистическая практика не знает случая, чтобы следы пальцев рук двух разных людей были идентичны. Поэтому я предлагаю немедленно задержать Лешковского и водворить его в КПЗ.

Судниковский сел. После столь категорического выступления наступило неловкое молчание. Затем заговорил Каменев:

– Слушая капитана Судниковского, я вспомнил исследование, которое породил на свет один социолог. Он установил, что пятьдесят процентов из числа лиц, состоящих в браке, – мужчины... – Выждав, пока утихнет смех, Каменев продолжал: – Нет, товарищи, идти по пути, который предлагает Судниковский, мы не можем. Не имеем морального права. Тот факт, что на бутылке, найденной на месте происшествия, отпечатки Лешковского, это еще не доказательство. Во-первых, нам неизвестно, как бутылка там оказа-

лась. Во-вторых, пока непонятно, почему на ней отпечатки пальцев только одного человека. А где отпечатки продавца? В-третьих, разве не оглушает вас то обстоятельство, что преступники, которые раньше не оставляли ни одного следа, вдруг дарят нам и газету, и бутылку? И, наконец, в-четвертых... Как показала проверка, и Лешковский и Лобанов в дни краж находились на работе. Поэтому говорить о Лешковском как о преступнике мы не имеем права. На этого человека, несомненно, следует обратить внимание и тщательно проверить его. Вот почему и направлен туда Головлев.

Совещание продолжалось.

«Несчастливчик»

Вскоре Ветров выяснил, где работает Деснов, и направился на завод, где намеревался встретиться с ним. Игорь Николаевич заметил одну странную особенность: стоило ему у кого-либо спросить о Деснове, как собеседник тут же начинал улыбаться. Беседуя с командиром добровольной народной дружины завода, он опять увидел улыбку.

Ветров спросил:

— Скажите, почему, когда я интересуюсь этим человеком, все улыбаются?

— Видите ли, в нашем коллективе его называют «Несчастливчиком».

— Это почему же?

— Ему не везет в любви.

— В чем, в чем?

— В любви, говорю. Присядьте, пожалуйста. Если вас интересует, расскажу, — командир дружины подвинул Ветрову стул. — Деснов работает в конструкторском бюро. Начальник группы. Женат. Дочери исполнилось чуть более двадцати лет. Замужем. Живет с мужем отдельно от родителей. Иван Иванович страстный охотник. Любит с ружьишком побродить. Впрочем, и молоденьких женщин не обходит сторо-

ной. Вот за последнее увлечение он и получил кличку «Несчастливчик».

В прошлом году у нас появилась молоденькая чертежница. Ее муж — молодой специалист, работает в шестом цехе. На Ивана Ивановича жалко было даже смотреть. Как он увивался! Мимо не мог пройти. Хоть до локотка, но дотронется. Каждый взгляд ее пытался поймать. В свои пятьдесят два года в семнадцатилетнего юнца превратился. Ну, а все сотрудники видели и смеялись. Над Светланой шутили: «Пожалей, мол, человека! Разрыв сердца может получить». Осенью уехала жена Ивана Ивановича в санаторий. Тут он перешел в решительное наступление. Прицепился в Светлане: «Приди в гости! Приди хоть на часок!» Такого натиска она, конечно, не выдержала. Согласилась в выходной день заглянуть в его жилище.

В субботу Иван Иванович приготовил шикарный обед и стал ждать. Слышит — звонок. Счастливый, взволнованный, бросился он в прихожую. Открыл дверь и... оцепенел: в дверях стоит красавица Светлана, а из-за ее спины выглядывает мужчина. Разумеется, супруг Светланы. Сами понимаете, праздничная трапеза скорее была похожа на тризну. К тому же чертежница рассказала своим подружкам. И покатила молва! Но это ничуть не остановило любвеобильного Ивана Ивановича. В том же году он снова потерпел фиаско. Я уже говорил, что он любит охоту, а еще больше женщин... Кто-то однажды сообщил об этом его жене. Та, конечно, узелок на память завязала. Ждет, когда неверный супруг начнет в лес собираться. И дождалась. Перед самой «охотой», тайком от мужа, вынула из чехла ружье, вложила туда кирпич, зонтик и металлическую трубку от пылесоса. Поздно вечером «охотник» возвратился домой. Для пущей важности сделал вид, что он много ходил, утомился, начал рассказывать, как он в кабана да в зайца палил, но, увы, не повезло: промазал.

Выслушала жена и говорит: «Милый, давай ружье почистим, заржаветь может после такой пальбы». —

«Ты права, дорогая, — отвечает меланхолично Иван Иванович. — Давай почистим».

Он открыл чехол и, сами понимаете, вытащил уже известные нам вещицы — кирпич, трубку от пылесоса, зонтик. Жена — мокрой тряпкой по спине: «Вот тебе три раза за кабанчика! Вот тебе два раза за зайчика!» Вдобавок и трубку от пылесоса на нем погнула. Назавтра супруга в конструкторское бюро прибежала: «Муж, дескать, на больничном листке». Вот и зовут теперь Деснова Несчастливчиком.

— Да, ничего не скажешь, — рассмеялся Ветров. — Действительно, не везет человеку! А как работает?

— По работе претензий нет. Специалист он грамотный, знающий, опытный.

— Вы не проведете к нему?

— Можно. Пойдемте.

Они прошли через чистый двор и оказались у большого, из стекла и бетона здания. Поднялись на второй этаж. Вскоре Ветров уже знакомился с Десновым. Тот очень удивился, что к нему пришел сотрудник уголовного розыска.

— В чем дело? Что случилось?

— Надо с вами побеседовать. Вы не могли бы уделить мне несколько минут?

— Сейчас?

— Да.

— Тогда подождите минуту. Отпущу людей. У нас маленькое совещание.

Ветров слегка смутился. Его приход нарушил планы людей. Лейтенант остановил Деснова:

— Подождите, Иван Иванович. Вот адрес отдела милиции. Приходите после работы, там и побеседуем.

Деснов не возражал.

Игорь Николаевич вышел из здания и снова столкнулся с командиром дружины. Ветров знал его хорошо. Сергей Емельянович был активным дружинником, давно сотрудничал с милицией. Вот и сейчас он решил дождаться Ветрова: «А вдруг оперативнику потребуется помощь».

День уже заканчивался. Ветров все еще ждал Деснова в своем кабинете. Только-только он успел коротко сообщить Каменеву об этом человеке, как тот не смело постучал в дверь и вошел.

Игорь Николаевич спросил:

— Вы знакомы с Лобановой?

— С Лобановой? — переспросил Иван Иванович, и лицо его залилось густой краской. — С какой Лобановой?

— Елизаветой Лобановой. Ну не тяните, Иван Иванович, мне ведь хорошо известно, что вы знакомы. Дома у нее бываете, иногда за город выезжаете. Это, конечно, ваше личное дело. Меня интересует другое.

Деснов опустил голову и тихо проговорил:

— Да, я знаю Елизавету. Мы... действительно... дружим. — Но тут его будто прорвало: — А, собственно, что здесь плохого? Не понимаю! Ну, встречаются два человека, желают поговорить об общих интересах. Что же здесь криминального?! Почему вы этим заинтересовались? Неужели друзьям нельзя встретиться?

Ветров понимал, что Деснов пытается за этой словесной бравадой скрыть свое смущение, и перебил его:

— Не надо возмущаться, Иван Иванович. Я не собираюсь в чем-то упрекать вас. Не буду даже спрашивать, знают ли о вашей невинной дружбе сам Лобанов, ваша жена. Меня интересует совершенно другое. Но прежде чем перейти к этому, хочу убедиться, можно ли надеяться, что разговор наш так и останется между нами.

Деснов понял, что речь пойдет не о зонтике и не о металлической трубке от пылесоса, поэтому ответил:

— Ясно. Разговор мужской. Значит — могила. Никому — ни слова.

— Ну вот и прекрасно. Скажите, что вы знаете о супругах Лобановых?

Деснов с минуту помолчал.

— Я знаком только с Лизой. Познакомились случайно, в начале этого года. Понравились друг другу и вот...

начали встречаться. Жизнь у нее нелегкая. Муж – пьяница. Часто бьет ее. Встретилась с культурным человеком. Естественно, потянулась к нему.

– Это вы себя имеете в виду? – спросил Ветров, а сам подумал: «Ничего не скажешь! Очень своеобразное понятие о культуре».

– Да, себя, – не то с обидой, не то с гордостью ответил Деснов. – Или вы думаете, что я способен напиться, как старый извозчик, или женщину бить? Даже на мужчину не позволю руку поднять.

– А с мужем Лобановой знакомы?

– Нет, не знаком.

– Что она рассказывала о нем?

Деснов задумался.

– Говорила, что пьет, дерется.

– Может, вещи какие-нибудь домой приносит или с подозрительными людьми общается?

– О вещах не говорила. Разве что из дому уносит и пропивает... Да, относительно друзей тоже что-то говорила, – Деснов наморщил лоб, стараясь что-то вспомнить. – А-а, вот что! Лиза сказала, что ей не нравятся друзья мужа. Иногда ночью приходят к нему, особенно один... У него своя машина. О нем Лиза очень плохо отзывается.

– Не называла его имени?

– Нет.

– О ком еще из друзей Лобанова говорила?

– Упоминала еще каких-то двух-трех, но, честное слово, не запомнил, просто неинтересно было.

Больше от Деснова Ветров ничего не добился и отпустил его.

Паспорт на двоих

В кабинете сидели Тростник и Каменев. Вошли Ветров и Белявская. Тростник протянул Игорю листок бумаги.

– Ты просил дать справку о Ревтовском? Такой в городе не значится. И еще: вот справка о паспорте по-

терпевшего Ревтова, – сказал Тростник и тут же тихо спросил: – Зачем тебе это?

Игорь, не отвечая, взял справку, сел за стол, достал блокнот с записями, которые он сделал в загсе, и углубился в чтение.

Каменев, пригласив Зину сесть, спросил:

– Что? Пока мимо?

Зина улыбнулась.

– Пока мимо.

Игорь тоже улыбнулся и удовлетворенно откинулся на спинку стула:

– Нет, не мимо!

Потом быстро встал:

– Ануфрий Адамович, разрешите на час отлучиться.

Каменев с иронией взглянул на лейтенанта:

– Ишь ты, секретничает. Прямо так и сказал бы, что Зинаиду Александровну нужно домой провести. Ладно, иди. Буду в отделе. Работы много. Потом потолкуем.

Ветров на машине подвез Белявскую к дому, попрощавшись с ней, коротко бросил шоферу: «В клинику» – и что-то веселое замурлыкал себе под нос.

Номер паспорта, похищенного у Ревтова, был таким же, как и номер паспорта Ревтовского. А Ветрову чутье оперативника уже подсказывало, что и с Самохиным не все в порядке. Об этом же говорило то обстоятельство, что сколько Ветров ни старался увидеть его, так и не смог.

В больнице ему сказали: «Самохин сегодня выпи-сался». Лейтенант поехал к нему домой, но там никого не было. В отдел пришлось возвратиться ни с чем.

В кабинете Каменева сидел Севидов. Ветров поздравился. Севидов, очевидно, знал, что Ветров ухватился за цепочку, ведущую к квартирным кражам.

– Великий молчальник, поделись с нами секретом. Каменев засмеялся:

– Этот секрет, товарищ полковник, он как клад хранит.

Севидов, поддерживая шутку, сказал:

— У грузин есть мудрая пословица: «Бесполезны все науки, коль творим не то, что надо. Посуди, какая польза от закопанного клада?» Так что, Игорь Николаевич, не держи закопанным свой клад.

— Владимир Михайлович, я ничего не прячу.

Он присел и сообщил, что ему удалось выяснить.

— Да, это серьезно. И с Самохиным тоже интересно, — и, повернувшись к Каменеву, Севидов добавил: — Необходимо проверить версию и относительно Самохина. Когда у Буровой и Ревтовского намечена регистрация брака?

— В последнюю среду месяца, — ответил Ветров.

Полковник немного помолчал. Затем, глядя в окно, одновременно обращаясь к Каменеву и Ветрову, сказал:

— Если верить Жуковой, — а не верить ей нет никаких оснований, — следует ожидать очередной кражи. Нам во что бы то ни стало необходимо установить эту квартиру. Думаю, что нужно организовать засаду. Далее. Срочно надо установить, кто жених Буровой. Хотя уже и сейчас можно сделать предположение, что это не иначе как Драгун. Если же так, то смело можно сделать вывод, что без Самохина он не обойдется. Но Самохин 10 дней лежал в больнице, а за это время была совершена еще одна кража. В общем, Ануфрий Адамович, я считаю, что квартирой пусть займется Тростник, а Ветрову необходимо разобраться с загадкой Драгун — Самохин — Ревтовский — Бурова. Выйдете на Драгуна, Игорь Николаевич, — не берите. Если Драгун и Ревтовский одно и то же лицо, значит, он, по крайней мере до среды, никуда не денется. Он наверняка прикрывается этим паспортом. После же регистрации брака хочет перейти на фамилию жены и таким образом легализоваться. Вы показывали Белявской фото Драгуна и Самохина?

— Самохина не показывали. Он ведь в больнице лежал. Алиби налицо. А Драгуна не опознала.

— Будьте осторожны. Здесь промаха допустить нельзя, — посоветовал Севидов.

Он подробно расспросил о группе Рыжова и дал необходимое указание. После этого Севидов попросил Каменева держать его в курсе всех событий и уехал.

На следующий день, в пятницу утром, Тростник и его шесть помощников тщательно обследовали гаражи во дворах. Они искали хозяина «Волги», отца Люды, который собирался вечером выехать на свадьбу.

Лешковский

Перед Головлевым стояла задача сблизиться с Лешковским, разобраться, что он за человек, и, пожалуй, самое главное — выяснить, причастен ли он к преступлениям. То, что Лешковский пьяница, было ясно. Но замечалось нечто такое, что заставляло Головлева внимательнее присматриваться к нему. Однажды Головлев в разговоре с Григорием спросил:

— Почему бобылем ходишь, не женишься?

Лешковский как-то странно взглянул на собеседника и, не отвечая, наполнил стакан. Водку он выпил залпом, взял вилку, потянулся к соленому огурцу, глухо проговорил:

— Спрашиваешь, почему не женюсь? Да я теперь до гроба жениться не смогу...

Потом рассказал о себе.

Детство Григория было несладким. Отец оставил мать, когда мальчику было семь лет. Мать не выдержала и запила. Опустилась так, что ее лишили родительских прав. Григорию навсегда запомнились детдомовские годы. Когда ему исполнилось пятнадцать, ушел и поступил в техническое училище. Но вскоре Григорий написал заявление и ушел оттуда. Поступил учеником слесаря на завод. Ученические месяцы прошли незаметно. И вот Григорий стоит недалеко от кассы с первой получкой рабочего человека. Боже, как он счастлив! Некоторые рабочие, словно понимая его состояние, подходят и поздравляют.

Подошел и поздравил председатель завкома. Правда, Григория слегка кольнул его будничным, суховато-служебный тон. Так и сквозило между слов профсоюзного начальника: «Поздравляю тебя для порядка, не до тебя сейчас». Но это все мелочи. Теперь он, Григорий Лешковский, настоящий рабочий! Григорий впервые держал в руках такую большую сумму. Он готов был сейчас поделить с кем-нибудь этими деньгами, купить подарок. Ведь деньги его – что захочет, то и сделает с ними.

Неожиданно к подростку подошли двое: Завальный и Приходько. Поздравили с первой получкой, пожали руку. Не нравились они Григорию (за короткое время на заводе он успел заметить, что эти парни не слишком-то считаются с коллективом). Но в тот день он не мог не ответить им благодарностью. И когда они предложили «замочить» первую получку, согласился.

Пили в столовой, недалеко от завода. Приходько из-под полы достал бутылку, второпях разлил, – и все тут же опорожнили стаканы. Григорий пьянел быстро, а когда появилась вторая бутылка, ничего уже не сообщал.

Вышли на улицу, когда уже начало темнеть. На встречу шел, попыхивая сигаретой, парень. Приходько остановил его и попросил закурить. Когда парень повернулся спиной к Григорию и Завальному, Завальный неожиданно ударил его кулаком в голову. Тот упал, но сразу же вскочил и стал спиной к стенке. Завальный повернулся к Лешковскому: «Ну что стоишь, Гриша! Не видишь – наших бьют!» И если у Григория еще хватило разума разобраться, кто кого бьет, то остановить себя он уже не смог и бросился с кулаками на парня. Сколько продолжалась драка, он не помнил.

Очнулся только на следующее утро в милиции. На следствии брал все на себя. Парень, которого избили, не мог помочь следствию – в темноте не разобрал, кто его бил. А Григорий из ложного чувства товарищества не решился сказать правду. Его арестовали. Суд

остался в памяти на всю жизнь. И не только потому, что осудили его, Григория, а потому, что он впервые столкнулся с человеческой подлостью. Недавние собутельники, особенно Завальный, с благородным гневом клеймили Лешковского. Григорий слушал их и не верил своим ушам. Получалось, что не Завальный первый ударил парня, а он, Григорий, не Завальный призывал бить человека, а наоборот. В душе Григория все переворачивалось. С одной стороны, ему хотелось вскочить и рассказать всю правду. Всю! И про то, как он был счастлив, почувствовав себя полноправным членом коллектива, и про то, как ему хотелось тогда немножко человеческого тепла, и про то, что вовсе не думал пить... С другой стороны, все еще оставалась надежда на некое чудо: а вдруг Приходько и Завальный встанут и скажут, что они оклеветали человека и теперь поняли, какие они подлецы.

Приговор суда Григорий выслушал, как во сне. Затем колония. У него нашлись силы закончить там десять классов. Выйдя на свободу, быстро нашел работу, встретил девушку. Скоро была сыграна свадьба. Григорий любил жену, работу. Все складывалось хорошо. Жена родила сына. Казалось, Григорий был счастлив, но его угнетало что-то смутное, тревожное. Долго не мог он понять, что это такое. Лишь позже разобрался – поведение жены.

Работа Григория была связана с частыми разъездами. Несколько раз приезжал он из командировки раньше обычного, но жены дома не заставал. Сын, как правило, в это время находился у ее родителей. Объяснения супруги были путаны и сбивчивы. Но Григорий не хотел думать об измене. И вот однажды...

Накануне Григорий возвратился из очередной поездки. Была суббота. В воскресенье вся семья отправилась в парк. Довольные, они возвращались домой. Вспомнили, что нужно купить хлеба и еще кое-какие мелочи. Григорий пошел в магазин, а жена с малышом – домой. Мужа в тот вечер она ждала долго, но так и не дождалась. Случилось, что в магазине Гри-

горий встретил старого знакомого Владимира Дергая. Поздоровались, спросили друг друга о жизни. И вдруг Дергай бухнул прямо:

— Ты бы, парень, за своей леди получше присмотрел. А то стоит ей тебя проводить, как тут же бежит Кольку-музыканта встречать.

Все поплыло перед глазами Григория. Он слышал, что жена еще до знакомства с ним встречалась с этим Колькой. Так, значит, не обманывало его чутье! Лешковскому хотелось куда-то бежать, что-то бить, крошить, кричать. А перед глазами — улыбающееся лицо Дергая. Что было дальше, Григорий вспоминал, как в каком-то кошмарном сне. Он бил это лицо сначала кулаками, а когда Дергай оказался на полу — ногами. Его пытались удержать, но он вырывался и снова бил. Даже в дежурной комнате милиции Григорий никак не мог успокоиться.

На следующий день Лешковский был арестован. Затем суд, колония. Жена писала, спрашивала, что случилось. Но даже на суде Лешковский не сказал, за что избил Дергая. На письма жены отвечал односложно, объясняя все случайным стечением обстоятельств. В колонии он хорошо трудился, все заработанные деньги отправлял семье, решил спокойно во всем разобраться, а потом уж принимать решение. Медленно тянулись годы наказания. Но Григорий работал, терпеливо ждал. Наконец, свобода. Можно и домой. Правда, жене он писал, что возвратится через месяц. Так надо было.

И вот он в родном городе. Пока добрался домой, стемнело. В окнах квартиры света не было. Значит, жена еще не пришла. Стал ждать. Правда, Григорий мог пойти к ее родителям, хотелось поскорее увидеть сына, ведь он наверняка там. Но не пошел. Годы переживаний научили его сдержанности. Нет, не зря он задумал проверить жену. Сейчас самый раз. Не может же она в рабочий день сидеть допоздна у родителей. Григорий ждал. Все меньше и меньше оставалось прохожих на улице. Гасли огни в окнах. Город постепенно успокаивался.

Он прижался спиной к шероховатой, чуть теплой стене строящегося здания. Вдали, со стороны проспекта, показалась пара. Нет, рассмотреть, кто идет, Григорий пока еще не мог. А пара приближалась. Вот она вернула во двор. Теперь уже не оставалось никаких сомнений: шла жена в сопровождении мужчины. Через несколько минут в окнах его квартиры вспыхнул свет.

Первым желанием Лешковского было пойти за ними следом. Но он снова сдержался и вошел в строящееся здание. На ощупь, придерживаясь руками за стену, начал потихоньку подниматься по лестнице. На третьем этаже подошел к проему окна, глянул и чуть не вскрикнул: в его квартире, посреди ярко освещенной комнаты, жена целовалась с мужчиной. То был Колька-музыкант.

Григорий стремительно спустился вниз, пересек улицу, вошел в подъезд, поднялся на третий этаж, остановился у двери своей квартиры, нажал на кнопку звонка. Сколько прошло времени, Григорий не знал. Но вот за дверью послышались легкие шаги, приглушенные голоса. Резко щелкнул замок, и из прихожей упал на площадку свет. Не осознавая, что он делает, Григорий шагнул через порог. Увидел расширенные от ужаса глаза жены, Кольки. Слышал ее невнятный лепет: «Колька пришел взять какую-то книгу». Блуждающий взгляд Лешковского скользнул по стенкам, задержался на еще не убранном диване. Григорий машинально подошел к шкафу, зачем-то открыл его, потом резко повернулся и, не сказав ни слова, вышел из квартиры. Теперь уже навсегда...

Первые дни на свободе для Лешковского показались тяжким сном. Он бесцельно бродил по городу, ночевал в парке Челюскинцев прямо на танцевальной веранде. Лишь только наступало утро, уходил в город и опять бродил, бродил. Изредка ему попадались знакомые, но Григорий или избегал их или старался побыстрее расстаться. Прошла неделя. Как быть дальше? Григорий впервые задумался над своей судьбой. Сколько напрасно потрачено лет! С чего сейчас начи-

нать? Ни жилья, ни работы. Небольшой запас денег, полученный в день освобождения, таял быстро. Нужно было что-то предпринимать. «Во-первых, – думал Григорий, – следует взять себя в руки, во-вторых, как можно быстрее найти работу и, в-третьих, решить вопрос, где жить. Что ж – начну все с самого начала. Молодость еще не прошла. Есть среднее образование, специальность. Только не раскисать!»

Григорий пошел на завод, где работал раньше. У входа в отдел кадров висело объявление: требовались рабочие, в том числе слесари. Лешковский зашел к начальнику. Это был уже не тот человек, который когда-то принимал Григория на работу. Перед ним сидел незнакомый мужчина лет сорока пяти, с большой залысиной, в очках. Он читал какую-то бумагу и мельком взглянул на вошедшего.

– Специальность?

– Слесарь второго разряда.

– Где до этого работал?

– Когда-то на вашем заводе, здесь и разряд присвоили.

– Так почему же ушел от нас?

Григорий молчал. Язык не поворачивался сказать: в связи с арестом. Да и начальнику стоило только взять в руки документы, которые Григорий положил перед ним на стол, и все будет ясно. Но начальник документов не брал. Он еще раз флегматично взглянул на Григория и, видимо, по-своему расценив его молчание, проговорил:

– Что, совесть заела? Назад решил возвратиться? Ладно, мы не злопамятны. На, заполни анкету, напиши заявление, а вот по этому направлению пройди медкомиссию и приходи – включим в приказ. Может, есть дружки, которые слесарят? Зови, примем.

– Нет таких, – ответил Лешковский, выходя из кабинета.

Он сразу же направился в заводскую поликлинику. Но обойти всех врачей за один день ему не удалось. Только к вечеру следующего дня Григорий держал в

руках медицинское заключение, где говорилось, что он, Лешковский, по состоянию здоровья годен к работе на заводе.

Назавтра, прямо с утра, Григорий был в отделе кадров. Он поздоровался с начальником, положил перед ним документы. Тот, не отвечая на приветствие, не приглашая сесть, взял в руки справки и бросил:

– Порядок! Сегодня же включим в приказ, – но вдруг брови кадровика поползли вверх: – Так ты что – из тюрьмы?

– Да, отсидел. Теперь все позади. Не беспокойтесь, работать буду как следует. В колонию, честно скажу, попал по дурости, но такое больше не случится.

Начальник отдела кадров молчал. Прошла тягостная минута, вторая. Наконец он, отводя в сторону глаза, обратился к Григорию:

– Знаете, молодой человек, взять вас не можем.

– Почему? – глухо спросил Григорий. – Есть же положение... вы не имеете права отказывать в приеме на работу ранее судимым.

Начальник немного ступешался.

– Да нет, нет, не из-за этого. Просто я забыл совсем, что мы уже набрали слесарей.

Григорий насквозь видел этого человека. И, делая вид, что не понял мотива отказа, сказал:

– Так возьмите на любую работу. Могу чернорабочим...

– Сегодня прием закончен. Нам больше никто не нужен.

– Вы что же – всем откажете, кто сидит в коридоре?

Начальник, постепенно приходя в себя, с еле скрытым раздражением ответил:

– В общем, не вам беспокоиться о сидящих в коридоре. Вам ответили, и, будьте добры, не мешайте работать.

Григорий вышел из кабинета. Чувство растерянности охватило его, как и тогда, после суда. Он долго брел, сам не зная куда. Что сейчас делать? Воровать? Нет, надо успокоиться, надо немедленно искать ра-

боту. Так и оказался Лешковский на одной из баз, где стал работать грузчиком. Постепенно втянулся в этот нелегкий труд и решил, что больше ему ничего и не надо...

Злоключения Лешковского взволновали Головлева. Капитан сидел молча и думал: «Да, действительно хлебнул лиха человек...»

Мысли оперативного работника снова возвратились к службе. В искренности Лешковского он теперь нисколько не сомневался. Но как тогда быть с найденной бутылкой со следами пальцев Григория, обнаруженными на ней? Как понимать разговор Лобанова с Лешковским? О каких вещах упоминалось в этом разговоре?

Совещание под забором

Толстая вышла из подъезда, быстро перешла дорогу и остановилась у автобусной остановки. Был час «пик». Многие люди ехали после работы домой, и Ветров, не опасаясь быть замеченным, легко затерялся среди них на автобусной остановке.

Подошел «Икарус» второго маршрута. Толстая бросилась к дверям. Ветров – за ней.

В автобусной толчее Игорь протиснулся поближе к этой женщине и теперь мог исподволь, но более пристально наблюдать за ней. Слегка одутловатое лицо Толстой, видимо, когда-то красивое, хранило следы частых попок. Этого не смог скрыть даже толстый слой косметики. Ярко намазанные помадой губы, светло выкрашенные, кое-как причесанные волосы еще больше подчеркивали ее образ жизни.

Ветров уже успел накопить немало сведений о Толстой. Была замужем. Однако супруг уличил ее в неверности. Дело закончилось бракоразводным процессом. Не очень-то огорчаясь подобным обстоятельством, она нашла второго мужа, но и тот не смог долго терпеть ее «художеств». Трудиться не хотела. За последние три года по настоянию участкового инспектора трижды

устраивалась на работу, а через неделю-другую бросала и снова бралась за привычное занятие. Старики родители скрепя сердце пытались как-то вразумить ее. Однако все оставалось по-прежнему.

Когда «Икарус» выехал на проспект, Толстая начала продвигаться к выходу. В салоне были три двери. Ветров подошел к средней. На остановке Толстая, ничего не подозревая, вышла из автобуса и, перейдя дорогу, направилась во двор небольшого двухэтажного здания. Ветров, соблюдая осторожность, двинулся следом.

Во дворе Толстую ожидал какой-то мужчина. Лейтенант мгновенно сопоставил его внешность с приметами Сашко. Не оставалось никаких сомнений: приметы, которые Ветров получил вчера от Мазурина, полностью подтверждали, что Толстая встретилась с Сашко. Да-да, с этим самым маленьким, плюгавым человечком, как называл его дед Леонтий.

Посередине двора стояла беседка. Туда и прошла Толстая в сопровождении Сашко. Ветров в некотором отдалении от них присел на небольшую скамеечку. Большие кусты сирени не позволяли видеть его из беседки. Однако где же Канин? Игорь знал, что Николаю поручено заниматься Сашко. Значит, старший лейтенант должен находиться где-то рядом. Но где?

Игорь внимательно осмотрелся, прикидывая, в каком месте скрывается Канин. Но тот еще раньше приблизился к лейтенанту сзади:

– Что головой вертишь, словно она на шарнирах?

Ветров от неожиданности вздрогнул:

– Ух ты, черт! Испугал. Привет! Давно твой здесь торчит?

– Минут тридцать. Я сразу понял, что у него здесь свидание. Смотрю, а ты во двор Толстую вводишь. Ну, думаю, ясно.

– Так уж и ввел? Она сама меня сюда привела. Как думаешь, о чем они говорят?

– Кто их знает! Не о любви, конечно. Им сейчас только Рыжова не хватает.

В этот момент Толстая и Сашко вышли из беседки и направились на улицу.

Ветров и Канин, соблюдая приличную дистанцию, двинулись следом. Минут через двадцать они оказались у дома, где жил Рыжов. Толстая и ее спутник вошли во двор, а работники милиции прошагали мимо. Ветров тихонько проговорил:

– Узнаешь, если Рыжов дома, то где-то здесь должен быть и Мазурин. Он скорее всего у деда Леонтия. Ты посмотри за калиткой, а я проверю.

Лейтенант направился к дому деда Леонтия и во дворе увидел Мазурина. Он помогал старику складывать дрова. Ветров поздоровался, спросил у Мазурина:

– Где Рыжов?

– По ту сторону забора храпит, за сараем.

– К нему пришли Толстая и Сашко.

– Великолепно! – обрадовался Мазурин. – Сейчас мы услышим, о чем пойдет разговор. Можно, дедушка?

– Распоряжаешься здесь, как хозяин, да еще и спрашиваешь! – Дед помолчал, потом добавил: – Раз нужно, значит можно. Только подождите, я сам сначала гляну.

И старик пошел за сарай. Мазурин коротко объяснил Ветрову:

– Там за сараем у деда и Рыжова общий забор. С той стороны, в тени, Рыжов устроил себе лежку и сейчас изволит отдыхать. Слышишь храп? Друзья сейчас его разбудят. Беседу послушаем.

– Ай, ай, товарищ Мазурин! Нехорошо, плохо чужие разговоры подслушивать, – пошутил Ветров. – Об этом, помню, еще в школе говорилось.

– Да что вы, что вы, товарищ Ветров? – поддержал шутку Мазурин. – Разве это чужие разговоры? Сами понимаете, что сейчас все эти люди не такие уж чужие. Просто задачи у нас и у них разные. Так что, извините, нет тут никакого греха.

– Идите, хлопцы. Только поосторожней. Они уже там, – подошел дед Леонтий.

Когда Ветров и Мазурин приблизились к глухому дощатому забору, то отчетливо услышали разговор.

Толстая и Сашко уговаривали Рыжова заняться квартирой Софы в пятницу, вечером.

– Понимаешь, – говорила Толстая, – Софа в пятницу будет работать во вторую смену. Я это точно узнала. А мы сделаем дело и мотанем за город на выходные дни. Софка придет домой, считай, ночью и, если мы будем аккуратно действовать, то на пропажу даже внимания не обратит. Пока очухается, мы уже все загоним.

– А ключи? – спросил Рыжов.

– Не беспокойся, это за мной, – уверенно ответил Сашко и добавил: – Мне кажется, что Софка даже и в милицию не побежит сообщать. Она же, стерва, знает, какие у нее вещи.

– Не подумает она на нас? – буркнул Рыжов.

– Железно, нет, – заверил Сашко. – Мы же ей недавно хрусталец сплавляли. Она чувствует хорошее отношение к себе.

Ветров сразу же вспомнил рассказ старушки об инциденте у прилавка.

«Интересно, – подумал лейтенант, – где они брали этот хрусталь?»

Однако из дальнейшего разговора пьянчуг ответа на этот вопрос не последовало. Но и добытых сведений было достаточно.

Ветров с Мазуриным подошли к дежурившему на улице Канину, Игорь сказал:

– Значит, времени осталось у нас до пятницы. Это хорошо. Сможем более основательно подготовиться. Сделаем так: вы продолжаете наблюдать за Толстой и Сашко, я поехал в райотдел. Надо срочно кое-какие шаги предпринимать...

– А если они разойдутся в разные стороны? – спросил Мазурин.

– Ну и пусть. Ты смотри за Толстой, а ты, Николай, – за Сашко. Уверен, что Рыжов, после беседы, вряд ли пойдет с ними.

Это они!

– Здравствуйте! – Старушка остановилась у дверей. – Это вы меня вызывали?

Следователь Харитонов отложил ручку:

– Здравствуйте, Анна Макаровна. Проходите, присаживайтесь.

Пока старушка устраивалась на скрипучем шатком стуле, Харитонов в душе бранил старшину отдела: «Черт бы его побрал, сколько раз просил, чтобы пару хороших стульев поставил. Стыдно человека приглашать садиться». Следователь позвонил Ветрову:

– Игорь, пригласи, пожалуйста, двух понятых и приходите ко мне, предъявим фотографии.

Харитонов взял чистый бланк протокола предъявления фотографии на опознание, начал его заполнять. Появился Ветров, прихватив с собой два стула. За ним вошли в кабинет парень и девушка. Они робко поздоровались и остановились.

– Вы не очень торопитесь? – спросил Харитонов. Те не успели ответить, как Ветров пояснил: – Они в паспортном отделении в очереди на прописку стояли. Пообещал, что их потом без очереди отпустят.

– Тогда все в порядке. Присаживайтесь, пожалуйста, а я вам объясню, в чем дело. Вас пригласили присутствовать здесь, когда я предъявлю гражданке, – Харитонов взглянул на Анну Макаровну, – на опознание несколько фотографий.

Скоро следователь закончил все формальности, попросил старушку просмотреть фотографии.

Среди нескольких снимков лежала фотография Сашко. Старушка, ткнув пальцем в эту фотографию, уверенно заявила:

– Вот этот человек вытащил у меня кошелек с деньгами, а когда я потребовала вернуть, начал ругаться, затем отдал кошелек. Деньги тоже.

В следующей партии фотографий Харитонов предъявил старушке фото Рыжова. Однако его она не опознала.

Харитонов положил на стол еще серию снимков. На фотографию Драгуна она не обратила внимания, но ткнула пальцем в ту, с которой смотрел Самохин:

– Этот показывал Софке хрустальную посуду.

Харитонов и Ветров молча переглянулись. Это было открытием. Оказывается, группы Самохина и Рыжова связаны между собой!

Харитонов оформил необходимые документы, допросил старушку, которая даже не представляла, какую огромную помощь оказала органам милиции.

Вскоре Харитонов и Ветров остались одни.

– Что скажешь, сыщик? – весело поинтересовался следователь.

– Пока скажу одно: хорошо, что мы догадались предъявить фото Самохина.

– А что сейчас будем делать? – спросил Харитонов.

– Думаю, надо в первую очередь распутать узел с продавщицей. Необходимо поговорить с бывшим мужем этой Софы, а также выяснить, в какой связи Сашко и Самохин состоят. Все надо сделать до вторжения воров в квартиру продавщицы.

– Ты считаешь, что следует выждать, пока они совершат кражу?

– Нет, кражу совершить не дадим, но и готовиться к ней мешать не будем. Я думаю, Леонид, есть смысл допросить моего «собутельника» – Сергейчика. Помоему, он может кое-что сообщить.

Они согласовали еще некоторые свои действия, и Ветров поехал на завод, где работал бывший муж Софы Плетень.

Время близилось к окончанию работы. Чтобы не опоздать, лейтенант попросил у дежурного машину. Вскоре состоялась встреча с Плетенем. Это был низкого роста, худощавый, с черными кудрями человек. Он испуганно смотрел на оперативника, долго не мог понять, что от него требуется. Ветров, видя растерянное состояние Плетеня, не спешил переходить к делу. Он спросил:

– Роман Аркадьевич, как у вас со временем?

– У меня? – удивился Плетень и быстро ответил:

– Я свободен.

– Тогда давайте пройдемся по свежему воздуху, а заодно поговорим.

– Пожалуйста, согласен поговорить. Они вошли в большой парк. Когда-то здесь был глухой лес. Огромные сосны, несмотря на жару, сохраняли относительную свежесть.

Ветров видел, что Плетень немного успокоился, и начал разговор:

– Роман Аркадьевич, что вы можете сказать о своей бывшей супруге?

– Что она натворила?

– Нужно разобраться в ее поведении.

– Пожалуйста, но должен вас предупредить, что я уже два года не живу с ней и почти полгода ее не видел.

– Роман Аркадьевич! Понимаю: вам неприятна эта тема. Но, извините, придется ее коснуться. Скажите, что привело к разводу?

Плетень некоторое время шел молча.

– Конечно, неприятно об этом говорить, но если вам нужно, то я скажу. Понимаете, с первых дней совместной жизни она постоянно обманывала, изменяла, короче говоря, жила двойной жизнью. Одна жизнь – это я, вторая – ее любовник, а еще тряпки, скупка золота, хрусталя, связи с какими-то темными типами, а то просто с жуликами, проходимцами. Пробовал говорить с ней, убеждать, просить. Но безрезультатно. Жадность ее не имеет предела. Кажется, что за тряпку, золотую безделушку она бы родную мать не пожалела. Вспоминаю, как мы однажды к ее родной младшей сестре на день рождения отправились. Она пошла раньше, а я после работы забежал в ювелирный магазин, купил за двадцать три рубля маленькие сережки.

Когда Софа увидела, что я вручил сестре этот подарок, то даже позеленела от злости. Едва дратья не полезла. Дома все кричала, как я мог такую сумму потратить на какую-то соплячку. Пробовал объяснить,

что это не соплячка, а ее родная сестра, которой исполнилось двадцать два года. Но где там! Софа и слышать не хотела. Да что тут говорить! Невозможный человек. Погрязла в стяжательстве, обмане, отгородилась от всего мира.

– Из-за этого и разошлись?

– Не только. Она работает в магазине. Там много всякого народу переворачивается. Вот она и начала потихоньку с разными типами встречаться. Прихожу я это однажды с работы пораньше: приболел немного. Открываю дверь и, что вы думаете, застаю ее в постели с каким-то забулдыжкой. Правда, когда я ушел от нее, этого забулдыжку, как мне друзья говорили, она домой окончательно перетащила, но и он не выдержал, сбежал от такой жены.

– Роман Аркадьевич, что вы знаете об этом человеке?

– О каком?

– Да об этом забулдыжке, как вы говорите.

– Знаете, он меня совершенно не интересовал.

– Вот вы говорите, что она скупала ценные вещи, была связана с какими-то темными личностями. Вы кого-нибудь из них знаете?

– Фамилий не знаю, но в лицо кое-кого мог бы опознать.

– Роман Аркадьевич, вы не возражаете, если мы покажем вам несколько фотографий?

– Пожалуйста, но когда?

– Сегодня, сейчас.

– Согласен.

Был час «пик». Пропустив на остановке битком набитые автобусы и трамваи, они направились в районный отдел милиции пешком.

Харитонов находился у себя. Быстро были подготовлены необходимые материалы. Плетень просмотрел предъявленную ему серию фотографий. Он опознал Сергейчика, Самохина и Сашко:

– Эти чаще других приходили к Софе. Вот, – Плетень взял со стола снимок Самохина, – вот где страш-

ный тип! Те двое, – показал он рукой на фотографии Сашко и Сергейчика – просто пьянчужки. А вот с этим лучше не встречаться. Чувствуется, настоящий бандит!

– Что они приносили? – спросил Харитонов.

– Этот бандит, – Плетень показал на фото Самохина, – чаще всего приносил хрусталь, золотишко. А эти два, как правило, вместе с ним приходили и разные вещи предлагали. Но она редко покупала. Ей золото подавай! Тут она ни перед чем не остановится.

– Скажите, а куда она сбывала все это?

– Многое дома можете найти. Кое-что хранит у соседки-старушки из тридцать восьмой квартиры. Старушка живет одна. Вот Софа к ней и подкатилась. Есть у нее еще подруга. На редкость разбитная мадам. У той тоже кое-что найдется. Кстати, эта подруга один раз заявлялась к нам домой вот с этим типом, – Плетень указал на фотографию Самохина.

Работники милиции оживились. Ветров спросил:

– Расскажите о ней. Кто она, фамилия, имя?

– О ней почти ничего не знаю. Впрочем, помню, как Софа говорила, что она замуж собирается.

– Где она живет?

– Не знаю.

– Фамилию, имя не слышали?

– Нет, не слышал. Хотя, подождите... – Плетень на какой-то момент задумался, потом добавил: – Помоему, Ирой зовут. Софа звала ее Ирккой. Это точно.

Ветров подумал: «Кажется, речь о Буровой идет». Лейтенант тут же сказал об этом Харитонову. Тот сразу же начал готовить фотографии на опознание.

«Молодец Каменев! – подумал Ветров. – Предвидел, что фото Буровой тоже понадобится».

Плетень тотчас же узнал среди трех предъявленных фотографий изображение Буровой: – Вот она! Это Ира, сразу узнал...

В больнице

Ветров взглянул на фотографию и ахнул: «Самохин! Да-да, это он!» Краткий текст на обратной стороне снимка, собственноручная подпись Самохина теперь уже не оставляли никаких сомнений. Однако непонятно другое: Ветров знал, что владелец фотографии в настоящий момент лежит в больнице. Во всяком случае он должен был находиться там. «Но ведь на озере... – лейтенант вспомнил Надю, прогулку на лодке, купание, уютный зеленый островок. – Тогда на озере этого же человека мы видели в шумной, основательно подгулявшей компании в полном здравии и совершенно не-вредимым».

Ветров решил не мешкать, доложил Каменеву о своих догадках. Тот разрешил воспользоваться служебной машиной, и через двадцать минут лейтенант был в больнице. Он быстро отыскал лечащего врача.

– Поступил к нам Самохин в тяжелом состоянии, – начал вспоминать доктор. – Дежурный врач Вичканова быстро определила, что у него аппендицит в запущенной форме. Его тут же подготовили к операции. К счастью, все обошлось благополучно. Буквально через два дня он начал просить, чтобы я выписал его из больницы. И так каждый день. Еле выдержали предписанный в таких случаях срок.

– Скажите, к нему приходил кто-нибудь?

– Да, приходили девушка и парень. Приносили передачу. Посидят обычно не более пяти минут и уходят.

– Вы бы узнали эту девушку или парня?

– Конечно.

Игорь Николаевич достал из кармана десяток фотографий женщин и мужчин. В этой же пачке оказались снимки Самохина и Буровой. Врач брал со стола по одному отпечатку, каждый внимательно просматривал. Он взял в руки фото Буровой, немного задержал на нем взгляд.

– Эта. Эта барышня как раз и приходила к Самохину.

В это время Игорь положил в общую пачку снимок Драгуна, которого доктору еще предстояло опознать. Отложив в сторону изображение Буровой, лечащий врач начал просматривать остальные фотографии. Через минуту Ветров был ошарашен. Врач держал в руках фотографию Самохина и, протягивая ее Ветрову, сказал:

– Этот тоже мне знаком. Самохина посещал с этой подругой, – кивнул он на фото Буровой.

– Вы не ошибаетесь?

– Нет-нет. Ошибка исключается. У меня прекрасная зрительная память.

Не успел Игорь прийти в себя, как врач протянул фото Драгуна:

– А вот и сам Самохин.

Посоветовавшись с Каменевым, Ветров решил, что продавщицу Софью Плетень надо пригласить в отдел, допросить и обыскать ее квартиру. При таком расчете предполагалось, во-первых, изъять похищенные у граждан драгоценности. Во-вторых, Рыжов, Сашко и Толстая, узнав, что Плетень задержана и у нее реквизируют краденые вещи, откажутся от своих намерений. Пригласить Плетень в райотдел намечалось после того, как она закончит работу. Поручалось это инспектору уголовного розыска Попову. Попов был уже знаком с продавщицей по фотографии. Он вошел в магазин, убедился, что Плетень на месте, за прилавком, вышел на улицу и стал ждать. Вскоре она прошмыгнула мимо одетого в штатский костюм инспектора, не обратив на него никакого внимания.

Попов догнал ее:

– Добрый день! Хотел поговорить.

Пристально взглянув на него, Плетень сказала:

– Сразу же предупреждаю: беру только золото и хрусталь. Цену устанавливаю сама. Что у тебя?

– Извините, на сей раз торг не состоится. Вы ошиблись в клиенте, – Попов показал служебное удостоверение. – Прошу пройти в отдел милиции.

Допрос вели Ветров и следователь Харитонов. Плетень, вытаращив глаза и сделав удивленно-оскорбленное лицо, кричала:

– Какие вещи? Какие ценности?! Я ничего не покупала. Честное слово!

Харитонов, как всегда, сидел невозмутимо. Он спокойно смотрел на преступницу:

– Успокойтесь, гражданка Плетень. Кричать в этом кабинете не надо. У нас хороший слух, а вот вы голос надорвать можете. То, что вы скупали у различных лиц – знакомых и незнакомых – золотые изделия, хрустальную посуду, носильные вещи, ковры, не подлежит никакому сомнению. Доказать это ничего не стоит. Достаточно пойти к вам, произвести обыск, и все станет на свои места.

– У меня нет ничего! – решительно заявила Плетень. – Вот вам крест! – она перекрестилась. Это было так неожиданно, что Харитонов и Ветров рассмеялись.

Следователь положил перед ней несколько фотографий, среди которых были снимки Буровой, Самохина и Толстой:

– Посмотрите, кого-нибудь знаете?

Плетень взяла в руки фотографии, подержала их несколько секунд и бросила на стол.

– Никого не знаю.

– Неправда! – спокойно сказал Харитонов. – Ирина Бурова ваша подруга. Вот показания вашего бывшего супруга. – Харитонов положил перед Плетень протокол допроса. – Здесь он рассказывает о вашей дружбе с Толстой.

– Неправда это! Неправда! – истерично выкрикнула Плетень. – Он просто наговаривает на меня. Злой, что бросил его, и все тут.

– Это не совсем так, – возразил Ветров. – Ведь на развод подал он, а не вы. Не понимаю, почему вы все отрицаете? Уж если говорить о Буровой, так я могу напомнить, что всего лишь несколько дней назад вы вместе с Буровой и двумя мужчинами на озере купались, отдыхали на острове.

– Ничего не знаю! – упрямо твердила Плетень.

Харитонов допросил Плетень, затем вместе с Ветровым, Мазуриным и Поповым, взяв с собой задержанную, отправились на обыск. Когда оперативные работники вошли в квартиру Софьи Плетень, они не смогли сдержать удивления: не жилье – музей! Десятки хрустальных ваз и вазочек, лодок, ладей, корзиночек стояли везде, где только можно было поставить. Харитонов спросил у хозяйки:

– Вы что, решили выставку в квартире организовать?

– Какую выставку?! Каждая вещь – часть моего здоровья, надорванного честным трудом.

Харитонов не стал обращать внимания на фальшивые заверения Плетень, записал анкетные сведения приглашенных понятых и вместе с Ветровым приступил к обыску. Работы было много. Драгоценности оказались припрятанными довольно надежно. В ножках стола удалось обнаружить шесть десятирублевых золотых монет. В банке от растворимого кофе оказалось двадцать шесть золотых колец и перстней. Из небольшого мешочка с крупой Ветров извлек восемнадцать пар различных серег.

– Н-да! – протянул пожилой сосед Плетень, приглашенный в качестве понятного. – Ваша жадность, дорогая соседка, давно известна. Однако увидеть подобное я и во сне не предполагал.

– Все купила! Все честно заработала! – как автомат, твердила Плетень.

А в этот момент Ветров, внимание которого привлекла двойная доска кухонного стола, с помощью Мазурина поднял верхнюю крышку, и все ахнули: плоскость стола была полностью занята плотно прижатыми друг к другу, невысокими стопками сторублевых купюр.

– Настоящая сберкасса! – присвистнул Мазурин.

Начали считать. Оказалось ровно двадцать тысяч. Плетень и здесь пыталась убеждать соседей, что эти деньги она зарабатывала в поте лица.

– Что же вы в сберкассе не храните, а между досок прячете? – спросил сосед.

– Может, я не верю сберкассе? – с вызовом бросила Плетень и замолчала.

В квартиру вошел Попов и, наклонившись к Ветрову, тихо сказал:

– Игорь Николаевич! Соседки Плетень дома нет.

– Где она?

– Говорят, вчера вечером уехала в деревню к родственникам. А вот в какую деревню – никто не знает.

– Кто эти родственники?

– Тоже никто не знает. Может, у нее спросим? – кивнул Попов на Плетень.

– Нельзя. Видишь, она и так все отрицает, а мы ей дадим понять, что знаем, где хранятся остальные ценности.

Вскоре работники милиции, оформив необходимые документы, вместе с Плетень приехали в райотдел.

Харитонов приступил к тщательному допросу, требуя от Плетень пояснений по каждому реквизированному предмету.

Ветров вместе с Каниным, Мазуриным и Поповым начали готовить ценности к предъявлению потерпевшим на опознание. Таких людей оказалось достаточно много, и каждого надо было найти, пригласить в райотдел.

Как и ожидали работники милиции, большинство изъятых золотых изделий, хрусталь и другие ценные вещи потерпевшие сразу опознали.

– Что теперь скажете? – спросил Харитонов, обращаясь к Плетень. – Или опять будете врать?

– Буду! – истерично выкрикнула Плетень и спохватилась: – Нет, не буду. Я не врала. Я правду говорила. Купила. У кого – не знаю.

Харитонов попросил ее подождать в коридоре, а сам по телефону коротко доложил обстановку Каменеву. Через пару минут тот пришел в кабинет следователя. Начали советоваться. Харитонов и Ветров считали, что говорить с Плетень о ее соседке, а также о Самохине, Буровой и других ее компаньонах нецелесо-

сообразно: пока они все не будут задержаны, доказать вину Плетень невозможно.

— Ей можно вменить в вину только приобретение имущества, добытого заведомо преступным путем, — говорил Харитонов, — или недонесение о преступлении, или, наконец, дачу ложных показаний. Поэтому я предлагаю пока ограничиться тем, что ей сказано. Необходимо сделать вид, что она больше нас не интересуется.

— Правильно, — поддержал Ветров. — Когда возвратится из деревни соседка Плетень, изымем остальные похищенные ценности. А пока предлагаю сосредоточить внимание на розыске Драгуна. Следует как можно быстрее установить этих «зайчиков» и хозяина «Волги», которого они собираются обворовать, а также собрать доказательства вины каждого преступника из этой группы.

Никто из присутствующих не возражал против предлагаемого плана, и Каменев дал «добро»...

План утвержден

На следующий день утром Каменев, Головлев, Ветров и Тростник сидели в кабинете начальника уголовного розыска города. Сюда же зашел начальник управления внутренних дел города Романов. Всем было известно, что Севидов не спал всю прошлую ночь. Вчера в 15 часов в управление поступило тревожное сообщение: на почтовое отделение, расположенное в одном из микрорайонов на окраине города, совершено вооруженное нападение. Преступники, угрожая ножом работнице отделения, нанесли ей несколько ударов по голове, связали руки и, забрав крупную сумму денег, скрылись. Для раскрытия преступления была создана оперативная группа, которую возглавил полковник Севидов. Нападение действительно ошеломляло своей необычностью, чрезвычайной дерзостью. Однако, чтобы разобраться в нем, опергруппе Севидова понадобилось менее суток.

Романов, который специально зашел к начальнику уголовного розыска, чтобы выяснить все обстоятельства происшествия, сказал:

— Теперь пора и за дело взяться. Видишь, орлы в полет торопятся, — он кивнул в сторону Каменева и его подчиненных.

Каменев встал и начал докладывать, но Романов сразу же перебил:

— Вы сидите, сидите, Ануфрий Адамович! Мы ведь не на собрании. Здесь посидеть, подумать надо.

Каменев, несколько смущенный присутствием начальника управления, сел и, как-то сразу преодолев робость, начал рассказывать, как протекает работа по раскрытию квартирных краж. План сводился к следующему: Головлеву, который продолжал играть роль квартиранта, предстояло выяснить, как оказались на обнаруженной бутылке следы пальцев Лешковского. Если это уловка преступников, то ключ к разгадке можно найти через Лешковского. Если же окажется, что Лешковский причастен к кражам, то присутствие Головлева поможет установить его друзей и местонахождение похищенного.

Каменев помолчал, обдумывая что-то, затем, посмотрев на Романова, то на Севидова, продолжал:

— Мы хотим помочь Головлеву быстрее закончить проверку Лешковского. Рассчитываем на то, что последний очень хорошо расположен к нашему сотруднику, откровенен и часто обращается к нему за советами. Поэтому мы решили пригласить Лешковского, поговорить с ним.

— С участием Головлева? — спросил Романов.

— Нет, без него. Если Лешковский в беседе с нами начнет изворачиваться, ловчить, то с Головлевым разоткровенничается обязательно. Даже если он и причастен к преступлениям, то от Головлева не ускользнут его дальнейшие действия.

Каменев сделал паузу.

Романов заметил:

– Да, тут есть смысл. Помимо всего, Головлев поможет нам еще и перепроверить этого человека. Приглашайте Лешковского. Только не переборщите с фактами. Но о том, что отпечатки его пальцев обнаружены на бутылке, найденной на месте происшествия, скажите обязательно. Пусть объяснит.

Романов замолчал. Каменев понял это как предложение продолжать доклад. Он доложил о дальнейших действиях Ветрова, Тростника и попросил оказать помощь необходимой техникой.

Толстая, Сашко и Рыжов сидели в парке на траве и совещались. Случилось так, что работники милиции опередили их и обыскали Софкину квартиру. Рыжов зло бросил Толстой:

– Дура! Не отговори нас тогда, так мы уже давно «сделали» бы эту хату и забыли. Старухи соседки испугались! Чего ее бояться. Дали бы по чердаку, и дух из бабы вон.

– Такой куш упустили! – огорченно махнул рукой Сашко. – А деньги сейчас вот так нужны, – он провел ребром руки по горлу.

Рыжов чуть поостыл и, не стесняясь женщины, грубо выругался и сказал:

– Самохина вчера встречал. Говорю, дай «наколку», а он мне – тоже друг называется: «Пока не могу». Какой-то его кореш приехал – из колонии рванул. Самохин теперь с ним и еще с какими-то пацанами дружбу водит. Ну ничего! Придется воды попить из колодца – вот тогда и припомню ему.

– А кто из колонии рванул? – спросил Сашко.

– Да ты должен знать – Драгун. Помнишь, мы с ним однажды на Типографской хату «сделали». Тогда контора сцапала его.

– Конечно, помню. Он тогда все на себя взял, железный кореш.

– Так это же Виктор, – протянула Толстая. – Я хорошо знаю его. Может, с ним встретиться и поговорить?

– Нет. На поклон не пойду! – заявил Рыжов. – Надо что-то другое придумать.

– Мальчики! – воскликнула Толстая. – А у меня идея.

– Какая может быть у тебя идея? – угрюмо проворчал Рыжов. – Уже один раз с этой Софкой выдвинула идею. Старухи испугалась.

– Вот о старухе и хочу рассказать. Сергейчика Владика знаете?

– Конечно, знаем! – отозвался Рыжов. – Да кто его не знает. Иди к пивнушке – всегда там...

– Так вот, – перебила его Толстая, – раньше он за этой Софкой ударял. Думал, на руках понесет, кормить, поить будет. Рассказывал, что Софка много всякого добра у соседки, у этой старухи, прячет. Вот я и предлагаю поживиться у бабки.

– Не брешешь? – оживился Рыжов.

– Ей-богу – не брешу.

– Ну, тогда эта идея подходит, – потер руки Рыжов. – Ах ты, бабуся! Ах ты, одуванчик! Решено – пошли к ней.

Они тут же направились к дому Плетень.

Но их, как и работников милиции, ждало разочарование: старушки дома не оказалось, а «инструмента», с помощью которого можно было открыть дверь, при себе не было.

Сашко внимательно осмотрел дверь и покачал головой:

– Замок иностранный какой-то, ключ не подберешь.

– Фомкой откроем, – небрежно бросил Рыжов, направляясь к выходу.

Они решили подготовить нужный «инструмент» и прийти сюда снова. Но когда немного поостыли, пришли к выводу, что не стоит рисковать: шум, когда станут открывать дверь, может привлечь внимание жильцов подъезда. Договорились ждать хозяйку. А когда появится, рассуждали они, свяжем и заберем все, что понравится. Но вскоре и эта мысль была отброшена. Зачем, мол, подвергать себя опасности: поймают – срок не за кражу, а за разбой.

Постепенно они разработали новый план действий. Это было необычное предприятие, и они втроем направились в универмаг...

Судниковскому было поручено выяснить, где находится соседка Плетень, а если не удастся сделать это, ждать возвращения старушки домой. Попутно капитану вменялось в обязанность не позволять обеим женщинам войти в контакт и изъять похищенные ценности, хранящиеся у соседки Плетень. Но у Судниковского на все было свое мнение, к сожалению, чаще всего ошибочное. Каменев сказал, чтобы он посетил соседей Плетень и выяснил, где может находиться старушка. В душе Судниковский никак не мог согласиться с мнением начальства. Как же, мол, так: ему, блистательному офицеру, способному вершить более значительные дела, вдруг поручают такую простую задачу! Да с ней может справиться любой желторотый юнец! Однако делать нечего — надо выполнять приказ.

Капитан, чертыхаясь, вошел в подъезд, поднялся на третий этаж. Здесь, в тридцать седьмой квартире, проживала Плетень, а в тридцать восьмой — разыскиваемая старушка. Он позвонил в тридцать девятую. Дверь открыла молодая симпатичная женщина.

— Здравствуйте! Разрешите войти?

— Входите, — последовал ответ.

Судниковский вошел и без всяких предисловий, не обращая внимания на хозяйку, начал осматривать жилище. Удивленная столь бесцеремонным поведением незнакомого мужчины, хозяйка сухо спросила:

— Что вам угодно?

— Сейчас скажу, — небрежно бросил Судниковский. Не спрашивая разрешения, он сел на стоящий у стола стул и только тогда заявил: — Я из уголовного розыска. Надо с вами поговорить. Только предупреждаю: не вздумайте лгать.

— Почему вы считаете, что я должна непременно лгать? Это, во-первых, а во-вторых, не кажется ли вам, что такое дерзкое поведение совершенно непозволительно в чужой квартире.

Судниковский, привыкший повелевать, ставить собеседника в неловкое положение, попал в него сам и сидел молча.

Наконец к нему вернулось самообладание, и он пробормотал:

— Я хотел поговорить о вашей соседке.

Но хозяйка была обижена и резко ответила:

— А не лучше ли вам с ней самой поговорить?

Контакт был безнадежно утрачен. Судниковскому ничего не оставалось, как подняться и уйти. Обескураженный, он несколько минут простоял в подъезде и только после этого окончательно пришел в себя. «Тоже мне — принцесса! На козе не подъедешь! — думал капитан о хозяйке. — Не хочешь исполнить гражданский долг, и не надо. Без тебя как-нибудь обойдусь». В голове оперативника мелькнула мысль: «А может, зайти в сороковую квартиру, там поговорить?» Но и это соображение тут же было отвергнуто. «Ну их, прицепились с этой старухой!» — подумал он, выходя из подъезда. А ведь стоило Судниковскому заглянуть в сороковую квартиру, как все прояснилось бы: соседка Софьи Плетень в это время находилась не за горами. Не обратил он внимания и на женщину, с которой едва не столкнулся, выходя из подъезда. А обязан был, поскольку в его кармане лежала фотография Толстой. Именно она и проскользнула в подъезд с той же целью, что и Судниковский. Только преступница Толстая проявила больше настойчивости, чем оперативник Судниковский, который в этот момент спокойно шел по улице с сознанием исполненного долга.

Толстая позвонила в сороковую квартиру, в ту самую квартиру, куда так и не зашел Судниковский. Дверь открыла пожилая дама. Толстая поздоровалась, вежливо спросила:

— Вы не знаете, где хозяйка из тридцать восьмой квартиры? Это моя родственница. Прихожу уже четвертый раз, а ее все нет. Я уже волноваться начала.

— Не волнуйтесь, не волнуйтесь! Татьяна Николаевна ездила в деревню, а когда возвратилась, Анна

Андреевна – вы же, видимо, знаете ее – просит: «Сестрица, поживи недельки две в нашей квартире. Всей семьей на Нарочь отправляемся».

– А почему Татьяна Николаевна должна жить у них эти две недели?

– Так у них же целый зверинец: собака, кот, попугай, две канарейки. За ними уход да уход нужен. Вот Татьяна Николаевна и пошла к ним, а мне адрес оставила. Вам-то он, наверное, не нужен, раз вы родственница?

– Да-да, конечно, – поспешно ответила Толстая, но вдруг спохватилась: – Ой, простите! О какой тете Анне вы говорите? У нас их три.

– Я говорю о той, которая на бульваре Шевченко живет. Вот – посмотрите, я плохо вижу – здесь написано.

Женщина протянула Толстой бумажку.

– А-а, эта тетя Аня! Как же, как же – хорошо знаю. Ну, спасибо, извините, до свидания!

Толстая вышла из подъезда и повернула за угол дома. Там ее ждали Рыжов и Сашко. Оба внимательно выслушали сообщение о Татьяне Николаевне.

– Что делать будем? – спросил Рыжов.

– Придется ждать, пока эта старая карга домой прикостыляет, – сказал Сашко.

Инженер Байдачный

Только к вечеру Тростник смог установить хозяина «Волги». Им оказался инженер Байдачный. Байдачный был приглашен в отдел. Каменев, убедившись, что перед ним именно тот человек, которого искали сотрудники милиции, спросил:

– Скажите, не собираетесь ли вы на свадьбу?

Байдачный удивленно взглянул на Каменева.

– Да, вместе с женой, дочерью и двумя ее друзьями готовимся поехать в деревню. Племянница замуж выходит.

– А что за друзья дочери?

– Хорошие ребята. Пусть молодежь повеселится.

Байдачный вызывал доверие. Каменев завел с ним деловой разговор, предупредив, что об этом никто не должен знать. Байдачный обещал молчать и ушел.

Каменев, круто отчитав Судниковского, позвонил Ветрову и Тростнику:

– Зайдите оба ко мне.

В коридоре они столкнулись с капитаном, пунцовые щеки, взъерошенный вид которого говорили сами за себя. Судниковский обиженно проворчал:

– Где это видано, чтобы из-за какой-то старухи шум поднимать! Нет у него жалости к сотрудникам. Не хочет меня понимать шеф. Ох как не хочет!

– Ошибаешься, капитан. Не то слово – не хочет. Не может он понять тебя, – прервал его Тростник. – Я тоже не могу. И он, – кивнул головой в сторону Ветрова, – и он не может.

– Мало тебе всыпали, – поддержал Ветров Тростника. – Уходил бы из милиции. Случайный ты здесь человек. Угробил дело, а еще возмущаешься. Тебя за одно это надо гнать грязной метлой из уголовного розыска.

– Бросьте учить! Лучше вас знаю, как работать. Кстати, не забывайте, что я старше вас по званию, – взорвался Судниковский.

Когда Ветров и Тростник вошли в кабинет Каменева, тот угрюмо смотрел в окно.

– Ничего, Ануфрий Адамович, поправим дело.

– Я и не сомневаюсь. Но стыд-то, стыд какой? Расскажи людям – не поверят. Ну, ладно, – махнул рукой Каменев. – К черту этого Судниковского. Перейдем к главному. Ты, Игорь Николаевич, езжай к потерпевшей, выясни подробнее, как все случилось. Я уверен, тут поработала компания Рыжова. Допроси старушку, предъяви ей фото Рыжова, Толстой и Сашко на опознание. Интересно, как они нашли ее? А затем вместе с Мазуриным займитесь этой группой. Думаю, что вам надо встретиться с дедом Леонтием. Ты, Володя, занимайся квартирой Байдачного. Как бы мы и там не опоздали.

Вскоре оперативники покинули кабинет и тут же разошлись.

Ветров направился к дому, где проживали Софья Плетень и злосчастная хранительница ее ценностей. «Да, не сунься сюда Судниковский, — думал лейтенант, — все было бы хорошо. Хотя он и прозевал приезд старушки, ситуация складывалась вполне удовлетворительно: не повидавшись с Плетень, она перебралась к своим родственникам».

Ветров вошел в подъезд и нажал кнопку тридцать восьмой квартиры. Тишина. Позвонил еще раз. За дверями послышались шаги. Женский голос спросил:

— Кто там?

— Милиция, откройте, пожалуйста!

Ветров услышал, как звякнула цепочка, затем один за другим щелкнули замки, и дверь открылась. У порога стояла хозяйка. Ей было на вид лет шестьдесят-шестьдесят пять. Глаза ее смотрели тревожно, настороженно. Лейтенант предъявил удостоверение:

— Инспектор уголовного розыска Ветров. Я по вашему телефонному звонку.

— Да, да, входите, пожалуйста.

Хозяйка, впустив Ветрова в прихожую, неожиданно расплакалась, громко запричитала:

— Обворовали. Все забрали. Ничегошеньки не оставили. И мое забрали, и чужое. Антихристы, жулики, а не художники.

— Успокойтесь, пожалуйста. Давайте поговорим спокойно. Начнем с того, как вы оказались у своих родственников.

Хозяйка несколько успокоилась, начала рассказывать:

— Через час после моего приезда из деревни ко мне пришла двоюродная сестра Аня. Она с мужем уезжала на две недели в отпуск, а дома оставались их собака, кошка, певчие птички и попугай — они очень любят животных. Вот сестра и говорит: «Таня, ты ведь живешь одна, и ничего с тобой не случится, если переберешься недельки на две в нашу квартиру, за животными при-

смотришь, цветы польешь». У них очень много цветов. Я и согласилась. Перешла к ним, стала хозяйничать. И вот надо же такому случиться! Однажды днем слышу звонок. Открываю. Смотрю: стоят двое молодых симпатичных мужчин и женщина с ними. Входят и говорят, что они художники-абстракционисты, абстрактционисты...

— Абстракционисты, — подсказал Ветров.

— Да, да, верно! Абстракционисты! — вспомнила хозяйка и продолжала: — Пришли, говорят, чтобы нарисовать портрет домохозяйки. А я, дура, поверила, совершенно не подумала, почему именно меня надо рисовать, как мой адрес нашли. Посадили меня на кухню у плиты, дали в руки черпак и крышку от кастрюли и говорят: «Сиди, бабуся, и не шевелись, позируй». Я, разумеется, сижу. Один из них взял фанерку, положил на нее лист бумаги и давай рисовать, а второй все приговаривает: «Сиди ровненько, бабуся, не шевелись, смотри веселее, твой портрет на выставку пойдет, вся страна любоваться будет!» Сажу я и не вижу, что женщина вышла из кухни и давай там в комнате вещи делить: лучшее себе, худшее хозяевам. В шкафу, между бельем, триста пятьдесят рублей нашла, в серванте, в хрустальном бокале, лежали два золотых кольца и кулон — тоже забрала. И только теперь я поняла, дура старая, что искала она ключи от моей квартиры, потому что аж карманы в плаще вывернула, а потом входит на кухню и говорит: «Бабушка, у вас сумка есть?» — «Есть», — отвечаю. «Где она, я подам. Надо ее рядом с вами на табурет поставить, чтобы было композиторно»... или как там... я уже забыла.

— Композиционно, — поправил Ветров.

— Да, да, композиционно! — вспомнила старушка и продолжала: — Я говорю: «Возьми, дочка, сумку. Она в комнате, за диваном». И опять не обратила внимания, как долго несла она сумку. Оказывается, — это я только сегодня догадалась, — она в сумке ключи искала и забрала их. А вот деньги, шлюха пакостная, не тронула. Боялась, что быстро обнаружу пропажу. В общем, ри-

совали они меня, рисовали, а затем встали и говорят: «На сегодня хватит». На прощание дали лист бумаги с какой-то мазней, объяснили, что это наброски портрета, и предупредили, чтобы я хранила лист до следующего их прихода.

— Когда они обещали снова прийти?

— Через неделю. Но я прожила там больше. Хозяева приехали только вчера, часов в двенадцать дня. Пропажу обнаружили к вечеру. А про ключи я узнала, когда домой сегодня пришла.

— А как дверь открыли?

— К сестре на такси съездила. Там запасные ключи хранились. Быстренько возвратилась от сестры, вошла в свою квартиру и глазам собственным не верю: погром! Сами видите. Я почти ничего не трогала.

Ветров действительно видел, что в квартире устроен полный кавардак: одежда, постельные принадлежности разбросаны на полу, мебель сдвинута с места. Лейтенант спросил:

— Наши товарищи осмотр сделали?

— Да, да. Сразу же приехали после моего звонка. Все записали, сфотографировали. Как вы думаете, замки в дверях нужно поменять?

— Думаю, будет не лишним, хотя уверен, что воров мы скоро найдем. Что они взяли?

— Ой, все! Буквально все, супостаты, забрали: три ковра, мою шубу и шубу приятельницы.

— Какой приятельницы?

Старушка замялась:

— Понимаете... Знакомой одной...

— Какой знакомой, как ее фамилия?

Татьяне Николаевне деваться было некуда. Она, очевидно, махнула рукой на предупреждения Плетень: та строго-настрого наказывала ни перед кем не распространяться, что квартира, по существу, превращена в камеру хранения. Встреча с лейтенантом вселяла в старуху надежду — наконец-то можно будет отделаться от ненасытной соседки. Хозяйка сказала:

— Рядом, в тридцать седьмой квартире, живет одинокая молодая женщина. Дома бывает редко, боится, что воры залезут. Вот и попросила, чтобы я кое-что взяла на хранение.

— Что же вы хранили?

Старушка привела огромный перечень вещей. Ветров понял, что при обыске у Плетень изъята только небольшая часть похищенных и награбленных ценностей. Теперь все это оказалось в руках преступников. Надо было действовать быстро и решительно.

Ветров подошел к телефону и позвонил в отдел. Ему нужен был Харитонов. К счастью, следователь оказался на месте. Ветров быстро объяснил ему ситуацию, попросил предъявить старушке на опознание фото Рыжова, Сашко, Толстой. Харитонов пообещал скоро приехать.

Ветров положил трубку и спросил:

— Где ваш портрет?

— Какой портрет? — не поняла старушка.

— Который они рисовали.

— А, этот, — сказала старушка и встала со стула, — сейчас.

Она принесла из кухни большой лист бумаги. Ветров рассматривал непонятную мазню, нагромождение каких-то колесиков, палочек, крестиков, кружочков. Затем возвратил «картину» хозяйке.

— Похоже, ничего не скажешь.

— Что, похоже?

Ветров смутился и пояснил:

— Этот абстрактный рисунок, по-моему, действительно похож на портрет.

Затем он попросил старушку подождать приезда Харитонova, а сам направился дальше. Теперь Ветров не сомневался, что кража — дело рук Толстой и ее дружков. Сейчас важно не дать им продать краденое.

День клонился к вечеру, и лейтенант быстро шел по улице. А вот и дом Рыжова. Ветров мельком оглядел двор — никого, и пошел к калитке деда Леонтия.

Обычно дед находился во дворе, но сейчас его не было видно. Ветров толкнул дверь тамбура – открыто. Вошел. После яркого солнца помещение показалось лейтенанту сумрачным. Он постоял несколько секунд на месте, пока глаза привыкли к полутьме, затем подошел к следующей двери, потянул ее на себя, перешагнул через высокий порог.

Дед сидел за столом, а напротив... Мазурин.

«Молодец Каменев, – подумал Ветров, – уже успел Мазурина сюда направить», – и, поздоровавшись, пошутил над Мазуриным:

– Чутье у тебя, Петр Андреевич, как у сыщика. Я только подумал о тебе, а ты уж тут как тут, – и, повернувшись к хозяину, спросил: – Как себя чувствуете, дедушка?

Дед пошамкал губами, не спеша ответил:

– Сегодня хуже, чем вчера, но лучше, чем завтра. А ты, соколик, проходи и садись, в ногах-то правды нет.

Ветров присел на деревянную скамейку возле стола, молча взглянул на Мазурина. Тот понял, что интересуется оперативного работника:

– Вот дедушка говорит, что вчера они весь вечер пьянствовали в огороде. После этого Толстая и Сашко ушли, а Рыжов завалился спать прямо под деревом. Утром, часов в одиннадцать, они снова встретились и почти весь день продолжали попойку. Только минут сорок, как Толстая и Сашко ушли, а Рыжов вошел в сарай и до сего времени так и не выходил оттуда.

– Может, вышел?

– Да нет, мы бы увидели, – возразил дед. – Дверь в сарай одна, вот посмотри в окно, у нас как на ладони. Поэтому и сидим здесь, а не на солнышке.

Ветров взглянул в окно и убедился, что позиция для наблюдения действительно выбрана удачно. С ярко освещенного солнцем двора заметить что-либо в неосвещенной квартире было невозможно, зато сарай, где сейчас находился Рыжов, просматривался хорошо.

– Ну что ж, – сказал лейтенант, – тогда и я станю наблюдателем, а заодно отдохну немножко в прохладной комнате.

Ветров попытался втянуть деда Леонтия в разговор, но тот сегодня что-то не был расположен к беседе и, насупившись, сидел за столом, глядя в окно.

Минут через тридцать из сарая вышел Рыжов. Он подошел к калитке, внимательно осмотрел улицу, потом вошел в дом и вынес оттуда большой чемодан и огромный узел. Быстро перетащил все это в сарай и снова направился в дом. Через минуту он опять появился во дворе, волоча на плечах два больших узла. Когда Рыжов в третий раз появился во дворе, то в руках держал свернутый в трубу ковер. По тому, как удерживал он эту ношу, Ветров понял, что в свертке был не один ковер. Очевидно, к Рыжову попали все три ковра из квартиры соседки Плетень.

– Ну, что же, – удовлетворенно пристукнул ладонью по столу Ветров, – думаю, что вопрос, где искать похищенное, совершенно ясен. Сделаем так: ты, Петр Андреевич, – он обратился к Мазурину, – иди к автомату, позвони Каменеву. Попроси, чтобы прислал человека три в помощь и чтобы они захватили постановление на производство обыска. Дождемся, когда соберутся все трое, и будем брать.

Мазурин молча направился к двери, а Ветров остался продолжать наблюдение.

Прошло не меньше часа, пока приехали сотрудники милиции, но ждать пришлось еще долго. Только поздно вечером к Рыжову пришли Сашко и Толстая. Они втроем вошли в сарай. И только тогда оперативная группа направилась к ним. Остальное, как говорится, было делом техники...

Это он!

А в кабинете Ветрова Тростник со следователем Харитоновым беседовали с Жуковой. На столе в папке среди других снимков лежали фотографии Самохина и Драгуна. Решено было предъявить фото этих людей на опознание учительнице. Жукова, немножко волнуясь, начала внимательно просматривать фотосним-

ки. Вдруг руки ее задрожали. Она протянула следователю одну фотокарточку.

— Этот сидел со мной за одним столиком. Он и уговаривал своего друга оказать «зайчикам» помощь колесами.

Тростник посмотрел на фото и удовлетворенно хмыкнул. Это было фото Самохина. В кабинет заглянул помощник дежурного.

— Товарищ Тростник, к Каменеву.

Тростник встал и направился к Каменеву. Он знал, что разговор пойдет о засаде.

А Ветров, между тем, сидел в кабинете, обдумывая план дальнейших действий. «Получилось, что их восемь: кто же известен? — рассуждал он. — Драгун, Самохин, Рыжов, Сашко, Толстая... Непонятно, кто владелец автомашины. Не знаем мы и этих «зайчиков». Если принять во внимание рассказ Жуковой, можно сделать вывод, что «зайчики» — молодые люди, а молодежь, известное дело, требует особого внимания». Лейтенант думал, как изобличить этих «зайчиков», как помочь им выбраться на правильный жизненный путь. Потом мысли Ветрова возвратились к Тростнику: «Что там?» Игорь представил, как в эту минуту его товарищ, другие работники милиции, брат хозяина сидят в квартире и напряженно ждут.

Лешковский рассказывает...

Головлев сидел в своей комнате. Вот-вот должен появиться Лешковский, который сегодня был вызван в отдел милиции. Капитан вдруг почувствовал, что сильно волнуется. А как не волноваться, если сейчас придет человек и сразу станет ясно, свой он или чужой. Наконец послышался голос Лешковского. Он поздоровался с хозяйкой и, громко стуча тяжелыми башмаками по деревянному полу коридора, вошел в дом.

Головлев не торопился выходить из комнаты. «Пусть успокоится мой сосед, — думал капитан, — и тогда может сам излить душу». Лешковский действи-

тельно вскоре заглянул в комнату Головлева, который сделал вид, что углубился в чтение.

— Можно?

Головлев оторвался от книги:

— А, Гриша! Входи, входи...

— Спасибо, я на минутку.

Лешковский нерешительно топтался у дверей.

— Мне хотелось бы поговорить с тобой. Если не возражаешь, то пойдем на улицу.

— А что возражать? Я и сам хотел прогуляться, — ответил Головлев. — Пошли подышим...

Они вышли на улицу. Вечерело. Солнце опускалось за горизонт, мягко освещая буйно цветущие сады. Долго шли молча. Лешковский наконец заговорил:

— Не знаю почему, но когда понадобилось с кем-то посоветоваться, сразу подумал о тебе. Понимаешь, какая петрушка вышла. Вызывают сегодня в милицию и будто молотком по голове: «Так, мол, и так, дорогой гражданин, совершена кража из квартиры. На месте происшествия нашли бутылку из-под вина, а на ней отпечатки пальцев вашей правой руки. Так что сознавайтесь...» — и суют мне под нос акт криминалистической экспертизы, где черным по белому подтверждается, что отпечатки пальцев на этой бутылке оставил гражданин Лешковский. Понимаешь, ей-богу, как молотком по голове. Я ведь и близко к этой хате не подходил. Даже яблочек ни разу не воровал, не то что по квартирам лазить. Допрашивают меня, а я так ошарашен, что и сказать ничего толком не могу. В общем, ничего от меня не добились. Злость разобрала. Думал, что подстроили всю эту химию с актами и хотят на меня кражу списать. Но присмотрелся — вроде нет, ведут себя вежливо, больше спрашивают, где я мог держать эту бутылку. А я хоть убей, ничего вспомнить не могу. Говорят, иди да хорошенько подумай. Вот шел домой и думал, думал, думал... И что ты скажешь? Кажется, придумал, вернее вспомнил... Понимаешь, как-то вечером гулял я по Севастопольскому скверу. Подходят ко мне двое, попросили прикурить. Закурили, завели

беседу. По разговору понял, кореша недавно откинулись после срока.

Предложили выпить в честь знакомства. Сбросились по два рубля. Один из них, имени уже не помню, сходил на Волгоградскую в гастроном, принес три бутылки вина. А я, знаешь, совсем не пью эти «чернила». Привык как-то если пить, то водку. Выпили, окосел я, а они предлагают еще. Отдал свой последний червонец, купили они опять несколько бутылок этой гари. Я так и свалился в этом сквере. Проснулся ночью от дождя, лежу на траве, мокрый весь, грязный. Попытался вспомнить, где я, что со мной случилось – не могу. Встал, голова кругом идет. Смотрю – пиджака нет, часы с руки сняли. Дошло наконец, что эти кореша обтяпали меня. Спойли, часы забрали, пиджак стянули. Правда, в пиджаке, кроме газеты, ничего не было... Еле домой добрался... – Лешковский немного помолчал. – Вот и кажется мне, что бутылка та, из которой мы пили тогда... Кореша – сволочи. Наверное, специально подбросили на хату, которую «сделали». Рассчитали, гады, тонко! Милиция быстро установит, кому принадлежат отпечатки, и меня – в каталажку. Вот отпечатки – это стопроцентное доказательство. А потом кто поверит моим объяснениям! Слава богу, что в милиции не дураки: вызвали меня, допросили, поговорили, отпустили. Их на мякине не проведешь!

Головлев спросил:

– В милиции об этом рассказал?

– Да нет, говорю же тебе. Это я только потом вспомнил.

– С ними больше не встречался?

– В том-то и дело, что встречался. Причем совсем недавно. Как-то к хозяину приезжает на «Москвиче» его друг Федор. Пошли они в огород шептаться о чем-то. Я вышел на улицу, думал в кино пойти, глядь, а в машине один из тех двух корешей сидит. Посмотрел на меня и отвернулся. Не узнал, сволочь! Я хотел было подойти и вытряхнуть из его поганой душонки часы и пиджак, но передумал. Раз приехал к хозяину, значит,

знакомы они. Не стал я входить в конфликт, решил не торопиться, разобраться во всем. Несколько дней спустя хозяин по пьянке ляпнул, что они приезжали за какими-то вещами, которые хранились в нашем доме, и отвезли их к Федору.

– Фамилию Федора не знаешь?

– Куда там! Паспорт у него не требовал. Да мне это и не надо. Знаю, где он живет. Как-то шли мы с хозяином мимо Болотной станции. Говорит, подожди минутку, и пошел в небольшой домишко. Вскоре вернулся оттуда с Федором. Тот был в майке, в тапочках на босую ногу. Значит, живет он там, факт... – Лешковский замолчал.

– И что ты думаешь делать? – спросил Головлев.

– Черт его знает. С одной стороны, впутываться в эту историю не хотелось бы, а с другой – надо объясниться в милиции. Ведь следы-то мои найдены в той хате, да и подонков этих проучить не мешало бы.

– Что здесь думать! Если ты решил жить по-новому, то зачем тебе брать на душу грех и врать в милиции. Ты ж видишь, какие это люди. Втоптать человека в грязь, подставить под удар им как плюнуть. Сойдет с тобой, следующую жертву наметят. Словом, вот тебе мой совет: иди в милицию и расскажи все.

– Пожалуй, ты прав. Пойду, обязательно пойду завтра и все расскажу...

В засаде

Ждать преступника и каждую секунду быть готовым встретить его – это испытание. Испытание воли, мужества. Тростник и лейтенант Мазурин примостились на диване. Чтобы успокоиться, решили сыграть в шахматы. Рядом в кресле в напряженной позе сидел брат хозяина квартиры. В другой комнате пристроились еще два милиционера. Для встречи все было подготовлено. Участники оперативной группы договорились, что если преступники войдут в дверь, то они беспрепятственно могут проходить в зал, если же залезут в помещение через окно (а это не исключалось,

поскольку квартира расположена на первом этаже), то тоже не следует спешить. Во-первых, воров надо было брать без шума. Во-вторых, сразу же после этого требовалось задержать и водителя машины, на которой они приедут.

Сколько уже было засад вроде этой! Тростник не спеша двигал фигуры, вспоминал, как ему лет пять назад впервые пришлось участвовать в одной операции. Тогда он только что окончил среднюю школу милиции и вместе с опытным оперативным уполномоченным уголовного розыска Поповым распутывал туго завязанный узел по делу о краже мотоциклов. Удалось установить место в лесу, где хранились похищенные машины. Было принято решение организовать засаду. Оперативные работники, умело маскируясь, сменяя друг друга, дни и ночи выжидали преступников. Тростнику дважды выпадала очередь сидеть в дозоре днем, и он чувствовал себя вполне уверенно. Но однажды ему пришлось дежурить в глухую полночь. Вместе с ним заняли позицию в кустах еще два оперативника – старший лейтенант Янович и лейтенант Голубович. И надо же было так случиться, что Голубович неожиданно заболел – приступ аппендицита. По рации попытались вызвать машину и попросить дать замену заболевшему. Но, как говорится, беда ходит не одна: рация, до этого безотказно работавшая, вышла из строя. Что делать? Сниматься с засады и всем направиться к шоссе? А вдруг появятся преступники! Решили, что в засаде остается Тростник, а Янович проведет больного к шоссе, на попутной машине доставит в город, возвратится оттуда с другим оперативником и новой рацией. Тростник остался один.

Вскоре налетел порывистый ветер, зашумел листвою, закачались верхушки деревьев, началась гроза. Лейтенант, укутавшись в плащ-палатку, которая не спасала от ливня, вглядывался в ночную темноту. Изредка ее разрезали ослепительные вспышки молний, и тогда Тростнику казалось, что к нему приближаются полусогнутые фигуры. Сколько ни напрягал он

слух, ничего уловить не мог: дождь и гром заглушали все. Лейтенант поминутно оглядывался, ожидая нападения. Он не знал, как ему поступить, если появятся преступники, и молил судьбу, чтобы они не пришли. Да, это был страх, порожденный одиночеством и неопытностью, а когда, уже к самому утру, прибыла помощь, Тростник моментально уснул, прямо на мокрой траве.

...Стемнело. Свет включать нельзя. Надо ждать.

Рыба идет в сеть

В субботу, в семь утра, Ветров был уже на работе. Спросил у дежурного, нет ли сообщений от Тростника.

– Молчит, – односложно ответил уже немолодой капитан.

«Сидеть ему еще день», – подумал Ветров, поднимаясь к себе в кабинет на второй этаж.

Не успел он открыть дверь, как его окликнул дежурный:

– Товарищ Ветров, вас к телефону!

Игорь снова направился в дежурную часть и взял лежавшую на столе трубку:

– Ветров слушает!

Докладывал инспектор уголовного розыска Королёк. Он вел наблюдение за домом, где жила Бурова. В течение ночи все было спокойно. Бурова из дома не выходила. И только теперь к ней вошли трое мужчин. Двое из них – Драгун и Самохин, третий незнакомый.

Ветров, заметив, что в дежурную часть зашел Каменев, попросил Королёка прерваться с докладом на минуту, коротко сообщил об услышанном своему начальнику.

Ануфрий Адамович взял трубку, дал указание инспектору продолжать наблюдение, держать связь с отделом по рации и повернулся к Ветрову:

– Бери людей. Смени группу Королёка. Задерживать Драгуна пока не нужно. До среды никуда не де-

нется. Ваша задача – выяснить, кто среди них третий. Может, они выведут и к этим «зайчикам». Это дало бы нам возможность предотвратить кражу. Будьте осторожны. При любых ситуациях Самохин и Драгун видеть вас не должны.

Тяжело вору

А Тростник все ждал. Вот уже и субботний день на исходе, а их все нет. Правда, днем кто-то позвонил по телефону, но трубку не поднимали: могли позвонить воры с целью перепроверки. Бездействие угнетало. Они уже сыграли десятки шахматных партий. Тростник убеждался, что длительное ожидание притупляет бдительность. Вот почему, когда стемнело, он собрал всех сотрудников в одной комнате и сказал:

– Если придут, то только сегодня ночью. Действовать придется в темноте, поэтому давайте еще раз прорепетируем наши действия. Я становлюсь у входной двери – она открывается внутрь квартиры, – и когда гости войдут, окажусь в укрытии. Таким образом можно отрезать им путь обратно. Мазурин становится в зале между сервантом и окном, за эту темную штору. Ваша задача, – Тростник повернулся к двум милиционерам, – перекрыть пути отступления, если они проникнут через окно. Пропускайте их к нам. При любой ситуации действовать только по моему сигналу.

Брат хозяина, высокий мужчина средних лет, спросил:

– А мне что делать?

Тростник видел, что он боится, и поэтому сказал:

– Ваша помощь понадобится, когда их задержим. А до этого момента будете находиться в спальне. Вам ведь непривычно это дело. Так что отдыхайте.

После такого обстоятельного инструктажа Тростник вышел в прихожую, вывернул в электросчетчике пробки. Заметив удивленный взгляд Мазурина, пояснил:

– А вдруг свет включают – и мы как на ладони.

Все снова разошлись по местам.

Тростник поднес к глазам часы. Светящиеся стрелки показывали: до полуночи десять минут.

Вдруг резко зазвонил телефон. Нервы у всех напряглись до предела. Телефон звякнул еще четырежды и замолчал. Тростник чуть слышно сказал Мазурину:

– Похоже – проверка.

В томительном тревожном ожидании прошел примерно час. В подъезде уже давно наступила полная тишина. Снова настойчиво зазвонил телефон. «Это точно они», – подумал Владимир и, осторожно ступая, прошел к милиционерам. Те были спокойны и на чеку. Прошло еще минут десять. Обостренный слух Тростника уловил осторожные шаги в подъезде: кто-то крадучись приближался к дверям квартиры. Затаив дыхание, он слышал, как легкие шаги замерли с той стороны двери. Кто-то затаенно стоял и слушал. Окажись посторонний наблюдатель случайно здесь, рядом, он бы увидел, как два человека, стоя друг против друга, перед дверью, затаив дыхание, слушают, стараясь предугадать, что их ждет. Звякнули ключи. Тростник бесшумно сделал шаг в угол, чтобы не помешать открыться двери и тем самым не выдать преждевременно себя. Вот уже ключ вставлен в замочную скважину. Мертвая тишина. «Опять слушают», – подумал Владимир. Подождал. У него мелькнула озорная мысль: «Тяжело все-таки вору! Потееет, бедняга. А нервы как треплет! Ничего, ничего, потерпи, голубчик, мы сейчас поможем тебе пережить побыстрее волнующий момент». Тростник тихо достал пистолет, спустил предохранитель, а в двери послышался легкий металлический щелчок. Через секунду – второй. Все, замок открыт. Медленно открывается дверь. На полу появилась сначала узенькая, затем более широкая полоска света. Показался человек. Он встал у порога, прислушался. Рядом с ним выросла вторая фигура. Оба шагнули в прихожую. Послышался голос одного из вошедших:

– Запри дверь, зажги свет.

Один из преступников прикрыл плотно дверь, начал шарить руками по стене. Нащупал выключатель, послышался щелчок, но свет не загорелся. Тростник услышал, как тот же голос грязно выругался и добавил:

– «Башни» на машину нашли, а на лампочку не хватило. Давай начнем с этой комнаты.

Еле заметная в темноте человеческая фигура начала передвигаться в комнату, где находился Мазурин.

Тростник сделал два шага ко второму вору, включил фонарик и негромко скомандовал: «Руки вверх!» Одновременно вспыхнул фонарь в руке Мазурина. Милиционеры в одно мгновение оказались рядом с преступниками.

Второй вор, глядя расширенными от ужаса глазами на фонарь Тростника, успел только вскрикнуть «Мама!» – и медленно опустился на пол: от страха потерял сознание.

Дальше оперативная группа действовала быстро и четко. Когда воры немного опомнились, на своих запястьях увидели металлические наручники. Тростник спокойно распорядился:

– Мазурин и Стенин остаются с задержанными, а вы – за мной, – обратился он к Горбуше.

Не выходя из подъезда, Тростник осторожно выглянул во двор. Метрах в тридцати стояла автомашина.

– Вы идите вдоль стены, сядьте в машину сзади, а я – к шоферу.

Горбуша, молодой, совсем недавно демобилизованный из армии парень, крадучись, продвигался вдоль стены. Тростник, убедившись, что водитель ничего не видит, вышел из подъезда. Придерживаясь теневой стороны, он направился к машине. Выждал, пока его напарник оказался у задней дверцы, подбежал к машине, рванул дверцу водителя:

– Спокойно, уголовный розыск!

Водитель, который было задремал, ожидая своих пассажиров, резко, как бы защищаясь от удара, взмахнул руками, но Горбуша уже был на заднем сиденье,

на всякий случай положил на плечо водителя руку:

– Спокойно, спокойно, гражданин!

Не успел Тростник разобраться с документами водителя, как во двор, ослепляя глаза, въехали две милицейские машины. «Мазурин вызвал», – подумал Владимир.

Утро воскресного дня застало оперативную группу в кабинете Каменева.

Совещание вел Романов.

– Операция прошла успешно, – говорил он. – С сожалением, не оказалось третьего преступника, причем одного из главных. У него испортилась машина. Видимо, он остался, чтобы или отремонтировать, или отбуксировать ее. В общем-то, кража задумана неглупо...

Знакомство

Людмила – единственный ребенок у родителей. Это наложило определенный отпечаток на ее характер. Несмотря на свои девятнадцать лет, она не раз меняла работу. Родители еле уговорили ее закончить школу. Болезненно воспринимая любую критику, девушка считала себя вполне взрослой, хотела жить, как ей заблагорассудится. Особое пристрастие она питала к посещению танцевальной веранды в парке имени Челюскинцев. Там Люда была своим человеком.

Как-то вечером ее пригласил на танец белобрысый, довольно развязный парень. Познакомились, разговорились. Весь вечер танцевали. Жорж, как назвал себя новый приятель Людмилы, в этот же вечер представил ее своему другу Варлену. Оба молодых человека считали, что учиться или работать – слишком банально. Правда, Варлен после окончания школы приехал в город, поступил в институт, но дальше первого курса учеба не пошла. За неуспеваемость был отчислен из института. Он поступил на завод, поселился в заводском общежитии. Однако вскоре понял, что и работа – занятие не для него. Стал совершать прогулы,

устраивать пьяные оргии. Однажды соседи по комнате, такие же, как и Варлен, молодые парни, потребовали, чтобы он прекратил пьянствовать, начал серьезно работать. Тем не менее голос разума не возымел никакого воздействия. Варлен повесил лозунг над кроватью: «Трудно жить не работая, но я не боюсь трудностей». На следующий день напился до безобразия и хотел устроить драку. Уволили с работы, выселили из общежития. После этого Варлен скитался где попало, жил только за счет родителей, которые по-прежнему считали, что их чадо успешно занимается в институте, и продолжали присылать ему немалые деньги.

Жорж Хоровец даже и не пытался поступить учиться или работать. Он постоянно вертелся около гостиниц, где проживали иностранцы. Скупал заграничные вещи, выгодно перепродавал их. Это приносило кое-какую прибыль.

Как-то в теплый день Жорж лежал на пляже, слушал легкие мелодии, что доносились из стоявшего у его головы заграничного приемника. Под музыку он незаметно задремал. Спихнулся только тогда, когда стало непривычно тихо. Некоторое время парень продолжал лежать, обдумывая, кто же его разбудил? Наконец догадался, вскочил на ноги. С его приемником, поблескивающим никелем, какой-то человек уже приближался к кустарнику. Жорж быстро натянул брюки и бросился вдогонку, быстро настиг своего обидчика. Только хозяин протянул руку к своему заграничному чуду, как в свободной руке незнакомца мелькнула финка.

— Спокойно, кореш!

Голос у незнакомца был хриплый. И ноги, и фигура, и татуировка на руке, сжимавшей нож, говорили, что дело приходится иметь с человеком, который прошел огонь и воду. Жорж даже сам удивился своей смелости. Может, она появилась от сознания превосходства в беге. Ведь этого человека ему удалось догнать очень легко. А возможно, и оттого, что незнакомец сжимал в руке рукоятку самодельной финки, а в кармане Жор-

жа лежал отличный заграничный нож с кнопкой. Рука непроизвольно оказалась в кармане. И когда незнакомец, желая испугать хозяина приемника, сделал шаг к нему, Жорж выхватил нож, нажал кнопку. Лезвие с лязгом выскочило из рукоятки. Нет, Жорж и не думал пускать в ход холодное оружие, ему этого делать никогда не приходилось. Но решительные действия в эту минуту сыграли свою роль. Незнакомец, помедлив мгновение, поставил приемник на траву и бросил: «На, заberi свой ящик! Подумаешь, и пошутить нельзя!» Он повернулся и пошел прочь. Жорж забрал приемник, направился на свое место. Полежал еще с часок на пляже, оделся и зашагал к автобусной остановке. Людей было много. Когда подошел автобус, Жорж, энергично действуя локтями, протиснулся в салон. На заднем сиденье имелось еще одно свободное место. С ходу плюхнувшись на него, Жорж повернул голову налево: смотрит — рядом с ним сидит все тот же незнакомец.

Он сразу обратил внимание на Жоржа.

— А, кореш! Включай свою бандуру. Послушаем, пока до города доедем.

Жорж, не отвечая, щелкнул регулятором, из приемника полилась музыка. Несмотря на обиду, Жорж почему-то чувствовал симпатию к этому, старше его лет на десять-двенадцать, человеку. Незаметно разговорились.

В городе на площади Калинина вышли вместе.

— Что, замочим знакомство? — предложил попутчик.

У Жоржа мелькнула мысль: «Может, не связываться? Впрочем, ерунда. Один со мной не справится!»

Они двинулись в гастроном, взяли пол-литра водки и бутылку вина, кусок колбасы, хлеба, пошли в парк.

Жорж, подогретый спиртным, поведал Самохину (а это был он) о себе все. Самохина заинтересовал пижонистый юнец. О себе же ничего определенного не сказал: знал, что такой сосунок при первой же встрече с работниками уголовного розыска может расколоться.

Через несколько дней Жорж познакомил Самохина с Варленом. В свою очередь Самохин представил им сбежавшего из тюрьмы Драгуна.

Шло время. Жорж и Варлен не заметили, как попали под влияние махровых выжиг. Драгун решил, что молодых тунеядцев можно уже приучать к «делу». Вскоре такой случай представился.

Четверка сидела на берегу Комсомольского озера.

Вечерело. Драгун обратил внимание на двух девушек-студенток, которые еще с обеда расположились метрах в десяти, читали учебники, изредка входили в воду и, смеясь, обливали друг друга водой. На берегу оставались их одежда, две сумки. Драгун видел, как в одну из них девушка положила часы. Он повернулся к Жоржу и Варлену:

– «Зайчики», – хотите иметь «башни»?

Осоловевшие Жорж и Варлен согласно закивали головами.

Драгун кивнул в сторону девушек:

– В той сумке, белой, с двумя ручками, лежат «башни», и часы, и, может, кое-что еще.

Жоржа и Варлена уговаривать долго не пришлось. Варлен бултыхнулся в воду и подплыл к девушкам. Он начал о чем-то спрашивать их, а Жорж сделал вид, что прохаживается по берегу. Проходя мимо травки, где разбросали свои вещи девушки, он незаметно нагнулся и взял сумку. Варлен поплыл на противоположный берег. Драгун и Самохин ушли вслед за Жоржем. Все встретились в парке недалеко от озера. Высыпали содержимое сумки на траву: кошелек, четыре рубля, дамские часики «Заря», студенческий билет и множество других мелких предметов, которые можно найти в сумке, пожалуй, каждой девушки.

Из сухих веток сложили костер, бросили в него все, кроме денег и часов, и ушли. По дороге Драгун весело сказал:

– Молодцы ребята! Сдали экзамен на пятерку. Теперь можно заняться и более серьезным делом.

Жорж и его друг были польщены. Скажи им сейчас Драгун и Самохин: «Убейте!» – не стали бы ждать второй команды, первый встречный человек мог стать жертвой случая...

Жорж и Варлен познакомились с Людой, когда у того и другого на совести было по несколько преступлений. Не случайно Жорж, отвечая на вопрос Людмилы, почему они не работают, со смехом бросил любимое выражение Варлена: «Трудно жить не работая, но мы не боимся трудностей!»

Когда друзья побывали в гостях у Людмилы, то сразу прикинули: «В этой квартире есть что взять!» С того момента преступное стремление ни на один день не оставляло их. Воспользовавшись удобным случаем, Жорж отпечатал на пластине ключ от квартиры. И вот долгожданный момент наступил. Люда с родителями отправлялась на свадьбу в деревню. Жорж и Варлен попросились прокатиться с ними. В деревню приехали в пятницу. В веселой компании прогуляли весь вечер. Ночевали в сарае. В субботу гулянье продолжалось. Для ночлега избрали сеновал. Но это только для видимости. С трудом дождались, пока все стихнет в деревне. Тихонько вышли из сарая и огородами – к шоссе. Там их уже ожидал на «Москвиче» Федор – друг Самохина и Драгуна. Молодых людей несколько не встревожило то обстоятельство, что они до сего времени не знали даже фамилий своих новых друзей.

После совершения кражи предполагалось спрятать похищенное, а к утру возвратиться в деревню. Сам хозяин, в случае необходимости, подтвердил бы их алиби. По дороге не повезло: «Москвич» испортился, и Федор остался один. Варлен и Жорж добрались до города на попутной машине, взяли такси, поехали к Люде домой. Почему в квартире оказались работники уголовного розыска, оба вора никак не могли понять. Для них это был гром с ясного неба.

Вскоре работникам милиции стало ясно, что ни Жорж, ни Варлен не знают своих новых «друзей». Но приметы подсказывали, что двое из трех – Драгун и

Самохин. Во вторник подтвердилось, что Варлен принимал участие в краже из квартиры Лускина. Его сразу же опознала Белявская. Это была уже серьезная зацепка, которая, быть может, сыграет весьма важную роль.

Прозрение

Ветров сидел в кабинете, задумчиво чертил на листке бумаги замысловатые фигурки. Взяв на себя ответственность, он добился, чтобы Драгуна и Самохина никто не задерживал до среды. Ведь пока не было сведений, где хранятся похищенные вещи и кто водитель «Москвича». Правда, Варлен и Жорж запомнили номер машины, но сотрудники госавтоинспекции сообщили, что эти номерные знаки похитили неизвестные лица еще год назад у другого владельца «Москвича». Мысли лейтенанта опять сосредоточились на краже из квартиры.

Лускина обворовали Самохин, Варлен и хозяин «Москвича». Драгун в это время лежал в больнице под фамилией Самохина. Если удастся заставить сказать правду Варлена Сучкова, то можно будет выйти на похищенные вещи. Но Сучков пока молчал. Сейчас его привезут из КПЗ. Ветрову предстоит убедить парня сказать правду.

В кабинет вошел помощник дежурного и коротко доложил:

— Доставлен Сучков.

Через несколько минут ввели Варлена. Он молча остановился против стола, уставился глазами в пол.

— Садитесь, Сучков.

Варлен сел на стул, придвинутый к столу.

Ветров выдержал некоторую паузу:

— Не будем терять времени попусту. Не хочу вас уговаривать. Известно, что вы и ваши друзья обворовали квартиру по улице Слепянской. Доказать это ничего не стоит. Но мне бы хотелось, Варлен, чтобы вы подумали о своей дальнейшей судьбе и сами пришли

к правильному выводу. Думаю, нет никакой надобности сомневаться, что мы разберемся во всем без вас. Но повторяю: прежде чем решать вашу судьбу, хочется знать, можно ли еще надеяться, что вы найдете в себе силы встать на правильный путь.

В душе Варлена боролись два чувства. С одной стороны, он понимал, что врать теперь нет смысла. Этот молодой оперативник знает о нем почти все. Но, с другой, можно и за нос поводить кое-кого. Но к чему это приведет? Какая последует расплата за содеянное? Еще в камере предварительного заключения его не покидало чувство отчаяния, душевной раздвоенности. Перед мысленным взором Варлена, как в калейдоскопе, мелькали отдельные эпизоды из прошлой жизни, родители, школа. Впервые сделал он горький вывод: не по той дороге пошел. Возможно, когда-то были у него и веселые минуты, иногда под хмельком чувствовал себя вполне счастливым, преуспевающим человеком. Он мог проводить время как хотел, с кем хотел. Однако Варлен уже начинал понимать всю ничтожность подобной жизни. Правда, при встрече с Жоржем или своими новыми друзьями тревожные сомнения опять оставались позади.

Первое же столкновение с работниками милиции убедило Варлена в том, что к прошлому возврата больше не будет. Он сейчас решал, как повести себя дальше на допросе. В воображении всплыли злые физиономии тех, чьих настоящих фамилий он не знал. Какие все-таки страшные типы — злобные, глаза холодные, смотрят прямо в душу: молчи! Варлен представил по очереди каждого из них. Интересно, как бы они повели себя перед этим спокойным, улыбчивым оперативником. Нет, против такого оружия у них не найдется! Варлен тряхнул головой. «Все скажу, все, что знаю», — мелькнуло в его сознании.

И он, взглянув на лейтенанта, начал сбивчиво рассказывать...

Принцип – под удар другого

Каменев сидел в раздумье. Только что ушел Лешковский, который рассказал все, что ему было известно. Дом, где проживает Федор, Лешковский показал работникам милиции. Теперь уже ясно, что там, в сквере, были Самохин и Драгун. Они не только выпили за счет Григория, но и похитили его пиджак, часы, на месте происшествия оставили «подарок» для милиции: бутылку, которую держал Лешковский, газету «Чырвоная змена». Расчет был прост: схватят человека – пусть доказывает, что он не верблюд. Если и догадается, при каких обстоятельствах остались отпечатки пальцев на бутылке и как бутылка и газета оказались на месте преступления, то ему, ранее судимому, никто не поверит.

В кабинет вошел Ветров. Словно продолжая ранее начатый разговор, он спросил:

– Интересно, почему на бутылке только следы Лешковского?

– Думается, что это еще один факт, свидетельствующий, что Лешковский сказал правду. Наверное, Самохин и Драгун предварительно стерли с бутылки все следы, сунули ее в руку уснувшему Лешковскому, а затем со всеми предосторожностями прихватили ее с собой. Что он живет на квартире Лобанова, они, конечно, знать не могли. Подумайте с Тростником над планом завершения операции и завтра утром представьте на утверждение, – Каменев лукаво посмотрел на Ветрова и, улыбнувшись, добавил: – Надо помочь Тростнику побыстрее уйти в отпуск.

Состав известен

В кабинете Севидова сидели Каменев, Ветров и Тростник. Полковник негромко говорил:

– Итак, в кафе были Самохин и водитель по имени Федор. Значит, у нас эта группа выступала в таком составе...

Ветров не сдержал улыбки. Севидов был заядлым волейболистом, и слово «состав» невольно напомнило об этом лейтенанту.

Севидов же повторил:

– Выступали они в таком составе: Самохин, Сучков, Хоровец, шофер по имени Федор – это одна группа. Вторая – Рыжов, Сашко и Толстая. Все они связаны между собой, но вместе ни в одном преступлении не участвовали. Хоровец и Сучков уже изолированы, задержаны Рыжов, Сашко и Толстая. Правда, у нас есть еще Бурова, которая, если верить Сучкову и Хоровцу, знает, где хранятся остальные похищенные ценности. Свадьба послезавтра. Брать будем всех одновременно. По-моему, сделать это лучше всего прямо в загсе. Но до этого можно попытаться установить Федора. За Буровой продолжаем наблюдение. Контроль осуществляется и за Самохиным. В поле зрения пока не попали Драгун и Федор. Командовать операцией придется вам, Ануфрий Адамович. Если нужна помощь людьми, техникой – берите сколько необходимо. Было бы неплохо установить, где спрятаны похищенные вещи. Мне кажется, что заняться этим необходимо Ветрову и Тростнику, поскольку надеяться на быстрое признание Драгуна и Самохина не приходится.

Ночью

Ночь особенно хороша здесь, на окраине Минска, в районе Болотной станции. Кругом опытные поля, ветерок разносит приятный запах свежескошенного сена.

Ветров и Тростник лежат в высокой траве, ведут наблюдение за небольшим деревянным домом недалеко от березовой рощи. Чуть слышно попискивает карманная радиостанция. Связь поддерживается в основном с двумя группами, расположенными в разных направлениях от домика. Тростник, убедившись, что Ветров внимательно с помощью прибора ночного видения

следит за домом, перевернулся на спину и полупшепотом сказал:

– Тихо, как в деревне. Слушай, Ветров, давай махнем работать на село. Там ведь часто приходится лежать так. Представь себе: лежим с тобой где-нибудь у амбара, ждем, когда придут эти самые... Тепло, уютно...

– А ты вообрази эту же картину в зимнюю пору, – усмехнулся Ветров, не отрывая глаз от дома. – И вообще – мечтатель ты, Тростник. Лучше поломай голову, что с угонщиками сделать. За эту неделю уже три мотоцикла... Покатаются и бросят. А между прочим, как правило, пьяные ездят. Тут и до несчастья недалеко.

– Да, эти угонщики в печенках сидят. Правда, кое-что я уже установил. Есть на примете один типчик. Наверняка его работа. Им начну вплотную заниматься... Давай я посмотрю.

Он взял из рук Ветрова прибор, устроился поудобней. В радиостанции послышался голос лейтенанта Миронова. Он сообщил, что к дому, со стороны улицы Горького, подошел «Москвич». Из него вышли Бурова и неизвестный мужчина. Они вошли в дом. Миронов спрашивал, что делать.

Ветров взял микрофон и коротко бросил:

– Пока наблюдайте! – и, повернувшись к Тростнику, спросил: – Как ты думаешь, чего хочет невеста?

– Наверное, принарядиться. Ведь в этом домике сейчас целый склад. Шутка ли сказать, здесь лежат вещи, можно сказать, из всех квартир, обворованных этой группой. Так что невесте есть во что облачиться.

Опять послышался голос Миронова:

– Бурова и неизвестный выносят из дому вещи и складывают в автомашину. Что делать?

Ветров чертыхнулся:

– Сволочи! Хотят краденое увезти. Они поднялись и, стараясь не шуметь, направились к дому. В темном дворе еле угадывался силуэт машины. Остановившись у сарая, они начали наблюдать. Вдруг открылась дверь, и яркая полоса света залила небольшой

двор. Ветров и Тростник прижались к стене деревянного сарая. Из дома гуськом, неся что-то в руках, вышли трое. Впереди четко обозначились силуэты мужчин, последней шла женщина. Когда она спускалась с крыльца, держа перед собой большой сверток, завернутый в белую простыню или скатерть, то на мгновение повернулась боком к свету, глядя себе под ноги. Ветров узнал Бурову. Они положили ношу в машину. До оперативников донесся разговор. Бурова торопливо сказала:

– Поместится ли все? Смотрите, уже почти полная машина, а погрузили меньше половины.

Ее перебил грубый мужской голос:

– Как хотите, но увозите все. И так по ночам не сплю. Каждый шорох ловлю. Сделал для вас доброе дело, так и вы не будьте свиньями.

«Хозяин дома», – догадались Игорь и Владимир.

Заговорил третий:

– Не беспокойся! Все заберем. В багажник еще много войдет.

Они повернулись и вошли в дом. Во дворе опять стало темно и тихо. Тростник, приблизившись к Ветрову, чуть слышно спросил:

– Что будем делать?

Игорь, помедлив секунду, ответил:

– Нельзя брать, завтра свадьба, и если Бурова не возвратится вовремя, то Драгуна и Самохина не видеть нам как своих ушей. И еще: это наверняка тот «Москвич», который нам нужен. Вот только кто за рулем – неизвестно. – Он помолчал несколько мгновений и вдруг, что-то решив, спросил: – Нож есть?

Тростник полез в карман и протянул Ветрову складной нож. Игорь раскрыл шило и бесшумно двинулся к машине. Через минуту Тростник услышал шум выходящего из шины воздуха. Игорь перешел к заднему колесу и проделал ту же операцию. Затем вплотную приблизился к багажнику, наклонился и, напрягая зрение, посмотрел номер машины, после чего быстро двинулся к сараю. Оперативные работники еще успе-

ли обогнуть угол сарая, когда из дома опять вышли те же люди. Ветров попросил Тростника собрать остальные группы, а сам пошел на прежнее место, где они только что лежали. Через несколько минут все были в сборе. Ветров сдержанно, приглушая голос, заговорил:

— Задерживать их сейчас нет смысла, иначе потеряем Драгуна, местонахождение которого неизвестно. Я вынужден был проколоть два колеса, чтобы они провозились до утра.

— А это не покажется им подозрительным? — спросил Миронов.

— Думаю, не покажется. Я проколол только оба правых колеса, вроде бы наехали они на один и тот же гвоздь. Ведь важно, чтобы похищенное не исчезло. А днем вряд ли они рискнут ехать. Если и поедут, то за ними легко вести наблюдение. Сейчас здесь останется группа Миронова. Связь будет поддерживать с отделом и машиной, которая находится недалеко. Ваша задача — вести наблюдение, и только. Никаких мер не принимать. Главное: продержаться до завтра, а завтра — все будет кончено.

И каждый верил этому.

Свадьбы не будет

Все шло как обычно. В загс приходили и уходили молодожены. Звучали поздравительные речи, вылетали пробки из бутылок с шампанским. Слышались смех, веселые возбужденные голоса.

Минут без десяти пять у здания загса остановилась легковая автомашина. Из нее вышли пятеро. Четверо мужчин и одна женщина. Невеста была, как и все невесты, в белом. Наблюдательный человек, увидев эту компанию, сразу обратил бы внимание, что в ее построении нет обычных в таких случаях торжественности, счастливой растерянности. Наоборот, все пятеро выглядели угрюмыми, настороженными. Они прошли в помещение. В большом светлом зале к не-

весте, жениху и сопровождающим их лицам подошла приветливая работница загса, пригласила всех в кабинет заведующей. Почему-то вслед за ними вошли еще три других молодых человека. Пока ничего не понимающий Драгун удивленно уставился на сидевшего за столом незнакомца. Он точно помнил, что место заведующей загсом должна была занимать пожилая обаятельная женщина, а здесь на вошедших весело смотрел молодой мужчина. В кабинете стояли и улыбались какие-то молодые парни. И вдруг Драгуну, его компаньонам стало все ясно: «Милиция!» Жених оглянулся на дверь. Но и там, опершись на косяки, стояли люди. Они тоже улыбались. Ветров, который сидел за столом, по-озорному подмигнув Драгуну и Буровой, спросил:

— Что, Драгун, горько? Правда, извините нас, молодые! Шампанского и цветов не будет...

ПО БОЖЬЕЙ ВОЛЕ...

Рассказывает женщина

В комнату дежурного по отделу милиции заглянула женщина:

– Разрешите?

– Входите.

Женщина робко переступила порог, сделала несколько шагов и в нерешительности остановилась недалеко от стола, за которым сидел пожилой капитан.

– Садитесь, пожалуйста, – он выждал, пока женщина несколько суетливо отодвинула от стола стул и присела, сказал:

– Слушаю вас.

– У меня небольшое дело, может, оно и не такое уж важное, но мне директор велел обратиться к вам. Я работаю официанткой в ресторане. Десять дней назад за один из моих столиков сели трое парней. Они заказали коньяк, дорогую закуску. Сидели почти весь вечер. Раз пять или шесть подходили к оркестру, заказывали музыку, причем платили большими суммами. Требовали у меня, чтобы я дала им не одну положенную для продажи бутылку коньяка, а три. Я понимаю, так делать нельзя. Но вели они себя спокойно, и я пошла им навстречу. Приблизительно за полчаса до закрытия ресторана я подошла к ним и предложила рассчитаться. Они охотно согласились, но оказалось, что у них не хватило четырех рублей. Тогда один из них достал из кармана паспорт и протянул его мне:

– Возьмите в залог. Я вам завтра не четыре, а десять рублей принесу.

Мне не хотелось поднимать шум, ведь сама отпустила им коньяка больше положенной нормы. Взяла я этот паспорт и предупредила, чтобы в следующее мое дежурство, через день, не забыли прийти за ним. Но никто за этим паспортом не пришел до сих пор. Я сходила в общежитие, где живет владелец этого паспорта, но мне сказали, что он в отпуске и еще не возвратился.

Женщина достала из сумочки паспорт и подала его дежурному. Тот раскрыл его и вслух прочитал:

– Раховский Виктор Леонидович. Ну что ж, разберемся. – Он поднял трубку и кому-то позвонил. Через минуту в кабинет вошел молодой, высокого роста, со щеголеватыми усиками лейтенант. Дежурный отдал ему паспорт и сказал:

– Вот гражданка паспорт принесла. Примите ее, она расскажет, что к чему.

Лейтенант молча кивнул и, повернувшись к женщине, предложил:

– Пойдемте со мной.

В кабинете, расположенном на втором этаже, было душно. Через раскрытую форточку поступала струя горячего воздуха, чувствовалось дыхание жаркого летнего дня.

Лейтенант жестом показал на стул:

– Присаживайтесь, пожалуйста.

Женщина присела на стул и сразу же заговорила:

– Я уже объясняла дежурному, каким путем этот паспорт попал ко мне, – и она повторила свой рассказ.

Лейтенант Ларин быстро записал ее показания и, протянув исписанный лист бумаги, предложил:

– Прочтите, пожалуйста, и подпишите.

Вскоре она, прочитав и подписав бумагу, ушла. Ларин вертел в руках паспорт Раховского. «Здесь, пожалуй, все ясно. Загулял парень, уехал в отпуск, а когда возвратится, наверняка прибежит за ним. Но почему он без паспорта уехал в отпуск? Правда, он мог с похмелья и забыть, куда документ запропастился». Разглядев в паспорте штамп о месте работы Раховского, Ларин решил позвонить туда и выяснить, когда Раховский приступит к исполнению служебных обязанностей. Он попросил к телефону начальника отдела кадров и уже через несколько минут в недоумении вертел в руках паспорт. Оказалось, что Раховский действительно в отпуске, должен был возвратиться и приступить к работе неделю назад.

В общежитии

Ларин решил съездить в общежитие, где проживал Раховский. Он попросил у дежурного машину и минут через тридцать в сопровождении коменданта вошел в небольшую комнату. Там никого не было. Судя по тому, что комната не заперта, соседи Раховского находились где-то в общежитии. Комендант предложила Ларину стул, а сама пошла их искать.

В комнате стояли три кровати. Все они были аккуратно застелены. Какая из них Раховского, определить нетрудно: покрывало и наволочки светились нетронутой белизной. На тумбочке тикал будильник. Все здесь было точно так же, как и в других общежитиях: новая мебель, встроенные в стену шкафчики.

Максиму Ларину вспомнилось заводское общежитие, и он неожиданно подумал: наверное, и сейчас жил бы в нем, если бы не обстоятельства. Случилось так, что планы молодого токаря-комсомольца Ларина, мечтавшего поступить в политехнический, неожиданно изменились. По путевке райкома комсомола он был направлен в среднюю школу милиции. И вот уже полтора года он инспектор уголовного розыска.

«Хорошо этим парням, — подумал он, глядя на висевшую на стене гитару, — закончили работу и занимайся чем хочешь, а я еще неизвестно, когда домой попаду». Но тут же поймал себя на неискренности перед самим собой. Ведь ему нравилась служба в милиции. И в первую очередь потому, что никогда не знаешь, что ждет тебя впереди. Вот, например, такое вынужденное ожидание может через минуту смениться головокружительной круговертью, когда теряется ощущение дня и ночи. Нет, такая работа была ему по душе.

Дверь распахнулась, и в комнату в сопровождении коменданта вошли двое парней. Оба были одеты в спортивные брюки и футболки. Представились: один назвался Есиным, второй — Юриным.

— От занятий вас оторвали? — спросил Ларин.

— Да решили немножко в пинг-понг поспражаться.

Комендант, убедившись, что ее помощь не требуется, молча закрыла за собой дверь. Ларин выждал, пока ребята сядут на стулья, заговорил:

— Понимаете, Раховский уже неделю на работу не выходит, а его паспорт у нас лежит. Официантка вчера принесла, говорит, что десять дней назад Раховский вместе с двумя своими товарищами в ресторане был. Не хватило у них четырех рублей, вот он в залог ей и оставил, а сам как в воду канул. Случайно не с вами он был?

Один из них, пожимая плечами, ответил:

— Нет, что вы, товарищ лейтенант, мы там не были, да и на Виктора это не похоже. Он совсем недавно в кино начал ходить. Тихоня он, все время сидел в комнате, в разговоры не вступал, книг не читал, телевизор тоже не смотрел. Мы его монахом прозвали, а вы говорите — ресторан. Да притом он же в отпуск в деревню уехал. Там у него мачеха живет. Виктор хотел ей по хозяйству помочь.

— Скажите, ребята, а с кем он дружил в общежитии или на заводе?

Юрин тут же ответил:

— Да он, кроме нас, никого за друзей не признавал.

— Постой, а Лена Морозова? — перебил Есин.

— Так она же девушка, а в ресторане одни парни были.

Ларин спросил:

— А кто такая эта Лена Морозова?

— Она у нас на заводе работает, а живет рядом, в женском общежитии. — Есин с улыбкой добавил: — Если бы Раховский приехал, то не в ресторане бы его видели, а у нее. Лена его и вытянула на свет божий. Он под ее руководством стал в кино ходить, книги читать, даже в пинг-понг играть научился.

— Ребята, а у вас адреса его мачехи нет?

— Нет, но вам легко узнать в отделе кадров, он родом из этой деревни.

Свой рабочий день Ларин начал с запроса в районный центр: выяснить в деревне, где проживала мачеха Раховского, приезжал ли он туда. Если приезжал, то когда, и известно ли что-нибудь о его местонахождении в настоящее время.

В дежурной комнате отдела внутренних дел застучал телетайп. Ларин стоял за спиной помощника дежурного и смотрел, как тот, словно заправский телеграфист, отстукивает текст. В комнату заглянул дежурный:

— Ларин, быстро к начальнику!

Максим вышел из дежурной части, почти бегом по лестнице взбежал на второй этаж и приоткрыл дверь, ведущую в кабинет начальника:

— Разрешите, товарищ полковник?

— Да, входите, — ответил Антонов, не отрываясь от бумаг.

Полковник был крепкого телосложения, и, когда он делал хотя бы легкое движение телом, стул под ним скрипел. На вид ему можно было дать лет пятьдесят, на самом деле он был намного моложе. Закончив читать бумагу, он протянул ее Ларину:

— Прочтите, Максим Петрович, это вас должно заинтересовать.

Ларин взял в руки бумагу и вслух начал читать:

— «18 июля, приблизительно в ноль часов тридцать минут, трое неизвестных преступников напали на сторожа, охранявшего магазин в деревне Осипово, связали его. Затем путем взлома дверей проникли в магазин, откуда похитили две тысячи триста двадцать семь рублей, четыре костюма, три женских пальто-джерси, десять бутылок коньяка. После чего, угрожая сторожу ножом, заставили его выпить бутылку коньяка, развязали и, забрав его ружье и похищенное, скрылись. Жители деревни организовали погоню за преступниками и настигли их в лесу, в семи километрах от места происшествия, но преступникам удалось бе-

жать. На месте их отдыха обнаружены похищенные вещи, ружье, а также болоньевая коричневая куртка с вязанным воротником. В кармане куртки найден заводской пропуск на имя Раховского Виктора Леонидовича. Просим срочно принять меры к установлению и задержанию Раховского».

Ларин поднял глаза на начальника.

Начальник посмотрел на Ларина.

— Вот так тихоня! Говорят, он ничем не интересуется, даже телевизор не смотрит, а оказывается, ему просто некогда.

Начальник встал из-за стола, прошелся по кабинету и остановился напротив лейтенанта:

— Вот вы и займитесь этим тихоней. И не забудьте, что у нас тоже совершены кражи из магазинов, причем точно таким же методом.

— Не забуду, товарищ полковник, — ответил Ларин и почувствовал, что краснеет. Это же он, Ларин, слушая однажды рассказ сторожа о том, что преступники заставили его выпить бутылку коньяка, не поверил и на оперативном совещании настаивал на более глубокой проверке. Антонов тогда сказал Ларину, что ему, работая инспектором уголовного розыска, придется еще не раз убеждаться в изобретательности преступников. И вот теперь Максим понял, насколько был прав начальник, когда считал, что преступники, заставляя сторожа пить спиртное, хотели пустить работников милиции по ложному следу. Пусть, мол, считают, что сторож сам причастен к краже. Лейтенант, еще раз взглянув на Антонова, спросил:

— Разрешите идти?

— Нет, подождите. В связи с тем, что раскрытием краж из магазинов занимается Ветров, поручаю вам обоим вместе и работать. Старший лейтенант приедет из командировки завтра, расскажите ему о Раховском и действуйте. Меня завтра и послезавтра в отделе не будет, вызывают на двухдневный семинар. Старшим в вашей группе будет Ветров.

- Все ясно, товарищ полковник, разрешите идти?
– Да, пожалуйста.

Ларин вышел в коридор и улыбнулся. Он был рад, что работать будет вместе с Ветровым, которому он, откровенно говоря, завидовал, потому что старший лейтенант работал над запутанным и сложным преступлением, а такие дела пока еще не поручались Ларину.

В деревне

В районном центре Ларин долго не задержался. Его сразу же познакомили с участковым инспектором Яськовым, которому буквально два часа назад было поручено исполнить телетайпный запрос о Раховском.

Среднего роста, крепкий, с загоревшим лицом, Яськов сразу же вызвал у Ларина расположение. Яськов говорил на белорусском языке. Узнав о цели приезда Ларина, он спросил:

– Чего ты ехал, если бумажку прислал? Я бы сам все сделал.

– Понимаешь, только мы направили вам запрос, как тут же сами получили бумагу. – И Ларин коротко сообщил Яськову все, что стало известно о Раховском.

– Да, брат, нам нужно всерьез заняться этим хлопцем. В нашем районе две такие кражи не раскрыты.

Оказалось, что Яськов знал Раховских, и, когда ехали в деревню, он рассказал Ларину все, что ему было известно о них.

В деревне они сразу же направились к председателю сельского Совета. Их встретила худенькая, невысокого роста женщина. Ларин, представившись, сразу же перешел к делу:

– Вы знаете Марфу Иосифовну Клещ и ее приемного сына Виктора?

– Конечно. У нас все люди друг друга хорошо знают.

– Анна Степановна, скажите, пожалуйста, что вам известно о них.

– Это не так уж сложно сделать. Виктор жил с отцом и матерью. Когда ему еще не было и восьми лет, мать неожиданно умерла. У нее оказался рак. Виктор жил с отцом – Леонидом Никифоровичем. Хороший был человек, трудолюбивый, непьющий. Его в деревне все уважали. Через три года после смерти Марии отец женился на Марфе Клещ. Эту бабу за ее склочный тяжелый характер у нас в деревне не любят. Я помню, как-то встретила с Леонидом, стала с ним говорить, а он мне в ответ: «Не мешай, Анна, своим умом жить, мне надо сына вырастить, а без женщины в доме как же растить его будешь?»

В общем, поженились, а вернее, сошлись, и стали проживать в доме Марфы, а дом Раховских по ее настоянию продали. Тяжело Леониду с Марфой было. Она из него душу тянула, да и Виктору покоя не давала, в служанку превратила его. Он ей и белье стирал, и печь топил. Даже в школу пускать не хотела. Но здесь уже мы вмешались, и только благодаря этому Виктор продолжал учебу. Марфа у нас верующая, вечно у нее из других деревень мужики и бабы собирались. Она и Виктора втянула в это дело. Он часто ходил с ней в соседнюю деревню на их сборища. Потом умер и Леонид. Виктор остался при Марфе. Однажды, когда он поехал в лес за дровами, случилось так, что щепка из-под топора попала ему в левый глаз. Он долго пролежал в больнице. Глаз ему врачи спасли, но зрение сильно ухудшилось. С трудом закончил восемь классов, стал работать слесарем в наших мастерских. Да, видно, глубоко ему Марфа в душу залезла. Он уже взрослым стал, а продолжал общаться с сектантами. Что мы с ним ни делали: и беседовали много, и ребята пытались привлечь его к спорту, на танцы в клуб звали, а он отмахивался. Буквально приворожила его Марфа: днем он на работе, вечером у нее домохозяйкой, а к ночи на молитвы вместе ходили. Вскоре у них в доме начали собираться. Мы говорили Марфе, чтобы не губила парня, так она такой концерт закатила, а потом даже жалобу в район написала, что ей, мол, молиться запрещают...

– Виктор в армии не служил? – спросил Ларин.

– Нет, из-за глаза его не взяли. Переживал очень парень, а потом в Минск подался, на завод устроился, говорят, в общежитии место получил.

– А часто он приезжает?

– Раньше часто, теперь пореже. Марфа все его в неблагодарности упрекала: забыл, мол, как она его на ноги поставила. А он, глупый, слушал ее, а потом, видимо, в городе ума-разума набрался, понял, чем он ей обязан.

– А последний раз когда он приезжал?

– Что-то давненько я его не видела. Впрочем, где-то в конце июня или в начале этого месяца мне Казеева Люба – она у нас на почте работает – рассказывала, что видела Виктора, он будто бы во дворе Марфы дрова кол.

– А сколько он здесь был?

– Да кто его знает, не интересовалась я.

Ларин поблагодарил ее, и они, попрощавшись, вышли на улицу.

– Ну, что дальше делать будем? – спросил Яськов.

Ларин помолчал, а затем решительно предложил:

– Пойдем к этой старухе! Ты знаешь, где она живет?

Яськов ответил:

– Ведаю, но давай сначала поговорим с Казеевой. Она дивчина добрая и может нам помочь.

– А что, может, ты и прав? Давай к ней, где здесь почта?

– А уже подходим.

Через минуту они уже входили в небольшой кирпичный домик. Им повезло: в прохладном помещении, кроме светловолосой, одетой в ситцевый сарафан девушки, никого не было. Яськов, после того как они поздоровались, пошутил:

– Видишь, я же говорил, что Люба одна будет. Она в это время женихов принимает.

Казеева сразу же узнала Яськова и весело рассмеялась его шутке:

– Вы, Андрей Иванович, наверное, специально и привезли мне в это время жениха?

– А как же! Погляди, чем он не жених!

Но Ларин, боясь, что может войти кто-нибудь и помешать беседе, перебил его:

– Ну ладно тебе, Андрей Иванович, к девушке приставать. У нее женихов хоть пруд пруди, без сватов обойдется, – и, повернувшись к Казеевой, сказал: – Мы, Люба, к вам по делу. Скажите, пожалуйста, когда вы видели Виктора Раховского?

Казеева на секунду задумалась, а потом ответила:

– Да, видела. В первых числах месяца. Я шла по улице, а он во дворе дрова колот и в сарай их сносил. Мы поздоровались, и я, не останавливаясь, пошла дальше.

– А что же вы не поговорили с парнем? Он долго не был в деревне, а вы с ним вроде бы день не виделись? – шутя спросил Ларин.

Девушка неожиданно покраснела:

– Он, понимаете, решил позагорать, одет был пляжному, и мне было неудобно останавливаться.

– Люба, а какого числа это было, вы не помните?

Девушка встала и, подойдя к столу, раскрыла какую-то тетрадь. Проведя пальцем сверху вниз, ответила:

– Это было третьего июля, я в тот день перевод Лукашевичу носила. Он заболел и не мог на почту сам прийти.

– А больше вы его не видели или, может, слышали что-либо о нем?

– Нет, я его больше не видела.

Ларин понял, что девушка больше ничем им не поможет. Простившись, они направились к дому Марфы Клещ.

По тому, как Яськов, шагая рядом, отвечал на приветствия встречных, Ларин подметил: его здесь знают все. А Яськов не спеша поучал его, как надо вести себя со старухой. Из его наставления, длившегося на протяжении всего пути, Максим понял, что надо дей-

ствовать решительней и этим не дать старухе устроить скандал до того, как они попадут в дом. Он был согласен с мнением Яськова, что Раховский мог оказаться дома. Ларин все с большим уважением относился к этому, казалось, медлительному участковому инспектору, в словах и в действиях которого чувствовались житейская мудрость и профессиональная рассудительность.

Вот и дом Марфы. Небольшой, деревянный, как большинство домов деревни. Он обнесен невысоким забором. Клепс была во дворе и что-то делала у сарая. Яськов открыл калитку:

— Добрый день! — и, не дожидаясь, пока старуха узнает его, продолжал: — Это я, Яськов, пойдем в хату, поговорить надо.

И он первым вошел в сени. Ларин последовал за ним. Они прошли первую небольшую проходную комнату, часть которой занимали русская печь, стол и две сколоченные из досок скамьи. Вторая комната была побольше. Справа, в углу за шкафом, виднелась деревянная кровать. На середине комнаты стоял круглый стол, покрытый домотканой скатертью, а около стены — диван. Стены оклеены обоями.

Послышались тяжелые шаги Марфы. Она вошла в комнату, села на диван и молча уставилась на шкаф. Весь ее вид говорил о том, что она не расположена к беседе. Ларин и Яськов стояли недалеко от входа. Максим понял, что ожидать от нее приглашения присесть бесполезно, и поэтому, взяв стоявший у стола стул, сел напротив Марфы.

— Вы, конечно, бабушка, знаете, что мы из милиции, и у нас к вам несколько вопросов.

Марфа застонала и, отодвинувшись в угол дивана, нехотя спросила:

— Какие вопросы могут быть к больному человеку?

— Нас интересует, где Виктор?

— А кто его знает, где он.

— Он приезжал к вам?

— Ну, приезжал. Приехал, побыл один день и на завтра уехал.

— Что же он так мало был?

— Кто его знает. Сказал, что дела у него в Минске.

— А чем он занимался здесь?

— Дрова порезанные с начала лета лежали, он их поколот и поехал. Говорила ему, чтобы погостил, так он не захотел.

— Скажите, он один к вам приезжал или с друзьями?

— Один.

— Какого это числа было, не помните?

— Нет, не помню, но знаю, что это было в конце прошлого месяца, а уехал он на следующий день.

Ларин решил уточнить;

— Вы хорошо помните, что это было в июне, а не в этом месяце?

— Конечно, помню. В этом месяце его у меня не было.

«Забыла старуха», — подумал Ларин и задал еще вопрос:

— И куда же он поехал?

— Да говорил, что в Минск, а на самом деле куда он подался, я не знаю, да и не мое это дело. У него своя голова на плечах.

Затем старуха, давая понять, что беседовать она больше не желает, заохала, и Ларин решил уходить, но Яськов, до этого молчавший, с какой-то ехидцей спросил:

— Марфа, а ты всю правду говоришь? Не хлусишь, как тогда с самогоном?

Старуха оставила без ответа этот вопрос, еще громче заохала. Ларин тронул Яськова за рукав:

— Пойдем, делать здесь больше нечего. Они вышли во двор. Яськов неожиданно повернулся к Ларину:

— Давай в сарае посмотрим.

Он направился к сараю, открыл дверь и вошел внутрь. На крыльцо вышла хозяйка. Ее недавний хриплый голос неожиданно стал громким и визжащим:

— Лазишь? Кто тебе дал право?! Я жаловаться буду.

Яськов показался в дверях.

– Чего-чего, а жаловаться ты мастак. Только мне непонятно, кто тебе эти жалобы пишет? Ты ведь неграмотная, – и, повернувшись к Ларину, добавил: – А вот как напишет жалобу, можно подумать, что профессор.

И он зашагал к калитке. Когда они шли по деревне, Яськов был спокоен. Он останавливался с некоторыми людьми и интересовался, не знают ли они чего-нибудь о Раховском. Но эти расспросы ничего положительного не дали. Тогда Яськов предложил:

– Пойдем на автобусную остановку, там людей много, может, что-нибудь узнаем.

Яськов как в воду смотрел. На остановке они встретили тракториста Малашку, который, оказывается, 28 июня вместе с Раховским в одном автобусе в деревню приехал. Ларин спросил:

– Вы точно помните дату?

– Я был на курсах в райцентре, а 28 июня закончил их и ехал домой со свидетельством в кармане.

– Ну и что вам Виктор рассказывал?

– Мы с ним сидели рядом, а дорога неблизкая, так что разговор был длинным, вспомнили детство, знакомых.

– А сколько он собирался быть в деревне?

– Он не говорил, какой срок, но с его слов я понял, что он решил провести здесь свой отпуск.

Затем Ларин выяснил у Малашки, кто еще видел в автобусе Раховского, и записал их фамилии. Поблагодарив собеседника, Ларин и Яськов подошли к стоявшей недалеко от остановки скамейке, которую укрывала от солнца крона вишни. Несмотря на приближавшийся вечер, на улице было жарко. Ларин тяжело плюхнулся на скамейку и с тоской проговорил:

– Сейчас бы в речке побарахтаться, а не лазить по пыли. Сколько осталось до прихода автобуса?

– Минут десять, – взглянув на часы, ответил Яськов.

– Тогда давай подведем итоги нашей сегодняшней работы.

– А чего подводить, тут и так ясно, что Марфа хлусит... Она говорит, что Виктор был у нее только один день, а я, как посмотрел на поколотые дрова, понял, что их столько за три-четыре дня не наколешь.

– Да, пожалуй, ты прав. Собственно, и Казеева, считай, документально подтвердила, что Раховский еще 3 июля был у Марфы. Непонятно, почему старуха врет? Ведь если Раховский и является преступником, то он наверняка не стал бы рассказывать ей об этом. Так что, друг Иваныч, она здесь скорее всего врет, боясь навредить в чем-нибудь Раховскому. Я тебя попрошу: ты допроси всех тех, кто ехал в автобусе вместе с Раховским, а также Казееву и старуху, и пришли мне все бумаги в Минск. Я там посоветуюсь со своим начальством. Может, у Марфы придется обыск сделать.

Вдали показался хвост пыли от автобуса. Они попрощались. Ларин уезжал в Минск, а Яськов оставался в деревне для того, чтобы поговорить еще с людьми о Раховском.

Лена Морозова

Старший лейтенант Ветров был расстроен. Его командировка была неудачной. Уже прошел почти месяц, а дело о краже в магазине и нападении на сторожа не было раскрыто. Собираясь в командировку в Чернигов, старший лейтенант потирал руки в предчувствии удачи. Из Чернигова работники уголовного розыска сообщили, что они задержали человека, у которого изъяли большую сумму денег, и по имеющимся у них данным считают, что он причастен к краже из магазина в Минске.

Но когда Ветров приехал в Чернигов, то выяснилось, что задержанным оказался владелец «Волги», который ездил к родственникам в гости в Гомель. На обратном пути трое незнакомых парней за приличную плату попросили отвезти их в Минск. Но в Минске они переговорили между собой и решили ехать в Бобруйск. Водитель «Волги» со слов своих пассажи-

ров понял, что в Минске они совершили кражу из магазина.

В Чернигове он был задержан милицией за то, что на своей машине подбил пешехода и сам с места происшествия скрылся.

Ветрову, кроме скудных примет преступников, ничего выяснить не удалось. Поэтому он пришел на работу не в настроении и рассеянно слушал рассказ Ларина. Но когда Ларин показал старшему лейтенанту ориентировку и рассказал о найденных похищенных вещах, ружье и болоньевой куртке, в кармане которой находился пропуск Раховского, Ветров оживился и начал слушать с большим вниманием, а затем спросил:

— Ты проверял, этот Раховский ранее не был судим?

— Нет, не привлекался. Но, знаешь, что здесь странно, Раховский и на заводе и в общежитии характеризуется положительно: не пьет, деньгами не разбрасывается. Дружит с симпатичной девушкой и, если верить ей, да и ребятам, с которыми он в одной комнате живет, все свое свободное время он проводит только с ней — Леной Морозовой.

— Ты беседовал с ними?

— Беседовал, правда, накоротке.

— Что думаешь делать дальше?

— Я считаю, что снова надо ехать в деревню. Если Раховский там, то нечего и огород городить, доставим его сюда, и делу конец.

— Это, конечно, правильно. Но ведь и Раховский наверняка не дурак. Знает же, что его пропуск там, в лесу, в кармане куртки остался, а это значит, что в деревню точно за ним придут. Давай сделаем так: ты поезжай в деревню, а я приглашу и подробно побеседую с парнями из общежития и с его девушкой. Нам в любом случае надо выяснить, кто же его друзья, с которыми он магазины «ревизует».

На том и решили. Ларин, не мешкая, начал собираться в дорогу, а Ветров позвонил на завод, где числился Раховский, и попросил начальника отдела ка-

дров пригласить к нему после работы Морозову, Есина и Юрина.

Затем старший лейтенант проводил Ларина и сел писать отчет о командировке.

День клонился к вечеру, когда в дверь робко постучала, а потом вошла пухлощекая, с веселыми карими глазами девушка. Это была Морозова.

Она упорно не хотела садиться на предложенный Ветровым стул. Он понимал, что она смущена, и не торопился начинать разговор о деле. Но девушка сама заговорила о Раховском:

— Товарищ старший лейтенант, это правда, что Виктор жулик?

— Кто это вам сказал?

— Ну, раз милиция ищет человека, значит, он что-то натворил. Но я хочу вам сказать, что я не верю, будто Виктор может украсть или убить человека. Он не такой.

— Елена Николаевна, я пригласил вас для того, чтобы вы рассказали, какой он. Так что присаживайтесь и давайте все по порядку.

Девушка присела на краешек стула:

— Мы с ним познакомились осенью прошлого года. Он, знаете, какой тихоня был? Но ребята из его комнаты и я приглашали его в кино, библиотеку. Нам удалось его немного расшевелить. Как-то он рассказал мне о своей жизни. О том, как мать умерла, как позже отец умер, а еще спустя несколько дней признался мне, что в бога верит. С его слов я поняла — к этому его мачеха приучила. Сначала я посмеялась над Виктором, а потом поняла, что парню надо помочь. Ну, и взялась за него. Буквально за руку в кино водила, вместе с ним в волейбол, настольный теннис играла. Постепенно Виктор на жизнь начал другими глазами смотреть. Да и ко мне привязался. Каждую свободную минуту прилегал, книги читать начал...

Девушка замолчала, думая, что еще можно прибавить к сказанному.

— Елена Николаевна, а что Виктор говорил об отпуске?

— Мы хотели провести отпуск вместе с ребятами в турпоходе. Но потом Виктор решил в деревню поехать и помочь мачехе по хозяйству. А еще мы решили, что ему надо в девятый класс поступить в вечернюю школу, и он хотел немного подготовиться.

— Он вам не писал?

— Нет, мы договорились, что он приедет на несколько дней раньше.

— Как вы думаете, где он сейчас?

— Я и сама ума не приложу. Но уверена, товарищ старший лейтенант, с ним что-то случилось. Поверьте мне, он не мог ничего дурного совершить, и если вы думаете так, то знайте, вы ошибаетесь!

Ветров невольно улыбнулся:

— Знал бы Виктор, что у него такой защитник есть, то наверняка был бы уже дома.

— А он и так это знает, поэтому я уверена, что с ним что-то случилось.

Неожиданно Ветров почувствовал какую-то неясную тревогу. А может, девушка права? Может, действительно с Раховским что-нибудь случилось? Не мог же он на глазах у этой смышленной девушки жить двойной жизнью.

Старший лейтенант задал ей еще много вопросов...

Надо проверить Самурая

Ветров все время находился под впечатлением беседы с ребятами, которые жили в одной комнате с Раховским. Особенно взволновал разговор с Морозовой. Он сидел в кабинете и ожидал Ларина, чтобы вместе пойти на доклад к начальнику, и думал: «Что же получается: уехал в отпуск 28 июня, в тот же день был уже в деревне. По словам старухи, он уехал из деревни на следующий день, а работница почты Казеева видела его 3 июля во дворе».

Ветрова смущало еще одно обстоятельство. Если бы старуха сказала, что Раховский уехал не через день, а через несколько, то можно было предположить, что

она забыла, но она упорно стояла на своем. Странно еще и то, что никто не видел, когда Раховский уехал. Впрочем, Ветров надеялся на Яськова, который должен был обойти все дома деревни. «В ресторане Раховский был 7 июля, — думал он, — а на работу 10 июля не вышел». Ветров взглянул на часы — два часа. Сейчас должна прийти официантка, которая принесла его паспорт. Игорь Николаевич подготовил для нее несколько фотографий, среди которых было и фото Раховского. А вот и она.

Игорь пригласил ее присесть и сразу же приступил к делу. Он положил перед ней несколько фотографий и предложил:

— Посмотрите, пожалуйста, здесь нет кого-нибудь из тех парней?

Официантка долго рассматривала фотографии, а затем категорически заявила:

— Нет, здесь никого из них нет! Ветров был уверен, что официантка легко опознает Раховского, фото которого было свежим. Он перед уходом в отпуск сфотографировался и подарил фотографию Морозовой. И вот официантка не узнает его. Это еще более осложняло дело.

Пришел Ларин.

Ветров поднялся из-за стола и сказал:

— Пошли к шефу, ждет.

Ларин доложил полковнику о результатах своей поездки в деревню и похвалил участкового инспектора Яськова:

— Удивительный человек, все и всех знает, и вы бы посмотрели, товарищ полковник, как к нему люди тянутся.

Антонов спросил, обращаясь к Ветрову:

— Вы вошли в курс дела?

— Так точно. Уже допросил ребят из общежития, девушку Раховского, предъявил на опознание официантке, которая принесла в отдел паспорт Раховского, его фотографию.

— Ваше мнение, что делать дальше?

– Я считаю, что Ларину надо допросить свидетелей, которые видели Раховского в автобусе и в деревне.

– Да, но у нас же уголовное дело не возбуждено, допрашивать нельзя – это же следственное действие, – возразил Ларин.

– Почему дело не возбуждено? – возразил Ветров. – А дело по факту кражи из магазина и нападения на сторожа. Тем более к этому делу Раховский привязан тоже крепко – его удостоверение нашли в кармане куртки, оставленной преступниками. – Ветров помолчал немного и, раздумывая о чем-то своем, добавил: – По крайней мере, тоже есть основание допрашивать людей в отношении Раховского. Я считаю, товарищ полковник, что Ларину необходимо продолжить работу в деревне, а я закончу срочные дела в городе и присоединюсь к нему.

– А что у вас нового по краже из магазина?

– Я получил сведения, что кражи совершают один наш, местный, и двое из Смоленска, но проверить их не успел потому, что уехал в Чернигов.

– А что за сведения?

– Женьку Самурая помните?

– Самурая, – задумался полковник, – а, Самураева? Конечно, помню. Он что, освободился?

– Да, в прошлом году. Ко мне поступили сведения, что у него перед кражей из магазина появились двое парней из Смоленска, которые имели большие суммы денег, пьянствовали. Интересно и то, что на следующий день после кражи Самураева и этих двоих в городе уже не было. И еще. Я точно установил, что за день до кражи они с какой-то целью ездили в Гомель. А как пояснил задержанный в Чернигове владелец автомашины, преступников, совершивших кражу из магазина, он привез в Минск из Гомеля. Я сделал запросы в Смоленск и Гомель, попросил попытаться выяснить все сведения, представляющие для нас хоть какой-нибудь интерес. Хочу поработать и по Самураю, я знаю его старые связи, затем надо подъехать в колонию, где он последний раз отбывал срок наказания. Еще точ-

но не знаю, но, может быть, придется подъехать в Гомель, чувствует мое сердце, что не зря они туда ездили.

– Да, – протянул полковник, – дел у вас немало. Давайте сделаем так: дам вам в помощь еще Дегтярева, он человек энергичный и будет полезен вам.

– Я его сегодня за личным делом Самурая в архив направлял, – сказал Ветров.

Полковник взглянул на Ларина:

– Вам, Максим Петрович, надо снова ехать в деревню, где необходимо выяснить, почему старуха так себя ведет. Здесь могут быть два варианта. Первый: старуха прячет у себя Раховского. Второй: она знает, где он находится, и, вполне вероятно, действует по его инструкции – вести себя по принципу: «Ничего не знаю, ничего не слышала». Подготовьте постановления на производство обысков у Раховского в деревне и в общепитии. Если человек пропал, то нам важны любые сведения о нем. И еще поинтересуйтесь, в какой секте состоит эта самая Клещ, кто туда входит, что они за люди и так далее. Ну, а сейчас, – улыбнулся Антонов, – идите к Дегтяреву и начинайте действовать, время торопит.

Ларин и Ветров вышли из кабинета, и в этот момент к ним подошел дежурный:

– Ларин, к телефону, по междугородной вызывают.

Максим не сомневался, что это Яськов, и, услышав его голос в трубке, весело прокричал:

– Привет, привет, Андрей Иванович! Как дела?

– Да потихоньку двигаются. Я все, что ты просил, сделал и сегодня вышлю. Я тут одного доброго человека нашел, он интересные вещи рассказывает. Завтра он приедет в Минск и зайдет к тебе. Выслушай его. А я за это время наведу необходимые справки.

Ларин поблагодарил Яськова, коротко сообщил Ветрову содержание разговора и добавил:

– Что это он там за человека отыскал?

В кабинете у Дегтярева, как всегда, было шумно. Этот работник очень хорошо умел опираться на помощь общественности. И у него почти в любое время

находились внештатные сотрудники или члены комсомольского оперативного отряда. Ребята помогали ему проводить профилактическую работу. Это позволяло Дегтяреву из года в год добиваться в зоне обслуживания сокращения преступности. Вот и сейчас Дегтярев инструктировал пятерых парней, которые готовились к патрулированию в местах, где в последние дни появились два подростка и систематически повреждали телефоны-автоматы.

Ветров, дождавшись, пока ребята уйдут, сообщил Дегтяреву, что по указанию начальника отдела он включен в оперативную группу, и ввел его в курс дела. После этого Ветров спросил у Дегтярева:

– Ты нашел в архиве материалы в отношении Самураева?

– Да, как раз сегодня перед обедом я привез их, – он достал из сейфа пухлую папку и протянул ее Ветрову, – вот, возьми. Я здесь о Раховском ничего не встречал.

– Раховский как в воду канул, но, братцы, если честно сказать, – Ветров по очереди внимательно посмотрел на Дегтярева и Ларина и продолжил: – Лично я не очень верю в то, что он причастен к кражам из магазинов.

– Но ведь случай в деревне и даже в ресторане говорит о многом, – перебил его Ларин.

– Это конечно. Но я не вижу причин, которые могли бы толкнуть этого парня на путь совершения преступления. Вырос в деревне, прошел нелегкий путь жизни. В городе же начал становиться на ноги, влюбился, был со своей девушкой очень откровенным, старался ни на шаг не отступать от нее. Притом я предъявил его фотографию официантке, но она не опознала. Вот это меня тревожит.

– Ну, по фото могла его и не опознать, – возразил Дегтярев.

– Конечно, – согласился Ветров. – Я за то, чтобы быстрее найти его. Давайте сделаем так: Ларин продолжает работу по месту последнего пребывания Ра-

ховского – в деревне. Кстати, Яськов направил к нам человека, который должен, судя по всему, сообщить нам интересные сведения. А мы с тобой, – старший лейтенант обратился к Дегтяреву, – поднажмем на работу с группой Самурая. Что тебе делать конкретно, сообщу сегодня вечером после того, как разберусь с этой версией и проанализирую имеющиеся у меня другие материалы.

В исправительно-трудовой колонии

Ветров и Дегтярев быстро установили, что никто из старых дружков, проходивших по делу с Самураевым, сейчас связей с ним не поддерживает. Учитывая, что его новые друзья приехали из Смоленска, можно было предположить, что он мог с ними познакомиться в исправительно-трудовой колонии.

Ветров поручил Дегтяреву взять эту компанию под постоянный контроль, а сам поехал в колонию. Ехать надо было сравнительно недалеко, и в тот же день старший лейтенант был на месте.

Начальник колонии, узнав от Ветрова о цели приезда, вызвал своего заместителя и приказал оказать старшему лейтенанту необходимую помощь. Тот пригласил Ветрова к себе в кабинет, и, пока они шли через двор, а затем по длинному коридору, Ветров успел хорошо разглядеть этого высокого подтянутого майора. Он был худощавым, ходил легким пружинистым шагом. Когда майор смотрел на собеседника, то его голубые глаза выражали доброжелательность и ум. Говорил он не спеша, с достоинством и, что больше всего понравилось Ветрову, знал свое дело, обладал хорошей памятью. Стоило Игорю Николаевичу назвать фамилию Самураева, как майор, словно автомат, назвал имя, отчество, год рождения, место рождения, за что и когда тот был осужден и дату освобождения.

Они вошли в небольшой кабинет. Майор предложил Ветрову присесть, а сам позвонил куда-то по телефону и попросил принести личное дело Самураева.

— Как он вел себя в колонии? — спросил Ветров.

— Плохо, даже очень плохо. Несколько раз наказывался за нарушение режима, дважды за изготовление посторонних предметов. Чуть снова не судили за попытку организовать побег, но решили привлечь к ответственности главных зачинщиков.

В кабинет вошел лейтенант и, козырнув, вручил майору папку. Майор отпустил его и, развязав тесемки, вынул из папки личное дело и положил его перед Ветровым:

— Вот, пожалуйста, изучайте. А я пока пойду решать кое-какие вопросы. Буду минут через тридцать-сорок, и, если захотите, сможем продолжить разговор.

Ветров углубился в материалы дела. Игорь Николаевич и раньше знал Самураева неплохо, но в деле хорошо просматривались жестокость, эгоизм и жадность этого человека. Ветров пролистал все дело, но найти какие-либо новые для себя связи Самураева не смог. В деле имелись данные на тех лиц, которых Ветров хорошо знал и вместе с Дегтяревым уже их проверил.

Наконец в кабинет возвратился заместитель начальника колонии. Он спросил:

— Ну как? Нашли что-нибудь интересное?

— К сожалению, нет. Товарищ майор, а другие его связи вам не известны?

Майор задумался, а Ветров продолжил:

— Мы получили сведения, что он сейчас связался с какими-то двумя хлопцами из Смоленска. Вместе с ним кто-нибудь из Смоленска не отбывал срок?

— Из Смоленска? Нет, не помню. Правда, был один у нас, но до прибытия Самураева у него кончился срок наказания и он был освобожден. И с Самураевым он не знаком. Тот, смоленский, — фамилия его Лешков, — находясь у нас, сильно подружился с Клуновым Петром, который освободился из колонии полгода спустя. Вот у этого Клунова с Самураевым тоже дружба была. Он даже после освобождения письма присылал Самураеву.

— Откуда он?

— Кто? Клунов? Не помню, сейчас выясню, точно, что не из Смоленска. — Майор позвонил и попросил кого-то выяснить: откуда прибыл в колонию Клунов. Положил трубку на рычаг телефона, ответил: — Из Гомеля.

Ветров оживился:

— Из Гомеля? Нам известно, что Самураев со своими дружками с какой-то целью ездил в Гомель.

Ветров записал данные о Лешкове и Клунове и, поблагодарив майора, ушел. Он решил не терять времени и ехать в Смоленск. Зашел на междугородный переговорный пункт и позвонил в Минск. Начальник отдела был у себя в кабинете, и Ветров доложил ему все, что удалось выяснить. Антонов спросил:

— Что думаете делать дальше?

— Хочу, товарищ полковник, в Смоленск, если вы, конечно, возражать не будете.

— Езжайте. Свяжитесь с местными товарищами и попросите помощь.

— Товарищ полковник, у меня есть предложение. Как вы посмотрите, если Дегтярева направить в Гомель и Чернигов. В Гомеле нужно ему проверить Клунова, а я за это время направлю Дегтяреву из Смоленска фотографию Лешкова. После этого он подъедет в Чернигов, там же недалеко, и предъявит водителю фотографии Лешкова и Клунова и их возможных друзей, которых нам удастся установить.

Начальник отдела подумал немножко и согласился. Он позвал к телефону Дегтярева, и Ветров подробно проинструктировал его и договорился о том, как им, в случае необходимости, разыскать друг друга...

В Смоленске

В Смоленске шел дождь, и Ветров без плаща чувствовал себя неважно. В управлении милиции ему дали в помощь оперативного работника — капитана Карасева Анатолия Авдеевича. Высокий, с усами и громовым голосом, решительный, он чем-то напоминал мушкетеров — героев Дюма.

Оказалось, что Карасев уже начал заниматься Лешковым. В уголовный розыск поступили сигналы о том, что освободившийся из мест отбывания наказания Лешков не захотел трудоустроиваться, стал пьянствовать, разъезжать по другим городам.

– Самое худшее в том, – говорил Ветрову Карасев, – что Лешков втянул в свою компанию молодого парня, который раньше ни в каких грехах замечен не был. Вместе пропадают где-то неделями, когда появляются в Смоленске, пьянствуют, сорят деньгами. Ясно, что здесь дело нечистое.

– Как фамилия этого парня?

– Амосов Юрий Ефимович, двадцать два года. Я думаю, что нам надо начинать с него, а точнее, с его родителей. Я уже выяснил в отношении их. Сами люди порядочные, а вот что касается сына, то упустили многое.

– Мы сможем добыть фотографии Амосова и Лешкова?

– Конечно, а для чего?

– Надо нашему сотруднику в Гомель отправить, он предъявит их свидетелю на опознание.

Вскоре Ветров и Карасев добрались до нужной им улицы и направились к дому, где проживал Амосов.

Дома была его мать. Она совсем не удивилась приходу работников милиции. Горестно вздыхая, откровенно начала рассказывать:

– Совсем от рук отбился. Меня с отцом и слушать не хочет, работу бросил, целыми неделями где-то пропадает.

Худое морщинистое лицо женщины было в слезах. Чувствовалось, что в душе у нее наболело, и она, махнув рукой на стыд и неловкость за сына, откровенно заговорила о том, что ее мучило и угнетало. Ветров спросил:

– С кем же это он связался?

– Да пришел же сосед – Аркашка Лешков. Ох и поганный он мужик. Свою мать до погоста довел, а нашего сына с пути сбил.

– Как же это ваш сын так легко поддался влиянию Лешкова? – спросил Ветров.

– Сама не знаю. Был парень как парень, друзья хорошие, девушка Оля, дружил он с ней, а вот появился Лешков, и всех он на него променял.

Карасев, до этого не принимавший участия в беседе, спросил:

– Как фамилия девушки?

– Тарасова Ольга Лукьяновна. Хорошая девушка: и приветливая, и внимательная, и серьезная. Я уже и с ней говорила, просила, чтобы она на Юру подействовала, попробовала уговорить его оставить эту компанию. Пыталась она, но все напрасно.

Ветров спросил:

– Скажите, а домой он никаких вещей, предметов не приносил?

– Нет, ни разу. Помню, с месяц назад с ним еще раз поговорить решила. Говорю: «Шел бы ты, сынок, на работу, взрослый же ты, семье подмога будет». А он мне отвечает: «Не шуми, мать, я и так работаю, на тебе на расходы», – и достает из кармана три пятидесятки. А я ему отвечаю: «Не заработанные это деньги, сын, такие мне не нужны. Ты лучше трудовой рубль мне дай, он мне дороже пятидесяток этих будет». А он так засмеялся, так нехорошо засмеялся, что у меня от этого его смеха душа похолодела, не сын родной смеется, – а чужой, незнакомый мне, нехороший человек хохочет.

Карасев поднялся с дивана и подошел к противоположной стене. Там висело несколько фотографий. Указывая на одну из них, спросил:

– Это он?

– Он, – однозначно ответила хозяйка.

– А у вас еще есть такие фотографии?

– Есть, а зачем вам?

– Искать будем, сами понимаете, что с парнем творится неладное.

Женщина молча открыла дверцу шкафа и достала оттуда картонную коробку из-под обуви. Там лежало

много фотографий. Она немного порылась и достала одну:

– Вот, он весной фотографировался.

– А Лешкова фотографии у вас нет? – спросил Ветров.

– Нет, не дарил, – хмуро ответила хозяйка.

Оперативные работники выяснили у Амосовой все, что она знала о Лешкове, и, узнав у нее адрес Тарасовой, поблагодарили, извинились и ушли.

Некоторое время молча шли под дождем, думая об одном и том же.

Первым прервал молчание Карасев. Он остушился, шагнул в лужу и, чертыхнувшись, сказал:

– Втянул-таки, подлец, парня в черное дело. Я сразу, как только Лешков прибыл из колонии, получил сведения, что жить по-честному он не хочет. Поручил участковому серьезно заняться им, а тот, как назло, заболел. Сам я на два месяца на учебу уезжал. Лешкову этого времени и хватило, чтобы из порядочного человека сделать себе подобного. – Карасев неожиданно сменил тему: – Куда пойдем?

– Я думаю, что к Лешкову домой идти сразу надо с постановлением на обыск. Давайте поговорим с Тарасовой.

– Я тоже так думаю. Нам налево.

Они повернули за угол и вскоре остановились у дома номер сорок три. Обыкновенный небольшой домишко был обнесен аккуратным, покрашенным зеленой краской забором. Карасев дернул за ручку калитки, и она открылась. Им навстречу откуда-то из-под дома выскочила лохматая собачонка и заливисто залаяла. Ветров немного приостановился, не желая, чтобы собачонка поднимала большой шум, но Карасев решительно двинулся дальше. Глядя на его широкую спину, Игорь молча улыбнулся: «Точно как наш Дегтярев, идет напролом».

Игорь Николаевич вспомнил, как друзья за напористость и решительность прозвали Дегтярева «Т – тридцать четыре».

А Карасев подошел к крыльцу, дернул за ручку двери и, убедившись, что она закрыта, постучал. В коридоре послышался шум, и дверь распахнулась. На пороге стояла симпатичная молодая девушка, одетая в джинсы и кофточку, плотно облегающую ее фигурку. Она молча смотрела на пришельцев большими черными глазами.

Карасев улыбнулся:

– Здравствуйте, Оля, мы к вам.

– Здравствуйте, – удивленно ответила девушка, – проходите, пожалуйста.

Они прошли через небольшую кухню и оказались в просторной, светлой и уютной комнате.

Присели на предложенные девушкой стулья. Первым нарушил молчание Карасев. Он представился и поинтересовался, где работает Оля. Тарасова несколько удивилась тому, что к ней пришли сотрудники уголовного розыска, но отвечала на вопросы откровенно, открыто глядя в глаза собеседников.

Ветров спросил:

– Вы давно знакомы с Амосовым?

– Конечно, давно. Он же недалеко живет, и мы с ним дружим.

– Вам известно, где сейчас он находится?

– Нет, – быстро ответила девушка, но тут же заикнулась, – хотя, простите, он мне письмо прислал из Минска.

– И что пишет?

– Говорит, что командировка продлится до середины следующей недели, а затем он возвратится.

– А где он работает?

– Юра? Я и не знаю, он раньше работал на авиационном, а потом перешел в другое место. Я однажды поинтересовалась у него, спросила, куда он перешел работать, а он только пошутил, сказав, что это тайна. После этого я и не интересовалась.

– Оля, а с кем он дружит?

Девушка задумалась на мгновение и ответила:

– Живет с ним рядом Лешков Аркадий.

– Ну и каким он вам представляется, этот Лешков?

Девушка замялась: было видно, что от этого вопроса чувствует она себя неловко. Но ответила она откровенно:

– Уговаривала я Юрия не связываться с Аркадием. Не друзья они. Но Юра не послушал меня, и в последнее время водой их не разольешь.

– А где сейчас Аркадий? – поинтересовался Карасев.

– Я не знаю.

– С кем еще Юра дружит?

– Больше ни с кем.

– А Лешкова друзей вы не знаете?

– Нет, да и вообще: ни он, ни его друзья меня не интересуют.

– Юра вам обратный адрес свой не сообщил?

– Нет, просто предупредил, когда придет, и все.

Ветров задумчиво смотрел в окно: «Наверняка с этой дивчиной Амосов делиться своими секретами не будет. Даже не сказал, что вместе с Лешковым уехал. Вряд ли чем она нам полезной будет. Надо заканчивать».

И он, просто так, спросил:

– Оля, а вам Юрий на сохранение ничего не давал? – Старший лейтенант увидел, как растерялась девушка, и понял, что здесь что-то не так, спокойно продолжал: – Если давал, то вы, Оля, скажите, вполне возможно, что это имеет большое значение для нас.

– Понимаете, – замялась девушка, – мне неприятно вмешиваться в чужие дела, но и обманывать не хочу. В начале месяца, число я не помню, Юра пришел ко мне с Аркадием. Они принесли с собой коробку, – девушка встала, подошла к серванту, открыла боковую дверку и вытащила небольшой фанерный ящичек, – вот она. Они попросили, чтобы я спрятала ее у себя и никому не говорила об этом. Вот я и взяла.

– А что в ней? – спросил Карасев.

– Я не знаю и не спрашивала у них.

Ветров и Карасев осмотрели ящик. Сбитый из фанеры, он напоминал небольшую посылку. Ветров так и сказал:

– Как посылка.

– А Юра сказал, что когда он напишет мне, выслать эту посылку по адресу, который он укажет.

Карасев подержал в руке ящик и задумчиво сказал:

– Килограмма два будет, – и лукаво взглянул на Тарасову: – Оля, давайте глянем, что там. А вдруг бомба?

Девушка не возражала. Она принесла из кухни большой столовый нож, и Карасев, ловко орудуя им, вскрыл ящик. Отложив в сторону крышку, он снял кусок белого материала, лежавшего сверху, и все трое ахнули.

В ящике, или, как его называла Тарасова, коробке, лежали десятки наименований золотых изделий: часы, кольца, браслеты, кулоны, цепочки – их было очень много.

Карасев осторожно выложил золотые изделия на стол и на дне посылки обнаружил уложенные ровненькими стопками деньги. Оля стояла у стола и широко раскрытыми глазами с ужасом смотрела на все это. Неожиданно она сорвалась с места и бегом бросилась в другую комнату. Там послышался какой-то шум, и девушка снова появилась перед оперативниками. Она со злостью швырнула на диван дубленку, сапоги, какие-то кофточки, глаза ее были полны слез.

– Вот! – сказала она и положила на стол золотые часики, два обручальных кольца и цепочку. – Это краденое тоже. Все это он, Юрка, мне дарил, – с трудом выговаривала она, – говорил, к свадьбе купил. Теперь я вижу, как он покупал. Жулик он и его друг тоже! Теперь понимаю, на какой секретной работе он работает. – И девушка заплакала.

«Что делать, – думал Ветров, – изымать ценности, конечно, надо. Но как это сделать, чтобы не обидеть девушку? Притом надо убедить ее, чтобы она помогла».

Он вышел в кухню, зачерпнул из стоящего на скамье у окна ведра кружку воды и дал девушке выпить. Пока Оля успокаивалась, Ветров обдумывал, с чего начать разговор:

«Девушка честная, врать не станет, но как она воспримет наше предложение?»

Он сел рядом с ней и, когда увидел, что она немного успокоилась, завел разговор:

— Оля, мы не станем от вас скрывать, Амосов и Лешков, скорее всего, совершают преступления. И, как видите, вас используют как хранилище краденого.

— Бессовестный Юрка, он так мне голову закрутил! Все о свадьбе говорил. Жулик, подлец! — и поочередно посмотрела на Карасева и Ветрова. — Я понимаю, что вы уже знаете, чем они занимаются, и мне стыдно перед вами за то, что я, комсомолка, помогла проходившим.

— Вот мы и хотим попросить вас теперь помочь нам разобраться до конца.

— Я согласна, я все, что вы скажете, сделаю, честное слово!

— Сделаем так, — решил Ветров, — сейчас поедете с нами в управление. Мы вас допросим, а потом решим, что будем делать дальше.

Девушка вышла в другую комнату, а Ветров тихо сказал:

— Нам надо побыстрее фотографии Лешкова достать и вместе с фото Амосова отправить Дегтяреву.

— Я уверен, что фото Лешкова есть у участкового инспектора.

— Хорошо, по приезде в управление мы сразу же позвоним в Минск и Гомель. Сейчас для нас главное — не упустить в Минске Самураева и его друзей, проверить, являются ли Лешков и Амосов его друзьями. Да, Дегтяреву придется в Гомеле поработать, особенно если хозяин машины, подвозивший их, опознает этих друзей по фото.

Вскоре девушка собралась, и они вышли из дому...

«Т — тридцать четыре»

Дегтярев тщательно проинструктировал сотрудников, которым было поручено работать с группой Самураева. После этого он, не теряя ни минуты, собрался и уехал в Гомель, где сразу же явился в управление и принялся за выполнение задания. Узнав, что Клунов состоит под административным надзором, Дегтярев попросил начальника уголовного розыска разрешить ему изучить дело Клунова и почти весь остаток дня потратил на это. Вечерело. Он откинулся на спинку стула, потянулся и встал. В кабинете было сумрачно. Он пересек кабинет и щелкнул выключателем. Кабинет залился ярким светом. Задумавшись, Дегтярев ходил по помещению. Чуть выше среднего роста, крепко сложенный, с шеей борца и мощными бицепсами, враскачку, словно моряк по палубе, он ходил из угла в угол и думал: «Если верить материалам дела административного надзора, Клунов никуда из города не выезжал. Из этого можно сделать вывод, что в кражах он не участвовал. Значит, если Самураев и его друзья приезжали к нему, то только для того, чтобы отсидеться или сбыть похищенное».

Дегтярев подошел к столу и открыл первую страницу дела, где была большая фотография Клунова. Дегтярев включил настольную лампу и сел. Свет настольной лампы осветил лицо Александра: тяжелый подбородок, твердый взгляд голубых глаз словно еще раз подчеркивали волю и настойчивость лейтенанта. Глядя на фотографию Клунова, Дегтярев думал: «Наверняка будет правильным, если завтра же съезжу в Чернигов, предъявлю на опознание фотографии Самураева, Амосова и Лешкова, а затем вплотную возьмусь за тебя, голубчик».

Он отнес дело в кабинет начальника уголовного розыска и коротко проинформировал его о своих планах. Начальник уголовного розыска не возражал и пообещал гостю собрать о Клунове дополнительные сведения ко времени его возвращения в Гомель.

Через час Дегтярев задумчиво смотрел через окно автобуса на проплывавшие мимо поля и леса.

В Чернигов он прибыл уже к вечеру. Устроился в гостинице и наутро явился в местное управление внутренних дел. Разыскал следователя, в производстве у которого находилось уголовное дело по обвинению Грязнова, и взял у него разрешение допросить подозреваемого.

Следователь предложил Дегтяреву отдохнуть с дороги и уже затем браться за дело. Но плохо он знал Дегтярева. Тот уж если наметил цель, то, пока не достигнет ее, не успокоится.

Вскоре он был уже в следственном изоляторе и беседовал с арестованным.

Лет сорока пяти, с обрюзгшим и одутловатым лицом, тот часто гладил рукой по лысой голове и рассказывал сидевшему напротив оперативному работнику о своей халтурной поездке в Минск.

Дегтярев разложил перед ним целую пачку фотографий:

– Посмотрите, нет ли среди этих фотографий тех лиц, которых вы возили?

Грязнов брал дрожащими руками по одной фотографии и внимательно рассматривал их. Сразу же опознал Самураева и Лешкова:

– Вот эти ехали, точно, а вот этот, – он взял в руки фото Амосова, – похож на третьего.

– Похож или точно?

– Трудно сказать, но то, что очень похож, это точно. Он был скромнее всех, поэтому и в глаза не бросался.

Дегтяреву пока и этих показаний хватало, и он, записав их и оформив протокол предъявления на опознание личности по фотографии, сдал Грязнова конвоиру и вышел из следственного изолятора. Было уже далеко за полдень. Но Дегтярева не зря прозвали «Т – тридцать четыре», ему действительно не занимать упорства и настойчивости, он решил не оставаться в Чернигове, а заехал в гостиницу, рассчитался и направился к автобусному вокзалу.

Ему не повезло. Автобуса до Гомеля не было. Дегтярев взял такси и доехал до поста ГАИ на Гомельском шоссе. Предъявил свое удостоверение двум молодым сержантам, и те помогли. Остановили машину, идущую в сторону Гомеля, и вскоре Александр сидел на заднем сиденье «Волги», которая быстро неслась по асфальту. Мысли лейтенанта были направлены на Клунова: «Ну что ж, завтра возьмемся за тебя, голубчик».

Ценный свидетель

Почти весь день ушел у Ларина на опросы людей, которые знали Раховского. Затем он вместе с участковым инспектором и комендантом общежития тщательно осмотрел вещи, принадлежащие Раховскому. В тумбочке, которая стояла у его кровати, обнаружили записную книжку Раховского, где имелись три городских адреса. Ларин сразу же поехал по этим адресам.

По первому адресу проживал знакомый Раховского, из одной с ним деревни. По второму адресу человека, фамилия которого была записана в блокноте Раховского, Ларин уже не застал. Как пояснили соседи, он еще год назад уехал из города. Максим поехал по третьему адресу. Это был большой деревянный дом, расположенный на окраине города, в тихом небольшом переулке. Дом был обнесен аккуратным высоким забором, покрашенным, так же, как и дом, светло-зеленой краской.

«Даже крыша, – подумал Ларин, – и та под цвет забора выкрашена. Но что же здесь находится? Дом явно не жилой. Если учреждение, то почему никакой вывески нет?»

Он подошел к калитке и на ней увидел рисунок оскаленной собачьей морды. Толкнул калитку и вошел во двор. Только дошел по тропинке до угла дома, а навстречу ему... поп, одетый в длинную рясу.

Он приветливо улыбнулся гостю:

– Добро пожаловать в мое скромное жилище.

– Здравствуйте, скажите, здесь проживает Ксенофонт Ипполитович Миргородцев?

– Да, это я, сударь, – ответил с легким поклоном поп.

Ларин растерялся. Ему еще ни разу не приходилось беседовать с попом. Максим мучился, он не знал, как обращаться: «Товарищем назвать? Наверное, неправильно. Может, гражданином?»

Хозяин понял смущение гостя и, улыбнувшись, пригласил его в дом.

Ларин поблагодарил и отказался. Он предложил поговорить прямо во дворе. Достал удостоверение и представился. Хозяин несколько удивился, что к нему пожаловал сотрудник уголовного розыска. Стараясь скрыть недоумение, он пошутил:

– А не боитесь, что я могу обратить вас в свою веру?

Ларин засмеялся:

– А если я вас?

Они прошли в легкую аккуратную беседку и присели на деревянные скамейки.

– Ксенофонт Ипполитович, вам знаком Раховский Виктор Леонидович?

– Нет, фамилия мне ни о чем не говорит. А кто он, чем занимается и почему он должен быть мне известен?

Ларин достал из кармана фотографию Раховского:

– Посмотрите, – лейтенант протянул ее хозяину и коротко сообщил ему о Раховском и о том, что у того имеется его адрес.

– Вы знаете, – протяжно сказал Миргородцев, – я, кажется, припоминаю, как однажды мне говорил дьяк, что случай свел его с молодым человеком из деревни и что дал он ему мой адрес. Но отрок этот так и не приходил ко мне, а дьяк каким-то образом узнал, что он баптист. И на том дело кончилось.

Миргородцев еще раз внимательно взглянул на фотографию, протянул ее Ларину и, улыбнувшись, сказал:

– Мало кто из молодежи в бога верит, мало.

– Отчего же вы тогда улыбаетесь?

– Да дьяка вспомнил. Он, бедный, так боится остаться без средств на существование, что готов даже доктора наук в бога верить заставить.

– Скажите, а где дьяк проживает? – спросил Ларин.

– Вы хотите с ним поговорить?

– Да.

– Это легко сделать, он как раз недавно пришел ко мне и сейчас находится в доме. Так что пойдемте в дом.

Вскоре Ларин беседовал с дьяком. Оказалось, что тот узнал о Раховском со слов его односельчанина, встретив Виктора, дал ему адрес попа и пригласил зайти, поговорить. В общем, дьяк повторил все то, что сказал Ларину хозяин дома, и лейтенант, попрощавшись, ушел.

Когда Ларин вошел в здание райотдела, его перехватил дежурный:

– Ларин, к тебе уже сегодня пятый раз приходит парень, он говорит, что ему уезжать надо, может, поговоришь с ним?

Ларин сразу же вспомнил о звонке Яськова и пригласил к себе парня. Молодой человек лет двадцати-двадцати двух назвался Мартынчиковым, рабочим совхоза.

– Меня просил Андрей Иванович Яськов рассказать вам все, что я видел ночью с 5 на 6 июля. – Он вытер со лба пот и продолжал: – Рядом с Клещ Марфой проживает моя девушка – Оля Богданович. Их огороды разделяет маленькая улочка, ведущая в поле. Мы с Олей ночью сидели у нее в саду. Где-то около часу ночи смотрим – за забором по этой улочке со стороны поля идет мужчина, который останавливается у забора Марфы. Стоит и курит в руку. Минут через пять подходит к нему со стороны своего огорода баба Марфа и передает этому мужчине чемодан. Он взял его и быстро пошел к полю, а Марфа ему вполголоса вдогонку: «С богом, смотри, чтобы никто не видел!» В темноте я точно не разобрал,

кто этот мужчина. Но показалось мне, что Славук Роман, который проживает в нашей деревне. Он вместе с Клещ в секте этих трясунот состоит. На следующий день утром я пошел Олю провожать, она уезжала в районный центр. Пришли мы на автобусную остановку, а там уйма людей. В нашей деревне автобус разворачивается и уходит в обратном направлении. Пришел автобус, все начали садиться. Смотрим, Роман подбегает и в руках чемодан держит. Я сразу же вспомнил о ночном происшествии и хотел пошутить над ним, но Оля мне не разрешила. Отправил я Олю, а сам домой пошел. Я не стал с ним разговаривать и скоро забыл об этом случае, но вот встретился с Андреем Ивановичем, и когда он у меня спросил, не видел ли я Витю Раховского, то я рассказал ему про тот случай. Андрей Иванович и послал меня к вам. Да еще наказ дал, чтобы я обязательно вас дождался, поэтому я и надоел вашему дежурному.

Ларин быстро записал взволнованный рассказ парня, дал ему прочитать протокол, указал место, где расписаться:

– Может так случиться, что ваши показания сыграют большую роль. Благодарю вас. Счастливого пути.

«Ваша взяла, гражданин начальник!»

Клунов проживал в небольшом деревянном домике недалеко от железнодорожного вокзала. Вместе с ним жили родители и младший брат.

Отец работал машинистом тепловоза, мать – бухгалтером в домоуправлении. Брат учился в восьмом классе. Родители Клунова и его брат характеризовались по-разному: мать и брат положительно, отец как человек, злоупотребляющий спиртными напитками и на почве пьянства часто устраивающий скандалы с матерью.

Все эти данные были собраны местными коллегами Дегтярева и представлены ему.

Его больше всего интересовал Клунов Петр Петрович, который ранее отбывал срок наказания в одной

исправительно-трудовой колонии вместе с Самураевым и Лешковым. Прибыл он в Гомель более полугода назад, устроился в железнодорожные мастерские, но, проработав там три месяца, уволился и сейчас нигде не работает.

Изучив все дополнительные материалы, Дегтярев встретился с участковым инспектором, в зоне обслуживания которого проживал Клунов.

Пожилой капитан знал свое дело отменно:

– Клунов? Знаю этого Петра. Не хочет становиться на честный путь, пьянствует.

– Вы с ним беседовали?

– Конечно. Сколько раз уже! Но для него эти разговоры – пустой звук.

– С кем он дружит?

– Близких друзей у него нет, но часто отирается среди часовых мастеров, ювелиров. Встречал я его не раз у скупочных магазинов и комиссионков.

Эти сведения для Дегтярева представляли интерес, и он с большим вниманием слушал капитана. Спросил у него:

– Как вы считаете, если нам с вами посмотреть, куда он ходит, это возможно?

– Конечно. Особенно если он подвыпьет, то родного отца в метре от себя не узнает.

– Где он сейчас может находиться?

Участковый инспектор взглянул на часы:

– Десять. Спит еще. Обычно он из дому выходит часов в одиннадцать-двенадцать.

– Тогда пошли. Вы мне покажете, где его дом, а сами съездите к себе домой и переоденьтесь в гражданскую одежду.

– Я не возражаю, но надо начальству доложить.

– Не беспокойтесь, с вашим руководством вопрос решен.

– Ну и хорошо, – вставая, сказал капитан, – тогда пошли.

Вскоре они оказались в районе железнодорожного вокзала, и участковый инспектор кивнул на небольшой, обнесенный высоким забором домик:

– Здесь он живет.

– Хорошо. Вы побыстрее переодевайтесь. Если меня здесь не застанете, то звоните дежурному по управлению. Я ему буду сообщать о своем местонахождении.

Капитан остановил попутную автомашину и уехал. Дегтярев, не торопясь, прошел мимо дома. Во дворе пустынно. Справа виднелся сарай, возле него стояла двухколесная коляска, разбросаны какие-то погнутые ржавые трубы, металлические части, у входа в сарай лежала куча напиленных дров. Крыша сарая во многих местах продырявилась. Чувствовалось, что в доме нет хороших рук.

Дегтярев прошел дальше. Он успел заметить, что со двора имелся только один выход, и поэтому отошел подальше, выбрал место, с которого была видна калитка, и стал наблюдать.

Минут через сорок появился участковый инспектор. В гражданской одежде его трудно было узнать. Он подошел к Дегтяреву:

– Ну как, не появлялся?

– Пока нет. Может, ушел уже?

– Нет, наверняка, дома сидит. Ничего, скоро выйдет.

И точно. Участковый как в воду смотрел: из калитки вышел высокий молодой мужчина. Он воровато оглянулся и направился к вокзалу, где сел в автобус, направлявшийся в центр города.

Работники милиции неотступно следовали за ним. И к вечеру, в записной книжке Дегтярева, появился ряд адресов, по которым заходил Клунов.

И когда поздно вечером Дегтярев проанализировал маршрут его движения, то увидел, что Клунова интересовали в основном ювелиры, реже – часовые мастера.

Утром следующего дня Дегтярев побеседовал с оперативными работниками ОБХСС и получил нужные сведения на тех людей, с которыми встречался Клунов. Многие из них характеризовались с положительной стороны.

Дегтярев отобрал троих и решил с ними поговорить. Он сидел в отведенном для него кабинете и ожидал первого посетителя. Ровно в двенадцать появился пожилой человек, прихрамывающий на правую ногу, поздоровался и протянул повестку:

– Я по вызову.

– Присаживайтесь, пожалуйста. Ювелир сел на стоявший у стола стул и оказался напротив Дегтярева. Его серые глаза спокойно смотрели на собеседника.

Дегтярев, со слов коллег из ОБХСС, знал, что с этим человеком можно говорить откровенно, поэтому, не теряя времени, сразу же перешел к делу:

– Борис Иванович, вы знаете этого человека? – Дегтярев положил перед ювелиром фотографию Клунова.

Гость взглянул на фото и улыбнулся:

– Конечно, знаю. Он вчера приходил, спрашивал Семена, моего напарника.

– Борис Иванович, а что он из себя представляет?

– Шалопай. Он поддерживает какие-то отношения с Семеном Шлемовичем, но при мне о своих делах разговор они не ведут.

– Он не предлагал вам купить какие-либо ювелирные изделия?

Старый мастер улыбнулся:

– Нет, он хорошо знает Семена, а тот очень хорошо знает меня и, конечно, смог проинформировать его, что в ответ на такие предложения я показываю на порог, беру за телефонную трубку и звоню куда следует.

– Скажите, а когда Шлемович работать будет?

– Он сейчас работает.

– Он знает, что вас пригласили в милицию?

– Нет, повестку мне вручили сегодня утром, и в мастерскую я не заходил.

Дегтярев поблагодарил мастера и отпустил его.

Вскоре пришел другой мастер, с кем накануне разговаривал Клунов. Он был высокого роста, светлососый, с маленькими усиками, на вид ему можно было дать лет тридцать. Одет в светлый костюм, сшитый у хорошего мастера, вместо галстука – бабочка. Старал-

ся держаться независимо и даже несколько нагло. Поздоровавшись, он протянул Дегтяреву повестку, не дожидаясь приглашения, сел на стул и заявил:

– Это не дело, что вы человека вызываете к себе своими повестками.

– А я встречал людей, которые требовали, чтобы их приглашали только повестками, – ответил спокойно Дегтярев. Он понял, что с этим человеком говорить откровенно будет трудно, и поэтому сразу же взял бланк протокола допроса и начал заполнять его, задавая по ходу вопросы посетителю:

– Фамилия?

– Чья, моя? Конопелько.

– Имя, отчество?

– Иван Адамович.

Вскоре Дегтярев закончил занесение в протокол данных о личности свидетеля и начал беседу:

– Скажите, вы никогда не приобретали ювелирных изделий частным порядком?

– Я такими вещами не занимаюсь.

Дегтярев положил перед ним фотографию Клунова:

– Насколько мне известно, с этим человеком у вас состоялись определенные сделки?

Дегтярев понимал, что с такими, как Конопелько, надо разговаривать строго и наступательно. Он специально сказал ему прямо о Клунове. И тот заюлил:

– С этим? Сделки? Какие сделки?

У Дегтярева, конечно, еще твердой убежденности не было в том, о чем он только что сказал этому самоуверенному человеку, но, увидев его реакцию, понял, что попал, как говорится, в яблочко. И Дегтярев пошел в атаку:

– Так что вы молчите? Вы же только что заявили, что ни с кем не имели сделок.

И Конопелько сдался. С него мгновенно слетели спесь и самоуверенность. Он покраснел, опустил голову и чуть слышно сказал:

– Извините, я забыл о нем.

– Поэтому я и напомнил, – сухо проговорил Дегтярев и продолжил: – А теперь рассказывайте, только не заставляйте меня вам напоминать, мое терпение не бесконечно.

– Нет, нет, я расскажу все. Я с ним познакомился месяца три назад. Он тогда пришел ко мне с одним мужчиной. Они предложили мне купить у них золотые часы и два обручальных кольца. Вы знаете, почему-то многие считают, что если ювелир, то денег у него куры не клюют. А в действительности дело имеешь с граммами и даже с миллиграммами и сам порой не поймешь, куда девался микроскопический кусочек, а это все при мизерной зарплате. Вот я и подумал тогда, подумал и купил.

– А что они объяснили вам, почему они продавали эти ценности?

– Петька сказал, что его друг разошелся с женой и кольца с часами ему судом переданы, а им понадобились деньги, вот они и пришли ко мне.

В кабинет вошел инспектор ОБХСС Тихонов. Это он рассказывал Дегтяреву о Конопелько, причем, давая ему характеристику, подчеркивал его жадность, хитрость и нечистоплотность. Тихонов остановился за спиной Конопелько и молча слушал.

Дегтярев спросил:

– Сколько раз он еще приносил вам такие штучки?

Конопелько заюлил, начал лепетать что-то нечленораздельное. Тогда Тихонов положил ему на плечо свою руку, от которой Конопелько вздрогнул.

– Давай, Иван, рожай!

Конопелько оглянулся и, увидев Тихонова, вскочил со стула:

– А, Андрей Андреевич, здравствуйте, мы вот с товарищем беседуем в отношении одного человека.

– Ну и как ты, Иван Адамович, беседу ведешь, откровенно?

– Конечно, конечно, как всегда.

– Ну, обычно ты плутаешь, – усмехнулся Тихонов и сел на стул, стоявший в углу. – Ну что же, и я поприсутствую, – и взглянул на Дегтярева, – вы не возражаете?

Я ведь с Иваном Адамовичем хорошо знаком и уверен, что незнакомому человеку он может соврать.

Тихонов незаметно подмигнул Дегтяреву – продолжай, мол.

Тот понял и повернулся к Конопелько:

– Так сколько раз они еще приносили вам таких штучек?

– Неделю назад приходили еще.

– А что вы у них купили?

Конопелько замялся, чувствовалось, что приход Тихонова выбил его из колеи, ведь речь шла о незаконных сделках.

Понимал это и Тихонов, он улыбнулся:

– Я же сказал, Ваня, давай, валяй, рожай. Тебя я хорошо знаю, тебя надо немножко подтолкнуть, когда дело касается правды.

– Да, но вы же, Андрей Андреевич, первым возьмете меня за мягкое место и в каталажку, – и Конопелько горько усмехнулся.

– Будешь ты, Ваня, юлить или нет, но скажу я тебе по старой дружбе, мы все равно докопаемся до истины, да об этом ты и сам прекрасно знаешь. Тем более я только что приехал из твоей мастерской и твоей квартиры, там я в присутствии представителей вашего управления и понятых произвел обыски и обнаружил очень много ювелирных изделий, так что можешь смело говорить, это для меня значения почти не имеет.

Слова инспектора ОБХСС ошарашили Конопелько, и он удрученно проговорил:

– Ладно, черт с ними, с этими прохвостами! Я все расскажу. Мне терять уже нечего.

И он затравленно взглянул на Тихонова. Дегтярев пододвинул к себе бланк протокола и подробно допросил Конопелько. Затем он положил к себе на стол несколько фотографий, на которых Конопелько сразу же опознал Клунова и Лешкова.

Тихонов привел к себе в кабинет Конопелько, а сам возвратился к Дегтяреву:

– Я решил помочь вам. Дело в том, что Конопелько – прожженный жулик и, не зная его, очень трудно добиться от него правды. А я знаю его давно. В детстве с ним в школе в одном классе учились. Интересно человек развивается. Уже тогда он пытался в разные дедаческие дела влезать. И вот, пожалуйста, вырос и развился. Я им уже давно занимаюсь. Один раз чуть не посадил, но амнистия спасла его. Долго я с ним тогда говорил. Ох как он клялся, но все его клятвы – чепуха. Жулик на то и жулик, чтобы жульничать, – Тихонов улыбнулся, – знаете, как он мне когда-то сказал? «Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным». Ну ничего, сейчас мы его не упустим. Вы продолжайте допрашивать остальных, а потом обменяемся мнениями.

Тихонов ушел, а Дегтярев пригласил следующего свидетеля, которому Клунов тоже «деловые предложения» делал. И он не устоял. Купил у него несколько колец и три пары часов. Согласился их добровольно выдать.

День клонился к вечеру, Дегтярев подводил итоги сделанного и думал, что делать дальше: «Надо задерживать Клунова. Если мне продолжать заниматься ювелирами и часовщиками, то об этом он наверняка узнает, и многое будет утерянным. Доказательств его вины по продаже похищенного достаточно».

Дегтярев позвонил уже знакомому участковому инспектору, и через час они были у дома Клунова. Капитан был уверен, что того дома не будет. Но решили, на всякий случай, проверить. И правильно сделали. Клунов на сей раз был дома. Он как раз готовился вместе с отцом распить бутылку водки, уже стоявшую на столе. Они не удивились приходу участкового инспектора, нередко он появлялся вот так, неожиданно.

Капитан строго спросил:

– Петр, ты так и не хочешь на работу устраиваться?

– Что вы, гражданин начальник! Я уже скоро буду работать.

– Ну, об этом ты мне уже несколько раз говорил, – безнадежно махнул рукой капитан.

– Нет, это я точно говорю, вот отец не даст соврать.

– Ладно, собирайся, пойдем еще раз побеседуем.

Клунов с сожалением взглянул на нераспечатанную бутылку и начал собираться.

В управлении Дегтярев сразу же приступил к допросу, а сам кивнул головой участковому инспектору. Тот все понял и вышел из кабинета. У них была договоренность, что, как только Дегтярев начнет допрашивать Клунова, капитан произведет у него дома обыск и допросит родителей.

Дегтярев перешел к делу:

– Скажите, Клунов, вы давно видели Лешкова?

Клунова как током ударило, он вздрогнул и удивленно взглянул на Дегтярева:

– Какого Лешкова?

– Аркадия.

– Да, я с ним вместе срок тянул, он освободился раньше меня.

– Сюда к вам он не приезжал?

– Не понимаю, почему вы у меня о нем спрашиваете?

Клунов был уверен, что его привезли сюда для очередной беседы по поводу трудоустройства. И вдруг интересуются Лешковым.

Постепенно Клунов начал соображать, что раз с ним беседует не участковый инспектор, а этот, одетый в гражданскую одежду сотрудник, скорее всего оперативник, значит, дело посерьезнее.

Дегтярев спокойно сказал:

– Понятно почему. Он совершал преступления. Итак, давно вы его видели?

– После колонии я его не видел.

– И не переписывались? – улыбнулся Дегтярев.

– И не переписывались, – угрюмо ответил Клунов и неожиданно улыбнулся. – Зря берете меня на пушку, гражданин начальник. Я не ворую, живу тихо, скромно, никому не мешаю. Теми, с кем срок тянул, – не интересуюсь.

Дегтярев спокойно смотрел на этого улыбающегося человека и молчал. Неестественная улыбка Клунова,

скорее даже ухмылка, желтые от курения зубы вызвали у Дегтярева отвращение.

Клунов решил, что он смог убедить работника милиции, и, закинув ногу за ногу, самоуверенно заговорил:

– Так что, гражданин начальник, не надо брать честного человека на пушку, а что касается работы, так я это мигом обтяпаю. Буду устраиваться в мастерские, где раньше работал.

– Это неправда, Клунов. Вы и не думаете о трудоустройстве. Зря вы ведете себя так самоуверенно. Мы ведь знаем, что вы, как говорится, и слова не можете сказать, чтобы не соврать, и потому в искренность ваших слов не верим. Единственное, что я скажу, это то, что вам придется давать правдивые показания.

Клунов, не отвечая, ухмыльнулся.

– Зря вы улыбаетесь. Сейчас в вашей квартире идет обыск, допрашиваются члены вашей семьи. Да и не ожидая результатов их, могу вам сказать, что мы установили людей, которым вы сбывали похищенное, многое из этого мы уже изъяли. Все это, вместе с протоколами допросов, материалами предъявления ваших и Лешкова фотографий на опознание, хранится здесь, – Дегтярев похлопал рукой по лежащей перед ним пухлой папке. Раскрыл ее и взглянул на Клунова: – Для того чтобы вы поверили, ведь в силу своего характера вы словам не верите, познакомьтесь с протоколом допроса и опознания одного из ваших покупателей – ювелира Конопелько. Вот, прочтите эти строки: видите, он говорит, вернее вынужден говорить, и о вас, и о Лешкове. Он, так же, как и вы, сначала не хотел говорить, но, как говорится, против фактов не попрешь. Итак, я вам сказал слишком много для того, чтобы здравый смысл взял верх над вашими бредовыми мыслями о вашей безопасности. Предупреждаю, что я не намерен больше терять время, выслушивая лживые заверения. В Минске вы все равно расскажете правду. Думайте и решайте: будете говорить правду сейчас или нет?

– Вы из Минска? – ошеломленно спросил Клунов.

– Да, из Минска, и приехал сюда только из-за вас.
– Значит, Лешков уже у вас.
– Сейчас речь идет не о Лешкове и не об Амосове, а о вас. Так что же вы скажете?

Клунов был подавлен, он видел, что ему не вернуться, и, поникнув головой, тихо проговорил:

– Вижу, отпираться бесполезно. Я скажу правду. – И опять на его лице появилось подобие улыбки: полуоткрытый рот, оскал желтых зубов. – Ваша взяла, гражданин начальник!

Будем брать с поличным

Наконец собрались все вместе, обменялись информацией и теперь думали, что делать дальше.

Дегтярев горячился:

– Я считаю, что нам надо идти к Самураеву и брать эту команду. Иначе они нам подкинут еще одну кражонку, не зря же, гады, сидят у нас в городе. Наверняка вынюхивают, куда ринутся.

– Что ты думаешь? – Ветров повернулся к Ларину.

– Надоели они нам порядком, и чем мы быстрее их изолируем, тем спокойнее будет на душе.

Ветров улыбнулся:

– Вы что, думаете – я против?

– Ну вот и прекрасно, сегодня же их и возьмем! – воскликнул Дегтярев.

Но Ветров перебил его:

– Подожди, «Т – тридцать четыре», опять прешь напролом. Давайте обсудим ваши предложения. Итак, первое, что мы имеем в отношении главаря Лешкова? Показания Клунова, ювелира Конопелько, а также мастера. Для него достаточно. Посмотрим по Амосову. Клунов дает показания, что Амосов вместе с Лешковым и Самураевым привезли ему для сбыта драгоценности. Это раз, и второе, что Амосов вместе с Лешковым сдали на хранение Тарасовой ящик с похищенными деньгами и ценностями.

– Ну и достаточно, – перебил Ветрова Дегтярев, – этого вполне достаточно для ареста.

– Не перебивай, «Т – тридцать четыре», – остановил его снова Ветров, – слушай дальше. Что у нас есть по Самураю? Показания Клунова о том, что он приезжал с Лешковым и Амосовым в Гомель. И все. Вот, а теперь представьте себе, братцы, на минутку, что гражданин Лешков, понимая все это, неожиданно для нас с вами делает такой ход – берет и заявляет: «Дорогие оперативники, крал я один, а эти мальчишки ни в чем не виновны, просто я их обманывал, чтобы одному скучно не было ездить по дальним дорогам, за свой счет возил их с собой. Так что отпустите их, миленькие, на свободу». И что вы, милые Саша и Максим, сделаете? Конечно, отпустите, потому что у вас доказательств их вины нет, а на их чистосердечные признания, по крайней мере, лично я не надеюсь. Это одна сторона медали, а теперь другая: вы совершенно забыли о Раховском. Мы совсем не знаем, где он. Даже не знаем, связан ли он с ними. А может, он где-либо, как курица на яйцах, сидит в укромненьком местечке на похищенных драгоценностях и даже не кудахчет. Поэтому мое предложение следующее: всю группу задерживать вместе, но только тогда, когда они пойдут на новое «дело», чтобы взять их с поличным. Вот тогда ни один от нас никуда не денется. А пока усилим за ними наблюдение и по крупнице будем собирать доказательства их вины.

– А как быть со Славуком? – спросил Ларин.

– Славука пока тоже трогать не будем. Раз он нес чемодан ночью, то он или помогал Раховскому, или вредил ему. В том или ином случае правдивого рассказа от него ждать нечего. Ты попроси участкового инспектора Яськова, чтобы он продолжал работать с жителями деревни и побольше собрал сведений о Клещ, Славуке и их связях. Это одно. А второе, продолжай искать людей, которые могли знать Раховского и видеть его. Я думаю, что, когда снимем группу Самурая, втроем быстро раскрутим и дело с Раховским, даже если он не причастен к кражам.

Ветров что-то вспомнил, взглянул на часы и вскочил:

– Ой, братцы, забыл, уже половина десятого. Полча-са человек меня на улице дожидается.

Дегтярев рассмеялся:

– Уплыла твоя Надежда, будет она по тридцать минут такого, как ты, дожидаться. Взглянет своими голубыми глазами на первого же прохожего, и прощай, забывчивый ухажер.

– Ну тебя! – махнул рукой Игорь и стремглав выскочил из кабинета.

Готовятся

Ларин переговорил со всеми водителями, которые могли везти чемодан, но никто из них не запомнил ни чемодана, ни пассажира, у которого он мог быть.

В кабинет вошел Ветров:

– Максим Петрович, начальник дал машину, садись и жми к Московскому шоссе, туда направляется Самураев и его друзья. Наши держат их в поле зрения, присоединись к ним, их позывной «Волна».

– Хорошо, поехал.

Ларин подошел к сейфу, сунул пистолет в карман и вслед за Ветровым вышел из кабинета. У входа стояла новенькая «Волга». Максим сел рядом с водителем. Ему было приятно, что начальник дал свою машину. С каждой минутой он рос в собственных глазах.

Пожилой водитель понимал это и молча улыбался:

«Эх, молодежь зеленая. Ничего, придет время, солиднее станет».

Водитель взял в руки микрофон:

– «Волна», «Волна», я «Вьюга», как слышите меня, прием!

«Волна» ответила сразу же. Он уточнил, где они находятся, и увеличил скорость.

Минут через десять Ларин увидел своих и присоединился к ним. В стареньком «Москвиче», кроме водителя, сидели двое – это были участковые инспекторы.

Они быстро ввели Ларина в курс дела. Максим спросил:

– А где они?

– Вон на автобусной остановке стоят.

– Интересно, куда они направляются?

– Увидим.

К остановке подошел автобус, и Самураев с компанией сел в него. «Москвич», держась на расстоянии, следовал за автобусом. На третьей остановке они вышли из автобуса и пошли дальше пешком.

Вскоре все стало ясно. Самураева и его друзей интересовал большой военный универмаг. Пока эта компания вокруг да около вынюхивала, Ларин зашел к директору и выяснил, как работает универмаг, что в нем может привлечь воров и как универмаг охраняется. После этого компания возвратилась к Самураеву домой, а Ларин поехал в отдел. Ветров уже ждал его. Максим рассказал о действиях преступников и подвел итог:

– В универмаге для них наверняка приманкой служит ювелирный отдел. Охраняется магазин сторожем. Неясно только, когда они пойдут на кражу.

– Почему ж неясно? – возразил Ветров. – Мне только что звонили из Смоленска. Тарасова получила письмо из Минска от Амосова. Он пишет, что приедет послезавтра. Значит, кражу они будут совершать или сегодня ночью, или завтра. Дегтярев молодец! Смог найти человека, который знает Самураю, – это сосед его. Тот тоже обещал предупредить, когда они на «дело» пойдут. А сейчас пошли к шефу. Пусть связывается с соседями, ведь магазин расположен у них на территории, и договаривается о взаимодействии.

Они спустились на первый этаж и вошли в кабинет начальника. Полковник был на месте и, выслушав подчиненных, сразу же позвонил начальнику соседнего райотдела. Договорились, что задерживать преступников будут их работники, а Антонов выделит им в помощь Дегтярева и Ларина...

Ночь у магазина

Максиму снился сон: он бредет по большому пустому и темному зданию. Почему-то именно здесь ему назначила свидание Наташа. Максиму было непонятно, почему она выбрала именно это место и приехала без предупреждения. Он чувствовал себя здесь неловко, давили пустота и одиночество. Где же она? И вдруг слышит: Наташа зовет его по имени. Максим не видит ее, он хочет громко позвать, но не может издать даже звука. А Наташа продолжает звать его и громко стучать чем-то. Максим рванулся на звук ее голоса и проснулся.

В комнате было темно. Полежал еще и вдруг услышал стук в окно и чей-то голос:

– Максим, проснись же в конце концов!

Постепенно Ларин понял, что зовет его не Наташа, а Дегтярев, который, отчаявшись дозвониться в дверь, громко барабанил по стеклу.

Максим подошел к окну и отодвинул занавеску. Дегтярев, увидев его, тут же поспешил к подъезду. Ларин пошел открывать дверь, проходя мимо тумбочки, взял часы – было пять минут второго.

«Ну вот и выспался», – подумал он, твердо зная, что его голове подушку в эту ночь уже не почувствовать.

– Ну и спишь, хоть из пушки в форточку стреляй, – беззлобно сказал Дегтярев, входя в квартиру. – Давай быстрее собирайся, работа есть!

Пока Ларин одевался, Дегтярев вводил его в курс дела:

– Понимаешь, засиделся в кабинете и только собрался домой – вдруг раздается звонок. Снимаю трубку: звонит тот парень, о котором я тебе днем рассказывал, и сообщает, что те двое вместе с Женькой Самураем хотят магазин взять в районе Зеленого Луга. Ну, я решил тебя прихватить, а то ведь завтра ворчать будешь, почему не поднял.

– Правильно сделал, – похвалил друга Максим, натягивая на себя свитер. – Пошли, – и он первым шагнул к дверям, на ходу доставая из кармана брюк ключ.

– Постой, а пистолет ты взял?

– Конечно. Ты что, думаешь, если я прямо с постели, так там и голову забыл? Плохо ты меня знаешь, товарищ Дегтярев.

Через минуту милицейский «газик» на большой скорости несся в сторону Московского шоссе. В машине, кроме Ларина и Дегтярева, сидели еще пять человек, в ногах одного из них, беспокойно и часто дыша, лежал громадный пес.

К магазину подъезжать не стали, а остановились во дворе большого девятиэтажного дома. Здесь к ним присоединились еще четверо сотрудников, которые уже два часа вели наблюдение за магазином. Дегтярев быстро поставил перед каждым задачу, и группа цепочкой медленно двинулась к магазину, который размещался в небольшом кирпичном здании на пустыре. Вокруг было великое множество ям, кучи песка, различные строительные материалы. Все быстро замаскировались и стали ждать. Один только Карпилин – самый старый по возрасту в соседнем отделе сыщик – напялил на себя пальто и направился к магазину. Ему сегодня предстояло сыграть роль сторожа. Ларин, глядя вслед удалявшейся фигуре Карпилина, невольно улыбнулся. Сгорбленный, одетый в длинное пальто и старую зимнюю шапку, ни дать ни взять старик сторож.

Дегтярев, лежавший рядом с Максимом, чуть слышно прошептал:

– Представляешь, скоро Алексею Никифоровичу будут руки связывать, а он даже на них и не махнется. Он, когда мы ехали за тобой, просил меня не торопиться, пусть, говорит, меня напоят коньяком, а потом уж подходите. Шутки шутками, а вот так сидеть и ждать, когда тебя схватят и начнут давать пинков, не очень приятно.

Они оба хорошо знали Карпилина. Он раньше работал вместе с ними, но недавно по семейным обстоятельствам перешел в соседний райотдел.

Ларин тронул Дегтярева за рукав:

– Тихо, идут.

И действительно, недалеко от магазина показались три тени, они на минуту замерли, а затем начали приближаться к сидевшему на ящике спиной к ним Карпину. Вот они схватили его, повалили на землю и начали вязать. Было слышно, как один из них отчетливо проговорил:

– А ну не пикни, старик! Не то не видать больше тебе звезд на небе!

Через минуту-другую все трое подошли к черному ходу, и оттуда послышался лязг металла.

Неожиданно все тот же голос приказал кому-то:

– Встань ближе к дороге на шухере! В случае чего фонарем посигналишь. Здесь мы и вдвоем справимся.

Работники увидели, как от магазина отделился человек и бегом по пустырю бросился в сторону дороги. Старший группы тихо приказал двоим сотрудникам идти за ним. Те двинулись за тенью. Бежать им нельзя было, преступник сразу бы услышал, но и ждать, пока будет задержан тот, было опасно, кто знает, что они предпримут в отношении «сторожа».

Дегтярев толкнул плечом Ларина:

– Пора!

Они поднялись и, убедившись, что другие сотрудники сделали то же самое, осторожно ступая, затаив дыхание, начали приближаться к преступникам. Те так увлеклись запорами, что когда с разных сторон вспыхнули фонари и одновременно прозвучала команда: «Руки вверх, ни с места!» – один из преступников неожиданно упал на землю, а второй бросился бежать. Проводник служебно-розыскной собаки отстегнул поводок и скомандовал:

– Дик, фас!

Громадный пес, взвизгнув от нетерпения, с рычанием бросился за преступником. Не успел тот пробежать и двадцати метров, как Дик сбил его с ног. Злобно оскалив свои могучие клыки, заставил лежать без движения. К преступнику подбежали два милиционера, и через несколько секунд послышались металли-

ческие щелчки. Задержанного в наручниках под яркими лучами фонарей привели к лежавшему на земле его сообщнику.

Только теперь все заметили, как беспокойно перемещаются в стороне дороги лучи фонариков. «А третий?» – почти одновременно мелькнула мысль у работников милиции.

Дегтярев с помощью карманной радиостанции вызвал автомашины, до этого стоявшие во дворе большого дома, и вместе с Лариным и проводником с собакой бросился к дороге.

Их худшие предположения оправдались. Третий, услышав у магазина шум и почувствовав опасность, убежал. Два работника милиции, которых направили следом за ним, так и не смогли приблизиться к нему. Попробовали применить собаку, но результатов никаких. Пришлось возвращаться к своим.

В машине ехали молча: немного успокаивало лишь то, что сбежал Амосов, который сам по себе опасность представлял меньшую, чем любой из задержанных.

Нужен Амосов

Почти весь следующий день ушел у Ларина на допросы и производство обысков у задержанных. Оказалось, что кроме Женьки Самурая был задержан ранее судимый Лешков. Объединившись, они снова совершили ряд преступлений. Под давлением улик те двое не стали долго упираться и уже к вечеру сознались, что кражи из магазинов, как в городе, так и в деревнях, совершенные в последние два месяца, – дело их рук.

Ларин спросил у Лешкова:

– Что за паспорт вы отдали официантке?

Лешков вспомнил этот эпизод и засмеялся:

– Да, было такое.

– Где вы взяли этот паспорт?

– Нашли. За день или за два до того случая мы с Амосовым были на автовокзале. Хотели ехать в дерев-

ню на «ревизию» магазина. В ожидании своего автобуса сидели у железной дороги, возле кустиков, на травке. Смотрим, идет мужчина и в руке чемодан держит. Подошел к кустам, оглянулся и, не заметив нас, сунул в кусты чемодан, а сам чуть не бегом двинулся к автовокзалу. Мы сразу же решили – свой кадр. Незаметно пошли за ним. Смотрим, а он садится за руль стоящего недалеко от билетной кассы автобуса, загоняет его на стоянку, а затем выходит из него и чуть ли не бегом в автовокзал. Мы за ним. Он встал в очередь водителей, которые пришли за рейс отчитываться. Мы, естественно, назад к кустам. Отыскивали чемодан – и дай бог ноги.

Отбежали, смотрим, а там туфли, пиджак и куртка болоньевая, в карманах которой нашли пропуск на какой-то завод и паспорт. Взяли куртку и документы, а остальное хотели выбросить, но Амосов предложил отнести чемодан на место. Так мы и сделали. Я шел впереди, на случай, если шофер появится, а Амосов за мной чемодан нес. Принесли и в тот же самый куст сунули, а сами спрятались подальше и стали наблюдать. Минут через двадцать появился тот шофер, оглянулся, затем схватил чемодан и ушел. А мы сидим и хохочем. Наверняка этому чемодану шофер ноги пришил в надежде, что там есть чем поживиться.

– На какую фамилию документы, не помните?

– Помню, Раховский Виктор, отчество забыл. Я этот паспорт и сунул официантке.

– А где куртка и пропуск?

– В лесу бросили, когда за нами после кражи из деревенского магазина погоню устроили. Мы еле ноги унесли.

Чтобы проверить эти показания, нужен был Амосов, и Ларин еще раз с досадой вспомнил прошедшую ночь. «Надо его искать и как можно быстрее задержать. Если этот тип говорит правду, то с Раховским узел еще сильнее затягивается», – думал Максим.

Ветров, узнав о побеге Амосова, сразу же позвонил в Смоленск и попросил усилить контроль за домом Амо-

сова и Тарасовой. В беседе по телефону со старшим инспектором уголовного розыска Карасевым Ветров сказал:

– Анатолий Авдеевич, прошу тебя, еще раз хорошенько поговори с Олей Тарасовой. Проинструктируй ее, как себя вести, если Амосов явится к ней домой за ящиком с ценностями и деньгами. Девушка может не выдержать и сорваться, наговорить ему сгоряча, высказать свои обиды на него. Короче говоря, продумайте, как обеспечить ее безопасность, и смотрите, чтобы он не драпанул от вас.

Карасев не удержался и съязвил:

– Не волнуйся, при задержании Амосова мы обязательно учтем ваш опыт, – и он рассмеялся.

– А может, мы решили у вас славу не отбирать: вор ваш, вы и задерживайте, – отпарировал Ветров и, попрощавшись, позвонил в Гомель.

Гомельских коллег Ветров тоже предупредил о побеге Амосова и попросил организовать контроль за квартирой Клунова, где мог появиться беглец.

Положив трубку, Ветров задумался: «Амосов никуда от нас не денется, поймаем, но где же Раховский? Похоже, что он к этой группе не причастен. Надо это дело довести до конца и искать Раховского в другом направлении».

Ветров еще раз поговорил с задержанными, заодно поинтересовался, почему они, после того как приехали из Гомеля в Минск и совершили кражу, этой же машиной уехали из города.

И Лешков и Самураев пояснили, что не надеялись на водителя и считали, что если до него и доберется милиция, то рассказ его пошлет уголовный розыск по ложному следу.

Ветров возвратился на службу и вместе с Лариным направился к начальнику отдела.

Антонов внимательно выслушал их и, в задумчивости теребя подбородок, проговорил:

– Да, дело оборачивается так, что Раховский исчез при загадочных обстоятельствах, и скорее всего кон-

цы нужно искать в деревне. Ваш план работы в деревне я одобряю, но сначала в максимально сжатые сроки необходимо установить водителя автобуса и изъять у него вещи; это очень важное звено во всей цепи. Я свяжусь с райцентром и попрошу начальника отдела оказать вам помощь.

— Если можно, товарищ полковник, пусть они нам выделяют Яськова, он там почти каждого человека знает, с ним будет надежнее работать.

— Хорошо. Я попрошу Яськова. Давайте сделаем так: вы, товарищ Ларин, беритесь за шофера, а вы, Игорь Николаевич, отвечаете за Амосова. В любом случае с этой группой надо довести дело до конца. А потом можете ехать в командировку.

Ларин быстро установил фамилию водителя и уже больше часа ждал автобуса. Наконец тот, запыленный и грязный, подъехал к стоянке. Пассажиры быстро выходили из машины и растворялись в вокзальной толпе. Максим не спешил подходить к водителю, дал ему возможность поставить машину на стоянку и отчитаться у диспетчера. Дождавшись, пока водитель выйдет из здания автовокзала, Ларин приблизился к нему:

— Товарищ Спивный Николай Николаевич?

— Да, я. Что вам угодно?

— Я из уголовного розыска, хотел бы с вами побеседовать.

Ларин хорошо видел, как побледнело лицо водителя. Не теряя времени, предложил:

— Если вы не возражаете, мы можем побеседовать в вашем автобусе, он же сейчас свободен?

— Да, да, идите, пожалуйста, — и Спивный суетливо пошел впереди. Они сели на сиденье.

— Я уточнил в диспетчерской, вы 6 июля работали на этой линии.

— Да, я в этом месяце работаю только на этом маршруте.

— Николай Николаевич, вспомните, пожалуйста, что за чемодан вы вынесли из автобуса?

Лицо шофера покрылось испариной. Было хорошо видно, сколько трудов ему стоит держать себя в руках.

— Нет, не помню... У меня такого случая не было.

— Николай Николаевич, я бы все-таки попросил вас, очень попросил бы вспомнить, для нас это очень важно, так как связано с преступлением...

— Нет, у меня такого случая не было.

— Ну что ж, товарищ Спивный, тогда придется нам с вами проехать в отдел милиции.

— А чего я туда поеду? Я еще машину не сдал, на работе нахожусь. В конце концов вы не работник ГАИ, и я вам не обязан подчиняться!

Ларин, сдерживая себя, спокойно проговорил:

— Послушайте, Спивный, вы не делаете наивное лицо простого, ничего не понимающего человека, ребенка, который не знает, что он обязан подчиняться законному требованию работника милиции, безразлично, по какой линии он работает. Я вас не на свидание приглашаю, а в милицию для производства допроса, так что не испытывайте моего терпения, закрывайте автобус и следуйте за мной!

Спивный сник. Он забрал свой пиджак, висевший в кабине водителя, нехотя закрыл автобус и молча пошел рядом с Лариным. Они прошли за здание автовокзала и сели в милицейский «газик».

Ларин понимал, что со Спивным придется повозиться, и поэтому, посадив его в машину, незаметно кивнул шоферу — «смотри, мол», а сам пошел в автовокзал, где попросил диспетчера связаться с автобусным парком и попросить их забрать автобус Спивного в парк. Быстро возвратился к машине. Через несколько минут Максим в своем кабинете уже допрашивал водителя. Тот продолжал упорствовать, и Ларин, пользуясь тем, что в отдел привезли для очередного допроса Лешкова, организовал опознание Спивного. Лешков среди троих стоявших мужчин легко его опознал. После этого было вынесено постановление на производство обыска. Прокурор утвердил его, и Дегтярев с двумя внештатными сотрудниками милиции поехал на обыск.

Водитель продолжал стоять на своем:

– Не видел и не прятал я никакого чемодана. Все это выдумки.

Наконец появился Дегтярев. Он вошел в кабинет и сел за стол напротив Ларина. По его лицу Максим понял, что у него что-то есть.

– Подождите, пожалуйста, в коридоре, – попросил Спивного Ларин и, когда тот вышел, повернулся к Дегтяреву: – Ну как?

– Порядок, мы задержались из-за его жены, никак найти ее не могли. А когда нашли, то сразу же поехали к ней домой, пригласили понятых и предъявили ей постановление на производство обыска. Женщина как завизжит и давай грозить нам всеми начальниками вместе взятыми, еле успокоилась. Начали обыск и сразу же за диваном нашли чемодан, а в нем вещи. Спрашиваем, чье это все. «Мужа, говорит, ездит часто, вот и собрал чемодан на случай, если в дальнюю дорогу ехать». Затем начал я ее допрашивать и во время допроса задаю вопрос:

– Как понимать, что ваш муж носит 43-й размер обуви, а ботинки в чемодане на 4 номера меньше?

И она раскололась. Говорит, муж принес в начале июля, сказал, что нашел.

Ларин был доволен:

– Молодчина, Саша! Давай сделаем так: я приглашу этого типа и буду продолжать разговор, а ты бери чемодан, протоколы обыска, допроса его жены и заходи. Интересно посмотреть на него в этот момент.

Ларин вышел и пригласил Спивного:

– Проходите, пожалуйста!

Спивный вошел, глянул на часы и спросил:

– И долго вы меня здесь держать собираетесь, мне ведь автобус в парк гнать надо.

– Не беспокойтесь, мы этот вопрос решили, и автобус уже в парке. Что же касается первой части вашего вопроса, то я вам отвечу: на какое время вам придется задержаться, решит суд.

– Это за что же меня судить-то будут?

– За дачу ложных показаний. За то, что вы своими действиями помогали преступникам и таким образом сами совершили преступление. Вот вы здесь пытались упрекнуть нас в нарушении закона. Делали вид, что вы уважаете его. Но вам, оказывается, чихать на закон, и если я могу простить ваше поведение, то закон этого не сделает. На то он и закон, чтобы все мы его уважали.

Спивный вскочил со стула:

– Что вы меня пугаете? Я не из трусливого десятка. Безобразие, затащили в милицию и еще запугивают.

Ларин был спокоен. Уже давно прошла вспышка гнева, и теперь он смотрел на Спивного так же, как и на других лиц, пытавшихся путем лжи уйти от ответственности.

Спивный продолжал что-то говорить, но Ларин его не слушал, он ждал появления Дегтярева. А вот и он. Спивный на полуслове оборвал свою речь и уставился на чемодан. Дегтярев поставил его на виду и, присев на стул, спросил:

– Ну что замолчали, Спивный? Продолжайте, чувствую, что ваше вранье порядком надоело товарищу Ларину, так что теперь я могу вас послушать. Заодно отдохну, утомился. Немало помучился: отыскал вашу супругу на работе, сделал обыск, допросил ее. Так что не стесняйтесь, продолжайте дальше.

Но Спивный молчал.

Заговорил Ларин:

– Интересно, на что вы надеялись, Спивный? Неужели вы так наивны и рассчитывали, что мы не догадаемся произвести у вас обыск?

Он подошел к чемодану и раскрыл его:

– Все вещи на месте?

У Спивного, который еще не решил, говорить ему правду или нет, непроизвольно вырвалось:

– Да.

И все его лицо покрылось багровыми пятнами. Опустив голову, он выдавил из себя:

– Я боялся сказать правду, не хотел неприятностей, я на работе на хорошем счету. – И, подняв глаза на Ларина, спросил: – Что теперь со мной будет?

– В первую очередь я передопрошу вас, – ответил Ларин и придвинул к себе чистый бланк протокола допроса.

Спивный, поочередно глядя на оперативных работников, начал рассказывать:

– Действительно, 6 июля, когда я приехал в Минск, после того как все пассажиры вышли из автобуса, в салоне обнаружил этот чемодан. У нас положено забытые пассажирами вещи сдавать диспетчеру. Я так всегда и делаю. Если не верите, то можете проверить. Один раз зонтик сдал, а однажды сумку, в которой килограммов шесть сала было. Но в этот раз черт попутал, и решил я чемодан себе оставить. Запрятал я его сначала в кусты, думал, что, может, кто-нибудь возвратится за ним. Поэтому в автобусе не стал держать. Сдал билеты и выручку, потом сходил за чемоданом и отнес его домой, после чего возвратился на автовокзал и отогнал автобус в парк. Вечером посмотрел, что там в чемодане, и не знал, куда это все... Так и стоял он у меня. А когда вы спросили о нем, я испугался и соврал.

Ларин спросил:

– Вы не заметили, кто этот чемодан в автобусе оставил?

– Нет, народу ехало много, на остановках толкотня.

– И никто у вас не спрашивал о чемодане?

– Нет, никто. Я уже сам не рад был, что его у себя оставил, и все надеялся, что хозяин найдется.

Ларин дал Спивному прочитать протокол и расписаться. После того как дверь за ним закрылась, повернулся к Дегтяреву:

– Вот так, целый день отнял. Ну ладно, черт с ним, едем в деревню. Чует моя душа, с Раховским беда случилась, искать его там надо.

«Посылка»

События развивались быстро. Днем позвонил из Смоленска Карасев. Он сообщил Ветрову, что Тарасова получила письмо от Амосова, который просит, чтобы ящик она выслала в Минск на Главпочтамт. Ветров подумал и ответил:

– Я понял, Анатолий Авдеевич. Остальное мы сделаем сами. Спасибо, пока!

Ветров направился к Антонову. Полковник распорядился, чтобы в деревню ехал пока один Ларин, а Ветров и Дегтярев должны задержать Амосова.

Ветров разыскал Дегтярева, и они, не откладывая, направились на Главпочтамт. Встретились с начальником и договорились, как с помощью работников почтамта задержать преступника.

Чтобы не рисковать, решили, что Ветров и Дегтярев будут поочередно дежурить в отведенной им комнате, куда должен поступить сигнал о появлении Амосова.

На следующий день там дежурил Ветров. Неожиданно раздался звонок прямого телефона. Это сигнал. Ветров стремглав бросился в операционный зал. Вот и окошко, в которое должен был обратиться Амосов. Ветров видел Амосова, когда ранее наблюдал за их группой во время прогулок по городу, сразу же узнал его. Амосов сидел за небольшим столом и заполнял полученный у работницы почты бланк.

Игорь Николаевич подошел к Амосову, остановился за его спиной и тихо сказал:

– Хватит писать, Юра!

Амосов вздрогнул и затравленно взглянул на Ветрова:

– Вы меня?

– Ага. Как ты догадался?

Амосов взглянул в сторону выхода и начал подниматься, но Ветров положил на его плечо руку:

– Сиди, сиди, Юрий. Я хочу тебя предупредить: во-первых, что я сотрудник уголовного розыска, во-вторых, бежать лучше и не думай, и, в-третьих, нам с

тобой есть о чем поговорить, и тебе придется пройти со мной в отдельный кабинет. А теперь можешь встать.

Амосов поднялся. А Ветров взял его под руку, и они, как друзья, не торопясь, пошли к выходу из операционного зала.

Ветров привел Амосова в тот же кабинет, где дожидался сигнала о его появлении, и по телефону вызвал из райотдела машину.

Вскоре появились свои, и Игорь Николаевич доставил задержанного в отдел. Не откладывая, он приступил к допросу:

– Я хочу тебя, Юрий, предупредить, что твои сообщники Самураев и Лешков задержаны. Мы уже имели, как говорят дипломаты, конструктивные беседы с твоей девушкой Олей Тарасовой, у которой нам пришлось изъять твои так называемые подарки, а заодно и ящик с похищенными ценностями, которые ты надеялся сегодня получить. Беседовали и с Клуновым, и даже с шофером, который вас троих, тебя, Лешкова и Самураева, доставил накануне предпоследней кражи на своей машине из Гомеля в Минск.

Скажу тебе, что все они были откровенны, правда, под давлением улики и фактов. Я тебе сказал, Юра, что должен был сказать, а теперь слушаю тебя.

Амосов дрожал мелкой дрожью, он пытался думать, искать какой-то выход, но в голове засела только одна мысль: «Они знают все. Все, конец мне. Буду сидеть». Ему вспомнилась Оля, которую он любит, с которой они договорились пожениться. «Черт бы побрал этого Аркадия, втянул меня, убеждал, что все будет в порядке, что на десять лет я себя и Олю обеспечу. Обеспечу, себя лично. Точно, на лет десять обеспечу!» Неожиданно спросил:

– Скажите, а Оля знает, что я... вор?

– Вот видишь, сам этого слова боишься. Конечно, знает, мы от нее не скрывали этого, да и не имеем права врать девушке.

– Как она восприняла?

Ветров на вопрос ответил вопросом:

– А как может воспринять такое человек, который столкнулся в жизни с подлостью?

– Да, конечно.

И Амосов неожиданно заплакал. Он закрыл лицо ладонями и громко, по-детски заплакал. Ладони его рук мгновенно стали мокрыми. Он с трудом выговаривал:

– Дурак я, какой же я дурак! Я поверил ему, думал, что буду богатым, счастливым...

Ветров предложил ему воды. Амосов залпом выпил целый стакан и пытался взять себя в руки.

Игорь Николаевич хмуро сказал:

– Ты, парень, подумай и о другом. Не останови тебя сейчас, ты же жизнь и свою и девушки загубил бы. Неужели ты действительно считал, что таким образом счастье себе добудешь? Счастлив только тот, кто честным трудом цели в жизни добивается, только тогда человек может почувствовать и радость победы, и радость жизни. Если ты, Юрий, этого не поймешь, то, поверь, никогда не будешь тебе счастливым. Ну ладно, об этом ты сможешь подумать, а сейчас давай перейдем к делу. Ты согласен честно рассказать о всех ваших делах?

– Да, я все расскажу.

И он начал рассказывать. Вскоре Ветрову стало ясно, что его показания совпадают с показаниями Самураева и Лешкова. «Значит, Раховского с ними не было, – подумал Игорь, – остается одно: искать его в деревне».

После допроса Амосова Ветров направился к начальнику отдела. Полковник выслушал его и решительно сказал:

– Бери Дегтярева, и поезжайте в деревню. Ниточку, ведущую к Раховскому, надо искать там. Действуйте осторожно, осмотрительно, не обижая людей напрасными подозрениями.

Командировка

Первый вопрос Яськова, когда к нему в кабинет вошел Ларин, был о Мартынчикове. Ларин, пожимая участковому инспектору руку, с улыбкой ответил:

– Что и говорить, доброго хлопца ты мне прислал.

А затем коротко рассказал о случае с шофером автобуса и сказал:

– Мое начальство обратилось с просьбой к твоему, чтобы нам с тобой разрешили по этому делу вместе поработать. Знаешь ты об этом?

– Ведаю, ведаю, мне уже сегодня начальник отдела сказал. Я передал свои дела и жду тебя.

– Ну вот и хорошо, – обрадовался Максим, – с тобой мне будет веселее. Кстати, ты выяснил в отношении Славука?

– А я и так его хорошо знаю, старого трясуну. На него я необходимые справки подготовил.

Ларин присел к столу, взял протянутую Яськовым тоненькую папочку. Но прежде чем раскрыть ее, предложил:

– Андрей Иванович, пока я буду читать, ты, пожалуйста, иди собираться, и мы, не теряя времени, махнем в деревню. Думаю, там придется провести несколько дней. А заодно и подумай, у кого можно остановиться.

Дождавшись, пока Яськов уйдет, открыл папку. Прямо на него с большой фотографии смотрел мужчина. На вид ему под шестьдесят, лысый, с сохранившимися по бокам головы пучками волос, большой мясистый, какой-то крючковатый нос. Ларин невольно почему-то подумал: «Такие носы бывают только у дьяков». Затем он взял следующий лист бумаги и прочитал: «Славук Роман Мечиславович, 1908 года рождения, образование 7 классов, не женат, колхозник».

Дальше шел перечень мест, где работал Славук. В годы войны он находился в партизанском отряде имени К. Е. Ворошилова, а в скобках рукой Яськова написано: «Справка не проверялась». Приехал в район весной 1945 года. В 1948 году женился, но в 1952 году жена

умерла от двустороннего воспаления легких, детей не имеет. С 1945 года состоит в секте верующих, принимает в этом деле активное участие. В деревне имеет свой дом. Связи поддерживает с односельчанами: Глинским Ярославом Иосифовичем, Усеной Петром Степановичем и Панкевичем Михаилом Евгеньевичем, а также с Клещ Марфой Иосифовной. Ранее Славук был в хороших отношениях с Карповичем Алексеем Ивановичем, который тоже был верующим. Но после того как Карпович порвал связь с сектой, Славук прекратил с ним дружбу. Славук по характеру скрытный, на вид угрюмый. В колхозе он работает конюхом. Замечаний по работе не имел.

«Интересно, что за человек этот Карпович? – подумал Ларин. – Пожалуй, сейчас он самая интересная фигура. Надо у Яськова расспросить о нем».

Максим взял следующий лист и не поверил своим глазам. Перед ним подробная справка на Алексея Ивановича Карповича.

– Ай да Андрей Иванович, ай да молодчина! Сразу учуял, что потребуется.

Максим начал читать справку. Вскоре пришел Яськов. Одетый в гражданскую одежду, он выглядел так же, как и другие жители этой местности.

Они, не задерживаясь, направились к автобусной остановке.

Снова в деревне

В деревне Яськов и Ларин находились уже третий день. Остановились у Богдановичей. Их дочь была в отъезде, а старики занимали большой пятикомнатный дом, и места для гостей хватило. Яськов чуть позже сказал Ларину, что Богдановичи его родственники по линии жены. Максиму здесь понравилось. Дома Богдановичей и Клещ были почти рядом. «Если залезть на чердак, – думал он, – то дом и весь двор будут как на ладони».

Утром следующего дня Яськов пошел искать Карповича, а Ларин, чтобы не мешать старикам заниматься уборкой, вышел в сад. Был чудесный летний день. Легкий ветерок как бы обливал разгоряченное тело. Дышалось легко. Максим сел на траву под яблоней и не вставал до прихода Яськова. Вместе с участковым пришел высокий худощавый мужчина.

— Знакомься, Максим Петрович, это и есть Алексей Иванович Карпович. Человек он надежный, и говорить с ним можно откровенно.

Ларин, пожав руку Карповичу, предложил:

— Ну что, побеседуем на лоне природы? — и жестом руки пригласил сесть на траву.

Сначала разговор шел о вещах, не имеющих отношения к делу. Но когда заговорили о том, как люди проводят вечера, то получилось, что Карпович сам затронул нужную тему:

— Теперь людям, особенно молодежи, есть где свободное время провести. Хочешь в клуб? Пожалуйста. Хочешь в библиотеку, кино, лекцию послушать, потанцевать? Пожалуйста. А как раньше было? Собирались на посиделки и какие там только слухи не мусолили! Многие и в бога верили.

Максим, протягивая Карповичу сигарету, попросил:

— Алексей Иванович, вы расскажите подробнее о секте, о людях, которые входят в нее.

— Что рассказывать? Мне кажется, она скоро перестанет существовать, все меньше и меньше дураков попадает. Сейчас люди не те пошли — грамотные, знающие. Сейчас только ребенок или круглый идиот к ним в сети может попасть. Спасибо людям, да вот Андрею Ивановичу, что меня оттуда вытащили. В секте сейчас человек двадцать осталось, в основном старики.

— Ну, а что представляет собой Славук, вы с ним раньше дружили?

— Да, это было, пока я не разобрался в нем. А когда понял, что он за человек, то мы разошлись как в море корабли. Станный он человек. Говорит, что в бога ве-

рит, а сам, что под руку попадет, ворует. Как-то в кругу верующих говорил, что жениться не будет, так как во сне видел бога и тот ему сказал, чтобы он женщин сторонился, а сам за первой же юбкой тянется. Я вспоминаю, как он измывался над Виктором Раховским. После смерти отца Виктор остался у Марфы. Эта баба хоть и темная, но умеющая жить. Она из отца Виктора все соки выжала, а потом за мальчика с помощью Славука принялась. Роман тогда и заявил Марфе, что за воспитание Виктора берется он сам. Ежедневно он приходил к Марфе и отравлял сознание мальчика всякими бреднями, уверял, что каждый, кто не верит в бога, после смерти попадет в огненное озеро и будет вечно мучиться.

Как-то я прихожу к Роману домой, а он к себе Виктора привел и объясняет ему, что хочет по велению бога сделать так, чтобы Витя познал, что такое адские муки, и всю жизнь боялся нарушить закон божий. После этого Славук раздел мальчика, поставил его в бадью, находившуюся в комнате, и начал связывать ему руки. Витя покорно стоял, не зная, что его ждет. Затем Роман взял ведро с кипятком и давай лить на мальчика. Тот начал вырываться, звать на помощь, а Роман мне кричит: «Держи его, это из него злой дух выходит». Я не мог перенести крики и мольбы мальчика, подскочил к бадье, оттолкнул Славука и развязал хлопцу руки. После этого у меня все в душе перевернулось, понял, что не бога надо бояться, а вот таких славуков. С тех пор я даже здороваться с ним перестал.

Позже Витя мне рассказывал, что Роман мазет его тело расплавленной смолой, и я, несмотря на угрозы и требования со стороны Славука молчать и никому не говорить об этом, пошел к председателю сельсовета и все рассказал.

Я ушел из секты, порвал со Славуком и, несмотря на его уговоры и даже угрозы судом Всевышнего, не отступил. Не знаю, правда это или нет, но позже рассказывали члены секты, что Славук предлагал во имя испытания веры убить меня. Он, конечно, боялся, что

моему примеру последуют и другие. В общем, оно так и получилось. Вслед за мной из секты вышли Анна Лавор, Юзик Канцевич, Ватик Рачинский и другие. Этого Славуку простить не мог ни мне, ни им. Ну а мне наплевать. Работаю и живу, как все люди...

Карпович замолчал и попавшейся под руку веточкой стал водить по траве.

— Алексей Иванович, мне известно, что у Славука умерла жена. Как они жили?

— Издевался он над ней. Время было трудное, послевоенное, многого не хватало, людям жилось нелегко. В деревне как-то меньше обращали внимания на личную жизнь людей, и на скандалы в семье Романа тоже мало кто внимание обращал. Думали, война подорвала здоровье человека, пройдет время, все уладится. Но где там, заставил Роман жену в секту вступить, а она женщина хоть и темная была, неграмотная, но видела, что с этой секты как с козла молока. А он ее кулаками да кочергой так и загнал туда. Думала женщина, что, может, утихомирится муж, если она вступит в секту. Но легче ей не стало, постоянно в шишках да в синяках ходила. Ухудшилось у нее здоровье, начала часто болеть, а когда слегла зимой с воспалением легких, так он даже печь не топил. Прихожу как-то к нему, а дверь настежь. Роман в валенках да в шубе в хате сидит, дверь открытой держит, а жена в бреду мается. Начал я его укорять: помрет ведь человек, а он на меня зверем посмотрел и ответил: «Если богу ее душа понадобится, так он ее и в натопленной бане возьмет».

Ларин спросил:

— Алексей Иванович, а где они сейчас собираются на моления?

— У Усений Петра и Марии, дом у них большой, а из детей одна дочь, которая только и знает, что молиться и на побегушках у Славука быть.

— Расскажите, пожалуйста, о них поподробнее.

— Петр и Мария в колхозе работают. Их дочь, шестнадцатилетняя Аня, в школе учится.

— Неужели в школе не пытались помочь девочке?

Карпович грустно улыбнулся:

— Вы даже не можете представить себе, что такое религиозная семья. Ребенок легко поддается влиянию взрослых. Он ведь в этом возрасте впечатлителен, доверчив, много фантазирует и легко впитывает все, что внушают близкие и дорогие люди: мать и отец. Родителям без особого труда удастся вызвать у ребенка нужные им чувства, направить его мысли в свое, нужное им русло. Возьмите хотя бы Аню. Она еще только самостоятельно ходить начала, а они стали ей в голову вбивать чувство страха перед адскими муками. Помню, когда она училась в первом или втором классе, я случайно подслушал ее разговор с девочкой из класса. Аня с тихим страхом рассказывала ей о геенне огненной, где неверующим и грешникам уготовлены плач и скрежет зубной, кипящая смола и прочие ужасы. Но в этот момент и я был ослеплен верой и даже одобрительно подумал о девочке, вот, мол, нашу веру проповедует.

— Усени били дочь.

— Еще как, и сейчас бьют. За любую шалость наказывают и обязательно со ссылкой на «всевидающего и всезнающего» бога. Усени не разрешали Ане играть с другими детьми. Чуть что, так сразу же начинают: «Дочка, не ходи к ним, они неверующие, и их бог не возьмет на небо». И девочка верит, что бог есть. Я в начале лета решил поговорить с Аней, попытаться убедить ее. Встретил на улице, когда она одна шла, и заговорил. Начал убеждать ее, что никакого бога нет, а она мне в ответ: «Неправда, дядя Алеша, бог есть. Он сильный и грозный». Сколько я ни пытался пробудить в ней желание самой поразмыслить, все было бесполезно. Девочка и слушать не желала. Наверное, родителям о нашей беседе рассказала, а те — Славуку, потому что пришел он ко мне и сказал: «Ты не лезь в чужие дела, антихрист, иначе плохо будет!» Послал я его подалее. А вот девочку жалко. Губят ее родители. Раньше не разрешали они ей в пионеры вступать, а теперь в комсомол запретили. Погибает девушка.

– Не погибнет, – уверенно заявил Ларин. – Мы постараемся, чтобы те, кому положено, не стояли в стороне, а боролись за девочку.

Еще много вопросов было у Ларина к Карповичу. Он хотел знать как можно больше о сектантах, их привычках и интересах.

Максим, заканчивая беседу, спросил:

– Алексей Иванович, а посмотреть на их моления можно?

– Можно. Но я не знаю, как они на незнакомого будут реагировать. Правда, я знаю, что окна самой большой комнаты, где они молятся, выходят в сад, так что если есть большое желание, то этим можно воспользоваться.

Карпович ушел.

В калитке появился высокий мужчина, вошел во двор и остановился в нерешительности.

Яськов, увидев его, позвал:

– Михаил Михайлович, мы здесь, – и, повернувшись к Ларину, пояснил: – Это наш заместитель начальника уголовного розыска.

В это время гость уже подходил, поздоровался за руку и сообщил Ларину:

– А я вам помощь привез, только не знаю, где их устроить.

– А кто приехал?

– Ветров и Дегтярев.

– А что их устраивать, – вмешался Яськов, – пусть сюда идут, на сене в сарае места хватит на целый взвод, с хозяйкой я договорюсь.

Вскоре все вместе собрались в саду. Заместитель начальника раньше работал участковым в этой деревне и теперь боялся, что его появление вызовет у жителей ненужное работникам милиции любопытство, попрощался и сразу же уехал...

Ларин и Яськов ознакомили прибывших с обстановкой.

– Понимаете, – говорил Ларин, – мы нашли людей, которые видели Раховского, как он ехал сюда, когда

находился в деревне, а вот когда он уезжал – а это просто невозможно не увидеть, – не видел никто, таких людей мы не нашли.

– Как ведет себя Клещ?

– Спокойно.

– С кем поддерживает связь?

– В основном со Славуком и теми, с кем в одной секте состоит.

– А что нам известно о Славуке?

– Мало, – ответил Ларин и достал из папки исписанный лист бумаги: – На, посмотри.

Ветров прочитал и задумчиво проговорил:

– Да, не густо, – и, повернувшись к Яськову, добавил: – Андрей Иванович, а мог Славук склонить Раховского возвратиться в секту?

– Трудно мне ответить на этот вопрос, я уже давно не видел Виктора, и что у него в голове, не знаю.

Ларин предложил:

– Игорь Николаевич, давай поговорим с теми, кто из секты вышел, – Ларин достал из кармана блокнот, раскрыл его, – вот они: Анна Лавор, Юзеф Канцевич, Ватик Рачинский, можно и других установить. Они многое могут нам рассказать.

– Давайте сделаем так, – предложил Ветров, – я буду беседовать с этими людьми. Вы, трое, организуйте наблюдение за домом Клещ. Продолжайте опрашивать жителей села, может, получите новые сведения о Раховском. Проверьте, нет ли в доме Усений тайника, где мог укрыться Раховский, а также выясните все о Славуке. Уже сейчас видно, что в истории с Раховским главная роль принадлежит Славуку и Клещу...

Разговор с киномехаником

Следующий день ушел на опрос жителей деревни. Удалось установить еще восемь человек, которые видели Раховского и разговаривали с ним. Ларин в помещении сельсовета допросил их всех и сейчас, перечитывая протоколы допроса, анализировал до-

полнительные сведения. Из восьми допрошенных только один запомнил Виктора в день его приезда. Остальные видели его то косящим траву, то коловшим дрова во дворе. И все это было в период с первого по пятое июля. Особенно интересные показания дал кино-механик Малявка. Он хорошо помнил, что встретил Раховского и разговаривал с ним вечером четвертого июля. Малявка тогда еще пригласил Виктора в клуб, где шел кинофильм «Неподдающиеся», но Виктор отказался, сославшись на то, что хочет алгеброй позаниматься, так как будет поступать в девятый класс вечерней школы. Еще Малявка шутя опросил:

– Ну как у тебя отношения с богом? Не тянет?

Виктор махнул рукой:

– Да ну его к черту, этого бога. Была детская забава и сплыла. Сам знаешь, старуха затащила в это пекло, еле выбрался. – Помолчал и добавил: – Правда, и сейчас от нее жизни нет, твердит одно и то же: «Вернись обратно, вернись обратно!» Даже угрожает: говорит, что плохо будет. И этот Славук тоже, как паук, прицепился. Вспомню, как он надо мной издевался, так и хочется ему в морду дать. Чувствую, что не отдохнешь здесь, уезжать надо. Только жаль старуху. Как-никак, рос у нее. Ведь кроме меня никто ей дров не запасет и сена скотине не заготовит, да и забор, вон, видишь, совсем рассыпался. Сделаю и махну в город, тем более ждут меня там...

Малявка спросил:

– Что, невеста появилась?

– А что, ты против? – с улыбкой спросил Виктор.

– Нет, что ты, наоборот, на свадьбу напрашиваюсь, не забудь только позвать.

– Не забуду, – ответил Виктор и пригласил на следующий день Малявку зайти посидеть. Но Малявка был занят и больше Раховского уже не видел.

Ларин закончил читать протоколы допросов, сложил их в свой саквояж и вышел на крыльцо. Скоро должен прийти Яськов, и они пойдут к Богдановичам. Как гостеприимные хозяева ни упирались, ему все-таки

удалось их уговорить, чтобы разрешили им спать на сеновале. Во-первых, это было удобно ему и Яськову: не беспокоя хозяев, приходило и уходило в любое время, а во-вторых, Максим с удовольствием спал на душистом сене-постели, которой в городе не встретишь. Сегодня поздно вечером у него будет возможность увидеть моление Славука и его «братьев и сестер».

Славук знает, где искать Раховского

Ветров встретился с Рачинским. Высокий, худой, даже тощий, Рачинский выглядел испуганным и настороженным.

Ветров расспросил его о житье-бытье, поинтересовался работой, спросил о детях.

Рачинский постепенно разговорился, и старший лейтенант перешел к главному:

– Вацлав Казимирович, я знаю, что вы вышли из секты. Скажите, по какой причине вы это сделали?

Рачинский не удивился вопросу, задумался и не спеша начал рассказывать:

– Связался я с ними, можно сказать, с детства. Дураком был, поверил байкам о бже. Родители у меня тоже были верующими, и я пошел по их стопам. Но знаете, когда я увидел, что Алексей Карпович покинул секту, то и я задумался. Я долго думал, много раз разговаривал с Карповичем. В конце концов понял, в какой яме я сидел, и решил, что больше терпеть это и позориться перед людьми нельзя.

– Вас не уговаривали возвратиться назад в секту?

Рачинский грустно улыбнулся:

– Не только уговаривали, но и обещали кары небесные, даже сжечь угрожали.

– Кто угрожал?

Рачинский замялся:

– Не важно кто, главное то, что я знаю: ничего они мне не сделают.

– Это, конечно, так, но мне надо знать, кто угрожал. Может, Славук?

— Он, но это просто слова. Точно так же он угрожал и Карповичу, и Лавор Анне, и другим. Его никто не боится.

— Скажите, а что он за человек, этот Славук?

Рачинский снова улыбнулся. Ветров уже обратил внимание на его улыбку. Она была грустной, и казалось, что Рачинский улыбается каким-то своим невольным мыслям.

— Обычный он человек, только одержимый.

— Ну а сам-то он в бога верит?

— Мне кажется, что верит он в бога и в черта одновременно. Нравится ему держать людей в повиновении и страхе. Да и в лапу он от этого имеет.

— Вацлав Казимирович, а что из себя представляют Усени?

— Усени? Забитые, темные люди, из которых Славук, Марфа Клещ веревки вяют. Жалко только дочь их, пропадет дивчина ни за что. Я уже говорил Карповичу: «Давай вмешаемся». Что касается самих стариков, то, как говорится, горбатого могила исправит. Их уже и веревками из этой ямы не вытащишь, а вот дочь не поздно еще спасти.

— Вацлав Казимирович, как вы думаете, куда мог пропасть Виктор Раховский? Вы же его знаете?

— Конечно, знаю. Хороший хлопец, только жизнь у него нелегко сложилась. А вот куда он делся, ума не приложу.

— Могли уговорить его Славук и Клещ спрятаться куда-нибудь?

— Кто их знает. Я вот только думаю... — Рачинский замялся. Ветров увидел это и тронул его за руку:

— Вацлав Казимирович, вы же сами видите, что человек пропал и неизвестно, что с ним. Я вас очень прошу, будьте со мной откровенны.

— Понимаете, уже много лет среди сельчан ходят слухи, что Славук прячет у себя кого-то. Только лично я ничего об этом не знаю — это только слухи, может, это просто сплетни, кто его знает. Но замечали люди, что он, например, покупал в магазине, причем не в нашем,

а в другой деревне, обувь, размер которой для Славука не подходит. Правда, однажды я и сам видел, как он купил резиновые боты сорок второго размера, сам же он носит сорок пятый — не меньше. Спрашивается, зачем они ему? Факт, для кого-то покупал, а раз старался тайком это сделать, значит, что-то не то.

— А давно люди стали замечать, что он делает такие покупки?

— Давно, — Рачинский на мгновение задумался, взглянул на Ветрова и, решившись, сказал: — Я вам расскажу, но только не подумайте, что я наговариваю на человека, я знаю, что вы ищете Раховского, и чует мое сердце, что Славук не такой уж простой человек, как кажется многим. Я давно присматриваюсь к нему.

— Я тоже так считаю, Вацлав Казимирович, так о чем вы хотели мне рассказать?

— Понимаете, это было лет восемь назад. Моя корова затерялась в лесу, и я пошел ее искать. Леса у нас большие, и раньше были случаи, когда и у меня, и у других терялись в нем коровы, обошел всю округу и уже домой направлялся. Иду, значит, я через гуцар и вдруг увидел Славука. Станным показался он мне тогда, на каждом шагу оглядывался, словно затравленный зверь. Хотел я его окликнуть, но, поверьте, испугался и молча простоял, пока он дальше не отошел. Ничего я ему и позже не говорил и вскоре забыл об этом. Но однажды, когда я находился в лесу, то случайно набрел на землянку. Думал, что со времен войны партизанская сохранилась. Ради любопытства вошел внутрь. Смотрю, а там человеческим духом пахнет. Свежее сено лежит на нарах, на стене одежда на гвоздях висит, на столе из жерди полсвечи стоит, спички лежат, в общем, чувствуется, что живет в землянке человек. А когда увидел у стола резиновые боты, подумал, что точно такие же когда-то Славук покупал в магазине. Вспомнил и тот случай в лесу, когда искал корову и видел Славука, направляющегося в сторону землянки.

Вышел я из землянки, присмотрелся, а вокруг на топтано, факт, кто-то целые тропинки находил. Когда

возвратился в деревню, то хотел спросить у Славука: кто в землянке прячется, но побоялся, тогда я не такой, как сейчас, был, боялся его.

– Больше в той землянке не были?

– Нет. Даже забыл о ней.

– Дома у Славука вы никогда не были?

– Вы знаете, по-моему, кроме Марфы никого он к себе в хату и не пускает. Живет один, как бирюк. Странный он мужик, ох странный!

И Рачинский опять улыбнулся уже ставшей неприятной Ветрову улыбкой.

Ветров поблагодарил его и отпустил. Полученные сведения представляли интерес. Было ясно, что в землянке прятался не Раховский, тогда кто?

«Нет, этим Славуком действительно надо серьезно заняться», – подумал старший лейтенант и выглянул в окно. В тени у сарая лежал лохматый пес. Было жарко, пес тяжело дышал, высунув длинный красный язык. В центре двора в земле ковырялись куры, среди них гордо красовался красноперый петух. Казалось, на деревню вместе с жарой опустились покой и тишина. «Искupаться бы», – тоскливо подумал Ветров и, грустно вздохнув, придвинул к себе бумаги. На очереди были беседы с другими людьми.

Игорь Николаевич освободился к вечеру. Только сложил в папку бумаги, как появился Яськов. Они обменялись сведениями, добытыми в течение всего дня. Яськов, услышав о землянке, оживился:

– Ты знаешь, лет пять-шесть назад у нас в районе было несколько происшествий. Одинокiй мужчина напaдал на прохожих и грабил их. Потом как в воду канул, и сколько его ни искали – не нашли. Может, это он и был? Я завтра с Рачинским схожу к этой землянке.

Ветров собрался, и они вышли из помещения конторы, где временно обосновался старший лейтенант.

Игорь Николаевич задумчиво проговорил:

– Этого Славука надо проверить тщательно, интересный тип. Завтра поеду в Витебск. Надо посмотреть, что там есть...

В поисках истины

Ветров мысленно составил план проверки Славука: «Надо выяснить, верил ли он в бога до войны, действительно ли воевал в партизанском отряде, почему он уехал из своей деревни, есть ли родственники. Необходимо во что бы то ни стало выяснить, кто прятался в лесной землянке».

Яськов, который накануне тщательно осмотрел землянку, категорически заявил, что в ней сравнительно недавно кто-то жил. А по тому, как она хитроумно замаскирована, можно сделать вывод, что ее хозяин рассчитывает ее использовать и в будущем.

У Ветрова мелькнула мысль: «А что, если поговорить со Славуком, попытаться в осторожной форме получить ответ на некоторые вопросы?» Мысль показалась заманчивой, и старший лейтенант тут же пошел искать Славука. Он знал, что старик должен быть на скотном дворе, и, не мешкая, направился туда. Скотный двор находился на краю деревни. Ветров пошел напрямик через заросшее высокой травой поле.

Была та чудесная неповторимая пора лета, когда особенно остро воспринимается солнечное тепло, в такое время приятно быть в деревне, и Ветров поймал себя на мысли, что, несмотря на сложность положения, он чувствует себя расслабленно – таким его делала окружающая среда. А вот и ферма. Она кажется безжизненной. Оно и понятно: скот на пастбище и людям торчать на хозяйственном дворе под жарким солнцем бессмысленно. Славука старший лейтенант разыскал в дальнем конце фермы. Он сидел на копне сена и возился с хомутом. Ветров опознал его по фотографии. Поздоровался. Славука взглянул на него исподлобья и хмуро, нехотя ответил.

Ветров присел рядом с ним и сказал:

– Роман Мечиславович, я из уголовного розыска и хотел бы с вами побеседовать.

Словно током ударило Славука от этих слов. Он бросил в сторону хомут и вскочил на ноги:

– А что я сделал?

– Чего вы волнуетесь? Сядьте, мне надо у вас кое-что спросить.

Было видно, сколько трудов стоило Славуку немного успокоиться. Он смущенно пробормотал:

– Да я ничего... просто удивился, что мог понадобиться уголовному розыску, я же ни в чем не замешан.

Славук стал неожиданно словоохотлив. Ветров понимал, что за этими словесными очередями скрывается желание Славука оправиться от смущения. А тот продолжал:

– Я вот шестьдесят годов на свете прожил, а с милицией, да еще с уголовным розыском, никогда никаких дел не имел.

Ветров молча смотрел на него. Маленькие глазки так и бегали. Они были похожи на лисьи: злые, смеющиеся, хитрые. «А нос, действительно, как у дьяка, – вспомнил слова Ларина Ветров, – на такой нужен не платок, а целая портянка».

Славук продолжал стоять, и Ветров обратил внимание, что он был высокого роста, немного горбился. Старший лейтенант попробовал представить его в молодости: «Наверное, противным человеком был, поэтому никому из девушек и по сердцу не пришелся». Игорь прервал словоизлияния Славука:

– Успокойтесь, сядьте, давайте лучше о деле поговорим. Вы, конечно, знаете, что Виктор Раховский пропал, и я думаю, что вы можете нам кое-что пояснить.

Славук наконец сел на ту же копну сена, но на Ветрова старался не смотреть:

– Откуда я могу знать. Я его давно не видел.

– Но он же недавно приезжал в деревню!

– Ну и что? Не ко мне же приезжал. Я его не видел.

«Врешь, голубчик, – подумал лейтенант, он хорошо помнил показания киномеханика, которому Раховский жаловался на то, что к нему Клещ и Славук приставали, – сейчас я тебе напомним».

– А Раховский жаловался на вас, что вы заставляете его в секту возвратиться.

От этих слов Славука передернуло. Он снова вскочил на ноги:

– Кому он жаловался? Я никогда Виктору не угрожал, я, наоборот, жалел его, без батьки хлопец рос, жалко было.

– Поэтому кипятком да смолой сироту обливали? – глухо проговорил Ветров. – Не рассказывайте мне басни о своей любви к парню. У вас было только одно желание – втянуть его в секту. Так что, не видели вы Раховского в последний его приезд?

– Не видел и даже не слышал о его приезде. Не пойму, почему вы прицепились ко мне? Мне вот работать надо.

И Славук, схватив валявшийся у ног хомут, сел на сено.

Ветров немного помолчал и медленно поднялся:

– Скажите, а почему вы сюда, в эту деревню, жить переехали?

Этот вопрос еще больше смутил Славука. Он, с трудом скрывая раздражение, глухо ответил:

– Захотел здесь пожить, думал судьбу свою лучше устроить.

– Ну и как, устроили?

– Могло и получиться, но в пятьдесят втором жена умерла.

Ветров понимал, что этот человек правды не скажет. Но все равно из беседы с ним оперативник кое-что получил. Например, Славук упрямо хочет скрыть даже то, что он видел Раховского, когда тот приехал в деревню. Это выглядело странным и наводило на размышления. Ветров решил прекратить разговор и, попрощавшись, ушел с фермы и не видел, как смотрел ему вслед Славук. Его глаза, налитые звериной злобой, казалось, хотели испепелить этого молодого, одетого в светлую тенниску парня. Его губы чуть слышно шептали: «Пацан, ублюдок, кого прощупываешь?! Я таких, как ты, в былое время быстро к ногтю».

А Ветров вышел из ворот и через поле направился к деревне. У дома Богдановичей он оглянулся и, убедив-

шись, что улица пустынна, вошел в калитку. Яськов, Ларин и Дегтярев были в саду.

После обмена результатами работы за день Ветров сказал:

— Тревожит меня судьба Раховского. Лично я исключаю, что в секту обратно возвратился, боюсь, что случилось худшее. Нам надо действовать тонко и осмотрительно. Предлагаю следующий вариант: Яськов и Ларин продолжают работу здесь, в деревне. Вам надо устанавливать людей, которые видели Раховского, попытаться выяснить, кого прятал в землянке Славук.

— Но это же был не Раховский? — сказал Ларин.

— Конечно, нет, — согласился Ветров, — мы знаем, что тот, кто прятался в землянке, носил обувь сорок второго размера, а у Раховского тридцать девятый. Но все равно, этот отшельник нас должен интересовать: во-первых, потому что раньше в районе было отмечено несколько нападений на одиноких прохожих на проселочных дорогах и эти нападения остались нераскрытыми, а их мы обязаны связывать с отшельником, во-вторых, честному человеку нечего прятаться от людей, а в-третьих, разобравшись в этом, мы сможем многое понять в действиях Славука. Кроме этого, вы должны осторожно, не выдавая себя, следить за Славуком, Клещ и их друзьями. В этом можно смело положиться на Карповича, Рачинского и Лепетюху. В случае необходимости вы можете обратиться за помощью к председателю сельсовета. Ты, Саша, — Ветров повернулся к Дегтяреву, — поезжай в Минск. Большинство людей, которые ехали в автобусе, когда в нем находился чемодан, живут в городе. Надо их обязательно опросить с целью выяснения, кто видел человека, который вез этот чемодан, или хотя бы как Славук ставил его в автобус. А я поеду в район, где проживал и партизанил раньше Славук, о нем надо узнать все...

Я хорошо помню Славука...

Ветров вышел из кабины грузовой машины, которая по пути подвезла его, и пошел по пыльной проселочной дороге. Метров через четьреста он поднялся на гребень небольшой горы. Внизу, в ложбине, стояли дома. Это и была деревня, в которой родился и жил раньше Славук. Найти дом, где он когда-то проживал, не составило труда, и вскоре Ветров вошел в небольшой домик. Из сеней он сразу же попал на кухню. В ней никого. Он громко спросил:

— Есть в доме кто-нибудь?

В дальней комнате послышался шорох, и оттуда в кухню вышла старушка. Она близоруко прищурилась и спросила:

— Вам кого?

— Вы Анна Иосифовна Сахнович?

— Да, я, проходите в дом.

Ветров прошел через кухню и оказался в полутемной, пахнущей мятой комнате. Хозяйка пригласила сесть, и Игорь Николаевич устроился на широкой деревянной скамье:

— Анна Иосифовна, вы давно живете в этой деревне?

— А я тут родилась и все время живу.

— Скажите, а вы не помните Славука?

— Какого? Старшего или младшего? — спросила старушка. — Я же их обоих хорошо помню, сынок. Старшего — это батьку, Мечиком звали, а сына — Романом. Моя племянница за Романом замужем была.

«Что-то путает старуха», — подумал Ветров, но уточнять он не стал, а спросил:

— Бабушка, расскажите мне о них.

— Расскажу, сынок, расскажу. Я рада человеку, а то живу одна-одинешенька, и словцом не с кем перебраться.

Появились у нас Славуки в деревне в году двадцатом, а может, двадцать втором. Трое их было: отец — Мечик, его жена и сын Роман. Ох и паршивый хло-

печ был. Лет четырнадцать ему тогда было, а спасу от него людям не было. Жили они в старом доме, что на краю деревни пустым со времен революции стоял. Лет за пять до войны Ромка женился на моей племяннице, которая недалеко отсюда в другой деревне жила. Ну вот, поженились они, значит, и остались у его родителей жить, но вскоре ругаться молодые со стариками начали, а тут Лена, жена Ромки, сына родила. Еще чаще начались скандалы. Мечик с Романом, бывало, на кулаках сходились, люди бегали разнимать, отца с сыном в разные стороны растаскивать. Однажды пришел ко мне Роман и говорит:

«Ты, баба Анна, одна в доме живешь, возьми нас с Леной да сыном к себе, пока мы себе дом не построим. Сама видишь, какая у нас жизнь пошла».

Не очень мне хотелось Романа к себе пускать, неприятный он человек был, но делать было нечего, и пустила их. Пожили они у меня почти три года. Однажды ночью дом, в котором отец и мать Романа жили, сгорел, и погибли в нем старики. Помню, даже на Романа подозрение у сельчан пало, его и в милицию много раз вызывали, но вскорости война началась, так все и затихло.

– Ну, а с женой как он жил?

– Не дай бог. Та, бедная, вся в синяках ходила, а когда немцы пришли, он в районном центре работу нашел, уезжал из дому на целые недели, а когда появлялся, то пил беспробудно да жену бил.

– Бабушка, а кем он работал?

– Да кто его знает. Люди всякое говорили. Помню, говорил сосед, Коля Баранов, что Роман с немцами связался, в полициях ходит.

– А где сейчас Баранов?

– А его, сынок, немцы убили, пронюхали, что он выполняет задание партизанского отряда, схватили его, избили и расстреляли, бедненького.

– Ну, а что потом было?

– Что было, спрашиваешь, а было вот что: приехал однажды днем на грузовике Роман, забрал свои ма-

натки, посадил жену с сыном в кузов, а сам, как барин, в кабине расселся и уехал. Больше я его не видела.

– Анна Иосифовна, а как Роман выглядел?

– Молодой, высокий, вот только нос у него был, как у журавля, длинный, – вдруг старушка спохватилась, – постой, сынок, чего ж я тебе это говорю все, у меня же фотография его есть.

Старушка тяжело поднялась со скамьи и вышла в другую комнату. Долго там копошилась и наконец вынесла оттуда фотографию, на которой были изображены мужчина, женщина и мальчик лет пяти.

– Вот это Роман, а это Лена, они перед самой войной в райцентре с сыном фотографировались.

Ветров взглянул на фотографию и сразу же узнал Славука. С минуту рассматривал фото и потом спросил:

– А как его сына звали?

– Антон.

– Ну, а после вы видели кого-нибудь из них?

– Нет, как в воду канули.

– А соседи никогда не говорили о них, может, кто-либо видел кого-нибудь из них или слышал что-то?

– Нет, ни от кого я не слышала, деревня наша небольшая, людей немного живет, так что мало кто куда-нибудь и едет, а гости у нас тоже редко появляются.

– Скажите, а в какой деревне Лена до замужества проживала?

– В деревне Лайково. Это километров пять отсюда.

– Родители ее живы?

– Где там. Немцы половину деревни уничтожили, и родителей Лены в том числе.

– А кто еще из родственников там живет?

Хозяйка задумалась на минуту и ответила:

– Там моя сестра жила, но в сорок пятом померла. Остались только дальние родственники. Тебе, сынок, надо в Лайково сходить. Деревня большая, и там ты нужных людей найдешь.

– Бабушка, а не одолжите ли вы мне эту фотографию? Я вам ее скоро верну.

— Бери, раз надо. Только скажи, хлопец, кто ты? А то все расспрашиваешь меня, а кто ты, я не знаю.

Ветров улыбнулся:

— Извините меня, Анна Иосифовна, у нас с вами разговор, как между давно знакомыми людьми, завязался, и я забыл представиться.

Ветров сказал, кто он и откуда. Старушка спросила:

— А чего это вы Романом заинтересовались? Жив ли он? Помню, когда в войну они от меня уезжали, то екнуло мое сердце, думала, что Лену последний раз вижу.

— Вот я и хочу в этом разобраться, — проговорил Ветров и поднялся. — Ну, спасибо вам, Анна Иосифовна, до свидания.

— До свидания, сынок, до свидания, дай бог тебе успеха...

Вскоре Ветров шел по глухой лесной дороге. В лесу было не так жарко, как на открытой местности. Деревья создавали густую тень и прохладу, дышалось легко и свободно.

Ветрову, городскому жителю, было интересно идти по такой лесной дороге: не шевелятся, дремлют зеленые игольчатые ветки, как роса, блестит смола. Красной россыпью земляника застилает полянку. Игорь вспомнил Надю: «Вот бы вместе побродить здесь, не думать о Славуке и ему подобных». Он поднял шишку и запустил ее в ствол большой сосны. Шишка отскочила от ствола, Ветров подфутболил ее ногой и громко засмеялся. Ему было весело и хорошо. К сожалению, лес скоро кончился, и Игорь снова оказался под палящими лучами солнца. Но вдаль уже показалась деревня. Это и было Лайково. Деревня раскинулась вдоль небольшой речушки. Ветров обратил внимание на двух парней, стоявших у плетня крайнего дома, и спросил их, как найти председателя колхоза. Ребята объяснили ему, и минут через десять старший лейтенант входил в двухэтажное кирпичное здание. Постучал в дверь с надписью «Председатель колхоза» и, услышав разрешение, вошел в кабинет.

За столом сидел пожилой мужчина. Он разговаривал по телефону и жестом руки предложил Ветрову садиться. Старший лейтенант присел на стул, стоявший у стола напротив председателя, и начал ждать. Председатель был не в духе. Он громко переругивался с каким-то Иваном Акимовичем, обещая, что будет жаловаться на него в райком партии. Ветров, скучая, осматривал кабинет. Неплохая мебель, телевизор, чистота — все это свидетельствовало о том, что хозяин кабинета аккуратный человек. Наконец разговор закончился. Председатель положил трубку на аппарат:

— Извините, срочный вопрос. Слушаю вас.

Ветров достал из кармана удостоверение:

— Я из уголовного розыска.

Председатель внимательно прочитал удостоверение и, возвращая его Ветрову, сказал:

— А я, как вы уже знаете, председатель колхоза Михаил Михайлович Антошин.

Ветров рассказал Антошину о цели своего визита.

Антошин задумался:

— Да, здесь надо было ворошить, а я председательствую в этом колхозе всего десятый год. Ну ничего, найдем людей, кто мог знать эту вашу Лену и ее родителей...

Опознание

Дегтяреву было нелегко. Он установил четырнадцать человек из числа тех, кто ехал в автобусе, когда в нем находился чемодан с вещами Раховского, но найти этих людей в городе было сложно: одни прописаны в одном месте, а жили в другом, другие прописаны в деревне, а жили и работали в городе.

Дегтяреву приходилось тратить уйму времени, чтобы отыскать каждого, но как бы там ни было, дело продвигалось. Он опросил уже десять человек. Никто из них ничего интересного сообщить не мог. Но вот одиннадцатый пассажир, Михейко Антон Игнатьевич, оказался для оперативника просто находкой.

Михейко сидел в кабинете напротив Дегтярева и рассказывал:

— Я хорошо помню, что это было 6 июля, потому что кончался у меня отпуск и 7 июля я должен был выходить на работу. В деревне к автобусу я пришел минут за двадцать до его прибытия. Спрятался в теньке и начал ждать. Когда вот-вот должен был появиться автобус и на остановке собралось много народу, я увидел Славука Романа. Он заметный мужик, — улыбнулся Михейко, — его нос не спутаешь ни с чьим, да и кто его у нас не знает — этого ползуна-трясуна. В руках он держал чемодан. Я еще подумал: как бы не оказаться в автобусе рядом с ним, больно уж неприятный тип, и невольно следил за ним. В автобусе я сидел рядом с Черкасом Николаем — это парень из нашей деревни. Он тогда ехал в город к своему старшему брату в гости. Когда автобус уже отходил, то я увидел, что Славука идет от остановки по улице, но без чемодана. Я еще, шутя, сказал Черкасу: «Смотри, наш богошлеп в носильщики переквалифицировался, чемоданы пассажирам начал подносить». И рассказал ему, что Славука приносил на остановку какой-то чемодан. Потом мы повели разговор о другом и забыли об этом случае. Но когда в Минске я выходил из автобуса, то неожиданно увидел тот чемодан. Он стоял у переднего сиденья, а на сиденье уже никого не было. Это меня несколько удивило, но когда я вышел из автобуса и стал прощаться с Черкасом, то этот чемодан выпал у меня из головы.

— Перечислите мне, пожалуйста, тех, кто вместе с вами ехал в автобусе, — попросил Дегтярев...

После того как окончился допрос, Дегтярев приступил к проведению опознания вещей, находившихся в чемодане. Он предъявил их Есину и Юрину — парням, с которыми Раховский проживал в одной комнате. Они сразу же опознали все его вещи и даже ботинки. Затем очередь наступила за девушкой Раховского — Леной Морозовой. Она дрожащей рукой притронулась к пиджаку и тихо сказала:

— Вот его пиджак.

— Вы не ошиблись?

— Нет. Я к этому пиджаку сама пришивала оторванную подкладку. Вот, посмотрите, — и девушка показала Дегтяреву шов и неожиданно заплакала.

— Ну что вы, успокойтесь, — проговорил Дегтярев, наливая из графина в стакан воду, — возьмите, выпейте.

Девушка кивком головы поблагодарила и, выпив воды, сказала:

— С ним случилось несчастье, я чувствую... я боюсь, что Вити уже нет в живых.

И она вновь заплакала...

Я помню его

Председатель колхоза помог Ветрову здорово. Он познакомил старшего лейтенанта с двумя стариками, старожилками деревни, которые стали для Ветрова настоящим кладом. Особенно полезным оказался дед Прыщ. Фамилия у него была необычная, но еще необычней был он сам. Звали его попросту — дед Юзик. Знал он многое да и память имел отменную.

Худой, костлявый, среднего роста, с растрепанной бородой и редкими светлыми волосами на голове, дед чем-то напоминал Ветрову героя книги Михаила Шолохова «Поднятая целина» — деда Щукаря. Такой же веселый, находчивый и неунывающий, дед Юзик на первый взгляд казался обыкновенным болтуном. Но стоило Ветрову присмотреться к нему, как первое впечатление сменилось глубоким уважением к этому человеку. Просто дед Юзик обладал способностью с улыбкой и юмором говорить о тяжелых днях своей жизни. Дед помнил хорошо и жену Славука — Лену — и ее родителей.

— Жили они, — рассказывал он, — почти на краю деревни. Кроме Лены, детей они не имели. Люди были хорошие. И надо же было такому случиться, что увлек девку длинноногий Роман. И так увлек, что под венец с ним пошла. Жить они стали по настоянию Романа в его деревне. Но во время войны, в самом начале зимы,

они переехали в районный центр. Летом сорок второго на шоссе на mine подорвалась машина с гитлеровцами, и фашисты забегали, засуетились. Многих стариков, женщин и детей с разных деревень согнали в ров и расстреляли.

Вскоре после этого я по заданию командира нашего отряда направился в деревню, где должен был встретиться со связным, принесшим весточку из города. Иду, значит, я, а сам зорко смотрю, ведь к краю леса приближаюсь, а фашисты нередко в таких местах засады устраивали. Когда до деревни оставалось с полкилометра, услышал я голоса людские, плач, причитания. Сразу понял: не к добру это. Подошел к опушке и из-за кустов осторожно выглянул. Вижу, в деревне фашисты людей в два больших хлева, которые в стороне от села стоят, сгоняют, а вся деревня оцеплена. Понял я, в чем дело, и решил бегом в отряд за помощью бежать. Но сначала глянул – с какой стороны лучше ударить, осторожно прошелся вдоль опушки, высмотрел, где есть фашистские засады, и тут такое увидел, что чуть за винтовку не схватился. Смотрю, а прямо передо мной, метрах в двадцати, – два немецких автоматчика стоят, а рядом с ними трое полицейских с повязками на рукавах. Смотрю и глазам своим верить не хочу: один из этих полицейских – Роман Славук. Стоит и зубы со своими панями скалит, а в деревне немцы хотят его жены отца и мать уничтожить. Еле удержался, чтобы этого гада на мушку не взять, но надо было в отряд бежать, и я, сколько сил было, бросился напрямик к своим. Прибежал, доложил командиру, по тревоге подняли всех – и к деревне. Командир приказал комиссару с группой партизан на лошадях крюк сделать и ударить по фашистам с другой стороны деревни. Как ни спешили мы, а опоздали. Когда приблизились к деревне, то фашисты успели уже один сарай поджечь, а оттуда – крики, стоны, причитания людей несутся. Ударили мы по врагу с двух сторон, и они драпанули, хорошо, что не успели второй сарай поджечь. Бросились мы к горя-

щему хлеву, но было поздно, успели только человек десять–двенадцать спасти, а среди погибших оказались и родители Лены. Рассказал я тогда о Славuke командиру. Тот пообещал отомстить гаду, но, к сожалению, нашего командира вскоре не стало. Через неделю он погиб во время нашей атаки на вражескую колонну.

Ветров достал из кармана фотографию Славука и его жены:

– Узнаете?

Дед Юзик взял фотографию в руки и весь задрожал:

– Он, варнак носатый, я его, гада, ночью узнаю, на том свете мимо не пройду, уродина проклятая!

– Ну и как дальше сложилась его судьба?

– Черт его знает. Одни говорили, что в сорок четвертом, после прихода Красной армии, он попал в штрафной батальон, другие – что убили его.

– А что стало с его женой и сыном?

– Не знаю, сынок, не знаю.

Прыщ задумался на минуту, а затем весело улыбнулся:

– Знаешь что, давай я познакомлю тебя с одним полицаем, – и, заметив удивленный взгляд Ветрова, пояснил: – бывшим, конечно, и липовым полицаем.

– А зачем он мне?

– Он тебе, сынок, расскажет о Славuke еще кое-что.

– А кто этот бывший полицейский?

Дед Юзик загадочно улыбнулся:

– А вот про это отдельный сказ, но сначала я тебя накормлю.

Дед начал хлопотать у стола. Жил он один, был себе и хозяйкой и хозяином.

Только сейчас Ветров увидел, что на дворе уже вечер, и, значит, придется в деревне заночевать. Дед Юзик, словно прочитал мысли Игоря, поставив на стол еду, спросил:

– Ночевать у меня будешь?

– Если примете, то у вас.

– А я уже, сынок, принял тебя, вот только где тебе спать хочется: в доме или, может, на сеновале, на свежем сене?

– Если можно, то на сеновале.

– Правильно, в твои годы меня тоже на сено тянуло, – дед Юзик хитро улыбнулся, – правда, страшно не любил одиночества и упасть с сеновала боялся, поэтому всегда старался, чтобы кто-нибудь рядом был, чтобы было за что держаться.

Ветров рассмеялся:

– Любил пошалить, дедушка?

– Любил, любил, да и девки меня ох как любили! Ты знаешь, а в молодости я ничего был, особенно нравилась девкам моя шевелюра, вот видишь, что они с ней сделали, совсем как та березовая рощица, что при въезде в деревню стоит: реденькая и светленькая. Растерял я свои волосочки на чужих подушках.

Ветров слушал полуправдивые хвастливые излияния старика и с удовольствием за обе щеки уплетал нехитрое деревенское угощение.

Насытившись, старший лейтенант предложил:

– Дедушка, а что, если вам вспомнить молодость и пойти со мной на сеновал. Там вы мне заодно и про этого бывшего полицая расскажете.

– Ну что же, можно.

Они прихватили с собой подушки, одеяла и вышли из дома.

Нагревшиеся за день земля, деревья и дома отдавали свое тепло посвежевшему воздуху. Дышалось легко, и особенно остро чувствовался запах свежего сена и цветов.

Сена было много. Они расположились недалеко друг от друга. Дед Юзик долго возился у своей постели и, наконец устроившись, начал свой рассказ:

– Я, брат, воевал храбро и с умом. Всегда старался сначала обмозговать, головой, как говорится, поработать, а потом волю рукам давать. Но случилось однажды, что и я оконфузился. Послали меня в разведку в одну деревню. Отряд готовился в большой рейд, а

у нас было трое тяжелораненых. Командование отряда приняло решение оставить их в глухой деревушке, жители которой всегда помогали нам. Перед тем как доставить наших товарищей в эту деревню, меня послал туда командир, чтобы еще раз разведать обстановку и определить: у кого из жителей деревни оставить раненых.

В крайнем доме проживала моя дальняя родственница; у нее я постоянно останавливался, когда в деревню приходил. Пришел я к ней, разделся, поел, и вдруг моя родственница как крикнет: «Немцы!» Глянул в окно; во двор и впрямь входят немец с автоматом и полицай с винтовкой, а у калитки их еще штуки три или четыре стоят. Схватил я винтовку и на печку шась, занавеску задернул, затвором щелкнул, сижу, жду, что дальше будет. А печка накалилась так, что даже мои ватные брюки враз калеными стали, жгут мою секретную часть – ужас! Что делать? Сжал зубы, терплю, а сам вспоминаю, что у меня в жизни хорошего было, вижу, что и за мной костлявая с косой пришла. Решил, что если сунутся на печку, так хоть пару сволочей перед смертью порешу. Правда, печь жжет – сидеть сил нет, а тут и пошевелиться нельзя, так как вижу через дырку в занавеске, что в комнату входят двое – немец и полицай. Немец остался у порога, а полицай зыркнул глазами на занавеску, заглянул под кровать и спрашивает у хозяйки, кто, кроме нее, в доме есть. Та, бедная, заплетающимся языком отвечает, что одна, мол, она. Затем немец и полицай вышли в коридор. Слышу, как полицай говорит немцу, чтобы тот подождал, а он на чердак слазит. Только я успел чуть позу сменить, как в комнату снова полицай входит, а у меня уже зад начинает куриться, мамоньку вспоминаю. А этот прихвостень подходит к печке и зачем-то в огонь еще дров подбрасывает. За одно это мне хотелось ему пулю всадить, да нельзя. Немец же в коридоре остался, а на улице их еще целая банда, сижу, корчусь. Полицай вдруг рассмеялся и громко говорит: «Передайте Юзику Прыщу привет и напомните, что в одном месте

свою задницу он однажды уже чуть не обморозил, как бы в другом не обжег».

После этого, гад, снова засмеялся и вышел. А я сижу себе на печке, пошевелиться боюсь, а зад мой действительно как кусок баранины на сковороде, жарится. Еле дождался, пока немец и полицай из хаты выйдут. Соскочил с печки, а у самого глаза в тумане, тело – в поту, а зад, как говорится, в дыму. Не сдержался и как крикнул на хозяйку: «Что же ты, зараза, так печку жарить? Дров совсем не жалеешь!»

А сам стою и думаю: «Откуда полицаям известно, что со мной казус в отряде случился?» А было вот что: однажды по нужде большой я к берегу речки пошел, только пристроился, как снег подо мной хрустнул, и я с обрыва, почти без штанов, прямо в речку полетел, а лед тонкий был, я его своим мягким местом пробил и по горло в воде оказался.

«Но это же в отряде было, – думал я, – откуда полицай об этом знает? Не иначе как немецкий шпион в отряде имеется».

Побежал я в отряд, доложил все командиру, а тот только смеется и все равно приказал раненых в деревню доставить. Пошли мы в рейд.

Добре погоняли фашистов, три эшелона с войсками на воздух подняли. И вот через неделю встретились мы с другим партизанским отрядом, они тоже выполняли задание по уничтожению немецких тылов. Гляжу я на одного партизана и глазам своим не верю: передо мной стоял тот самый полицай, который мне привет передавал, когда я муки на печке терпел. Кинулся я к нему и кричу: «Ну что, прихвостень, попался!» А он смотрит на меня, хохочет и говорит: «А, Юзик?! Как ты там на печке, отогрелся?» А я щелкнул затвором винтовки и кричу: «Бросай, гад, автомат, а не то я тебя вмиг отогрею».

Подожли его и мой командиры. Я им доложил о том, кто на самом деле этот автоматчик, а они мне говорят: «Успокойся, товарищ Прыщ, этот автоматчик наш, свой, а полицейскую форму он по нашему прика-

зу иногда надевает». И рассказали они мне, что Скрипка Иван никакой не полицай, а партизанский разведчик и что наши командиры смогли убедить немцев проверить деревню, чтобы те не вздумали лезть в нее, когда там раненные находятся будут.

Скрипка, когда прибежал сообщить связному, что немцы едут в деревню, был предупрежден о моем пребывании в деревне. Поэтому и пришел он сам в дом, где я остановился. Ну это я отклонился. Скрипка представляет интерес для тебя, сынок, потому что он хорошо знал Славука.

– А где Скрипка живет?

– В нашей деревне, – хмуро ответил дед, – на мою голову сюда лет десять тому назад перебрался. Теперь всем рассказывает, как я часть своего тела на печке чуть не сжег.

– Ну что же, завтра поговорим, – ответил Ветров и повернулся на бок. – А сейчас спать будем.

«Явление Христа»

Было уже около одиннадцати часов вечера, когда Максим осторожно перелез через изгородь и потихоньку приблизился к светившемуся окну, за которым было слышно монотонное бормотание людей. Ларин на всякий случай обошел дом – никого. Тогда он снова подошел к окну и осторожно заглянул в комнату. Там при свете тусклой электрической лампочки можно было различить человек двадцать. В основном старики.

Когда Максим приблизился к стеклу и присмотрелся повнимательней, то увидел несколько молодых девушек и даже лет пяти-шести мальчика. Все стояли на коленях, держа над собой поднятые вверх руки. Пот струился по их лицам. От напряжения тело и руки у каждого молящегося дрожали, и это дрожание переходило в конвульсивные движения.

Ларин хорошо видел этих людей. У иных огненно сверкали глаза. Они, казалось, смотрели на него.

Но он понял, что эти иступленные глаза ничего не видят. Он еще плотней прижался к стеклу. Голоса молившихся усиливались. Две старухи заняли место посреди круга и истерически завопили:

— Крести... Благослови. Не отойду!

У противоположной стены Марфа Клец — страшная в своем экстазе. Кажется, она даже потеряла дар речи и бессмысленно что-то бормочет. А где же Славук? Кажется, тот мужчина, что стоит спиной к Ларину?

Вот взгляд одной женщины остановился на Максиме, но он не стал отклоняться от окна, так как был уверен, что вряд ли это существо с выступившей пеной у рта может воспринимать реальные вещи. Так оно и есть. Женщина, которая, казалось, смотрела прямо в глаза Ларина, не видела его. Ее налитые кровью, вытаращенные глаза уставились в одну точку. Вдруг эта женщина протянула руки к окну и истерически закричала:

— Пришел! Пришел! Я вижу его, — я разговариваю с Господом Иисусом Христом!

Многие прервали моление и смотрели туда, куда указывала женщина руками. Они увидели Христа в образе молодого симпатичного, со щеголеватыми усиками, мужчины. Иисус смотрел на них через окно. И вот-вот они будут крещены духом святым. Все пали ниц. А «Иисус Христос» сломя голову мчался напролом через грядки к забору. Одним махом перепрыгнул его и через несколько минут, тяжело дыша, взбирался на сеновал.

Иван Скрипка

Крыша в сарае Прыща оказалась дырявой. Солнечный луч, пробившийся через щель, разбудил Ветрова. Он открыл глаза и громко чихнул. Смущенно взглянул туда, где должен был спать дед Юзик, а того и след простыл. Старший лейтенант взглянул на часы — без десяти восемь. Крепкий и спокойный сон на приятно

пахнувшем сене принес свежесть, новый прилив сил и хорошее настроение.

Мурлыча что-то себе под нос, Игорь спустился по лестнице вниз и вышел из сарая. Солнце уже стояло высоко, небо было ясным, безоблачным. Дед, который, наверное, заметил Ветрова через окно, вышел из дома и протянул полотенце:

— Иди к колодцу, умойся, потом будем завтракать.

Ветров с удовольствием умылся холодной колодезной водой, позавтракал. Вскоре они вместе с Прыщом шагали по деревне. Был воскресный день, и в деревне царило оживление. У пруда на лужайке ребятишки гоняли мяч, стараясь забить гол белокрысому мальчугану, защищавшему изготовленные из тонких жердей ворота. Прошли мимо столба. Из громкоговорителя, висевшего на нем, неслась песня: местный радиоузел передавал концерт по заявкам жителей села. У большого двухэтажного каменного здания, в котором находился клуб, парень и девушка вывешивали объявление. Ветров прочитал:

— Сегодня демонстрируется кинофильм «Калина красная». После кинофильма — танцы.

Игорь повернулся к Прыщу:

— Дедушка, а вы на танцы не ходите?

— Не признают меня за танцора девки. Если пойдешь, то все равно, кроме стула, который тебе уступят, не пообщаешься. А что толку в стуле? Он же меня только с худшей стороны знает.

Скрипка жил в добротном бревенчатом доме с резными наличниками и ставнями на окнах. Во всем чувствовалось, что хозяин дома любит порядок. Выкрашенный светло-зеленой краской забор, аккуратно сложенная под навесом поленница дров, чистый двор, свежeweымытое крыльцо выглядели привлекательно. Хозяин был дома. Высокий, кряжистый, с густыми посеребренными волосами старик весело смотрел голубыми глазами на гостей. Ответив на приветствие, он пригласил их в большую комнату, обставленную хорошей мебелью и сиявшую чистотой. Ветров пред-

ставился и коротко сообщил Скрипке о цели своего прихода. Чтобы быстрее расположить его к себе, улыбаясь, спросил:

– Иван Иванович, а как вы догадались, что дед Юзик на печке сидел, когда под видом полиция в дом, где он прятался, пришли?

Скрипка рассмеялся:

– Что, Юзик уже рассказал? А сам на меня волком смотрит, когда я вспоминаю о том случае. Догадаться было несложно. Во-первых, я знал, что он должен быть в том доме. Поэтому и пошел туда немца сопровождать, во-вторых, я увидел его полушубок и шапку, висевшие на стене у входа, а когда проверил, что нет его на чердаке, то понял, что, кроме печки, ему негде спрятаться.

– Иван Иванович, помните Славку Романа?

– Конечно, помню этого прихвостня. Даже родителей своей жены не пожалел.

– Вы его хорошо знали?

– Хорошо знал. Мы же вместе с ним в полициях служили. Только он по собственному желанию, а я по приказу партизанского командования. Он мне, гад, сам хвастался, как подговорил фашистов стариков, родителей жены, сжечь. А вы не знаете, жив он сейчас?

– Жив.

– От, сволочь, выжил-таки! И где ж он обитает?

– Далеко отсюда. Иван Иванович, расскажите мне о нем все, что знаете.

– Я с ним старался чаще разговаривать, потому что он пользовался у немцев доверием. Те хорошо видели его старания и доверяли ему больше, чем другим. Мои контакты с ним позволяли получать дополнительные сведения о замыслах фашистов.

– Не рассказывал он вам, куда девалась Лена, его жена?

Скрипка задумался на минуту, потом ответил:

– Прямо не говорил, но, помню, как-то пару раз намекал, что он один с сыном остался. Я спросил однажды у него: «Что, жена померла?» А он засмеялся и отве-

тил: «Помер», а что он имел в виду, я так и не понял, но думаю, что его слово «Помер» говорит о том, что жена не своей смертью умерла.

Многое интересовало Ветрова, и он еще более часа беседовал со Скрипкой. Но еще оставалось много невыясненных вопросов, таких, например, где жил Славук во время оккупации, кто смотрел за его сыном, каким образом Славук достал справку, что он якобы являлся партизаном. На эти вопросы Скрипка ответить не мог. Игорь Николаевич поинтересовался у него, кто еще мог знать о Славике. Скрипка назвал двоих, но они проживали в райцентре. Оказалось, что дед Юзик знал этих людей, и когда они шли по улице деревни, он сказал:

– Я все равно бездельничаю, если хочешь, сынок, поеду с тобой в райцентр, помогу с людьми побеседовать. Калиту и Людко я знаю хорошо. Вместе партизанили.

– Ну что ж, если есть желание, то поехали, я буду рад.

В душе Ветров действительно был рад, что дед Юзик пожелал помочь ему. Дед всю жизнь живет в этих местах и знает многих людей.

Они, не теряя времени, направились к большаку, чтобы сесть на попутную машину и ехать в райцентр. Ехать было сравнительно недалеко, и через час они были на месте. Зашли в местный отдел милиции, где Ветров с помощью дежурного офицера установил адреса нужных им людей. Решили сначала поговорить с Людко, – бывшим комиссаром партизанского отряда. Прыщ, шагая рядом с Ветровым, рассказал ему о нем:

– Он до войны директором школы работал, а как пришли немцы, сразу же в отряд подался. Назначили его комиссаром. Толковый Сергей Антонович мужик, и в храбрости ему не откажешь. Помню, такой произошел с ним случай. Дело зимой было, а Сергей Антонович в соседний отряд направился. Чтобы время не терять, он пошел не по снежной целине в лесу, а по проселочной дороге, а тут вдруг сзади послышался шум

мотора. Оглянулся, а его грузовая машина догоняет — ясно, что немцы. А вокруг поле, до леса около километра, не добежишь на виду у солдат, снимут, как белку. Сергей Антонович не растерялся. Автомат в снег у ног положил и две гранаты рядом, а сам стоит у обочины, вроде бы машину старается пропустить. Когда немцы подъехали и стали машину притормаживать, чтобы проверить, что за человек на дороге им попался, Сергей Антонович одну гранату в кабину, а другую — в кузов, где десяток солдат сидело, потом схватил свой автомат и дело закончил. После этого собрал оружие, документы, сложил все это на кусок брезента и в отряд волоком притащил. Командир после этот случай долго партизанам в пример приводил, рассказывая, как надо действовать по обстановке. Да, что ни говори, а мужик он с головой.

— Чем он после войны занимался?

— В школе директором работал, а сейчас он уже лет десять как на пенсии. Но детей не забывает. С ними он часто в походы ходит, рассказывает о боевых действиях нашего партизанского отряда. И меня частенько, бывает, просит, чтобы я детям рассказывал о том, как воевал.

Они подошли к дому, где проживал Людко. Бывший комиссар партизанского отряда был небольшого роста, сутулый. На вид ему было лет семьдесят. Внимательные серые глаза смотрели доверчиво и благожелательно. Прихрамывая, он сделал несколько шагов навстречу гостям и, улыбаясь, проговорил:

— Кого я вижу? Дед Юзик? Здравствуй, дорогой, здравствуй.

Он поздоровался с Прыщом и Ветровым за руку и пригласил в комнату.

Игорь Николаевич, представившись, показал Людко фотографию супругов Славуков и спросил:

— Сергей Антонович, вы не знаете их?

Людко взял в руки фотографию, натянул на нос старомодные очки и начал внимательно всматриваться в нее.

— Подождите, подождите, — хозяин взглянул на Прыща, — так это же Славук! Помнишь, Юзик, его? Он же в полиции, сволочь предательская, служил.

— Да я-то помню, — усмехнулся дед, — вот товарищу инспектору надо, чтобы ты, Сергей Антонович, рассказал ему все, что знаешь об этом проходимце.

Воспоминания о давно минувших днях взволновали хозяина, и он даже заикаться немного стал:

— Как же, помню я его, помню. Когда наши войска пришли, мы его специально искали, но потом кто-то из его знакомых или родственников сообщил, что Славук погиб, даже доказательства представил его смерти в лице раненого полицая, друга его, взятого нашими хлопцами в плен. Тот подтвердил, что Славук погиб на его глазах во время перестрелки в лесу. А начальник разведки нашего отряда Миша Калита, который помогал сотрудникам НКВД вылавливать предателей, нашел документы Славука в одежде одного из убитых в лесу полицейских. Голову и лицо убитого раздробило, опознать было нельзя.

Людко повернулся к Ветрову:

— А что, он жив?

— Жив, — утвердительно кивнул головой старший лейтенант, — а я приехал сюда, чтобы разобраться, что он за человек. Вижу, что не напрасно приехал. Вы не знаете, где он жил во время оккупации?

— Здесь, в райцентре, а у кого именно, это вам Калита скажет. Кстати, он сравнительно недалеко от меня живет, и если хотите, то можем сходить.

— Спасибо, но сначала вы мне расскажите, что еще знаете о Славуке.

— Знаю, что он присутствовал при убийстве мирных жителей. В оцеплениях его многие видели, да и ты, Юзик, — Людко повернулся к Прыщу, — тоже рассказывал, что видел его в деревне, когда немцы родителей его жены заживо в сарае вместе с другими людьми сожгли.

— Я уже об этом рассказывал товарищу.

Людко обратился к Ветрову:

– Понимаете, он в те дни, когда мы возвратились из лесу, для нас особого интереса не представлял, потому что мы искали в первую очередь фигуры покрупнее, тех, кто непосредственно убивал советских людей, выдавал немцам патриотов, участвовал в пытках. Мы также искали полицаев-главарей, так сказать, предателей более крупного масштаба. Поэтому такому, как Славук, ускользнуть из поля нашего зрения большого труда не составляло.

Ветров достал из «дипломата» справку и показал ее Людко:

– Сергей Антонович, как вы думаете, где он мог достать вот эту справку?

Людко прочитал документ и вскочил со стула.

– Вот подонки несчастный! До чего, негодяй, додумался! Отряд имени Ворошилова – это же наш отряд! Но подпись эта не нашего командира, хотя фамилия его. Да и печати такой у нас в отряде не было. Мы изготовили, помню, самодельную, а здесь печать стоит настоящая. Но, посмотрите, она не ясная, на ней даже не прочитаешь, что написано. Факт, что он совсем другую печать поставил. Прохвост и жулик он, вот что я вам скажу, а справка, сразу заявляю, поддельная.

– Как вы думаете, куда он мог податься из ваших мест?

– Черт его знает. Наверняка бежал туда, куда глаза глядят.

Ветров, быстро записав показания Людко, закончил беседу. Ему было жаль беспокоить Сергея Антоновича и вести его с больной ногой к Калите. Поэтому, расспросив, как пройти к дому бывшего начальника разведки отряда, тепло попрощался с хозяином.

Славук кого-то прячет

Работы у Ларина и Яськова после того, как к ним присоединился Дегтярев, не побавилось. Они побывали в соседних деревнях, опросили десятки людей, побеседовали со многими водителями, которые ездили

мимо деревни, где проживала Клещ. Работники милиции в полной мере увидели, какой вред людям причиняет секта Славук. Во многих деревнях от таких сект уже давно и след простыл, а здесь хоть и захирелая, но еще существовала и разлагала души взрослым и детям. Работники милиции видели, как настороженно вел себя Славук в последнее время.

Яськов как-то вечером огорошил своих новых друзей:

– А ведаете, хлопцы, у Славук человек прячется.

– Как так прячется? – недоверчиво спросил Ларин.

Но Яськов убедил их в этом. Наблюдательный взгляд участкового инспектора, хорошие, доверительные отношения с людьми позволили прийти к такому выводу. Яськов побывал во многих магазинах в окрестности, побеседовал с продавцами и убедился, что Славук редко, но приобретал одежду и обувь не по своему размеру.

– Так, может быть, у него Раховский скрывается, порет чепуху, а мы бьемся, ищем его? – высказал предположение Дегтярев.

– Нет, это не так, – возразил Яськов, – во-первых, Славук и до его пропажи одежду и обувь покупал, а во-вторых, размер не Виктора. Тут что-то другое.

Посоветовавшись, они решили организовать за Славуком наблюдение. Начали по очереди каждую ночь дежурить у его дома. Днем тот всегда находился на работе, среди людей, а ночью оставался дома.

Максим устроился в огороде Славук недалеко от забора. Высоко в небе блестели звезды, глубокая ночь и тишина опустились на деревню. Изредка где-то тявкнет собака, и больше ни звука. Время шло, и ночь близилась к концу. Уже начали подавать свои голоса петухи. Ларин устал, хотелось спать. Вдруг он услышал легкий скрип. Так обычно скрипит входная дверь дома. Так и есть. Во дворе промелькнули две человеческие тени. Люди направились к калитке и вышли на улицу. Ларин осторожно выглянул из-за забора и убедился, что один из идущих – Славук, второго он

не знал. Они быстрым, но осторожным шагом вышли за деревню и направились к лесу. Ларин оказался в затруднительном положении. Чтобы не упустить из виду Славука и его спутника, надо было держаться недалеко от них. А попробуй это сделать, когда Славуку или его спутнику стоит только оглянуться назад и они увидят своего преследователя. Но делать нечего, и Ларин, соблюдая осторожность, двигался за ними. Ему часто приходилось бросаться на землю, когда казалось, что идущие впереди могут оглянуться. Хорошо, что еще под ногами была высокая трава, попадались редкие кусты. Вскоре Славук вместе с незнакомцем вошли в лес, и Максиму стало легче. Они прошли по узкой лесной дороге километра три и свернули прямо в чащу.

«Уж не к землянке ли они направляются?» – подумал Ларин. Он уже успел разглядеть второго и сделать вывод, что это не Раховский. В чаще надо было двигаться еще осторожнее. Ларину, чтобы не упустить их из вида, надо было сократить расстояние, и он теперь все время опасался наступить ногой на какую-нибудь сухую ветку, треск которой могут услышать.

Прошло еще полчаса.

Неожиданно голоса идущих впереди пропали. Ларин остановился и внимательно прислушался. Тихо. Он осторожно двинулся вперед и через десяток метров увидел землянку. Максим понял, что он не ошибся в своих предположениях. Ларин залез под густую ель. Ее раскидистые ветви надежно спрятали Максима. Со своей позиции он хорошо видел землянку и вход в нее. Верхушки деревьев заблестели в первых лучах солнца. Ларин подумал: «Скоро они должны появиться, Славуку же надо на работу». И точно, из землянки вышли двое. Ларин смог внимательно рассмотреть того, который был со Славуком. Надо было его хорошенько запомнить. Мысленно Максим диктовал своей памяти:

«Возраст – около сорока, рост высокий, волосы редкие, нос большой, крючковатый». О незнакомце можно

было добавить еще и то, что у него небольшая борода и усы, одет неряшливо и не по сезону. На нем были староватый ватник, сапоги, очевидно, кирзовые.

Они продолжали ранее начатый разговор. Славук, видимо, успокаивая собеседника, довольно громко сказал: «Не грусти. Скоро все уладится. Уговорим эту пацанку, женишься и заживешь припеваючи. Но пока надо потерпеть, выждать, и твое терпение будет вознаграждено. Ну, пока. Приду к тебе завтра».

И Славук не оглядываясь пошел от землянки. Ларин подождал, пока незнакомец возвратится в свое логово, и двинулся за Славуком.

Максим понимал, что Славук теперь пойдет в деревню, и он сейчас нужен был Ларину только для того, чтобы не заблудиться в незнакомом лесу. Максим, держась поодаль, следовал за ним. Через час они приблизились к деревне.

Дальше так идти было опасно. И когда Славук прошел поле и скрылся в деревне за крайними домами, Ларин направился к своим.

Яськов уже не спал и находился во дворе. Они разбудили Дегтярева, и тут же, на сеновале, Ларин рассказал коллегам о том, что ему удалось увидеть и услышать.

– Так, видать, этот мужик раньше жил в землянке, – задумчиво проговорил Яськов.

– Но кто он? – задал вопрос Дегтярев. – На ком он хочет жениться?

– В этом нам и нужно разобраться, хлопцы, – ответил участковый инспектор.

Взвесив все «за» и «против», пришли к выводу, что трогать Славука и мужчину, находящегося в землянке, до приезда Ветрова они не будут. Теперь им нужно установить, кто он, этот неизвестный, и на ком хотят его женить, а также сконцентрировать внимание на поведении Славука и старухи Клещ.

Ларин предложил:

– А что, если нам завтра попробовать подслушать разговор Славука с этим мужчиной? Славук же обе-

щал, что они завтра встретятся, и если они будут беседовать не в землянке, их разговор будет хорошо слышен в том месте, где я сегодня прятался.

Дегтярев поддержал это предложение, и они решили, что рано утром направятся в лес...

Рассказывает Калита

Ветров и «дед Шукарь», как мысленно окрестил Прыща инспектор, шли по улице. Оказалось, что Калита живет не так близко, как уверял Людко. Игорь попросил:

— Дедушка, расскажите о Калите.

— Это можно. Я его тоже хорошо знаю. До войны он работал участковым в милиции. Справедливый, толковый был работник. Когда организовался отряд, то Калиту назначили начальником разведки. Воевал он хорошо, находчивый, в смелости ему не откажешь. Помню, как однажды при артобстреле территории лагеря осколком снаряда была повреждена рация. Мы остались без связи с Большой землей. Радист, он к нам прилетел оттуда, сколько ни бился, но отремонтировать рацию не смог, не хватало некоторых деталей. Оказалось, что мелкие детали можно было заменить деталями от радиоприемника. Достать радиоприемник было поручено Калите. А где возьмешь в военное время приемник? И Матвей Петрович решил одолжить его у немцев, и не просто у немцев, а у самого командира их воинской части, находившейся в большой деревне. Правда, часть была нестроевая, она обеспечивала валку леса и отгрузку его для нужд фронта и тыла. Для этой работы немцы сгоняли с окрестных деревень жителей.

Калита разведал, в каком доме живет командир и как дом охраняется. Получалось, что днем дом охраняется одним солдатом, а ночью — двумя. Задача осложнялась еще и тем, что вокруг деревни у немцев имелись многочисленные посты. Матвей Петрович не побоялся, что может быть опознанным каким-нибудь

предателем, пристроился к крестьянам, которые работали по перевозке леса. И вот однажды он и еще двое бойцов из отряда, переодетые под лесорубов, спрятав под одежду оружие и гранаты, нагрузили воз нарезанных и наколотых дров и направились в деревню. Этот момент Калита выбрал не случайно. Он знал, что командир части лично прибыл на место валки леса. Очевидно, фашистов не устраивали темпы работы. У деревни Калиту и его товарищей остановили немцы. Он объяснил им, что везет дрова в дом командира части, и даже уговорил, чтобы один из них показал, где находится этот дом. Расчет Калиты оказался правильным. Когда постовой, охранявший дом, увидел, что они прибыли в сопровождении немецкого солдата, то у него не возникло никаких подозрений. Сопровождавший их солдат ушел к себе на пост, а Матвей Петрович вместе со своими товарищами стали таскать и разгружать дрова с повозки в сарай. Улучив момент, они оглушили постового и связали его. Быстро взломали дверь дома, вынесли из него радиоприемник и спрятали его в повозке. Затем затащили постового в дом, уложили его связанного в постель командира, накрыли одеялом, а к спинке кровати Матвей Петрович привязал веревкой железное ядро, которое он нашел в сарае. Это ядро служило когда-то для чистки дымоходов и здорово смахивало на бомбу. После этого они забрали оружие у постового, сунули ему в рот кляп, сделали обыск в комнате, прихватили имеющиеся там ценные бумаги и документы и, написав на прощание записку, что немец-постовой заминирован, вышли во двор и на повозке уехали обратно. Проезжая мимо уже знакомых немцев, помахали им руками.

Приехали к лесорубам, сняли с воза приемник и дали деру в лес. Крестьяне потом рассказывали, как немцы на четвереньках долго ползали вокруг дома, боясь, что вот-вот мина сработает.

Дед обратился к Ветрову:

— Представляешь, о чем думал тот солдат, который лежал в кровати своего командира?

– Да, – рассмеялся Ветров, – в таком положении, пожалуй, будешь думать о том же, о чем вы думали, сидя на печке у своей родственницы.

– Да, это верно, – серьезно согласился Прыщ.

Вскоре они подошли к дому Калиты. Хозяин оказался среднего роста, лысоватым и очень подвижным человеком. Прыща он узнал сразу и, пригласив в дом гостей, усадил их на большой кожаный диван, сам продолжал ходить по комнате.

– Значит, жив оказался подлец, – говорил он о Славуке, – а я считал, что его убили. Но кто мог там в лесу подумать, что в кармане убитого во время перестрелки полиция оказались документы Славука? Так я и решил, что это Слаук, тем более что лицо убитого рассмотреть было невозможно, его полностью разбило осколком. Ишь ты, как смог улизнуть от нас. Я, признаться, иногда о нем вспоминал, потому что здесь живут родственники его жены, и несколько раз они пытались выяснить ее судьбу, ведь женщина вместе с девятилетним сыном как в воду канула. Так, может, и она с ним?

– Нет, живет он один. Правда, в сорок восьмом году женился, но в пятьдесят втором жена умерла.

– А сын?

– Не знаю. Матвей Петрович, а кого из родственников его жены вы знаете?

– Здесь живет ее двоюродная сестра, и, если хотите, могу дать ее адрес. Она работала медсестрой в больнице, а теперь на пенсии. Кстати, Слаук со своей женой и сыном во время войны проживали у нее.

Пока хозяин искал адрес в бумагах, Ветров спросил:

– А вы не знаете, что могло случиться с его женой?

– Нет, не слышал, хотя и пытался выяснить в сорок четвертом, когда наши пришли, но ничего не смог узнать. Да и время было такое, что разыскивались сотни тысяч потерявших друг друга людей. И удивляться, что пропал один или два человека, не приходилось.

Наконец Калита нашел адрес, который искал, написал его на отдельном листе бумаги и протянул Ветрову. Игорь Николаевич поблагодарил его, улыбнулся и, прощаясь, спросил:

– Матвей Петрович, мне дед Юзик рассказывал, как вы реквизировали у фашистов радиоприемник. Чем вас разжалобил часовой, почему вы сохранили ему жизнь?

Калита чуть грустно улыбнулся:

– Видите ли, человек есть человек, пусть даже одетый в фашистскую форму, и если он не оказывает сопротивления, то и лишать его жизни нельзя. А этот часовой, чувствовалось, что не фашист, а просто пожилой человек, которому нашли применение в хозяйственной части.

– Я так и думал, – удовлетворенно проговорил Ветров и, еще раз пожав хозяину руку, направился к выходу.

Весь июль был горячим. Даже к вечеру жара не спадала. Ветров с дедом Юзиком проходили вдоль небольшой речушки. От реки веяло прохладой, и старший лейтенант с завистью посмотрел на барахтавшихся в воде детей. Но что поделаешь, время не терпит, надо работать.

– Дедушка, а вы Протасову не знаете? – смахнув пот с лица, спросил Ветров.

– Нет, сынок, я ее, ей-богу, не знаю.

Дальше они пошли молча. Один раз Ветров уточнил у встречных прохожих, как пройти к нужной им улице. Им сегодня везло. Протасова, так же, как и все предыдущие люди, которых они хотели видеть, была дома. Худощавая, с впалыми щеками и длинными волосами женщина так удивилась приходу гостей, что даже не ответила на их приветствие. Ветрову пришлось долго объяснять этой на вид нелюдимой и злой старухе, что им надо от нее. Наконец она поняла, о ком идет речь, и неожиданно заплакала:

– Спрашиваете, помню ли я Лену? Она же моя двоюродная сестра. Как же я ее не буду помнить?

– Я хочу попросить, чтобы вы мне рассказали о ней и ее муже.

– А что рассказывать о ее муже? О бандите этом, который и загубил Лену?

– Вы давно здесь живете? – задал Ветров вопрос, и сделал он это специально, чтобы не дать старушке «расклеиться» до конца.

– Давно, с детства. Мне было шесть лет, когда родители построили этот дом.

– Значит, Лена и Роман во время войны жили в этом доме?

– В этом. Это я и пустила их. Отец умер перед войной, а мама в самом ее начале, места в хате не жалко.

– А почему они перебрались к вам?

Старушка наконец заметила, что гости продолжают стоять посреди комнаты, засуетившись, пригласила их сесть. После этого она сама устроилась на диване, вытерла уголком платка слезы и начала рассказывать:

– Знаете, Роман гадкий был человек. Ни с кем он не считался, со всеми ругался, родителей своих и то не уважал. Однажды пришел ко мне, это уже в войну было, и начал просить, чтобы я его с женой и сыном к себе приняла. Сказал, что работать будет здесь в райцентре. Ну что мне было делать? Лену я очень любила, старалась ей чем могла помогать. Да опять же в доме одной скучно было, вот я и разрешила. А потом сколько раз себя кляла за это.

– Почему?

– Вы знаете, где он, как оказалось, работал?

– Знаю, в полиции.

– Да, в полиции. И кто? Мой родственник и жил он у меня. Со мной соседи даже здороваться перестали. Когда я шла по улице, спиной чувствовала их взгляды. Как-то попробовала с ним поговорить, чтобы он одумался, пока не поздно. Но где там! Вызверился на меня и спрашивает: «Что, на виселицу захотела? Так я тебе по-родственному веревку мылом смажу, чтобы меньше мучилась!» Бандит он, одним словом. При-

дет, бывало, пьяный в стельку и давай Лену гонять, избивал он так, что я ее водой отливала. Сына однажды прикладом винтовки так саданул, что тот неделю с постели подняться не мог. Лена при одном виде Романа как осиновый листок дрожала. Помню, как-то вечером села она у меня в ногах на кровати и говорит: «Убью я его, Галя, возьму ночью топор и убью гада! Сил больше моих нет. Такой позор, что мужик мой полицай, стыдно на глаза людям показываться, и жизни нет с ним. Не пойму, куда я смотрела, когда за него выходила». Еле я ее отговорила от такого шага, теперь все время жалею об этом. Надо было этого ублюдка действительно прибить, многие люди были бы благодарны, и Лена наверняка по сегодняшний день была бы жива-здоровая.

– Галина Андреевна, что вам известно о его службе у фашистов?

– Мало чего известно. Сами знаете, какое время было. Куда хочешь – не пойдешь, с кем надо – не поговоришь. Правда, люди говорили, что его видели, когда он участвовал в карательных исходах по деревням, находящимся в зоне действия партизан. Да и он не дурак, наверняка старался там, где жил, меньше гадить.

– Галина Андреевна, а что с Леной случилось?

– Не знаю. Он пришел однажды днем домой, взял ее, и они ушли. Появился он дома на следующий день злой и пьяный. Сел за стол, поставил перед собой бутылку самогона, пока не выпил, молчал, а как осушил бутылку, стукнул кулаком по столу да как крикнет: «Галька, иди сюда!» Я была в кухне, делала вид, что у печки хлопочу, боязно было на глаза ему попадаться. Вхожу в комнату, а он уже вконец пьяный, за столом сидит, смотрит на меня глазами, налитыми кровью, и спрашивает: «Где сын мой?» – «Где же ему быть, – отвечаю, – на печке спит». А он помолчал немного, потом говорит: «Ленка моя в деревню уехала, так ты пока посмотри за ним». «В какую деревню она поехала? – спрашиваю. – К кому?» А он волком взглянул на меня и отвечает: «Ты мне поменьше вопросов задавай

да языком не мели по соседям, а не то я быстро сделаю из тебя молчаливую бабу! Сказал тебе, Ленка в деревню поехала, и все тут». Смолчала я. Вижу, что бесполезно что-либо спрашивать у него. Так мы и стали с Антоном – сыном его – жить, а сам он неделями где-то пропадал. Изредка приходил, что-нибудь из еды приносил: то сала кусочек, то хлеба, один раз полмешка пшеницы. Но потом надолго исчез и появился недели за две до прихода наших... Забрал Антона и сказал, что отвезет его к Лене, и как ушел, то больше я его не видела. А когда пришли наши, стала я Лену искать, но узнала только о том, что сожгли немцы ее родителей, а сама она как в воду канула. Потом ко мне приходили военные и бывшие партизаны, интересовались Романом. Слышала я со слов Матвея Калиты, что убили в бою Славку. Сколько я Лену ни искала – бесполезно было. И об Антоне я ничего не могла узнать.

На дворе уже стемнело. Дед Юзик молча сидел на длинной дубовой лавке и слушал, наверное, живо представляя то далекое время.

На улице Прыц предложил:

– Уже поздно, сынок. Если хочешь, мы можем переночевать у моих дальних родственников, а завтра я поеду домой. Вижу, что тебе я уже не нужен. В чем мог – помог, а в остальном сам разберешься.

Ветров не возражал, и они молча пошли по полуосвещенной улице, каждый думая о чем-то своем...

Работа продолжается

Яськов никак не мог разбудить Максима. Он уже несколько минут тормошил его за плечо:

– Вставай, хватит тебе дрыхнуть!

Максим заворочался, промычал что-то нечленораздельное и, открыв глаза, спросил:

– Который час?

– Десять, а ты спишь! Можно подумать, что к девкам ходил!

Ларин пришел в себя окончательно и, сладко потягиваясь, заявил:

– За одно такое удовольствие спать на сеновале я бы переехал работать в деревню.

Яськов, слезая вниз, сказал:

– Пока ты тут сны смотрел, я еще одного человека нашел – он тоже видел на автобусной остановке Славку с чемоданом.

– А где Карпович?

– Он уже тебя ждет.

Ларин быстро оделся, умылся у колодца холодной водой и, пока Яськов помогал хозяевам подавать на стол завтрак, беседовал с Карповичем:

– Алексей Иванович, а кто вас предупреждал, что Славук предлагал вас «пакараць»?

– Иван Лепетюха. Он даже дважды мне об этом говорил.

– Вы не смогли бы как-то осторожно спросить у Лепетюхи, не говорил ли кто-нибудь подобное о Раховском?

– Конечно, могу. Кстати, я его скоро увижу, он придет сегодня к нам в кузницу лошадь подковать.

– Ну вот и хорошо. Только будьте осторожны. Нужно это спрашивать как-то между прочим.

– Да вы не волнуйтесь, Максим Петрович, я все сделаю как надо.

После ухода Карповича Ларин вошел в дом, где уже давно чувствовались вкусные запахи, и с удовольствием принялся за еду.

Ларин договорился вместе с директором школы побеседовать с Аней Усеной.

Директор – высокая, средних лет женщина, разговаривала несколько певучим мягким голосом. Ветров попросил ее организовать встречу так, чтобы девочка оказалась у нее в кабинете как бы случайно. Учительница географии по просьбе директора послала Усеню к ней якобы за географической картой.

Когда Усенья вошла в кабинет, там уже сидел Ларин. Надежда Ивановна, увидев Усеню, сказала:

– Здравствуй, Аня, что ты хотела?

– Меня направили попросить у вас географическую карту. Ванда Павловна сказала, что оставила ее в вашем кабинете.

– Хорошо, Аня, карту я отнесу в класс сама, а ты говори, пожалуйста, с товарищем, он как раз интересуется вашим классом.

Директор вышла, а Ларин пригласил ученицу присесть, завел разговор о ребятах, с которыми она учится. Усенья сначала отвечала односложно и настороженно. Но Максим смог постепенно расположить ее к себе и втянуть в беседу. Потом он перевел разговор на другую тему, стал расспрашивать о родителях, о том, чем интересуется Аня, чем занимается в свободное от учебы время. Ларин старался не перегибать палку и не стремился сразу же заводить разговор о главном. Поговорив с ней минут пятнадцать, он решил, что на первый раз хватит, главное не отпугнуть Аню.

– Ну хорошо, – сказал он, – я рад, что познакомился с вами, я здесь буду еще неделю-две и думаю, что мы еще побеседуем.

Девушка ушла. Ларин дождался прихода директора, рассказал ей о беседе с Усеньей и попросил пригласить секретаря комсомольской организации. Она тут же распорядилась, и вскоре в кабинет вошла стройная, черноволосая, с карими глазами девушка.

– Знакомьтесь, – сказала директор, – это и есть наш комсомольский вожак Галя Владимировна, и обратилась к ней: – Садись, Галинка, поближе и побеседуй с Максимом Петровичем. Он из уголовного розыска, у него и у меня есть к тебе важное поручение.

Ларин подробно рассказал секретарю комитета комсомола о своих планах.

– Для нас с вами, Галя, сейчас самое важное помочь Ане встать на правильный путь, оторвать ее от этих мракобесов. Надо найти к ее сердцу ключи, убедить. Согласитесь, то, что она связана с этой сектой, не крашит и комсомольскую организацию.

– Да, конечно, я понимаю, да и ребята наши в этом тоже видят для себя задачу. Многие уже не раз поднимали вопрос о ней на комсомольских собраниях, некоторые разговаривали с ней, пытались убедить, но, знаете, она неподдающаяся.

– Видите ли, Галя, вопрос этот очень сложный, а процесс переубеждения человека длительный, дели-

катный. Но вам, – Ларин улыбнулся, – комсомольцам школы, это под силу.

– Хорошо, мы сделаем все возможное.

– Вот и хорошо, – ответил Ларин и, простившись с ней, направился к своему дому.

Теперь он должен был заменить Дегтярева, который после приезда из города словно прилип к Славку.

Максим вышел из переулочка и увидел Дегтярева, бегущего по направлению к дому, в котором они проживали. Дегтярев так спешил, что даже не заметил Максима. Ларин негромко окликнул его:

– «Т – тридцать четыре», куда прешь?

Дегтярев остановился и, прерывисто дыша, проговорил:

– А я за кем-нибудь из вас бегу. Славук к лесу подался, наверняка к тому типу на свидание пошел.

– Пошли! – решительно сказал Максим.

И они быстрым шагом направились к лесу. Благодаря Яськову они изучили дорогу так, что, казалось, даже с завязанными глазами землянку найдут. Путь через болото был короче того, по которому обычно ходил Славук.

Когда они прибежали к землянке, там никого не было. Залезли под раскидистые лапы ели и стали гадать: пришел уже Славук или нет. Было еще светло, и если он пришел, то вряд ли будут они сидеть в мрачной землянке. Славук появился минут через пятнадцать. Настороженно оглянулся у входа и вошел внутрь. Ларин и Дегтярев устроились поудобнее и приготовились ждать. Славук и житель землянки вскоре появились. Они сели на траву у входа. Славук пытался убедить своего собеседника:

– Ты столько лет терпел, а сейчас заволновался. Я тебе говорю, все будет в порядке, значит, так оно и будет.

– Ты об этом говоришь который уже год, а мне от этого не легче. Понимаешь ты, что у меня жизнь проходит, а я ничего о ней так и не узнал. То погреб, то сарай, то вот сейчас здесь яма в земле. Я в своей жизни только и вижу...

– Ничего, Антон, – перебил его Славук, – скоро женим тебя на этой девке, я уже говорил, правда, молчит пока, но главное уже сделано, и отец и мать согласие свое дали, а она может и молчать – это уже никакой роли не играет.

Его собеседник промолчал и, ковыряясь в земле, о чем-то долго думал. Но то, что Ларин и Дегтярев затем услышали, заставило их изумленно переглянуться. Незнакомец сказал:

– Папа, скажи, а почему ты меня уже почти тридцать лет от людей прячешь? Что я им плохого сделал, чтобы их бояться?

– Помолчи, Антон. Ты забыл уже свои проделки на дороге, ведущей к деревне?

– Так ты же сам мне говорил, чтобы я грабил тех людей.

– Для них это безразлично, главное то, что они помнят об этом.

– Неужели через столько лет меня бы за это повесили?

– От них всего можно ожидать.

– Папа, а почему тебя они не схватили, ты же служил в полиции? Я же помню, как ты боялся, что тебя схватят.

– Да, боялся. Поэтому мы с тобой и оказались в этих местах. А теперь я боюсь тебя потерять. Если бы меня посадили, то мы не смогли бы быть больше вместе.

– Как же мне жить дальше, документов у меня нет, даже имени моего никто не знает. Я вот сижу здесь, в этой норе, и думаю, что я сделал плохого людям, чтобы так жить? Неграмотный, не знаю даже, как называется место, где я живу. Зачем ты меня, папа, спрятал от людей? А может, было бы лучше мне пойти к ним, покаяться в своих грехах?

– Перестань болтать чепуху! – грубо оборвал его Славук. – Слушай, что я тебе говорю, и все будет в порядке.

Ларин и Дегтярев, боясь пропустить хотя бы одно слово, слушали, еле дыша. Наконец, перед ними раскрылась тайна Славука. Но это еще не все. Очевидно, сегодняшний день был для них удачным.

Антон спросил:

– А что с тем хлопцем, которого мы убрали там, не перехоронили?

– Надо бы его перехоронить, – хмуро ответил Славук, – но трудно это сделать. Ищут его, милиция в деревне рыскает, того и гляди набредут.

– Папа, а ты правда в бога веришь?

– На кой хрен мне этот бог, – угрюмо усмехнулся Славук. – Эта вера мне нужна, чтобы на всякий случай отбиться от ненужных вопросов да заодно держать в кулаке тех, кто мне нужен. Захотел женить тебя на пацанке, и батка с маткой ни гу-гу, родное дитя отдают.

– А как ты думаешь мне документы достать?

– Есть у меня кое-что на уме. Можно кого-нибудь, приблизительно твоего возраста, на тот свет отправить, а тебе взять его документы и в другое место переехать, но для этого надо человека без семьи и родственников отыскать, чтобы никто его не разыскивал.

– Его придется убирать?

– Конечно. Не могут же на белом свете два человека по одним и тем же документам жить. Для тех, кто его знает, он просто уехал в другие края, и концы в воду.

Ларин и Дегтярев лежали, сжав кулаки. Как им хотелось выйти из своего укрытия и взять за шиворот этих отщепенцев. Но пока еще рано. То, что они услышали о хлопце, которого надо перехоронить, не вызвало сомнения: речь шла о Раховском. Надо было выяснить, где Виктор захоронен, собрать необходимые доказательства и только тогда действовать.

Вскоре Славук и Антон закончили беседу, и Славук направился в обратную дорогу. Оперативники вынуждены были еще долго лежать под деревом, потому что Антон не уходил в свое убежище. Он стоял и молча смотрел вслед тому, кого называл папой. Трудно было понять, о чем думал этот добровольно заточивший себя на десятки лет в подземелье человек. Ларин, глядя на него, еще и еще раз запоминал приметы: высокий, сутулый, с большим крючковатым носом, хмурым взглядом узких бесцветных глаз. Его длинные руки, опущенные вдоль туловища, доставали почти до колен. Наконец он повернулся и пошел в землянку.

Ларин и Дегтярев выбрались из-под ели и направились в обратный путь.

Шли молча. Каждый думал о людях, чью беседу они недавно слышали...

Убийство

К вечеру Ларин и Яськов вычеркнули из списка фамилию последнего опрошенного человека. Они нашли много людей, которые видели Раховского ехавшим в автобусе, разговаривали с ним, замечали его во дворе. Но среди них не было ни одного, кто бы видел его в момент отъезда.

У Ларина и Яськова сомнений уже не было: Раховский убит этими извергами. Сейчас необходимо было осторожно найти главную ниточку и вытянуть основное. Яськов с досадой стукнул по столу кулаком:

— И надо же такому случиться у нас на участке. Уже все забыли, что такое секты, общины, а мне с этой холерой возися.

— Ничего не поделаешь, пока эта холера существует, так и будешь возиться. Здесь, брат, одним администрированием не возьмешь. Нужно улучшать разъяснительную работу среди верующих, умело опираться на людей, которые избавились от этого дурмана. Важно, чтобы они тоже взялись за это, ведь чем чаще они беседовали бы со своими бывшими «братьями и сестрами», тем быстрее многие бросили бы это занятие.

Наконец пришел Карпович.

— Только что от меня ушел Лепетюха. — Увидев взволнованный взгляд Ларина, он успокоил его: — Не волнуйтесь, Максим Петрович, я все сделал как нельзя лучше. Заговорил я с ним сразу о лошади, которую он привел, затем о домашних делах, о работе. Но когда он мне пожаловался на Славку, с которым вместе работает, я этим воспользовался и спросил его: «И чего это ты, Иван, мучаешь себя? Ты ведь сам прекрасно знаешь, что бога никакого нет. Взял бы ты и последовал моему примеру».

Он помолчал, ответил: «Ты знаешь, Алексей, я и сам к такому выводу пришел. И рад бы бросить все к черту,

но боюсь их, они же, как сумасшедшие, а у меня дети...» — «А чего тебе их бояться? Возьми хотя бы меня. Бросил ходить к ним, и ничего они мне не сделали. Ты ведь и сам меня предупреждал, что они хотят что-то сделать со мной, но видишь — жив-здоров. Или возьми Виктора Раховского. Сам же помнишь, как он регулярно ходил на моления, а повзрослел, поумнел и плюнул на все это. Сейчас живет парень в городе и горя не знает». Помолчал Иван, а потом и говорит мне: «Что касается твоей персоны, то Славук до сего времени требует наказать тебя. А вот про Раховского ты, видно, ничего не знаешь. Ведь он же пропал. Милиция его ищет. Однажды, когда уже Виктор приехал к Марфе, я пришел на моление. Славук и говорит пророчице, что брата Виктора видел во сне в непристойном виде. А пророчица Люба объявила, что святой дух приказывает Славuku и сестре Марфе принести ему в жертву грешника Виктора». Вы знаете, Максим Петрович, как он сказал такое, так у меня все тело ознобом покрылось. Но виду не подаю и спрашиваю: «Ну и что, если они говорили. Виктору они могут только на хвост соли насыпать». А он мне отвечает: «Если Виктор цел и невредим, то почему его милиция ищет? Так что, брат, я тебя хорошо знаю и верю тебе, поэтому все и говорю откровенно. Если бы не Славук, ушел бы я от них. А его боюсь».

Ларин вспомнил страшные, исступленные лица людей и, еле сдерживая ярость, сказал:

— Ничего, избавим мы их от этого Славука!

Он поблагодарил Карповича и, договорившись встретиться на следующий день к вечеру, отпустил его.

Максим, провожая взглядом удалявшуюся фигуру Карповича, сказал Яськову:

— Скорей бы Ветров приехал.

— Уже скоро.

Ларин положил голову на руки и то ли себя, то ли Яськова спросил:

— Как же они его убили?

А было так...

Да, Раховский погиб. Он приехал в родную деревню, чтобы помочь мачехе по хозяйству. Виктор уже давно считал себя взрослым и относился к мачехе со снисхождением. Он в глубине души прощал ей участие в общине, считая это чудачеством и ограниченностью старухи, даже ее плохое отношение к себе прощал – находил оправдание: чего можно ожидать от темной женщины? Лена не советовала ему ехать в деревню, предлагала в турпоход с ребятами пойти. Но очень уж он любил свое село: там прошло его детство, и, находясь в городе, часто вспоминал родные места. Да и старуху жаль было, потому и поехал. Все было бы хорошо, если бы не требования мачехи и Славука бросить работу, возвратиться в деревню, в общину. Сначала Виктор отмахивался от них:

– Отстаньте вы от меня, ничего вы не видите и не хотите видеть, кроме вашей глупой общины.

А когда однажды Слаук попробовал повисить на Виктора голос, то он встал и сказал:

– Знаешь, дядя, хватит меня пугать, прошли те времена, когда ты мог измываться над ребенком. Теперь я уже не маленький и за себя могу постоять. А если ты не хочешь этого понять, то не ищи дороги в этот дом, когда я здесь.

Виктор видел, как сверкнули глаза Славука. Он, ничего не сказав, вышел из дома...

Прошло два дня – это уже было 5 июля. Виктор только что пришел со двора. Он поставил в угол топор и пошел во вторую большую комнату, достал из чемодана учебник алгебры, несколько листов бумаги и положил все это на стол. Не торопясь разделся, вышел во двор и прямо у колодца до пояса умылся холодной водой. Затем пришел в комнату. Было еще только половина восьмого.

«Позанимаюсь часок и в клуб к ребятам схожу», – решил он и занялся алгеброй.

Минут через двадцать пришла мачеха. Она была не одна. По шагам узнал – это Слаук. Они вошли в комнату, и Слаук, обращаясь к Виктору, сказал:

– Святой дух приказал ему в жертву тебя, грешника, принести. Молись о спасении души!

И вместе с мачехой начали иступленно молиться, все время повторяя:

– Тут тебе будет суд! Тут тебе будет смерть! Смерть! Смерть!

Виктору надоели эти выходки, и он направился к дверям. Слаук вскочил на ноги, схватил топор и, догнав Виктора, ударил его по голове. Кровь брызнула на стены и скамью. Виктор со стоном медленно осел на пол. Слаук протянул топор подошедшей мачехе:

– На, сестра! И ты покарай грешника!

«Сестра» еще раз опустила топор на окровавленную голову парня...

Дело движется

Июльское солнце уже взошло, а уставшему за прошедший день Максиму хотелось подольше поспать. Когда проснулся, Яськова уже и след простыл. Участковый всегда умудрялся что-то сделать с раннего утра. Вот и сегодня, когда Ларин проснулся, его уже не было. Максим, глядя на веселые солнечные зайчики, не торопился подниматься. Уже почти неделя как он здесь. Дело двигалось, и он был уверен, что преступление будет раскрыто. Сейчас его мучил еще один вопрос: как сделать, чтобы вырвать людей из этого омута. Он понимал: если убрать из общины Славука, играющего главную роль, то община должна сама рассеяться. Но этому нужно помочь. И Максим решил сегодня же поговорить с председателем сельсовета.

«Нужно использовать этот случай для раскрытия истинного лица этих мракобесов. Наверняка большинство из них поймут, в какую яму они попали», – размышлял Ларин.

Неожиданно дверь распахнулась, и поток солнечного света хлынул в сарай. Внизу стоял Ясков.

– Выспался? Я получил весточку от Ветрова. Завтра будет здесь.

– Великолепно. Давай сейчас обсудим один план...

Минут через сорок они пришли в дом, умылись, позавтракали. Ларина смущало то обстоятельство, что гостеприимные хозяева бесплатно кормят их. И он как-то положил на стол деньги и предложил хозяйке:

– Вы расходуйте их по назначению...

Но хозяйка обиделась, возвратила деньги и пожаловалась на него Яськову, который поддержал ее и долго объяснял Ларину, что хозяева денег у них не возьмут не только потому, что они приходятся Яськову родственниками, но и потому, что знают, с какой целью здесь находятся Ларин и Яськов, и рады, что работники милиции остановились именно у них.

После завтрака Яськов пошел искать Карповича, с которым они решили посоветоваться по своему плану. А Ларин в ожидании их целый час бесцельно бродил по саду.

Карпович сначала удивился просьбе Ларина, которая заключалась в том, чтобы он познакомил оперативного работника с Лепетюхой. Но после того как Ларин ему объяснил, зачем это надо, согласился и сразу же отправился за Лепетюхой. Пока тот отсутствовал, Максим сходил на почту и позвонил в Минск Антонову. Полковник внимательно выслушал доклад Ларина и, немного подумав, ответил:

– Хорошо. Я согласен. Но имейте в виду, ущемлять права верующих нельзя. Направляю группу наших товарищей. На месте тщательно проинструктируйте и введите их в курс дела. В случае, если Лепетюха согласится, примите все меры к его безопасности. Действуйте только тогда, когда приедет Ветров.

Все в сборе

Приехал Ветров. Прямо на траве сразу устроили совещание. Дегтярев, Ларин и Яськов рассказали Ветрову о всех сведениях, которые им удалось добыть.

Ветров, в свою очередь, сообщил им о результатах поездки. Подводя итоги, Игорь Николаевич сказал:

– Я предлагаю следующий план: Ларин продолжает работу с Аней Усеной. Девушку во что бы то ни стало надо освободить от этого дурмана. Яськов работает

с местными жителями. Дегтярев и я продолжаем держать в поле зрения Славука, его сына и Клещ. Думаю, мы можем с помощью тех, кто уже вышел из секты, поторопить события.

Ветров неожиданно обратился к Яськову, который за время разговора закурил уже третью сигарету:

– Ты кончал бы курить, Андрей Иванович, угробишь здоровье.

Яськов молча погасил сигарету и только после этого шутя ответил:

– Кто не курит и не пьет, тот здоровенький помрет.

– Добавь к этому, что намного раньше других, – улыбнулся Ветров и уже серьезно продолжал: – Теперь уже ясно, что тот, кто прячется в землянке, – сын Славука.

– Не понимаю, – проговорил Дегтярев, – зачем ему прятаться, жить по-волчьи, без документов? Он же пачаном во время войны был, чего ему бояться?

– В истории с Антоном все ясно. Здесь своя логика. Старший Славук боялся, что стоит ему начать хлопотать о документах сына, как после соответствующих запросов станет ясным, что предатель жив и здоров. Вот и решил он сына в жертву отдать, но свою шкуру спасти.

– Но смотрите, что Роман придумал, – заметил Ларин, – найти одинокого человека, убить его, а документы вручить сыну.

– Что сделаешь, – вмешался Яськов, – зверь он зверем и останется.

– Ладно, братцы, – поднялся со своего места Ветров, – пошли спать. Начинается горячая пора.

– Кому спать, а кому и дремать нельзя будет, – сказал Дегтярев.

И все засмеялись, вспомнив, что Дегтяреву ночью придется сидеть в огороде Славука...

Лепетюха согласен

Лепетюха, когда узнал, что перед ним сотрудник уголовного розыска, разволновался, и Ларину стоило большого труда успокоить его. Максим не торо-

пился заводить разговор о главном. Он интересовался семьей Лепетюхи, его работой. Затем поговорили о погоде, урожае. И только тогда, когда Ларин убедился, что его собеседник окончательно успокоился, затронул главную тему:

– Иван Антонович, прежде чем вызвать вас для этого разговора, я много думал, советовался с людьми, хорошо знающими вас. Мы пришли к выводу, что вам можно верить, а здесь вопрос особой важности и, если хотите, – секретный. Я, конечно, понимаю и то, что вы человек верующий, но это уже ваше дело, и вас, возможно, будет трудно убедить, так как разговор пойдет о людях, с которыми вы встречаетесь на молениях. Но, как говорится, человек, какому бы богу он ни верил, должен быть честен... В общем, Иван Антонович, я хочу с вами поговорить в отношении Славука. Скажите, только, пожалуйста, откровенно, что он за человек?

По лицу Лепетюхи было хорошо видно, что он еще не решил, как себя вести. Но, очевидно, вспомнил, что сюда его пригласил Карпович. Тот наверняка сообщил о разговоре, который состоялся на днях у них, и поэтому решил:

– Плохой он человек, опасный...

– Скажите, Иван Антонович, не согласились бы вы помочь нам вывести его на чистую воду?

– А мне это ничем не угрожает? Ведь Роман может после вашего отъезда отомстить мне.

Ларин помолчал немного и решительно ответил:

– Я вам обещаю, что из деревни он вместе с нами уедет и больше сюда не вернется.

– Если это так, то я согласен. Что мне надо делать?

– Ничего особенного. Когда вы собираетесь на моление?

– Завтра вечером у Петра Усени.

– Вот вы завтра выберете момент и скажете громко, обязательно чтобы Марфа и Роман слышали, что видели сон, как тот, кого принесли в жертву святому духу, показывает из могилы руки и ноги свои.

– Вы думаете, что они убили Виктора?

Ларин положил на его колено руку:

– А вы, Иван Антонович, так не думаете?

– Да, была у меня такая мысль. А Роман не сделает со мной что-нибудь или с детьми той же ночью?

– Не сомневайтесь. Мы будем вас охранять.

– Хорошо. Я скажу так.

– Ну вот и договорились, – сказал Ларин, вставая со стула.

Лепетюха был задумчив и, прощаясь, сказал:

– Если вы уберете отсюда Романа, то я тут же брошу это дело, надоело оно мне! Да и община наверняка распадется. Многие туда ходят только из-за него...

После его ухода Ветров, Дегтярев, Ларин и Яськов допоздна сидели над планом действий для всей группы, которая завтра соберется полностью недалеко от деревни. Договорились, что Яськов рано утром их встретит в районном центре и проводит на место.

В эту ночь все спали беспокойно...

Как и было задумано, Яськов встретился со своими на опушке леса недалеко от деревни. Нежелательно, чтобы появление в селе группы незнакомых людей было кем-либо замечено. Поэтому решили не рисковать: все появятся на своих местах, когда стемнеет.

Ветров подробно инструктировал каждого участника группы. Яськов и один из приехавших оперативных работников должны были незаметно и неотступно следовать за Славуком. Ветров взял к себе в помощники Ларина. Они должны были следить за Марфой. На троих возлагалась задача – охранять Лепетюху и его семью. Один оперативный работник вместе с водителем составили резерв. Они должны были находиться в машине, спрятанной в небольшой березовой роще, и поддерживать радиосвязь со всеми группами, у которых будут при себе карманные радиостанции...

Летние дни длинные. Но особенно долго тянутся они, когда с нетерпением ждешь вечера.

Ветров лежал на сеновале, уставившись глазами в соломенную крышу. «Все ли сделано? – мысленно задавал он себе десятый раз вопрос. – Кажется, все правильно».

Услышав от Лепетюхи слова о жертве, Славук и Марфа должны обязательно посмотреть на место за-

хоронения Раховского. А когда они придут туда, то можно будет и брать их. А затем обыск, причем самый тщательный. В районном центре уже ждут вызова эксперты, которые примут участие в обыске, отыскании трупа и следов преступления. Главное, чтобы Лепетюха не подвел.

На рынке

Был воскресный день. На огромной площади на окраине небольшого районного городка толпились люди. Слышались визг свиней, ржание лошадей, кудаханье кур. Базар был в самом разгаре. Людей было много. Одни приехали и пришли сюда, чтобы продать, другие – купить. Правда, попадались и такие, кто пришел сюда просто так, как говорится, на людей посмотреть и себя показать. Но таких было мало, большинство – это те, кто имел какой-то интерес или цель.

В ряду, где продавались лошади, пожилой цыган весело торговался с крестьянином. Цыган применял все свое искусство, чтобы убедить хозяина лошади в том, что его лошадь и стара, и больна, и хрома. Он строил на лице брезгливую гримасу, взял кончиками пальцев хвост лошади, чуть приподняв его, сказал:

– Вот видишь, уже не хвост у нее, а огрызок, а ты говоришь, что кобыла молодая. Если это так, то моя теща еще девочка.

Он небрежно опустил хвост и снова зашагал вокруг лошади, оценивая ее осматривая ее.

– Нет, не стоит она таких денег, не стоит, – вдруг он подскочил к продавцу, – слушай, хозяин, давай не по-твоему и не по-моему, выбирай любую половину, и айда вон туда, видишь, где уже покупки замачивают, я угощаю. Как, договорились?

Недалеко от места торга стояли двое. Старик и мужчина помоложе. Они были разными по возрасту, но удивительно похожи друг на друга. Одного роста, одинаковые длинные крючковато-мясистые носы, настояренные, злые глаза. Они не стали дожидаться конца торга, за которым молча наблюдали, и двинулись

дальше, туда, куда показывал рукой цыган – к небольшой лавке, где продавали спиртные напитки.

Мужчины подошли, остановились, молча смотрели на людей, толпившихся у прилавка. Они не торопились подходить к толпе и минут пятнадцать наблюдали за происходящим. Это были Славук и его сын Антон. Наконец старик легонько подтолкнул сына в бок и тихо сказал:

– Ну, что, Антон, начнем?

И, не дожидаясь ответа, двинулся к толпе. Его глаза отыскивали нужного им человека. Славук знал, что тот человек здесь, среди любителей замочить покупку или желающих выпить за чужой счет.

Вскоре его глаза остановились на мужчине.

– Вот он! – выдохнул Славук и повернулся к сыну. – Подойдем, только не дрейфь, веди себя так, как будто с ним давно знаком.

Они подошли к стоявшему среди выпивших мужчине. Славук хлопнул его по плечу:

– Миша, здорово!

Миша был высокого роста, но до того худой, что одежда болталась на нем, как на вешалке. Он посмотрел на подошедших безразлично-потухшим взглядом голубых глаз и негромко ответил:

– Здоровы!

– Я смотрю, ты уже на взводе, а то хотел предложить бутылку на троих раздавить, – Славук указал рукой на сына. – Встретились мы с другом и видим: ты один скучаешь.

Михаил несколько оживился, но в глазах таилась недоверчивость. Он давно не помнил случая, чтобы кто-то пригласил его просто так выпить.

– И что, у вас деньги есть?

– Ради тебя найдем.

– Ну, тогда пошли! – решительно заявил Михаил и первым двинулся к лавке.

Славук не зря разыскивал этого человека. Десять лет назад у Трубкина неожиданно заболела и вскоре умерла жена. Детей у них не было, и остался Трубкин один. У него не было ни друзей, ни родственников. Горевал и веселился сам. Постепенно смирился со сво-

им одиночеством и теперь уже не представлял свою жизнь иной.

Славук узнал о нем несколько дней назад, издали осмотрел его хибарку, стоящую на краю районного городишка, осторожно выпытал у соседей, что он собой представляет, и понял, что лучшей кандидатуры для осуществления своего замысла ему не сыскать. Славук однажды дождался Трубкина и посмотрел на него. Его удовлетворило и то, что Трубкин был почти одного роста с Антоном.

Следующим шагом было знакомство с Михаилом, а там – как сложится. Славук хотел уговорить Трубкина продать свою конуру и объявить знакомым и соседям, что он уезжает куда-нибудь далеко.

Но это были планы, и чтобы они обратились в реальность, отцу и сыну Славукам предстояло действовать.

Славук протянул Трубкину пятерку:

– Иди, купи, тебе без очереди дадут.

Трубкин был уже изрядно пьян и действовал с присущей пьяным людям наглостью. Бесцеремонно расталкивая плечом людей, активно действуя локтями, он пробился к прилавку, возвратился с тремя бутылками вина и, запыхавшись, спросил:

– Где выпьем?

Старший Славук держал себя с Трубкиным так, словно был давно уже знаком. Расчет был прост и точен: Трубкин, будучи почти ежедневно пьяным, не мог помнить всех своих собутыльников, а такая линия поведения Романа Славука давала возможность быстрее сблизиться с Михаилом, установить нужный психологический контакт и сразу же приступить к главному – убедить Трубкина уехать с Антоном. Поэтому он предложил пойти к Трубкину на квартиру.

Дом Михаила был старым, запущенным и маленьким. Небольшая кухня-прихожая с давно некрашенной печью, две комнатки. В первой стоял грубо сколоченный стол, три полуразвалившихся стула и длинная деревянная скамья. Во второй комнате были широкая двухспальная кровать и этажерка, на которой лежала пожелтевшая бумага.

Славуки уселись за стол, а Трубкин вышел из дома. С огорода он принес зеленый лук, свежие огурцы, потом положил на стол кусок сала, хлеб, поставил соль в блюдце и стаканы. После этого удовлетворенно оглядел стол и предложил:

– Ну, что, нальем.

Старший Славук налил по полному стакану, чокнувшись, все трое осушили их и взялись за закуску.

– Давно тебя, Миша, знаю, смотрю на то, как тебя жизнь обидела, и думаю, неужели у тебя нет родных или хотя бы близких друзей, которые в трудную минуту на помощь тебе могут прийти?

Трубкин молча взял кусочек сала, обмакнул перо зеленого лука в соль и, прожевав все это, ответил:

– Нету у меня ни родственников, ни друзей, да и на хрена они мне? Только возня с родственниками... Ну, а что касается друзей, то сам знаешь – им нужен человек с деньгами, а их у меня нет: в хате пусто, в карманах дыры.

– Где ты работаешь?

– От работы кони дохнут, – засмеялся Трубкин и добавил: – Где придется. Каждый день ходить на работу не по мне, подрабатываю где придется. На хлеб да выпивку хватает, а больше мне ничего не надо.

– А одежда? – спросил Антон.

Очевидно, годы безмолвия сказались на его речи. Она была медленной, и слова он произносил по отдельности, отчетливо.

– Что одежда? – не понял Трубкин.

– Я спрашиваю, а одежду ты себе не покупаешь?

– На кой хрен мне эта одежда. Тело прикрыть и соседи что-нибудь дадут, да и спецовок подбросят, вот как эта, – он тронул пальцами пиджак рабочей спецовки, надетой на нем, – и крепкая, и ноская, и гладить не надо.

Старший Славук снова наполнил стаканы, и все с удовольствием выпили. После этого он обратился к Трубкину:

– Слушай, Миша, а ты не хочешь хорошо заработать, ты же не старый, и будь у тебя деньги, ты бы и дом отремонтировал и мебель купил, а там, смотри,

и приоделся бы, и баба подходящая подвернулась, женился бы... Вот возьми моего друга, – и Славук хлопнул по плечу Антона, – живет себе припеваючи, в месяц по тыще загребает и сам себе хозяин.

Славук повернулся к сыну:

– Слушай, Антон, возьми с собой Михаила, помоги ему подзаработать. Сделай человеку доброе дело, он тебя не забудет.

– Всю жизнь не забуду! – пьяно заверил Трубкин. Он уже был в таком состоянии, что скажи ему броситься под несущуюся на полной скорости машину – бросится.

Славук это почувствовал и предложил:

– На, Миша, выпей да сходи к соседям, скажи, что уезжаешь ты надолго, пусть за хатой присмотрят.

Трубкин, еле ворочая языком, ответил:

– Хо-ро-шо, и-иду, д-давай т-только в-выпьем.

Не успели они опорожнить стаканы, как в комнату без стука вошли двое мужчин. Один из них – пожилой, одетый в легкие брюки, майку, – сказал:

– Привет, сосед! Иду мимо с другом, вижу, дверь у тебя открыта, я и говорю ему: «Давай к Мише заглянем, а то небось скучно ему одному». А ты, я смотрю, не один, гости у тебя.

Но Трубкин уже и лыка не вязал. Он попытался сделать рукой что-то наподобие приветственного жеста, но ткнулся носом в закуску.

Мужчина помоложе обратился к Славукам:

– А вы кто будете, люди добрые? Чего вы его так споили? За такие дела вас можно и к ответственности привлечь. Вот возьму сейчас и позову участкового, он как раз здесь через два дома, недалеко находится.

Славуки в один миг поднялись из-за стола. Роман чуть слышно пробормотал слова извинения и, толкая перед собой Антона, выскочил из дома. А молодой человек – это был Ларин – смеющимися глазами посмотрел на соседа Трубкина, сказал:

– Спасибо вам, Аркадий Леонтьевич. Теперь видите, не зря мы с вами пришли.

– Не говорите, товарищ лейтенант, вижу, ваши опасения были не напрасными. Но что будем делать с ним? – и он рукой показал на Трубкина.

– Давайте уложим его на кровать, и пусть спит. Теперь гости уже не вернуться.

Они взяли под руки хозяина, отвели его в другую комнату и, не раздевая, положили на кровать. Затем вышли во двор. К Ларину подошел Яськов:

– Славуки уже, наверное, с километр отмахали. А вам, Аркадий Леонтьевич, спасибо. Что Трубкин делает?

– Спит. Вы можете заниматься своими делами, я посмотрю тут. Хата же Михаила не закрыта.

Работники милиции еще раз поблагодарили его за помощь и сразу же ушли. Они торопились вслед за Дегтяревым, который пошел за Славуками...

Славуки, не торопясь, шли по обочине пыльной проселочной дороги и молчали.

Каждый думал о своем. Первым заговорил Антон:

– Ты хотел его сегодня прикончить?

– Посмотрели бы... – неопределенно ответил Роман, помолчал с минуту и добавил: – Если бы узнали, где деньги лежат, которые, хоть он и говорит, что нет, наверняка есть у него, и документы, и если бы он сказал хотя кому-нибудь из соседей, что уезжает далеко и надолго, то можно было и сегодня... Сам понимаешь, надо все обтяпать так, чтобы соседи паники не подняли, а, наоборот, всем говорили, что уехал человек, и все тут. Черт бы набрал этих двоих! Приперлись не вовремя, а то смотри, может, ты сегодня был бы у меня с документами. Ну, ничего, половина дела уже сделана.

Антон криво усмехнулся:

– Ты считаешь, что убить человека легче, чем познакомиться?

– А что такое человек? Тьфу, – Славук сплюнул на дорогу, – одно только название. Живет он раз, да и то только для того, чтобы умереть, и разницы большой нет, когда умрет.

– А вот ты, батька, хотел бы раньше умереть? Вот, например, сейчас?

– Нет, у меня еще много дел на этом свете, да и кто хочет умирать раньше времени. Другое дело, когда более сильный отнимает жизнь у более слабого – это закон природы. Вот возьми нас с тобой, вдвоем мы –

сила, и если мы захотели убрать этого Мишку со света, то нас никто не остановит.

– А если нас кто-нибудь захочет убрать?

– Никто этого не сделает.

– А милиция?

– Типун тебе на язык!

– Батька, а тебе много раз приходилось убивать?

Славук ответил довольно спокойно:

– Всякое бывало. Запомни, если надо убить, то убивай и только потом никогда не кори себя, иначе мучиться будешь, а жизнь ведь одна, и не надо ее омрачать терзанием совести.

Наконец они вошли в лес. Дорога вела к деревне, где жил Роман, но они свернули в чащу и направились к землянке.

Ларин, Яськов и Дегтярев проводили их до землянки и, не дожидаясь, когда старый Славук пойдет в деревню, сразу же направились к себе. Их волновал вопрос: смог ли Ветров осмотреть во время отсутствия Славуков землянку.

Ветров их поджидал уже давно. Он был расстроен.

– Понимаете, – говорил он коллегам, – повесили они на дверь землянки замок. Я не стал рисковать. Придется дожидаться их задержания.

– Гляди-ка, – произнес задумчиво Яськов, – замок повесили, но сделали это после того, как Роман притащил из дома какой-то длинный предмет, помните?

Ларин, устраиваясь поудобнее, заметил:

– Наверняка обрез или что-нибудь похлеще в землянку Роман занес. Или обыска боится, или решил сына вооружить. Как бы там ни было, когда будем брать Антона, надо нам об этом помнить и быть поосторожней.

– Ничего, братцы, – приободрился Ветров, – чуется мое сердце, что скоро наступит конец этой истории.

– Скорей бы, – мечтательно протянул Ларин, и все заулыбались, так по-детски, непосредственно получились у него.

Не все люди ночью спят

Ночь. Ларин и Ветров спрятались во дворе за кустами сирени. Им хорошо виден вход в дом Марфы. Справа от них метрах в десяти – калитка. Старуха пришла домой около часа ночи. По дороге от дома Усени она никуда не заходила. Им стоило большого труда, чтобы незаметно следовать за ней. И вот уже прошел почти час, как она дома. О том, что не спит, было видно по освещенному электрическим светом окну в первой комнате. Она трижды выходила во двор, приближалась к калитке и долго смотрела в даль чуть освещенной редкими фонарями улицы...

Разговаривать нельзя было – в любую минуту незаметно мог подойти Славук, а ночью в такой тишине даже шепот слышен на несколько метров. Прошел еще час. Напряженный слух оперативных работников уловил осторожные шаги. Это Славук. Он быстро направился к крыльцу, где его ждала старуха:

– Что так долго?

– Да народу еще много ходит по деревне. Пришлось выждать. Где лопата?

– А вот стоит.

И старуха, сойдя с крыльца, взяла лопату, передала ее Славуку.

Ветров, выждав, пока Клещ и Славук скроются за углом дома, шепнул Ларину:

– Позови наших, они где-то здесь, на улице.

Ларин бесшумной тенью выскользнул за калитку. Яськов и Дегтярев, проводив Славука до дома Клещ, не стали заходить во двор, так как знали, что там Ларин и Ветров. Ларин, увидев их, махнул рукой, и через минуту все трое присоединились к Ветрову. Шепотом переговорили, и вскоре работники милиции в том же составе обогнули с двух сторон дом. Славук и старуха стояли в дальнем конце огорода и, по всей вероятности, копали землю.

Когда Ветров и его товарищи осторожно приблизились к ним, то услышали, как Славук раздраженно выговаривал старухе:

– Ну теперь видишь, что все нормально? Какие тут руки или ноги могут торчать, если мы его больше чем на метр зарыли?

– А почему тогда Лепетюха такие слова говорил? Может, он знает что-нибудь об этом?

– Нашла, на кого внимание обращать. Этого Лепетюху самого давно пора на тот свет отправить.

– Может, нам перепрятать его в другое место?

– А для чего? Он здесь хорошо запрятан, да и никто не догадается его здесь искать...

Ветров решил больше не прятаться. Все равно уже почти рассвело, и стоит Славuku и Марфе повернуться, как они их увидят. Поэтому старший лейтенант поднялся и спокойно сказал:

– Это почему же никто не догадается искать Раховского в огороде? А уголовный розыск для чего?

Славук резко повернулся на голос и поднял над собой лопату, но сзади к нему подбежал Яськов со своим напарником и, схватив его за руку, отобрал лопату. После этого ему надели наручники и сразу же повели к дому. Ветров приблизился к Марфе:

– Что же это вы человека по-христиански похоронить не захотели?

Старуха молчала...

Прошло три часа. В доме шел тщательный, но пока безрезультатный обыск. По сантиметрам исследовали большую комнату, и сейчас эксперты соскоблили поверхность пола в первой комнате. Ларин спросил у стоявшей рядом хозяйки дома:

– Давно вы обои клеили?

– В прошлом году.

– Не похоже. А ну, товарищи, давайте снимем их.

Минут через двадцать обои были сорваны. Под ними во многих местах были бурые пятна. Судмедэксперт провел по одному из пятен кисточкой, смоченной перекисью водорода, и сказал:

– Кровь...

Старуха на первом же допросе рассказала все. А Славук пока не признавался. Но когда в его присутствии вырыли из земли труп Раховского, к Славuku снова обратился Ветров:

– Что теперь скажете?

– А что говорить. Бог дал, бог и забрал, а мы только волю его исполнили.

– Слушайте, Славук, неужели вы действительно верите, что бог есть?

– Конечно, верю,

– Нет, Славук, если бы был бог на свете, то не стал бы он поселять на землю таких людей, как вы. Одно только присутствие вас и таких, как вы, людей является самым убедительным доказательством отсутствия бога... Кстати, где ваш сын?

– Какой сын? – бросил растерянный взгляд на Ветрова Славук.

– У вас что, их несколько?

– Нет у меня никакого сына.

– Куда же он исчез?

– У меня никогда сына и не было, – угрюмо ответил Славук.

– Неправда, – резко оборвал его Игорь Николаевич, – у вас были и сын, и жена, и родители. Кого вы прятали здесь в деревне, у себя в доме?

– Никого я не прятал. За что вы на меня зря клепаете?

Ветров сделал небольшую паузу и спокойно сказал:

– Неужели вы думаете, что мы не интересовались вашим прошлым? Нет, Славук, в отношении таких, как вы, мы не имеем права ограничиваться только тем, что вы совершили в настоящее время. Ну, да ладно, – махнул рукой Ветров, – у нас еще будет время поговорить об этом. Сейчас мы лучше пойдем и приведем жениха – вашего сына Антона. Хватит ему сидеть в землянке, пора его на свет божий вытаскивать.

Все увидели, как Славук с позеленевшим лицом медленно опустился на деревянную лавку. Он хрипло спросил:

– Как узнали?

– Очень просто. Это наша обязанность, – ответил с улыбкой Ветров, – нам за это государство деньги платит.

Игорь Николаевич кивнул головой Дегтяреву. Тот пошел следом. Во дворе они взяли двух вновь прибывших коллег и вчетвером направились к лесу. У крайнего дома стоял милицейский «газик». Вскоре маши-

на приблизилась к лесу, где находилась землянка. Оперативники вышли из машины. Вокруг спокойно. Ветров подошел к двери и попытался открыть ее, но дверь была плотно закрыта изнутри.

— Я думаю, если взломать дверь, то рассчитывать на его гостеприимство нам не следует, так что давайте подождем, пока он выйдет сам.

Никто не возражал, они устроились с двух сторон от дверей, прямо на траве.

Солнце уже стояло высоко, после бессонной ночи хотелось спать. И Ветров незаметно для себя задремал. Он не знал, сколько прошло времени, но вздрогнул оттого, что слышался шум засова.

Работники милиции встали по бокам от дощатой двери и, как только она приоткрылась, бросились к ней. Антон опешил и молча смотрел на незнакомых ему людей. Его завели в землянку и осмотрели ее. В углу, в вещевом мешке нашли немецкий автомат и более тысячи патронов к нему, под подушкой, сделанной из сена, обнаружили пистолет системы «Вальтер» с полной обоймой.

Ветров видел, что разговаривать с Антоном бесполезно, и подал команду возвращаться в деревню...

В домах Клещ и Славук еще продолжались обыски. Славук, который уже пришел в себя, увидев сына, глухо сказал:

— Вот видишь, я же тебе говорил, что хорошего от них нам ждать нечего.

— А вы думаете, Славук, — ответил Ветров, — что после всего того, что вы сделали во время войны, люди будут вам благодарны? Вы даже родного сына не пожалели и лишили нормальной человеческой жизни. Сейчас настал час расплаты, и вам придется отвечать за все ваши дела.

Карпович, который стоял недалеко и слышал разговор, добавил:

— Без него в деревне и воздух будет чище.

А день действительно был прекрасным. Ярко светило солнце, вокруг было море зелени, бурлила жизнь.

Ветров посмотрел на чистое безоблачное голубое небо и улыбнулся...

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЧЕРГИНЕЦ

В 1969 году окончил юридический факультет Белорусского государственного университета.

В 1977 году присвоена ученая степень кандидата юридических наук.

С 1981 по 1984 год — начальник управления уголовного розыска МВД БССР.

С 1984 по 1987 год служил в Афганистане.

С 1987 по 1993 год — начальник управления внутренних дел на транспорте МВД Беларуси.

С января 1997 по октябрь 2008 года — член Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, председатель Постоянной комиссии Совета Республики по международным делам и национальной безопасности (1,2 и 3 созывы). Принимал активное участие в работе Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций.

С 1998 года член Совета Парламентского Собрания Союза Беларуси и России, председатель Постоянной комиссии Парламентского Собрания Союза Беларуси и России по вопросам внешней политики, член Постоянной комиссии Межпарламентской ассамблеи СНГ по внешнеполитическим вопросам.

С ноября 2005 года по настоящий момент Председатель Союза писателей Беларуси, член Союза журналистов, Союза кинематографистов Беларуси.

Автор более 50 научных трудов, нескольких сценариев художественных кинофильмов и спектаклей, а также более 40 художественных произведений. Среди них повести «Следствие продолжается» (1977), «Финал Краба» (1979), романы «Приказ № 1» (1985), «Сыновья» (1989), «Тайна Овального кабинета» (2001), «Побег» (2002) и многие другие.

Лауреат международных литературных премий имени А. Фадеева и В. Пикуля, а также многих союзных и республиканских премий, награжден 8 орденами и 30 медалями. За разноплановые достижения в области культуры и науки в 1998 году внесен в Книгу рекордов Гиннеса.

СОДЕРЖАНИЕ

Последний приезд	3
Однажды в марте	125
Свадьбы не будет	243
По божьей воле... ..	359

Литературно-художественное издание

Чергинiec Николай Иванович

СЛУЖБА – ДНИ И НОЧИ

Повести

Ответственная за выпуск *В.И. Волкова*

Подписано в печать 06.06.2016.

Формат 84х108/32. Бумага газетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 26,04. Тираж 2000 экз. Заказ 1742.

ООО «Харвест».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий №1/17 от 16.08.2013.

Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кушман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Белорусский Дом печати».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,

изготовителя, распространителя печатных изданий № 2/102 от 01.04.2014.

Пр. Независимости, 79, 220013, Минск, Республика Беларусь.

«Служба – дни и ночи» – это сборник, в который вошли повести, посвященные жизни и деятельности советской милиции, ее трудным и тревожным будням. Писатель очень хорошо понимает человека, его характер, разбирается в обстоятельствах, которые могли толкнуть его на определенные действия и привести к падению, ему интересна и не безразлична сложная судьба героев. Книги Н.И. Чергинца увлекательны и познавательны. Они помогут читателю лучше понять всю красоту честной, хорошо осмысленной жизни и привить ему нравственные принципы.

Выпуск книги посвящен 100-летию белорусской милиции.

